ГОВАРД ФИЛЛИПС

ЛАВКРАФТ



МИФЫ КТУЛХУ

Ни смерть, ни удары судьбы, ни душевные муки не способны вызвать такое отчаяние, как утрата собственного «я»...

Мифы Ктулху
Говард Филлипс Лавкрафт

Аннотация
Говард Филлипс Лавкрафт. Мифы Ктулху
Собака
Шепчущий из тьмы
Сны в Ведьмином доме
Тень из безвременья
Тварь на пороге
Белый Корабль
Кошки Ултара
Селефаис
Серебряный ключ
Иные боги
Врата серебряного ключа
Взыскание Иранона
Рок, постигший Сарнат

Аннотация

Мифология Ктулху и других темных божеств, рассредоточенная по американским землям. Селефаис, Ультар, Сарнат, Кадат, Аркхем… Покинутые города и те, что существуют на границе сна и воображения. Чистые, с высокими белыми башнями и умопомрачительными арками. Заросшие плесенью и терном, пропитанные затхлым запахом гниющей рыбы. Однако чудовища могут таиться как в развалинах и закоулках, так и в сверкающих палатах. А самые кровожадные и ужасные монстры рождаются в человеческой душе…

Говард Филлипс Лавкрафт
Мифы Ктулху

Серия «*Книга на все времена*»

Перевод с английского



© Перевод. В. Бернацкая, 2021
© Перевод. О. Колесников, 2024
© Перевод. К. Королев, 2023
© Перевод. Ю. Соколов, 2023
© Перевод. С. Лихачева, 2023
© Перевод. О. Алякринский, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Собака

В моем измученном мозгу непрерывно звучит шум рассекаемого со свистом воздуха, хлопанье крыльев и отдаленный, глухой лай гигантской собаки. Это не сон и, боюсь, даже не безумие. Слишком много случилось за последнее время, чтобы можно было предаваться утешительным иллюзиям.

Сент-Джон теперь — изуродованный труп, и только я знаю, как все произошло. Это чудовищно, и я схожу с ума от страха, что и со мной случится такое же. Из таинственных и бесконечных коридоров непознаваемого медленно надвигается темная и бесформенная фигура Немезиды, которая неотвратимо толкает меня к самоубийству.

Боже, прости нашу глупость и нездоровое любопытство, приведшие нас к столь плачевной судьбе! Уставшие от скуки прозаического мира, где быстро приедаются даже любовные утехи и приключения, мы с Сент-Джоном с азартом включились в интеллектуалистскую жизнь, примыкая то к одному, то к другому эстетическому направлению в надежде одолеть завладевшую

нами скуку. На некоторое время нас увлекли загадки символистов и экстазы прерафаэлитов, но со временем мы пресытились ими — они, как и многое другое, потеряли для нас интерес и новизну.

Оставалась надежда на мрачную философию декаданса, но и тут потребовалось все глубже погружаться в ее демонические тайны. Вскоре и Бодлер, и Гюисманс утратили для нас свою остроту, и тогда стало ясно, что удовлетворить нашу ненасытность может только собственный опыт в потусторонних сферах бытия. Эта склонность и привела нас к гнусному занятию, о котором я и сейчас, пребывая в состоянии непрерывного кошмара, вспоминаю со страхом и замиранием сердца. Мы дошли до предела человеческого падения, предавшись отвратительному пороку — грабежу и осквернению могил.

Я не могу поведать все подробности наших чудовищных экспедиций, так же как и перечислить, хотя бы частично, зловещие трофеи, разместившиеся в безымянном музее большого каменного дома, где мы жили вдвоем, обходясь без помощи слуг. Наш музей был богохульственным, не поддающимся описанию местом, где мы с сатанинским, невротическим искусством воссоздавали мир

тления и ужаса, призванный будоражить наши угасающие чувства. Музей содержался в глубочайшей тайне и размещен был под землей. Там огромные крылатые демоны, выточенные из базальта и оникса, извергали из оскаленных пастей причудливый зеленовато-оранжевый свет, а скрытые пневматические трубы, обтянутые красным материалом и сплетенные в причудливые траурные узоры, прятались в тяжелых портьерах. По этим трубам к нам подавались соответствующие нашему настроению запахи. Иногда это был аромат увядших погребальных лилий, иногда — дурманящий запах восточных благовоний, воскуряемых в царственных усыпальницах, иногда — как тяжело вспоминать! — зловонный запах свежеразрытой могилы, от которого захватывало дух.

Вдоль стен зловещего зала стояли застекленные стенды с античными мумиями, чередовавшимися с благопристойными и жизнеподобными творениями современного таксидермиста, а также могильные камни со старейших кладбищ Земли. Ниши заполняли черепа и заспиртованные головы в разной стадии разложения. Здесь можно было увидеть и сгнившую лысую главу какой-нибудь знаменитости, и нежные, чистень-

кие головки младенцев.

Статуи и картины обязательно должны были нести в себе демоническое начало, некоторые из них являлись нашими собственными творениями. В папке из человеческой кожи хранились неизвестные широкой публике диковинные рисунки, которые, как гласила молва, нарисовал сам Гойя, не осмелившийся, однако, признаться в авторстве. Здесь же хранились и отталкивающего вида музыкальные инструменты — струнные, медные и деревянные духовые, — из которых мы с Сент-Джоном извлекали чудовищные, поразительной гнусности диссонансы. В многочисленных горках из черного дерева размещались наши трофеи, добыча из ограбленных могил — немыслимое собрание, следствие нашего безумия и извращенности. Впрочем, не стоит говорить об этой коллекции, слава Богу, у меня хватило мужества уничтожить ее задолго до того, как я решил покончить с собой.

Хищные набеги, принесшие эти сокровища, всегда обставлялись нами как незабываемое эстетическое действо. В отличие от заурядных кладбищенских воров, мы шли на дело при соответствующем настроении, когда нас удовлетворяли пейзаж, обстановка, погода, время

года, насыщенность лунного света. Эти вечера являлись для нас изощреннейшей формой эстетического переживания, и мы тщательно продумывали мельчайшие детали предстоящей операции. Неурочное время, резкая вспышка света или липнущая к лопате сырая земля могли охладить экстатическое возбуждение, неизменно охватывавшее нас, когда земля отдавала нам свои зловещие тайны. Наша тяга к новым местам, к острым ощущениям становилась все более страстной и ненасытной. Сент-Джон был всегда заводилой, он-то впервые и упомянул об этом зловещем, проклятом месте, навлекшем на нас ужасную и неотвратимую кару.

Какой злой рок заманил нас на мрачное голландское кладбище? Начало, я думаю, положили темные легенды, в которых говорилось о похороненном там пятьсот лет назад человеке, тоже промышлявшем на кладбищах и укравшем из богатой гробницы могущественный талисман. Я хорошо помню последние мгновения перед тем, как мы вонзили лопаты в могильную землю. Стояла осень. Бледный свет луны освещал могилы, отбрасывая длинные жуткие тени. Призрачные деревья угрюмо клонились долу, почти касаясь нескошенной травы и вязкой грязи. Сонмища

на редкость крупных летучих мышей носились в лунном свете. Старинная, заросшая плющом церковь устремляла свой шпиль ввысь, как указующий перст. А в отдалении, под тисом, светлячки плясали в воздухе, похожие на догорающие угольки. Ночной ветер доносил до нас вместе с запахом трав и могильной плесени дыхание дальних болот и моря. Но более всего тревожил отдаленный, глухой лай огромной собаки; мы ее не видели и не понимали, где она может находиться. Услышав леденящие душу звуки, мы вздрогнули, вспомнив рассказы крестьян: тот, кого мы разыскивали, погиб на этом самом месте, разорванный в клочья страшным зверем.

Помню, как мы разрывали могилу грабителя, взволнованные неповторимостью мгновения. Еще бы! Призрачный лунный свет, тревожные тени, пугающие контуры деревьев, огромные летучие мыши, танцующие во тьме угольки, тлетворные запахи, жалобный стон ветра и странный приглушенный лай, о котором мы с сомнением думали: не чудится ли он нам?

Наконец наши лопаты стукнулись о что-то твердое. Перед нами был сгнивший продолговатый ящик, покрытый твердой коркой из минеральных солей, отложившихся на нем за

долгие годы пребывания в никем еще не потревоженной земле. Налет придавал ему массивность и прочность. Мы с неимоверным трудом открыли его и с любопытством впились взглядом в его содержимое.

Просто невероятно, до чего хорошо сохранился скелет мертвеца, несмотря на прошедшие пять веков: повреждения виднелись лишь в тех местах, где его коснулись мощные челюсти убийцы. Мы с восхищением разглядывали чистый череп со странно удлиненными белыми зубами, пустые глазницы — бывшее вместилище глаз, горевших тем же ненасытным огнем, что и наши. В гробу лежал также странный, экзотического вида амулет, который покойник, видимо, носил на шее. Это было гротескное изображение припавшей к земле крылатой собаки, или же сфинкса с полусобачьей мордой, выточенное в старинной восточной манере из небольшого кусочка зеленого нефрита. Отвратительные черты этого гнусного существа говорили о жестокости и злобе, в них таилась сама смерть. Понизу была выгравирована надпись на неизвестном ни Сент-Джону, ни мне языке, а на тыльной стороне вместо клейма мастера — зловещий череп с фантастическим орнаментом.

Лишь взглянув на амулет, мы уже знали, что он

должен принадлежать нам. Не зря мы разрыли древнюю могилу, это сокровище стоило того. И хотя его символика была нам непонятна, мы все же решили оставить амулет себе. Впрочем, после тщательного осмотра кое-какие догадки у нас на сей счет появились. Об этой вещи, конечно, не найти ничего в том искусстве и той литературе, которыми интересуются добропорядочные и психически уравновешенные люди. Мы же признали в нем таинственный знак, о коем туманно говорит в своем «Некрономиконе» безумный араб Абдула Альхазред. Амулет указывал на принадлежность к культу пожирателей трупов в недоступном Ленге, расположенном в Центральной Азии. Зловещие контуры самого чудовища также соответствовали описанию старого арабского демонолога. По его словам, они соответствуют метафизической сущности душ тех людей, которые, презрев таинство смерти, пожирают мертвую плоть. Сняв с мертвеца амулет, мы бросили последний взгляд на его выбеленные временем кости и зияющие глазницы, а затем закидали могилу землей, постаравшись придать ей прежний вид. Сент-Джон положил украденный амулет в карман, и мы заторопились прочь от зловещего места. Но не успели мы удалиться, как

летучие мыши стали усаживаться на осквернённую и ограбленную могилу, словно бы в поисках нечистой, проклятой пищи. Осенний свет луны был, впрочем, настолько тусклым, что нам могло померещиться.

Когда на следующий день мы отплывали из Голландии домой, до нашего слуха вновь донесся глухой далекий лай гигантской собаки. Но и в этом мы не были уверены, ведь осенний ветер завывал так заунывно, что смахивал на протяжный вой.

Меньше чем через неделю после возвращения в Англию в нашем доме стало происходить что-то странное. Надо сказать, жили мы как отшельники в старинном замке, расположенном в болотистом уединенном месте, без друзей и слуг, и посетители редко стучали в наши двери.

Теперь же по ночам нас часто беспокоили какие-то шорохи у дверей и за окнами, причем не только первого, но и второго этажа. Однажды при свете луны нам показалось, что огромное темное тело заслонило окно библиотеки, а в другой раз мы готовы были поклясться, что слышали неподалеку шум и хлопанье больших крыльев. Поиски каких-либо следов ни к чему не привели, и мы были склонны все приписать

нашему расстроенному воображению, вспомнив, как на голландском кладбище нам послышался далекий глухой лай. Нефритовый амулет нашел себе пристанище в одной из ниш музея, иногда мы воскуряли там экзотические благовония. Из «Некрономикона» Альхазреда мы многое узнали о его свойствах, а также об отношении к нему духов, чью сущность он символизировал, и то, что мы узнали, наполнило наши души страхом. А затем наступил кошмар.

В ночь на двадцать четвертое сентября 19… года я услышал стук в свою дверь. Полагая, что это Сент-Джон, я пригласил его войти, но в ответ услышал резкий смех. В коридоре было пусто. Я разбудил Сент-Джона, который, конечно же, ничего не слышал, но встревожился так же, как и я. В эту ночь мы опять услышали глухой далекий лай, доносящийся с болот, и на этот раз никаких сомнений в его реальности у нас не возникло.

Спустя четыре дня, когда мы находились в музее, у единственной ведущей из библиотеки двери послышалось осторожное царапанье. А надо сказать, теперь у нас появился, помимо страха перед неведомым, еще один повод для беспокойства: наша чудовищная коллекция получила нежелательную огласку. Что-то метну-

лось от нас, и мы услышали удаляющийся скрип, хихиканье и довольно внятное бормотание. Что это: безумие, бред, явь? Случившееся повергло нас в полную растерянность, в одном лишь не приходилось сомневаться: в бормотании — о ужас! — ясно различались отдельные слова на голландском языке.

Все последующие дни мы жили в атмосфере постоянно нагнетаемого необъяснимыми явлениями страха. Оставалось гадать, не помутился ли у нас обоих рассудок из-за наших противоестественных утех. А может, нами все это время играл неумолимый и неотвратимый рок? Меж тем зловещие предзнаменования случались все чаще: в нашем уединенном замке несомненно поселилось некое злобное создание, чью природу мы никак не могли уяснить, а каждую ночь ветер доносил с болот все более отчетливый дьявольский лай. Двадцать девятого октября мы обнаружили под окном библиотеки следы неизвестного существа, хорошо отпечатавшиеся на сырой земле. Они чрезвычайно озадачили нас, так же как и неизвестно откуда взявшиеся стаи крупных летучих мышей, заполонивших в последнее время замок.

Этот кошмар достиг своего апогея восемнадца-

того ноября, когда некий дикий кровожадный зверь напал на возвращавшегося поздно вечером с железнодорожной станции Сент-Джона и растерзал его. Услышав предсмертные вопли своего друга, я бросился на помощь, но успел увидеть лишь взметнувшийся в лунном свете темный, неясный силуэт и шум крыльев.

Мой друг умирал и не мог связно отвечать на мои вопросы. Только и прошептал: «Амулет… проклятый амулет».

Затем испустил дух — безжизненная груда истерзанной плоти.

В следующую полночь я похоронил Сент-Джона в нашем запущенном саду, пробормотав над телом его одно из тех дьявольских заклинаний, которыми он так увлекался при жизни. При последних словах с болота донесся глухой лай огромной собаки. Луна уже взошла, но я долго не осмеливался оглянуться в ту сторону, откуда слышался лай. Когда ж увидел, как в тусклом свете огромная неясная тень прыгает по болоту с кочки на кочку, зажмурился и упал лицом в траву. Не знаю, сколько я так пролежал, но когда, шатаясь и все еще дрожа от страха, вернулся в дом, то немедля дал себе перед амулетом из зеленого нефрита страшную клятву.

Жить одному в старинном замке на болотах мне было невмоготу, и на следующий же день я сжег бóльшую часть наших чудовищных экспонатов, закопал остальные и тут же переехал в Лондон, захватив с собой амулет. Однако на третью ночь я вновь услышал лай, а с конца недели мне повсюду мерещились устремленные на меня чьи-то глаза. Однажды, совершая вечернюю прогулку по набережной Виктории, я увидел на воде большую темную тень. В тот же миг сильный вихрь пронесся рядом со мной, и я понял, что не миновать мне судьбы Сент-Джона.

На следующий день я тщательно упаковал нефритовый амулет и отплыл в Голландию. Кто знает, смогу ли я рассчитывать на прощение, но сердце подсказывало: испробуй и это. Неизвестно, что за собака преследует меня и почему, но ведь не случайно мы впервые услышали ее лай на старом кладбище, да и все последующие события, в том числе и предсмертные слова Сент-Джона, говорили о том, что павшее на нас проклятье связано с кражей. Можете представить себе мое отчаяние, когда, прибыв в Роттердам, я обнаружил, что воры похитили у меня амулет — единственное средство к спасению.

Ночью собака лаяла особенно грозно, а утром

я прочитал в газетах о таинственном происшествии в городских трущобах. Воровская чернь была в смятении, эти служители зла никогда еще не оказывались свидетелями столь жестокого и кровавого преступления. В одном из воровских притонов неизвестный ночной гость разорвал на куски всю семью и скрылся, не оставив никаких следов. Соседи вспоминали, правда, что всю ночь им слышался глухой, отдаленный лай, принадлежащий, по-видимому, гигантской собаке.

И вот я наконец снова стою на этом жутком погосте. Бледная луна так же мертвенно освещает все вокруг, а голые деревья мрачно склоняются к покрытой инеем траве и застывшим комьям грязи. Увитая плющом церковь высокомерно устремляет свой шпиль в недружелюбное небо, а ветер дует с замерзших болот и холодного моря, завывая, как маньяк. Лай еле слышался, а когда я приблизился к старой могиле, и совсем умолк. Именно эту могилу мы недавно осквернили и, объятые страхом, бежали отсюда прочь, оставив за собой огромную стаю летучих мышей, с любопытством круживших над могильным холмом. Не знаю, почему я прибыл сюда, а не стал молиться у себя дома, каясь и испрашивая прощенья у покоящихся здесь безмолвных белых костей. Я

бездумно вонзил лопату в полузамерзшую землю, во всех моих действиях почти отсутствовала воля — я как бы исполнял решение, принятое кем-то другим. Копалось легче, чем можно было предположить, и я отвлекся лишь однажды, когда из неприветливой небесной мглы стрелой спланировал худой как щепка ястреб и, смело усевшись на груду земли, начал что-то клевать. Я убил его ударом лопаты. Добравшись наконец до полусгнившего продолговатого ящика, отодвинул сырую, покрытую плесенью крышку. Это было мое последнее разумное действие.

Ограбленный нами скелет лежал в старом гробу, плотно окруженный чудовищной свитой из огромных, ширококрылых, крепко спящих летучих мышей. Теперь он не выглядел уже столь мирно, а был весь покрыт спекшейся кровью, кусочками мяса, вырванными клочьями волос. Скелет злобно глядел на меня светящимися во мгле пустыми глазницами, а потом ухмыльнулся, как бы предвидя мой неизбежный конец и обнажив при этом острые, выпачканные кровью клыки.

А когда из оскаленной пасти вырвался низкий злобный лай, который мог бы принадлежать крупной собаке, я увидел в мерзких зубах чудо-

вища украденный и вновь обретенный амулет из зеленого нефрита. Я громко закричал и бросился как безумный прочь, и крики мои скоро перешли в истерический хохот.

Безумие разносится, как ветер… в течение веков клыки и зубы оттачиваются на трупах… кровью истекают жертвы среди вакханалии летучих мышей, живущих в руинах заброшенных храмов Велиара… Лай костлявого чудовищного мертвеца слышится все громче, все ближе шум и хлопанье проклятых крыльев, они как бы плетут паутину вокруг меня. Мне остается лишь поднести к виску пистолет — только он один может даровать забвение от того неведомого, чего никогда не познать человеку.

Шепчущий из тьмы

I

Запомните накрепко: в последний момент никакого зримого ужаса я не увидел. И сказать, будто окончательный вывод я сделал в состоянии психологического шока — последней соломинки, заставившей меня среди ночи спешно покинуть уединенную ферму Эйкли и помчаться в его автомобиле по безлюдной дороге меж округлых холмов Вермонта, — значит игнорировать элементарные факты. Невзирая на все серьезные вещи, которые я увидел и услышал, невзирая на всю наглядность впечатления, произведенного на меня этими тварями, я даже теперь не могу в точности сказать, прав я был или нет, придя к ужасающему умозаключению. Ведь, в конце концов, исчезновение Эйкли ни о чем не говорит. В его доме не нашли ничего подозрительного, за исключением следов от пуль, продырявивших стены снаружи и внутри. Можно было подумать, что он просто вышел на прогулку по окрестным горам и не вернулся. Ничто не указывало на то, что в доме побывали некие гости, и в его кабинете

не нашли тех жутких металлических цилиндров и машин. А в том, что высокие лесистые горы и бесконечный лабиринт журчащих ручьев, среди которых он родился и вырос, внушали ему смертельный ужас, тоже нет ничего необычного; ведь тысячи людей подвержены аналогичным болезненным страхам. Странное же поведение, как и обуревавшие его приступы страха, можно легко объяснить эксцентричностью натуры.

События, сыгравшие столь значительную роль в моей жизни, случились во время печально знаменитого Вермонтского наводнения 3 ноября 1927 года. Тогда — как и сейчас — я преподавал литературу в Мискатоникском университете в Аркхеме, штат Массачусетс, и изучал древние поверья Новой Англии. Вскоре после того небывалого в истории наводнения среди множества публикаций в прессе о разрушениях, бытовых тяготах населения и помощи пострадавшим появились и странные сообщения о существах, обнаруженных в речных запрудах; тогда многие мои знакомые пустились с азартом обсуждать эти новости и попросили меня пролить свет на сей предмет. Мне было лестно сознавать, что они столь серьезно относятся к моим штудиям местного фольклора, и я постарался разоблачить те дикие россказни,

которые, как мне представлялось, выросли на почве невежественных деревенских суеверий. Меня немало забавляло, как некоторые весьма образованные люди с полной серьезностью настаивали на том, будто циркулировавшие слухи основывались на фактах — пусть даже искаженных и неверно истолкованных.

Источником небылиц, привлекших мое внимание, были главным образом газетные публикации; впрочем, одну историю, или скорее сплетню, мой приятель узнал из письма матери, жившей в Хардвике, штат Вермонт. В нем описывалось примерно все то же самое, что и в прочих слухах, но речь шла о трех не связанных между собой находках — одна была обнаружена в Уинускиривер близ Монпелье, другая — в Вест-ривер в округе Уиндэм за Ньюфаном, а третья — в реке Пассампсик в округе Каледония выше Линдонвилля. Разумеется, разные источники упоминали о множестве находок, но по всему выходило, что они толкуют именно об этих трех. В каждом случае местные жители сообщали о замеченных в бурных водах, что низвергались с пустынных холмов, неких диковинных жутковатых объектах, причем молва связывала эти объекты с циклом тайных и очень древних преданий, о которых

ныне помнили лишь немногие старики.

Людям чудилось, будто они видели фрагменты органических существ, не похожих ни на какие доселе им известные. Естественно, в те трагические дни разлившиеся реки выбрасывали на берег тела погибших при наводнении; но очевидцы, описывавшие странные фрагменты, уверяли, что это не были человеческие останки, хотя и походили на людей размерами и общими очертаниями. Вместе с тем утверждалось, что эти фрагменты явно не принадлежали ни одному из животных, что водятся в Вермонте. Они были розоватого цвета, длиной около пяти футов; по виду напоминали ракообразных и имели множество пар то ли спинных плавников, то ли перепончатых крыльев и несколько пар членистых конечностей, а иные напоминали спиралевидный эллипсоид, покрытый множеством крохотных щупальцев — там, где у обычных ракообразных находится голова. Что особенно удивляло — так это точность, с какой совпадали описания из разных источников. С другой стороны, чему тут удивляться? Ведь старинные легенды этого горного края изобиловали живописными подробностями, которые исподволь питали возбужденное воображение так называ-

емых очевидцев и расцвечивали их россказни. Мой же вывод заключался в том, что очевидцы — а они в каждом случае были наивными и простодушными обитателями провинциальной глуши — замечали в потоках вод изуродованные и вздутые трупы людей и домашних животных; но тем не менее, под влиянием полузабытых местных легенд, приписывали несчастным жертвам наводнения самые фантастические свойства.

Предания старины, туманные, невнятные и большей частью давно забытые нынешним поколением, были весьма необычны и явно отражали влияние еще более древних индейских сказаний. Все это мне было прекрасно известно (хотя никогда до той поры я не бывал в Вермонте) по редчайшей монографии Эли Давенпорта, где описаны устные народные предания, собранные до 1839 года среди долгожителей штата. Эти предания к тому же совпадали с рассказами, которые я лично слышал от стариков в горных селениях Нью-Гэмпшира. Если суммировать все эти рассказы, то в них речь шла о неведомой расе ужасных существ, обитавших в самых отдаленных горных районах — в глухих чащах, на вершинах высоких пиков и в уединенных долинах, где протекают ручьи, берущие начало из неведомых ключей. Этих

тварей редко когда удавалось увидеть воочию, и свидетельства их существования передавались теми, кто некогда отважился зайти на самые дальние склоны гор или спуститься в глубокие горные ущелья, которых избегали даже волки.

На илистых берегах тамошних ручьев и на иссохших клочках земли они находили диковинные отпечатки лап и клешней, а также выложенные из камней таинственные круги с вытоптанной по диаметру травой, которые явно не были созданы природой. А на склонах гор обнаруживались диковинные пещеры неведомой глубины, заваленные — отнюдь не случайно! — гигантскими валунами, и множество следов, ведущих как внутрь пещер, так и прочь от них — если, конечно, направление следов было верно определено. Но хуже того, там были найдены предметы, на которые даже самым безрассудным следопытам редко когда удавалось наткнуться в сумеречных долинах и в непроходимых чащах мачтового леса, далеко за границами областей, обычно посещаемых путешественниками.

Все это вызывало бы куда меньшую тревогу, если бы отрывочные рассказы об этих предметах не были столь похожи. А так сложилось, что почти все местные байки сходились в ряде

важных подробностей: очевидцы уверяли, будто эти существа напоминают гигантских алых крабов с множеством пар лап и с парой огромных крыльев, точно у летучей мыши, посередине спины. Иногда существа передвигались на всех конечностях, но иногда лишь на паре задних лап, используя остальные для переноски крупных предметов неясного назначения. Кто-то однажды наблюдал целую их стаю значительной численности, которая организованно передвигалась по обмелевшей речушке стройными колоннами по трое в ряд. Как-то этих тварей видели в полете — они взмыли с вершины одинокой голой скалы ночью и исчезли в вышине, шумно махая огромными крыльями и на миг заслонив яркий диск луны.

Похоже, горным чудовищам не было дела до людей, хотя их кознями объясняли загадочные исчезновения поселенцев — особенно тех, кто намеренно строил дома слишком близко к печально известным долинам или слишком высоко на склонах печально известных гор. Многие места в тех краях считались нежелательными для поселения, причем даже и после того, как повод для этого общераспространенного опасения давно позабылся. На иные окрестные горы люди

смотрели с содроганием, хотя никто уже и не помнил, сколько поселенцев пропало в горных лесах и сколько домов сгорело дотла у подножия этих угрюмых зеленых часовых.

Согласно самым ранним легендам, жуткие твари нападали лишь на тех, кто осмеливался нарушать пределы их владений, но вот более поздние поверья рассказывали о том, что они выказывали любопытство в отношении людей и даже высылали тайные отряды слежения за поселенцами. Известны также рассказы о странных отпечатках когтей, что находили по утрам на оконных рамах фермерских домов, а также об исчезновении людей вдали от всем известных опасных мест. И еще рассказывали о странных жужжащих голосах, явно копирующих человеческую речь, которые делали ужасающие предложения одиноким путникам на тропинках или проезжих дорогах в лесных чащах, и о детишках, насмерть перепуганных увиденным или услышанным в тех местах, где вековые леса вплотную подступали к их жилищам. И наконец, в преданиях совсем недавнего прошлого — когда все прежние суеверия уже стерлись из памяти и люди вовсе перестали посещать те заповедные места — фигурируют ужасные истории об

отшельниках и обитателях уединенных ферм, которые внезапно подвинулись рассудком и будто бы продали душу богомерзким тварям. А в одном из северо-восточных округов в самом начале XIX века возникло даже поветрие обвинять эксцентричных и нелюдимых затворников в том, что они-де заключили союз с отвратительными тварями или стали их посланцами в нашем мире.

Что же до самих тварей, то тут описания, понятное дело, разнились. Обыкновенно их называли «те самые» или «те древние», хотя в разных местах бытовали и другие термины, но они не смогли закрепиться надолго. Возможно, многие поселенцы-пуритане считали их порождением дьявола и на этом основании пускались истово строить теологические спекуляции. Те же, в чьих жилах текла кельтская кровь — а таковыми были нью-гэмпширские потомки шотландцев и ирландцев и их сородичи, прибывшие в Вермонт осваивать дарованные губернатором Уэнтвортом земли, — связывали этих тварей со злыми духами или болотным «малым народцем» и оберегали себя от их козней заговорами, передававшимися из поколения в поколение. Но самые фантастические домыслы на их счет распространяли местные индейцы. При всем

различии древних сказаний у разных индейских племен они совпадали в некоторых важнейших деталях. Так, существовало единодушное мнение, что эти твари — порождение не земного мира. В изобилующих живописными подробностями мифах пеннакуков[1] рассказывается, что Крылатые прилетели с неба, с Большой Медведицы, и вырыли в земных горах глубокие шахты, где они добывают особые минералы, которых не найти нигде в других мирах. Они вовсе не поселились на Земле, говорят нам мифы, а просто выставили тут временные форпосты и регулярно летают к своим звездам в северной части неба с грузом добытых минералов. И уничтожают они лишь тех земных жителей, которые подбираются к ним чересчур близко или пытаются их выслеживать. Дикие звери сторонятся их из природного инстинкта, а не потому, что твари на них охотятся. Питаться земными растениями и животными Пришлые не могут, поэтому они принесли с собой свою пищу с далеких звезд. Подходить к их колониям опасно — вот почему молодые охотники, забредавшие в облюбованные тварями горы, пропадали навсегда. Столь же опасно вслушиваться в их ночное

[1] Примечания: 1

Пеннакуки — индейцы Северной Америки (группа алгонкинов).

перешептывание в лесах, когда они жужжат точно пчелы, пытаясь подражать человеческой речи. Им ведом язык всех людей — пеннакуков, гуронов[2], пяти ирокезских племен[3], — но у них самих, похоже, нет своего языка, да они в нем и не нуждаются. Они переговариваются, меняя цвет головы, что и служит им для передачи осмысленных сообщений.

Разумеется, все легенды и предания, как индейские, так и белых поселенцев, в течение девятнадцатого века почти полностью забылись, лишь местами сохраняясь в форме древних суеверий. После того как жители Вермонта прочно обосновались на земле и начали строить дороги и поселения по четкому плану, они все реже вспоминали о старинных страхах и запретах, в угоду которым эти планы составлялись. Большинство фермеров просто знали, что такие-то горные районы издавна считаются опасными, невыгодными для освоения или непригодными

---

[2] Примечания: 2

Гуроны— в XVI — XVII вв. конфедерация индейских ирокезоязычных племен. Современные гуроны сильно ассимилированы франкоканадцами и говорят на французском языке.

[3] Примечания: 3

Союз пяти народов— группа ирокезских племен, обитавших на северо-востоке современных США и сформировавших около 1570 г. Союз племен ирокезов, иначе именуемый Ирокезской лигой. Первоначально племен было пять.

для проживания, и чем дальше от них держаться, тем лучше. Со временем вошедшие в привычку обычаи и соображения экономической выгоды столь глубоко укоренились, что поселенцам более не было смысла выходить за границы своих мест обитания, а запретные горы так и остались необитаемыми — скорее волею случая, нежели по умыслу. И за исключением нечастых вспышек панических страхов в тех местах, лишь суеверные старухи да девяностолетние деды, вспоминая свою юность, судачили о тварях, обитающих в дальних горах; но даже пересказывая шепотом древние предания, рассказчики соглашались, что теперь нечего бояться тварей, ведь они давно смирились с присутствием ферм и поселков, коли люди раз и навсегда оставили их в покое, не посягая на выбранные ими для обитания места.

Все это мне давно было известно из книг и устных преданий, собранных мною в Нью-Гэмпшире; вот почему, когда после наводнения появились все эти нелепые слухи, я легко догадался, на какой благодатной почве они возникли. Мне стоило немалых усилий объяснить все это моим друзьям, и меня соответственно позабавило, когда некоторые особливо задиристые спорщики продолжали настаивать, будто во всех этих

нелепых сообщениях содержится изрядная доля истины. Эти упрямцы указывали на то, что все древние предания объединяет сходство общей канвы событий и деталей и что было бы крайне глупо безапелляционно судить о таинственных обитателях малоизученной вермонтской глухомани. Их сомнения не могли развеять даже мои заверения, что все мифы повторяют хорошо известную, общую для всего человечества сюжетную структуру и что они возникли на ранних стадиях творческой деятельности человека и отражают одинаковые заблуждения.

Было бесполезно доказывать таким оппонентам, что в сущности вермонтские мифы мало чем отличаются от универсальных легенд о персонификации природных явлений, благодаря которым Древний мир населяли фавны, дриады и сатиры, а уже в современной Греции возникли легенды о калликанзарах[4], а в древнем Уэльсе и Ирландии — предания о троглодитах и землероях, жутких существах, обитающих глубоко под землей. И было бесполезно ссылаться на удивительно схожую веру народов горного Непала в ужасного Ми-го или «мерзких снежных людей»,

[4] Примечания: 4

Калликанцары— демоны в греческом фольклоре, которые появляются в мире людей на Рождество.

что бродят по ледникам Гималайских хребтов. Когда я сослался на эти факты, мои оппоненты обратили их против меня, увидев в них намек на историческую достоверность старинных преданий и лишний аргумент в пользу реального существования диковинной расы древних обитателей Земли, вынужденных прятаться от господствующего на планете homo sapiens и, с большой долей вероятности, кое-где доживших до относительно недавних времен — а то и существующих по сей день.

И чем больше я поднимал на смех теории моих друзей, тем с большим упорством они настаивали на их истинности, добавляя, что даже без влияния древних мифов недавние сообщения слишком недвусмысленны, подробны и объективны, чтобы от них можно было просто отмахнуться. Два-три самых отъявленных фанатика сослались на древние индейские сказания, в которых говорилось о внеземном происхождении таинственных тварей, и цитировали экстравагантные писания Чарльза Форта, уверявшего, будто посланцы иных миров из глубин космоса частенько посещали нашу Землю в прошлом. Большинство же моих противников, однако, были всего лишь романтиками, упрямо пытавшимися пересадить

на реальную почву фантастические вымыслы о таинственном «малом народце», которые популяризовал блистательный мастер литературы ужасов Артур Мейчен.

II

Естественным образом так получилось, что наши острые дебаты в конце концов были опубликованы в форме писем, направленных в редакцию «Аркхем эдвертайзер»; кое-какие из них были затем перепечатаны в газетах тех районов Вермонта, где и возникли фантастические россказни в связи с недавним наводнением. «Ратлэнд геральд» посвятила половину полосы выдержкам из писем с обеих сторон, в то время как «Братлборо реформер» полностью перепечатала мой обширный историко-мифологический обзор, проницательно снабдив публикацию глубокомысленным комментарием своего обозревателя, пишущего под псевдонимом Пендрифтер, который целиком и полностью поддержал и одобрил мои скептические выводы. К весне 1928 года я стал в Вермонте чуть ли не местной знаменитостью, притом что никогда не посещал этот штат. Вот тогда-то я и начал получать от Генри Эйкли письма с опровержениями моих взглядов, кото-

рые произвели на меня глубокое впечатление и вынудили в первый — и последний — раз в жизни посетить этот удивительный край безмолвных зеленых гор и говорливых лесных ручьев.

Многое из моих сведений о Генри Уэнтворте Эйкли было почерпнуто из переписки с его соседями и его единственным сыном, проживающим в Калифорнии, уже после моего посещения его уединенной фермы. Он был, как я выяснил, последним представителем старинного и уважаемого во всей округе семейства юристов, администраторов и землевладельцев. Однако именно на нем древний род резко уклонился от практических занятий в сторону чистой науки, и он многие годы посвятил изучению математики, астрономии, биологии, антропологии и фольклора в Вермонтском университете. До той поры я никогда не слышал его имени, и он не слишком щедро делился автобиографическими подробностями в письмах, но из них мне сразу стало ясно, что это человек большого ума и эрудиции, с сильным характером, давно уже живущий затворником и посему мало искушенный в обычных житейских делах.

Несмотря на всю фантастичность высказанных Эйкли идей, я с самого начала отнесся к

нему куда более серьезно, чем к кому-либо из иных своих оппонентов. Во-первых, он, похоже, и впрямь сталкивался с конкретными явлениями — зримыми и осязаемыми, — о которых он высказывался в столь фантастической манере; а во-вторых, его отличало подкупающее стремление облекать свои умозаключения в форму предположений и гипотез, как и подобает истинному ученому мужу. Он не старался убедить меня в чем-либо и в своих выводах основывался исключительно на том, что считал неопровержимым свидетельством. Разумеется, первым моим побуждением было объявить его гипотезы ошибочными, но при всем том я не мог не отдать должное его уму и эрудиции. И я никогда не был склонен, в отличие от его знакомых, объяснять взгляды Эйкли, равно как и его безотчетный страх перед безлюдными лесистыми горами вокруг его фермы, безумием. Я убедился, сколь неординарной личностью был этот человек, и понимал, что излагаемые им факты, безусловно, порождены весьма странными и требующими изучения обстоятельствами, — пусть даже они и не вызваны теми фантастическими причинами, на которые он ссылался. Позднее я получил от него и вещественные доказательства, в свете

которых все изложенное им сразу предстало в ином, пугающе-странном виде.

Я не могу придумать ничего лучше, нежели полностью пересказать, насколько это возможно, длинное письмо, в котором Эйкли поведал кое-что о своей жизни и которое сыграло поворотную роль в моей интеллектуальной биографии. Я более не располагаю этим письмом, но в моей памяти запечатлелось буквально каждое слово; и я вновь хочу подтвердить, что не сомневаюсь в душевном здоровье его автора. Вот это письмо — дошедший до меня текст, замечу, был написан несколько старомодными затейливыми каракулями, что вполне соответствовало образу ученого отшельника, почти не поддерживающего связей с внешним миром.

п/я № 2
д. Тауншенд, округ Уиндхэм, Вермонт.
5 мая 1928 года
Альберту Н. Уилмарту, эск.,
Солтонстолл-ст., 118,
Аркхэм, Масс.

Уважаемый сэр,

я с большим интересом прочитал в «Братлборо реформер» (от 23 апреля 1928 г.) перепечатку

Вашего письма касательно недавних сообщений о странных телах, замеченных в наших реках во время наводнения прошлой осенью, и о любопытных народных преданиях, с которыми они столь детально совпадают. Легко понять, почему у чужака возникла высказанная Вами точка зрения и по какой причине м-р Пендрифтер с Вами согласился. Подобной позиции обыкновенно придерживаются образованные люди как в самом Вермонте, так и за его границами, таковой была и моя собственная позиция в юности (сейчас мне 57 лет), задолго до того, как научные изыскания общего характера и изучение книги Давенпорта заставили меня обратиться к исследованию некоторых здешних гор, куда никто не осмеливается заходить.

На эти исследования меня натолкнули странные древние сказания, которые я слышал от престарелых фермеров, не отличавшихся ученостью, но теперь я убежден, что было бы лучше, если бы я не брался за эти изыскания вовсе. Должен сказать, со всем должным смирением, что антропология и фольклор не чужды моим интересам. Я много занимался этими предметами в колледже и хорошо знаком с трудами признанных корифеев в данной области — таких, как

Тайлор[5], *Лаббок*[6], *Фрэзер*[7], *Катрфаж*[8], *Мюррей*[9], *Осборн, Кит, Буль*[10], *Дж. Эллиот Смит и т. д. Мне отнюдь не в новинку, что предания о скрывающихся расах стары как человечество. Я читал перепечатки Ваших писем, а также и тех, кто с Вами согласен, в «Ратлэнд геральд», и, пожалуй, понимаю, в чем суть Вашего диспута.*

Пока же я спешу заявить, что Ваши противники, боюсь, скорее более правы, нежели Вы, хотя, как представляется, здравый смысл на Вашей стороне. Они даже более правы, нежели сами это осознают, — ибо, разумеется, они руководствуются лишь теорией и не могут знать того, что известно мне. Если бы мои познания в данном предмете были столь же ничтожны, я ни за что не поддержал бы их точку зрения. И был бы

---

[5] Примечания: 5

Тайлор Эдуард Бернетт (1832–1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры. Разработал анимистическую (анимизм — вера в души и духов) теорию происхождения религии.

[6] Примечания: 6

Лаббок (Лёббок) Джон (1834–1913) — английский археолог и историк культуры, эволюционист.

[7] Примечания: 7

Фрэзер Джеймс (1854–1941) — известный английский религиевед и этнограф.

[8] Примечания: 8

Катрфаж де Брео Жан Луи Арман (1810–1892) — французский зоолог, эмбриолог и антрополог, противник учения Чарльза Дарвина.

[9] Примечания: 9

Мюррей Маргарет Алиса (1863–1963) — английский ученый, египтолог.

[10] Примечания: 10

Буль Пьер Марселен (1861–1942) — французский палеонтолог, автор книги «Ископаемые люди» (1921).

целиком на Вашей стороне.

Как видите, мне весьма непросто перейти к предмету моего письма, вероятно, потому, что меня страшит этот предмет, но дело в том, что я располагаю определенными свидетельствами о жутких лесных тварях, обитающих в горах, где никто не осмеливается ходить. Сам я не видел останки тварей, замеченных после наводнения, как о том писали в газетах, но я лично встречал подобных тварей при обстоятельствах, говорить о коих мне просто страшно. Я видел их следы, которые в последнее время стали появляться в непосредственной близости от моего дома (я живу на старой ферме Эйкли, южнее деревни Тауншенд, на склоне Темной горы). Несколько раз в лесу я слышал голоса, которые не осмелился бы даже вкратце описать.

В одном месте я слышал их настолько долго, что даже записал их с помощью фонографа и диктофона на восковый валик — постараюсь прислать Вам сделанную мной запись. Я воспроизвел эту запись на аппарате и дал ее послушать нашим старикам, и их буквально парализовал страх, когда они услыхали один из голосов, очень похожий на тот, о котором в детстве им рассказывали бабушки и даже пытались имитировать

(о таком же жужжащем голосе в лесу упоминает Давенпорт). Я знаю, как большинство обывателей относится к человеку, который будто бы «слышал голоса», — но прежде чем сделать свой вывод, просто прослушайте мою запись и поинтересуйтесь у кого-нибудь из сельских стариков, что они об этом думают. Если Вы сможете найти этому нормальное объяснение, очень хорошо; но за этим стоит нечто неведомое. Ибо, как Вы сами знаете: Ex nihilo nihil fit[11].

Итак, цель моего письма не в том, чтобы затеять с Вами спор, но предоставить Вам информацию, которую, я полагаю, человек Вашего склада сочтет весьма и весьма интересной. Но это в приватном порядке. Публично же я на Вашей стороне, ибо, как свидетельствует ряд вещей, людям нет нужды знать слишком много об этом деле. Мои собственные исследования носят сугубо частный характер, и я бы не стал делать какие-либо заявления, могущие привлечь внимание широкой публики и побудить людей к посещению обследованных мною мест. Но правда — ужасная правда — в том, что за нами постоянно наблюдают существа внеземного

---

[11] Примечания: 11
Из ничего не возникает ничто (*лат.*).

происхождения, чьи шпионы из числа людей собирают о нас сведения. От одного несчастного человека, который являлся таким шпионом (так он сам утверждал, и я не вижу причин ему не верить), я почерпнул большую часть разгадки этой тайны. Потом он покончил с собой, но у меня есть основания полагать, что, помимо него, есть еще и другие.

Эти твари прибыли с другой планеты, они способны жить в межзвездном пространстве и перемещаться в эфире с помощью неуклюжих, но весьма мощных крыльев; ими довольно трудно управлять, вот почему эти крылья практически бесполезны для полетов в земной атмосфере. Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, если Вы не сочтете меня безумцем, недостойным Вашего внимания. Они прилетают к нам ради добычи металлов в глубоких горных шахтах, и, мне кажется, я знаю, откуда они родом. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может предсказать, что произойдет, если мы будем проявлять слишком большое любопытство. Разумеется, армия вооруженных людей могла бы стереть с лица земли их горную колонию. Вот этого они и опасаются. Но если так случится, из космоса сюда прилетят их

бесчисленные полчища. Они с легкостью смогут завоевать Землю и до сих пор не пытались этого сделать только потому, что это им не нужно. Они скорее оставят все как есть — лишь бы не предпринимать лишних усилий.

Я думаю, они хотят избавиться от меня — из-за моих открытий. В лесу на Круглом холме, что к югу отсюда, я нашел большой черный камень, покрытый полустертыми загадочными иероглифами; и после того, как я принес его домой, все изменилось. Если твари сочтут, что я узнал о них слишком много, они меня либо убьют, либо утащат с Земли на свою планету. Они имеют обыкновение время от времени похищать кого-нибудь из наших ученых, чтобы оставаться в курсе событий человеческого мира.

Итак, я подошел ко второй цели моего обращения к Вам, а именно: побудить Вас притушить разгоревшийся в прессе спор, а не раздувать его ради более широкой огласки. Местные жители должны держаться подальше от этих гор, и, чтобы отвадить их, нам не следует возбуждать любопытство публики. Бог свидетель, местных жителей и так подстерегает масса иных опасностей, исходящих от предпринимателей и торговцев недвижимостью, наводнивших Вер-

монт, и от орд дачников, спешащих захватить свободные участки земли и застроить горные склоны дешевыми коттеджами.

Буду рад получить от Вас ответ и попытаюсь отправить Вам экспресс-почтой фонографический валик с записью и черный камень (надписи на нем настолько стерты, что никакая фотография их не передаст), если Вы соизволите проявить свой интерес. Я говорю «попытаюсь», ибо думаю, что эти мерзкие твари способны вмешиваться в ход событий. Есть тут у нас один тип по имени Браун, угрюмый и скрытный, он живет на ферме неподалеку от нашей деревни… Так вот, я полагаю, что он их шпион. Мало-помалу твари стараются пресечь все мои связи с внешним окружением, потому что я слишком много узнал об их мире.

Они ухитряются разными способами выведывать все, чем я занимаюсь. Это письмо, возможно, даже не попадет к Вам в руки. Думаю, если ситуация ухудшится, мне придется покинуть родные места и переехать к сыну в Сан-Диего, в Калифорнию, хотя будет очень нелегко покинуть дом, где ты родился и вырос и где прожили шесть поколений твоего рода. К тому же едва ли я осмелюсь продать кому-нибудь дом именно теперь,

когда эти твари взяли его на заметку. Вероятно, они попытаются завладеть этим черным камнем и уничтожить фонографическую запись, но я, если смогу, им в этом воспрепятствую. Мои большие сторожевые псы всегда отпугивают тварей, потому как в здешних краях они все еще малочисленны и боятся разгуливать в открытую. Как я уже сказал, их крылья не приспособлены для коротких полетов над землей. Я вплотную подошел к расшифровке иероглифов на камне и надеюсь, что Вы, с Вашими познаниями в области фольклора, поможете мне восполнить недостающие элементы. Полагаю, Вам многое известно о страшных мифах, предшествующих периоду возникновения человека, — в частности, о циклах Йог-Сотота и Ктулху, на которые есть ссылки в «Некрономиконе». Как-то я держал в руках сию книгу, и, как я слышал, у Вас в университетской библиотеке хранится под замком один ее экземпляр.

В заключение, мистер Уилмарт, хочу выразить убеждение, что с багажом наших знаний мы можем оказаться весьма полезными друг другу. Я вовсе не желаю, чтобы Вы каким-то образом пострадали, и должен Вас предупредить, что обладание камнем и записью представляет опас-

ность; но я уверен, что Вы сочтете любой риск во имя знания оправданным. Я поеду в Ньюфан или Братлборо, чтобы отправить Вам все, что Вы сочтете желательным, так как тамошняя почтовая служба заслуживает больше доверия, чем наша. Должен заметить, что теперь я живу в совершенном одиночестве, ибо никто из местных не хочет наниматься ко мне на ферму. Они боятся тварей, которые по ночам подбираются близко к дому, заставляя моих псов беспрестанно лаять. Мне остается радоваться, что я не увлекся всеми этими вещами еще при жизни моей жены, ибо все это свело бы ее с ума.

С надеждой, что Вы не сочтете меня чересчур назойливым и захотите связаться со мной, а не выбросите это письмо в мусорную корзину, сочтя его бредом сумасшедшего, остаюсь

искренне Ваш,

Генри У. Эйкли.

P. S. Я собираюсь сделать дополнительные отпечатки некоторых фотографий, которые, надеюсь, помогут проиллюстрировать ряд моих утверждений. Местные старики находят их отвратительными, но правдоподобными. Я их незамедлительно вышлю, если Вам интересно.

Г. У. Э.

Трудно описать чувства, охватившие меня при первом прочтении этого странного документа. По здравом размышлении подобные экстравагантные излияния должны были рассмешить меня куда сильнее, чем значительно более безобидные измышления простаков, ранее вызвавшие мое бурное веселье. Но что-то в тоне письма заставило меня отнестись к нему, как ни парадоксально, с исключительной серьезностью. Не то чтобы я хоть на секунду поверил в существование загадочных обитателей подземных шахт, прилетевших с далеких звезд, о чем рассуждал мой корреспондент; но, отбросив первые сомнения, я необъяснимым образом поверил в полное здравомыслие и искренность Эйкли, как и в его противостояние с неким реально существующим и весьма загадочным феноменом, который он не мог объяснить никак иначе, кроме как призвав на помощь свое буйное воображение. Все обстояло совсем не так, как ему казалось, размышлял я, но, с другой стороны, эта тайна требовала тщательного расследования. Несомненно, его сильно взволновало и встревожило нечто странное, и едва ли его волнение и тревога были беспричинны. Он был по-своему конкретен и логичен, и, что особенно любопытно, его повесть четко

укладывалась в сюжеты древних мифов, в том числе самых невероятных индейских преданий.

Вполне возможно, что он на самом деле слышал в горах пугающие голоса и на самом деле нашел черный камень, но из этого он делал совершенно безумные выводы, вероятно, по наущению человека, которого он счел шпионом космических пришельцев и который позднее покончил с собой. Легко предположить, что этот человек был не в своем уме, но, возможно, в его россказнях простодушный Эйкли обнаружил крупицу очевидной, но извращенной логики, заставившей его — уже готового к подобным вещам благодаря многолетнему изучению фольклора — поверить в эти бредни. Что же до последних событий — а именно отказа местных жителей наниматься к нему на работы, — то, видимо, малодушные односельчане Эйкли были в не меньшей степени, чем он, уверены, что его дом по ночам подвергается нашествию жуткой нечисти. И что еще важно: собаки ведь лаяли!

И потом, упоминание про фонограф и записанные на нем голоса — у меня не было оснований не верить, что он сделал подобную запись в горах именно при тех самых обстоятельствах, о коих он мне поведал. Но что это было — то ли звериный

вой, ошибочно принятый им за человеческую речь, то ли голос скрывающегося в лесу одичавшего человека? Размышления привели меня к черному камню, испещренному загадочными иероглифами, и я стал ломать голову над тем, что бы это значило. А потом задумался о фотоснимках, которые Эйкли обещал мне переслать и которые его соседи-старики сочли столь устрашающе правдоподобными…

Перечитывая его каракули, я проникался убеждением, что мои доверчивые оппоненты, возможно, имели для своего мнения куда больше оснований, чем мне ранее казалось. В конце концов, странные человекоподобные существа с признаками наследственного вырождения и впрямь могут обитать в безлюдных горах Вермонта, хотя они, конечно, не являются теми рожденными на далеких звездах монстрами, о которых толкуют народные поверья. А если эти твари и впрямь существуют, то тогда находки странных тел в разлившихся реках едва ли можно считать сплошной выдумкой. Не слишком ли самонадеянным было мое предположение, будто старинные сказания, как и недавние газетные сообщения, очень далеки от реальности? Но даже при возникших у меня сомнениях мне было

стыдно сознавать, что пищей для них послужили причудливые фантазии экстравагантного Генри Эйкли.

В конце концов я ему написал, выбрав тон дружелюбной заинтересованности и попросив сообщить мне более подробные детали. Через пару дней пришел ответ. Как Эйкли и обещал, он сопроводил письмо несколькими фотоснимками сцен и предметов, иллюстрирующих его рассказ. Вытащив фотографии из конверта и взглянув на них, я испытал ужас от внезапной близости к запретному знанию; ибо, невзирая на размытость большинства снимков, они источали некую сатанинскую власть внушения, и власть эту лишь усиливал факт их несомненной подлинности — как оптического доказательства реальности запечатленных объектов и как результата объективной передачи странных изображений без предвзятости, искажения или фальши.

Чем дольше я рассматривал фотоснимки, тем более убеждался в том, что моя легковесная оценка личности Эйкли и его рассказа безосновательна. Безусловно, эти изображения служили неоспоримым свидетельством присутствия в горах Вермонта чего-то такого, что явно выходило за пределы наших знаний и верований. Самое

жуткое впечатление производила фотография отпечатка лапы — снимок, сделанный в тот момент, когда солнечный луч упал на влажную землю где-то в пустынном высокогорье. Это не было дешевым надувательством — что было ясно с первого взгляда, ибо отчетливо видимые камушки и травинки служили четким ориентиром масштаба изображения и не оставляли возможности для трюка с фотомонтажом. Я назвал изображение отпечатком лапы, но правильнее было бы назвать это отпечатком клешни. Даже сейчас я вряд ли смогу описать его точнее, чем сказать, что след походил на отпечаток гигантской крабьей клешни, причем направление ее движения определить было невозможно. След был не слишком глубоким, не слишком свежим, а размером примерно соответствовал ступне взрослого мужчины. По краям следа располагались отростки, похожие на зубья пилы, чье назначение меня озадачило: я не мог с уверенностью сказать, что этот орган служил для передвижения.

На другой фотографии — явно сделанной с большой выдержкой в густой тени — виднелся вход в лесную пещеру, закрытый огромным валуном. На пустой площадке перед пещерой можно было различить множество странных следов, и,

рассмотрев изображение с лупой, я вздрогнул, поняв, что эти следы схожи с отпечатком лапы на первой фотографии. На третьем фотоснимке был запечатлен сложенный из камней круг, напоминающий ритуальные постройки друидов, на вершине поросшего лесом холма. Вокруг загадочного круга трава была сильно вытоптана, хотя никаких следов — даже с помощью лупы — я не обнаружил. О том, что это глухое место находится вдалеке от обжитых районов штата, можно было судить по бескрайним горным грядам на заднем плане, что тянулись далеко к горизонту и тонули в дымке. Но если изображение лапы-клешни вызвало в моей душе некую невнятную тревогу, то крупный черный камень, найденный в лесу на Круглом холме, наводил на определенные мысли. Эйкли сфотографировал камень, лежащий, по-видимому, на его рабочем столе в кабинете, ибо я заметил на заднем плане книжную полку и бюстик Мильтона. Камень, как можно было догадаться, располагался перед объективом вертикально, обратив к зрителю неровную выпуклую поверхность размером примерно один на два фута; но вряд ли в нашем языке найдутся слова для точного описания его поверхности или формы. Каким принципам внеземной геометрии

подчинялась рука неведомого резчика — а у меня не было ни малейшего сомнения в искусственном происхождении этого каменного изваяния, — я даже отдаленно не мог предположить. Никогда раньше я не видел ничего подобного: этот диковинный камень, несомненно, имел внеземное происхождение. Мне удалось разобрать немногие из иероглифов на его поверхности, и, всмотревшись в них, я испытал настоящий шок. Конечно, эти письмена могли оказаться чьей-то безобидной шуткой, ведь кроме меня есть немало тех, кто знаком с богопротивными строками «Некрономикона», принадлежащими перу безумного араба Абдула Альхазреда; но тем не менее я невольно содрогнулся, узнав некоторые идеограммы, — насколько я знал из своих ученых занятий, они имели прямую связь с леденящими кровь кощунственными заклинаниями существ, пребывавших в безумном полусне-полубодрствовании задолго до возникновения Земли и иных далеких миров нашей Солнечной системы.

На трех из пяти остальных фотографий были запечатлены болота и леса со смутными приметами тайного обитания каких-то омерзительных тварей. Еще было изображение загадочной отметины на земле вблизи дома Эйкли, которую,

по его словам, он сфотографировал на рассвете после той самой ночи, когда его псы разлаялись пуще обычного. След был очень нечетким, и по его виду невозможно было понять, что это такое, хотя он, пожалуй, принадлежал тому же отвратительному существу, что и отпечаток лапы-клешни, сфотографированный в безлюдном высокогорье. На последнем фотоснимке я увидел жилище Эйкли — фермерский дом белого цвета, в два этажа, с чердаком, выстроенный, верно, век с четвертью тому назад, с аккуратно подстриженной лужайкой и мощенной камнями дорожкой, которая вела к двери, покрытой изящной резьбой в георгианском стиле. На лужайке расположились несколько сторожевых псов, а на переднем плане стоял мужчина приятной наружности с коротко стриженной седой бородкой — по-видимому, Эйкли собственной персоной, сфотографировавший самого себя, о чем можно было судить по проводу, соединенному с лампой-вспышкой в его правой руке.

Разглядев фотографии, я обратился к объемистому, написанному убористым почерком письму и в следующие три часа погрузился в глубины несказанного ужаса. То, о чем в предыдущем послании Эйкли упомянул лишь вскользь,

теперь излагалось во всех деталях. Он приводил обширные цитаты из речей, услышанных им ночью в лесу; он подробно описывал жутких розоватых существ, замеченных им в сумерках, а также поведал ужасающую повесть о космических пришельцах, которую он, пользуясь своими разнообразными учеными познаниями, сложил из обрывков бессвязных речей безумного шпиона-самозванца, позднее покончившего с собой. Я едва не запутался в обилии имен и терминов, слышанных мною когда-то давно в связи со зловещими преданиями: Юггот, Великий Ктулху, Цатоггуа, Йог-Сотот, Р'льех, Ньярлатхотеп, Азатот, Хастур, Иан, Ленг, Озеро Хали[12], Бетмура, Желтый Знак, Л'мур-Катулос, Бран и Magnum Innominandum[13], — и перенесся сквозь безымянные эры и непостижимые измерения в миры древнейшего, потустороннего естества, о чьей природе безумный автор «Некрономикона» мог лишь строить догадки самого смутного свойства. Я узнал о бездонном колодце первобытной

---

[12] Примечания: 12

Озеро Хали — имя, придуманное Амброзом Бисом (американский журналист и писатель) для бога пастухов и упомянутое Чемберсом (Роберт Уильям, американский писатель) в «Желтом знаке».

[13] Примечания: 13

Великое Неименуемое (*лат.*).

жизни, и о струящихся в этой бездне потоках, и, наконец, о вытекающем из одного такого потока крошечном ручейке, которому суждено было дать начало жизни на нашей Земле.

Мой мозг пришел в смятенье — если раньше я пытался дать загадочным вещам разумное толкование, то теперь начал верить в самые противоестественные и неправдоподобные чудеса. Я получил массу важнейших свидетельств — многочисленных и ошеломляющих, и хладнокровный научный подход Эйкли — подход, далекий, насколько возможно, от какого бы то ни было безумного фантазирования, истерического фанатизма и экстравагантного философствования, — сильно повлиял на мои мысли и суждения. По прочтении этого жуткого письма я вполне осознал причины обуревавших его страхов и сам уже был готов сделать все, что в моих силах, лишь бы удержать людей от посещения тех пустынных и опасных гор. Даже сейчас, когда время несколько притупило остроту первых впечатлений и заставило меня усомниться в собственной правоте, породив ужасные подозрения, я сохраню в тайне некоторые вещи, о которых говорилось в письме Эйкли и которые я не осмелюсь ни назвать, ни попытаться описать словами. Я даже рад, что и

письмо, и восковой валик с записью, и все фотографии пропали, и лишь сожалею, по причинам, о которых скажу далее, что новая планета за орбитой Нептуна все же была недавно открыта.

После прочтения письма Эйкли я перестал участвовать в публичном обсуждении вермонтского ужаса. Я оставлял аргументы моих оппонентов без ответа или давал невнятные обещания оспорить их в будущем, и постепенно наш спор угас. Весь конец мая и вплоть до 1 июня я переписывался с Эйкли; правда, время от времени наши письма терялись при пересылке, поэтому нам приходилось восстанавливать в памяти их содержание и пересказывать заново. В целом же мы сопоставили свои заметки, относящиеся к малоизвестным ученым трудам по мифологии, и попытались выявить более четкую связь между вермонтскими ужасами и общим корпусом сказаний первобытного мира. Во-первых, мы пришли практически к единодушному мнению, что эти твари и жуткие гималайские Ми-го принадлежат к одной и той же разновидности чудовищ. Мы также выдвинули ряд предположений об их зоологической природе, о чем я горел желанием рассказать профессору Декстеру в своем родном колледже, но Эйкли настрого запретил мне де-

литься с кем-либо нашими открытиями. И если сейчас я готов нарушить его запрет, так лишь по причине своей уверенности в том, что предупреждения об опасностях, таящихся в далеких вермонтских горах, — как и на тех гималайских пиках, которые отважные путешественники с таким азартом планируют покорить, — в большей степени способствуют общественной безопасности, нежели попытки сохранить это в тайне. Одним из важнейших наших совместных достижений обещала стать расшифровка иероглифов, выбитых на ужасном черном камне, — эта расшифровка, к которой мы приблизились, могла дать нам ключ к тайнам, самым значительным и захватывающим из всех, что ранее были ведомы человечеству.

III

В конце июня я получил фонографическую запись, отправленную экспрессом из Братлборо, поскольку Эйкли не был склонен доверять обычной почтовой службе округа. В последнее время он все отчетливее ощущал слежку за собой, и его опасения только усугубились после утраты нескольких наших писем; он сетовал на вероломство некоторых лиц, считая их агентами

затаившихся в горном лесу тварей. Больше всего подозрений у него вызывал неприветливый фермер Уолтер Браун, который жил в одиночестве в обветшалой хижине на опушке густого леса и которого частенько замечали околачивающимся без видимой надобности то в Братлборо, то в Беллоус-Фоллс, то в Ньюфане или Саут-Лондондерри. Эйкли не сомневался, что Браун был одним из участников подслушанной им в ночном лесу жуткой беседы, и как-то раз он обнаружил возле дома Брауна отпечатки лапы или клешни, что счел весьма зловещим знаком, поскольку рядом заметил следы от башмаков самого Брауна, которые вели прямехонько к отпечатку мерзкого чудовища.

Итак, запись была отправлена мне из Братлборо, куда Эйкли добрался на своем «форде» по безлюдным вермонтским проселкам. В сопроводительной записке он признался, что лесные дороги внушают ему страх и теперь он ездит за покупками в Тауншенд исключительно при свете дня. Никому не стоит стараться узнать больше о вермонтском ужасе, снова и снова повторял Эйкли, ну разве лишь тем, кто живет на значительном удалении от этих загадочных необитаемых холмов. Он сам собирался вскоре

переехать на постоянное жительство к сыну в Калифорнию, хотя и признавался, что ему будет тяжело покинуть дом, где многое напоминает о жизни нескольких поколений его семьи.

Прежде чем воспроизвести запись на аппарате, позаимствованном мною в административном здании колледжа, я внимательно перечитал разъяснения Эйкли. Эта запись, по его словам, была сделана около часа ночи 1 мая 1915 года близ заваленного камнем входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной горы, у подножия которого раскинулась заболоченная Пустошь Ли. В тех краях местные жители довольно часто слышали странные голоса, что и побудило его отправиться в лес с фонографом, диктофоном и чистым восковым валиком в надежде записать эти голоса. Богатый опыт фольклориста говорил ему, что канун первого мая — ночь ведьмовского шабаша, если верить мрачным европейским поверьям, — вполне подходящая дата, и он не был разочарован. Впрочем, стоит оговориться, с тех пор никаких голосов в том самом месте он ни разу не слышал.

В отличие от большинства других бесед, подслушанных им ранее в лесу, это был своеобразный обряд, в котором участвовал один явно челове-

ческий голос, принадлежность коего Эйкли не смог установить. Голос принадлежал не Брауну, а весьма образованному мужчине. Второй же голос оказался тем, ради чего Эйкли и предпринял свою экспедицию: то было зловещее жужжание, не имевшее ни малейшего сходства с живым человеческим голосом, хотя слова проговаривались четко, фразы строились по правилам английской грамматики, а манера речи напоминала декламацию университетского профессора.

Фонограф и диктофон работали небезупречно, и, конечно, большим неудобством было то, что голоса звучали издалека и несколько приглушенно, поэтому восковой валик сохранил лишь фрагменты подслушанного обряда. Эйкли прислал мне транскрипцию произнесенных реплик, и, прежде чем включить аппарат, я пробежал ее глазами. Текст был скорее невнятно-таинственным, нежели откровенно пугающим, хотя, зная его происхождение и способ получения, я все равно испытал невыразимый страх.

Приведу текст полностью, каким я его запомнил, — причем я вполне уверен, что точно заучил его наизусть благодаря не только чтению транскрипции, но и многократному прослушиванию записи. Да и как такое забудешь!

(Неразборчивые звуки.)
(Голос образованного мужчины.)

…есть Повелитель Лесов, равный… и дары обитателей Леса… и так, из кладезей ночи в бездну космоса, и из бездны космоса к кладезям ночи, вечная хвала Великому Ктулху и Цатоггуа и Тому, Кто не может быть Назван по Имени. Да пребудет с Ними вечно слава, да будет изобилие Черному Козлу Лесов. Йа! Шуб-Ниггурат! Козел с Легионом Младых!

(Жужжание, подражающее человеческой речи.)

Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!

(Мужской голос.)

И так случилось, что Повелитель Лесов, будучи… семь и девять, вниз по ониксовым ступеням… (вос) славляют Его в Бездне, Азатот, Тот, Кого Ты обучил всем чуде (сам) … на крыльях ночи за пределы бескрайнего космоса, за пределы… Того, чьим последним творением является Юггот, одиноко блуждающий в черном эфире на самом краю…

(Жужжащий голос.)

… ходи среди людей и найди свой путь там, что Он в Бездне может знать.

Ньярлатхотепу, Могучему Посланнику, должно поведать обо всем. И Он облечет себя в подобие людей, надев восковую маску и одеяние, что скроет его, и снизойдет из мира Семи Солнц, дабы осмеять…

(Человеческий голос.)

(Ньярл) атхотеп, Великий Посланник, несущий странную радость Югготу сквозь пустоту, Отец Миллионов Предпочтимых, Ловец среди…

(Голоса обрываются — конец записи.)

Вот что мне предстояло услышать, воспроизведя запись на фонографе. Дрожа от страха, я заставил себя нажать на рычаг; послышался легкий скрип сапфировой иглы звукоснимателя. Признаюсь, я обрадовался, когда до моего слуха донеслись обрывки первых невнятных слов, произнесенных человеческим голосом — приятным интеллигентным голосом, в котором можно было различить нотки бостонского говора и который, безусловно, не принадлежал уроженцу вермонтской глуши. Вслушиваясь в невнятную запись,

я отмечал полное совпадение реплик с транскрипцией Эйкли. Приятный голос с бостонским выговором вещал нараспев… *«Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!..»*

Но затем я услыхал другой голос. До сих пор у меня по коже бегут мурашки, стоит мне вспомнить, как он потряс меня, несмотря на то что после описания Эйкли я был готов услышать что угодно. И все, кому я потом пересказывал содержание этой записи, пытались меня убедить, что это всего лишь дешевое надувательство или речи безумца, но имей они возможность своими ушами услышать те богомерзкие речи или ознакомиться с посланиями Эйкли (особенно с подробнейшим вторым письмом), уверен, они бы отнеслись к этому иначе. Очень жаль, что я в свое время не ослушался Эйкли и не продемонстрировал запись своим знакомым — о чем я особенно сожалею теперь, когда все письма пропали. Мне, посвященному в события, на фоне которых была сделана запись, и услышавшему ее собственными ушами, жужжащий голос внушил невыразимый ужас. Жужжание быстро сменяло человеческий голос в ритуальном диалоге, но в моем воображении оно звучало отвратительным эхом, несущимся на крыльях сквозь невообрази-

мые бездны из адовых глубин космоса. Прошло уже два года с тех пор, как я в последний раз запускал этот дьявольский восковой цилиндр, но и сейчас, как и тогда, в моих ушах стоит это слабое, едва различимое зловещее жужжание, и я испытываю тот же самый ужас, что объял меня при первом прослушивании.

«Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!»

Но хотя я все еще отчетливо слышу этот голос, мне не хватило духу его проанализировать, чтобы точно описать. Он походил на монотонное гудение омерзительного гигантского насекомого — гудение неземного существа, как бы с усилием преображенного в артикулированную человеческую речь, причем я с полной уверенностью могу утверждать, что органы, производившие эти звуки, ни в малейшей степени не похожи на голосовые связки человека или на голосовой аппарат земных млекопитающих. С учетом ни с чем не сравнимых особенностей тембра, диапазона и обертонов, я не могу поставить это существо в один ряд с человеком или другими земными животными. Его неожиданное звучание в первый момент ошеломило меня, и я дослушал запись до конца, находясь в состоянии отрешенного оцепе-

нения. Когда зазвучал самый продолжительный пассаж этого гудения, ощущение чудовищной безысходности, которое я испытал при прослушивании предыдущего, более короткого фрагмента, усилилось многократно. Запись внезапно обрывалась на середине фразы, которую декламировал с бостонским прононсом высокообразованный мужчина; но после автоматического отключения аппарата я еще долго сидел, бессмысленно уставившись в пустоту.

Вряд ли нужно говорить, что я многократно воспроизводил ту жуткую запись и затем скрупулезно описал и прокомментировал услышанное, сравнивая свои заметки и записи Эйкли. Бесполезно и даже страшно повторять сделанные нами выводы; скажу лишь одно: мы сошлись на том, что нам удалось обнаружить ключ к происхождению ряда наиболее отвратительных древних ритуалов в различных религиях человечества. Мы также уяснили, что в глубочайшей древности возникли весьма сложные связи между таинственными внеземными тварями и некими представителями человеческого рода. Насколько широкое распространение этот альянс получил тогда и насколько он прочен сегодня, в сравнении с прошлыми эпохами, мы не знали, но, по

крайней мере, могли строить на сей счет множество самых страшных предположений. По всей видимости, ужасный союз между человеком и безымянной бесконечностью со времен глубокой древности прошел несколько стадий. Богомерзкие твари, по нашему разумению, пришли на Землю с темной планеты Юггот, расположенной на самом краю Солнечной системы, но и она была лишь одной из колоний страшной межзвездной расы, обитающей далеко за пределами пространственно-временного континуума Эйнштейна, вне известного нам большого космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать возможный способ доставки черного камня в Аркхем — причем Эйкли считал нежелательным мой приезд к нему, на место его пугающих ночных открытий. По какой-то неведомой мне причине он опасался отправлять камень обычным маршрутом. В итоге он решил сам привезти его в Беллоус-Фоллс и отправить экспрессом по Бостонско-Мэнской железнодорожной ветке, через Кин, Уинчендон и Фичбург, даже невзирая на то, что для этого ему пришлось сделать большой крюк и ехать по безлюдным лесным и горным дорогам, а не прямиком по главному шоссе в Братлборо. По его словам, отправляя мне ранее посылку с

фонографической записью, он заметил около почтового отделения в Братлборо незнакомца, чей внешний вид и поведение показались ему весьма подозрительными. Этот незнакомец о чем-то настойчиво расспрашивал почтовых клерков и сел на тот самый поезд, в котором отправилась посылка с восковым валиком. Эйкли признался, что волновался до последней минуты, пока не получил от меня известия о благополучной доставке записи.

Примерно в это самое время — во вторую неделю июля — в очередной раз затерялось мое письмо, о чем Эйкли сразу же мне сообщил. После этого случая он попросил более не адресовать письма в Тауншенд и направлять всю корреспонденцию до востребования в службу почтовой доставки Братлборо, куда он обещал почаще наезжать либо в своем «форде», либо на междугороднем автобусе, который не так давно пришел на смену вечно опаздывающим пассажирским поездам. Я заметил, что в последнее время его беспокойство усилилось, ибо он в мельчайших подробностях описывал участившийся лай собак безлунными ночами и свежие отпечатки клешней, появлявшиеся по утрам на дороге перед домом и на заднем дворе. Однажды он поведал

мне о множестве таких отпечатков рядом с собачьими следами и в подтверждение своих слов приложил к письму жуткую фотографию. Это случилось сразу после ночи, когда псы особенно надрывно лаяли и выли.

Утром в среду, 18 июля, я получил от Эйкли посланную из Беллоус-Фоллс телеграмму. Он сообщал, что посылка с черным камнем отправлена по Бостонско-Мэнской ветке поездом № 5508, который уходит из Беллоус-Фоллс в 12:15 по местному времени и прибывает на вокзал Норт-Стейшн в Бостоне в 16:12. По моим расчетам, камень должны были доставить в Аркхем по крайней мере в следующий полдень; соответственно, все утро четверга я пробыл дома в ожидании посылки. Но ни в полдень, ни позднее посылку так и не принесли, а когда я телефонировал в офис экспресс-почты, мне сообщили, что никакого почтового отправления на мое имя к ним не поступало. Тогда, уже встревожившись не на шутку, я заказал междугородний разговор с агентом почтовой службы вокзала Норт-Стейшн в Бостоне и не сильно удивился, узнав, что никакой посылки для меня у них нет. Поезд № 5508 прибыл накануне днем, опоздав всего на 35 минут, но в почтовом багаже ящика на мое имя не

обнаружилось. Агент, правда, пообещал навести справки о пропавшей посылке, и вечером того же дня я отправил Эйкли письмо, обрисовав сложившуюся ситуацию.

К моему удивлению, ответ из бостонского офиса не заставил себя долго ждать: уже на следующий день агент экспресс-почты сообщил мне по телефону о результатах своей проверки. По его словам, клерк, сопровождавший почту в поезде № 5508, вспомнил об инциденте, который мог бы объяснить пропажу: когда поезд во втором часу пополудни местного времени сделал остановку в Кине, штат Нью-Гэмпшир, к нему обратился незнакомец — худой, рыжеволосый, со странным голосом, с виду деревенский. По его словам, он ждал тяжелую посылку и беспокоился из-за того, что в поезде среди ящиков ее не оказалось и даже в книге записей почтовых отправлений она не значилась. Парень назвался Стэнли Адамсом, у него был очень необычный, густой, какой-то жужжащий голос, и почтовый клерк, пока его слушал, внезапно почувствовал странное головокружение и сонливость. Чем завершилась их беседа, клерк не помнил, но заверил, что его сонливость как рукой сняло, стоило поезду отойти от платформы. Бостонский почтовый агент добавил,

что этот молодой клерк работает в компании достаточно давно и до сих пор не имел никаких нареканий по службе, так что его правдивость и надежность не вызывают сомнений.

Тем же вечером я отправился в Бостон расспросить этого клерка лично, узнав его имя и адрес в офисе. Разговорившись с ним — а он оказался добродушным честным малым, — я сразу понял, что ему нечего добавить к первоначальному изложению событий. Меня, правда, удивило, когда клерк заметил, что, встреть он того незнакомца снова, он вряд ли смог бы его узнать. Я вернулся в Аркхем и просидел до утра за письмами к Эйкли, в почтовую компанию, в полицейское управление и станционному начальству в Кине. Сомнений не было: обладатель странного голоса, который необъяснимым образом словно загипнотизировал клерка, сыграл в этом загадочном происшествии основную роль, и я надеялся, что смогу получить хоть какую-то информацию о том, как таинственный незнакомец ухитрился найти и присвоить мою посылку — либо от сотрудников железнодорожной станции в Кине, либо из регистрационной книги местного телеграфного офиса.

Увы, вынужден признать, что мои розыски ни к

чему не привели. Обладателя странного голоса и впрямь видели на станции в Кине утром 18 июля, и один местный житель даже припомнил, что да, вроде бы тот нес тяжеленный ящик; но, вообще-то, его там никто не знал и никогда не видел — ни до, ни после. Он не заходил на телеграф, не получал никаких сообщений, о чем телеграфисты должны были бы знать, равно как и не было обнаружено никаких квитанций, свидетельствовавших о том, что черный камень прибыл с поездом № 5508 и был кем-то получен. Естественно, Эйкли присоединился к моим поискам и даже лично съездил в Кин, чтобы расспросить людей возле станции. Но он отнесся к происшествию куда более фаталистически, чем я: похоже, пропажу посылки он счел зловещим предвестием чего-то неотвратимого и уже не надеялся ее вернуть. Он говорил о несомненных телепатических и гипнотических способностях горных тварей и их агентов, а в одном из писем намекнул, что, по его мнению, камень уже находится далеко от Земли. Я же был в тихом бешенстве, ибо чувствовал, что мы упустили верный, пусть и зыбкий, шанс добыть из полустертых иероглифов на камне удивительные и важные сведения. Чувство досады продолжало бы бередить мою душу, если бы в

последующих письмах Эйкли тайна жутких гор не обнаружила новый аспект, который тотчас же целиком завладел моим вниманием.

IV

Неведомые твари, сообщал мне Эйкли в очередном письме, написанном сильно дрожащей рукой, начали осаждать его дом еще более решительно и агрессивно. Лай собак безлунными ночами теперь стал просто невыносимым, и были даже дерзкие попытки напасть на него на безлюдных дорогах в дневное время. Второго августа, когда он поехал в автомобиле в деревню, путь ему преградило упавшее дерево — как раз в том месте, где шоссе углублялось в лесную чащу. И хотя свирепый лай двух псов, сопровождавших его в поездке, выдал скрытное присутствие богомерзких тварей, как бы все обернулось, не будь с ним собак, он даже не смел предположить. После этого случая, если ему надо было куда-то поехать, он брал с собой по крайней мере двух преданных мохнатых сторожей. Пятого и шестого августа случились новые дорожные происшествия — в первый раз выпущенная кем-то пуля оцарапала кузов «форда», в другой раз собачий лай возвестил о близком присутствии этих тварей в лесной

чаще.

Пятнадцатого августа я получил взволнованное письмо, которое немало меня встревожило; прочитав его, я подумал, что пора Эйкли наконец нарушить свой зарок молчания и обратиться за помощью в местную полицию. В ночь с двенадцатого на тринадцатое произошли ужасные события: за стенами его дома гремели выстрелы и свистели пули, и наутро он обнаружил трупы трех из двенадцати сторожевых псов. На дороге нашлось множество отпечатков клешней, среди которых он заметил и следы башмаков Уолтера Брауна. Эйкли телефонировал в Братлборо с намерением приобрести новых собак, но телефонная связь оборвалась прежде, чем он смог произнести первые слова. Тогда он отправился в Братлборо на автомобиле и на телефонной станции узнал тревожную новость: кто-то аккуратно перерезал основной кабель там, где телефонная линия тянулась по безлюдным горам к северу от Ньюфана. Но он вернулся домой с четырьмя новыми волкодавами и несколькими коробками патронов для своего крупнокалиберного охотничьего ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Братлборо, и я получил его без задержки.

К этому времени мое отношение к происходя-

щим событиям изменилось — они вызывали у меня теперь не просто научный интерес, но и глубоко личное чувство тревоги. Я тревожился и за Эйкли, осажденного в уединенном доме, и немного за себя. Ведь теперь я был причастен к тайне странных обитателей вермонтских гор и просто не мог не думать о своей вовлеченности в опасную череду таинственных событий. Затянет ли меня трясина этой тайны, стану ли я ее жертвой? Отвечая на последнее письмо Эйкли, я настоятельно посоветовал ему обратиться за помощью к властям и намекнул, что, если он не захочет ничего предпринять, я смогу это сделать сам. Я написал, что готов ослушаться его запрета, лично приехать в Вермонт и помочь ему изложить ситуацию представителям закона. В ответ, однако, я получил из Беллоус-Фоллс короткую телеграмму следующего содержания:

БЛАГОДАРЮ ЗА СОЧУВСТВИЕ НО НИЧЕГО СДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ НИЧЕГО МОЖЕТЕ ТОЛЬКО НАВРЕДИТЬ НАМ ОБОИМ ЖДИТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ГЕНРИ ЭЙКЛИ

Но опасность стремительно нарастала. Ответив на телеграмму Эйкли, я получил написанное дрожащей рукой письмецо с удивительными новостями: оказывается, он не только не отправ-

лял мне никакой телеграммы, но и не получал от меня письма, очевидным ответом на которое я счел эту телеграмму. Он поспешно навел справки в Беллоус-Фоллс и выяснил, что телеграмму отправил худой рыжеволосый парень с необычно густым, как бы жужжащим, голосом. Никаких других подробностей о нем Эйкли выяснить не удалось. Телеграфист показал Эйкли оригинал рукописного текста, но почерк незнакомца был ему совершенно незнаком; правда, он заметил, что имя отправителя написано с ошибкой: ЭЙКЛЕ. Из этого можно было сделать вполне определенные выводы, но, будучи сильно взволнованным, Эйкли не стал о них распространяться в письме. Он сообщил о гибели еще нескольких собак и о покупке новых и о перестрелках, которые теперь случались в каждую безлунную ночь. Он с неотвратимой регулярностью находил среди множества отпечатков клешней на дороге и во дворе позади дома следы Брауна и еще по меньшей мере одной или даже двух пар чьих-то башмаков. Дело, по словам Эйкли, приняло совсем дурной оборот, и он намеревался вскоре перебраться в Калифорнию к сыну, даже вне зависимости от того, удалось бы ему продать старый дом или нет. Ему трудно было покинуть единственное место

на земле, которое он считал своим родным, и он тянул время в надежде раз и навсегда отпугнуть непрошеных гостей — в особенности если он бросит свои попытки проникнуть в их тайны.

В ответном письме я вновь предложил Эйкли содействие и повторил, что готов приехать к нему и помочь убедить власти в грозящей его жизни опасности. В очередном письме он, вопреки моим ожиданиям, уже не отказывался столь категорично от предложенного плана, но заявил, что хотел бы еще немного повременить — с тем чтобы привести дела в порядок и свыкнуться с необходимостью навсегда покинуть дорогой его сердцу дом, к которому он был необычайно привязан. Люди всегда косо смотрели на его научные занятия, и было бы разумно обставить внезапный отъезд тихо, не привлекая ничьего внимания и не возбуждая ненужных сомнений в его душевном здоровье. По словам Эйкли, он уже довольно натерпелся за последнее время и хотел бы по возможности капитулировать с достоинством.

Я получил от него письмо 28 августа и тотчас ответил, постаравшись найти как можно более обнадеживающие слова. По-видимому, это подействовало на Эйкли благотворно, ибо в очередном письме он не пустился в ставшие для меня при-

вычными описания ужасов. Правда, он не был и излишне оптимистичным, выражая уверенность, что лишь благодаря полнолунию твари перестали тревожить его по ночам. Он надеялся, что в последующие ночи тучи не скроют яркую луну, и мельком упомянул о намерении снять меблированную комнату в Братлборо, когда луна пойдет на убыль. Я вновь написал ему ободряющее письмо, но 5 сентября получил еще одно послание, отправленное явно ранее моего.

И на это письмо я никак не мог ответить в столь же ободряющем тоне. Ввиду важности сообщения хочу привести его здесь полностью. Итак, вот содержание письма:

Понедельник

Уважаемый Уилмарт,

направляю Вам довольно мрачный P. S. к последнему письму. Прошлой ночью все небо заволокло густыми тучами — но дождь так и не пошел, — и луны не было видно. Ситуация заметно ухудшилась. Думаю, развязка уже близка, как бы мы ни надеялись на лучшее. После полуночи что-то шумно упало на крышу дома, отчего собаки всполошились и выбежали во двор. Я слышал топот их лап и лай, а потом одна ухитрилась запрыгнуть на крышу с пристройки. Там началась ожесто-

ченная схватка, я услышал жуткое жужжание, которого мне никогда не забыть. А потом я почувствовал отвратительную вонь. И в этот самый момент по моим окнам начали стрелять, и я едва увернулся от пуль. Думаю, что основной отряд горных тварей подошел вплотную к дому, выбрав момент, когда часть собачьей стаи отвлек шум на крыше. Что там произошло, я не знаю, но боюсь, что твари теперь приноровились использовать свои гигантские крылья для полетов в воздушном пространстве, а не только в космосе. Я зажег лампу и, воспользовавшись окнами как бойницами, начал палить из ружья, стараясь направлять ствол повыше, чтобы не попасть случайно в собак. Поначалу я решил, что это помогло и опасность миновала. Но наутро я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ними лужи зеленоватого студенистого вещества, отвратительно пахнувшего. Я забрался на крышу и нашел там еще лужи студенистого вещества. Погибло пять собак. Боюсь, одну из них застрелил я сам, когда направил ствол ружья слишком низко, потому что на спине у нее зияла пулевая рана. Сейчас я меняю оконные рамы, поврежденные выстрелами, и собираюсь поехать в Братлборо за новыми собаками. Не удивлюсь,

если хозяин собачьего питомника считает меня сумасшедшим. Чуть позднее черкну еще пару слов. Думаю, буду готов к переезду недели через две, хотя сама мысль об этом меня просто убивает.

Извините, что пишу второпях,

Эйкли

На следующее утро — то есть 6 сентября — я получил еще одно письмо, нацарапанное дрожащей, точно в лихорадке, рукой. Оно обескуражило меня настолько, что я места себе не мог найти. Постараюсь как можно точнее воспроизвести текст по памяти:

Вторник

Тучи не рассеялись, луны опять нет — и она пошла на убыль. Я бы снова подключил в доме электричество и выставил прожектор, если бы не был уверен, что стоит починить провода, как они их сразу же опять перережут.

Мне кажется, что я схожу с ума. Возможно, все, о чем я писал Вам ранее, всего лишь дурной сон или плод помраченного рассудка. Раньше было все плохо, но на этот раз хуже уже некуда. Они разговаривали со мной прошлой ночью — мерзкими жужжащими голосами, и то, что мне сказали, я просто не смею повторить. Эти

голоса перекрывали собачий лай, но однажды, когда лай их заглушил, заговорил человеческий голос. Не ввязывайтесь в это, Уилмарт, — все обстоит куда хуже, чем мы с Вами думали. Теперь они не позволят мне переехать в Калифорнию — они хотят забрать меня живым или в том состоянии, которое можно назвать теоретически или интеллектуально живым, не только на Юггот, но и еще дальше, за пределы галактики, а возможно, и за искривленный окоем космического пространства. Я заявил, что не соглашусь последовать туда, куда они намерены — или предлагают — меня забрать, но боюсь, теперь все бесполезно. Мой дом стоит на отшибе, и они очень скоро придут сюда снова, либо днем, либо ночью. Я потерял еще шесть собак, и я отчетливо ощущал их присутствие на лесистых участках дороги, когда ехал сегодня в Братлборо. Напрасно я отправил Вам запись и черный камень! Уничтожьте восковой валик, пока не поздно. Черкну Вам еще завтра, если буду жив. Ах, если бы мне удалось снять комнату в Братлборо и перевезти туда свои вещи и книги! Я бы сбежал отсюда, бросив все, если бы мог, но некая внутренняя сила удерживает меня здесь. Конечно, я могу тайком ускользнуть в Братлборо, где я окажусь в безопас-

ности, но я буду чувствовать себя пленником и там, как и здесь, в доме. И похоже, я знаю, что мне не удалось бы спастись от них, даже если бы я все бросил и попытался бежать. Все слишком ужасно — не ввязывайтесь в это дело!

Ваш Эйкли

Получив это жуткое письмо, я всю ночь не мог сомкнуть глаз, теперь уже вконец усомнившись в душевном здоровье Эйкли. То, что он писал, было полным безумием, хотя манера изложения — принимая во внимание все предшествующие события — отличалась мрачной силой убедительности. Я даже не стал писать ему, сочтя, что теперь самое разумное — дождаться, когда Эйкли найдет время ответить на мое предыдущее письмо. И на следующий день его ответ пришел, хотя изложенные в нем самые свежие новости затмили все разумные доводы, приведенные мной в предыдущем послании. Вот что я запомнил из того текста, написанного в лихорадочной спешке нетвердым пером со многими помарками.

Среда

Я получил Ваше письмо, но больше нет смысла что-либо обсуждать. Я сдался. Странно, что мне еще достает силы воли сражаться с ними.

Мне не спастись, даже если я решу все бросить и сбежать. Они все равно доберутся до меня где угодно.

Вчера получил от них письмо — его принес почтальон, пока я был в Братлборо. Написано и отослано из Беллоус-Фоллс. Сообщают, что намерены со мной сделать, — но я не могу этого повторить. Вам тоже следует опасаться! Уничтожьте запись! Ночное небо все в тучах, а от луны остался тонкий месяц. Если бы кто-то мне помог! Это могло бы укрепить мою силу воли. Но любой, кто осмелится прийти ко мне на помощь, наверняка назовет меня безумцем, не найдя веских доказательств моей правоты. Мне даже некого попросить приехать ко мне без всякого повода — ведь я ни с кем не поддерживаю связь уже многие годы.

Но Вы еще не знаете самого ужасного, Уилмарт. Соберитесь с духом, чтобы продолжить чтение, ибо Вам предстоит пережить шок. Я говорю правду. Вот она: я видел одну из тварей и дотрагивался до нее — точнее, до ее конечности. Боже, как это ужасно! Разумеется, она была мертва. Ее загрыз один из моих псов, и я нашел ее труп около псарни сегодня утром. Я попробовал сохранить тело в сарае, чтобы показать людям и

убедить их в своей правоте, но через несколько часов оно испарилось! От тела ничего не осталось. Вспомните, что мертвых тварей в реках видели только в первое утро наводнения. Но вот самое страшное. Я попытался сфотографировать для Вас мертвую тварь, но когда проявил пленку, там ничего не было видно, кроме сарая. Из чего же она состоит? Я видел ее и трогал ее, и все они оставляют следы на земле. Она явно материального происхождения — но что это за материал? Описать ее форму я затрудняюсь. Вообразите гигантского краба с туловищем из густого студенистого вещества, которое составлено, как пирамида, из множества плотных колец или узлов, покрытых множеством щупальцев в том месте, где у человека находится голова. А зеленое студенистое вещество является их кровью или живительным соком. И таких тварей на Земле с каждой минутой становится все больше и больше.

А Уолтер Браун пропал — никто больше не видел его. Наверное, я подстрелил его из ружья, а эти твари обычно утаскивают с собой своих убитых и раненых.

Доехал до поселка сегодня без приключений. Но боюсь, они просто перестали меня преследовать,

ведь они уже не сомневаются в моей покорности. Пишу это письмо на почте в Братлборо. Может быть, это мое прощальное письмо — в таком случае свяжитесь с моим сыном по адресу: Джордж Гуденаф Эйкли, Плезант-стрит, 176, Сан-Диего, штат Калифорния, — но сами сюда не приезжайте! Напишите моему мальчику, если в течение недели от меня не будет никаких известий, и следите за новостями в газетах!

А теперь я намерен выложить свои последние два козыря — если мне хватит на это духу. Во-первых, попробую воздействовать на тварей ядовитым газом (у меня есть все необходимые химикалии, и я смастерил противогазы для себя и для собак), а потом, если и это не подействует, расскажу обо всем нашему шерифу. Меня могут, конечно, поместить в психиатрическую лечебницу, — но так оно будет лучше, чем то, что намереваются сотворить со мной эти чудовища. Возможно, мне удастся уговорить власти обратить пристальное внимание на следы вокруг дома, — они едва заметны, но я нахожу их каждое утро. Впрочем, предполагаю, что полиция скажет, будто это я сам всё подстроил, ведь все считают меня чудаком.

Надо вызвать кого-нибудь из полиции штата и

уговорить провести тут ночь, чтобы все увидеть своими глазами, — хотя не исключаю, что твари об этом прознают и именно в эту ночь не станут мне докучать. Ночью они перерезают телефонные провода всякий раз, когда я пытаюсь вызвать подмогу, — на телефонной станции считают все это весьма странным, они могли бы подтвердить мои слова, если бы не подозревали, что я сам и порчу провода. Вот уже целую неделю я даже не пытаюсь вызвать мастера для восстановления телефонной связи.

Я мог бы убедить кое-кого из наших неграмотных стариков засвидетельствовать реальность этих ужасов, но здесь над ними только смеются, и, в любом случае, даже старики давно уже обходят мой дом стороной, так что им ничего не известно о последних событиях. Вы самого никчемного из этих невежд-фермеров не заставите подойти ближе чем на милю к моему дому! Почтальон рассказывал, как они отзываются обо мне и какие шуточки отпускают на мой счет. Боже! Если бы я мог его убедить в реальности всего этого! Возможно, стоило бы показать ему следы на дороге, но он разносит почту после полудня, а к этому времени следы уже не столь отчетливы. И даже если бы мне удалось сохранить хоть один

след, поместив над ним коробку или тазик, он, конечно же, сочтет, что это подлог или шутка.

Можно лишь пожалеть, что я жил таким отшельником и соседи перестали заходить ко мне в гости, как бывало когда-то. Я никому не показывал ни тот черный камень, ни фотоснимки и не проигрывал запись — за исключением лишь малограмотных стариков. Другие сказали бы, что это розыгрыш, и подняли бы меня на смех. Надо показать кому-нибудь фотографии. На них отпечатки клешней вышли очень четко, хотя мне не удалось сфотографировать самих тварей. Как досадно, что никто не видел эту мертвую тварь сегодня утром до того, как она обратилась в ничто!

Но теперь мне все равно. После всего, через что я прошел, сумасшедший дом для меня ничем не хуже, чем любое другое место. Доктора помогут мне решиться на продажу дома, а это именно то, что может меня спасти.

Напишите моему сыну Джорджу, если от меня долго не будет вестей. Прощайте, уничтожьте запись и не ввязывайтесь ни во что.

Ваш Эйкли

Честно говоря, это признание ужаснуло меня несказанно, породив самые мрачные мысли. Я

не знал, что ему ответить, но все же нацарапал несколько беспомощных фраз ободрения и отправил письмецо заказной почтой. Помнится, я настоятельно советовал Эйкли немедленно переехать в Братлборо и обратиться за защитой к местным властям, добавив, что приеду туда с фонографической записью и помогу доказать в суде его вменяемость. И еще я, кажется, написал, что пришло время предупредить людей об опасности, грозящей им с появлением этих тварей. Надо сказать, что в ту минуту сильнейшего волнения моя собственная вера во все, что поведал мне Эйкли, была почти полной и безоговорочной, хотя у меня и промелькнула мысль, что неудачная попытка сфотографировать мертвое чудовище объясняется не столько капризом природы, сколько его собственной оплошностью.

V

А днем в субботу, 8 сентября, по-видимому опередив мою кратенькую записку, от него пришло новое, в высшей степени странное письмо. Аккуратно напечатанное на пишущей машинке, оно было выдержано в совершенно ином — удивительно спокойном и умиротворенном — тоне, причем его автор радушно приглашал меня при-

ехать к нему. Это письмо стало неожиданным поворотным пунктом в развитии всей этой кошмарной драмы в уединенных горах. Я приведу его по памяти и постараюсь, не без причины, передать по возможности как можно точнее особенности его стиля. Судя по штемпелю на конверте, оно было отправлено из Беллоус-Фоллс, и на машинке был отпечатан не только сам текст, но даже и подпись, как это нередко делают люди, только-только овладевшие навыками машинописи. Сам же текст был напечатан без единой опечатки, что необычно для новичка, из чего я заключил, что Эйкли, видимо, когда-то пользовался пишущей машинкой — наверное, в колледже. Честно говоря, я прочитал это письмо с великим облегчением, хотя и не смог до конца избавиться от некоей смутной тревоги. Если Эйкли сохранил здравый рассудок после всех описанных им ужасов, был ли он в здравом рассудке теперь, после избавления от своих напастей? И упомянутое им «налаживание интеллектуального взаимопонимания»… Это как понимать? Словом, все в этом послании говорило о неожиданной радикальной смене настроения Эйкли. Но вот содержание письма, точно восстановленного по памяти, которой я весьма горжусь.

Тауншенд, штат Вермонт
Четверг, 6 сент. 1928 г.

Дорогой Уилмарт, с радостью должен успокоить Вас относительно всех тех глупостей, которые я Вам понаписал. Я говорю «глупости» и под этим подразумеваю свое продиктованное страхом отношение к происходящему, а не описание определенных явлений. Эти явления реальны и чрезвычайно важны; и ошибкой было мое неправильное отношение к ним. Думаю, я упоминал, что мои странные визитеры уже предпринимали попытки вступить в общение со мной, и вот наконец-то прошлой ночью мы впервые установили полноценный контакт. В ответ на определенные звуковые сигналы я принял в доме посланца этих существ — спешу уточнить: человека. Он рассказал много такого, чего ни Вам, ни мне не могло даже в голову прийти, и ясно дал понять, насколько глубоко мы заблуждались относительно Пришлых и насколько неверно истолковали цель нахождения их тайной колонии на нашей планете. Похоже, все злонамеренные небылицы о предложениях, которые они якобы делают людям, и о цели их пребывания на Земле есть целиком и полностью результат невежественного непонимания их аллегорической речи

— речи, понятное дело, сформировавшейся на базе культуры и интеллектуальных обычаев, безмерно далеких от самых смелых наших фантазий. Мои собственные умозаключения, признаюсь откровенно, были столь же далеки от истины, как любые догадки нашей невежественной деревенщины и диких индейцев. То, что мне представлялось мрачным, постыдным и богомерзким, на самом деле вызывает благоговейный восторг, если не сказать восхищение, и расширяет наши представления о мире — и мои прежние оценки были всего лишь проявлением извечной склонности человека ненавидеть, опасаться и сторониться всего, что отличается от привычного.

Теперь я могу лишь сожалеть о том вреде, который я причинил этим удивительным внеземным существам в ходе наших ночных стычек. Как жаль, что с самого начала я не догадался мирно и благоразумно побеседовать с ними. Но они не держат на меня зла. Ибо их эмоциональная организация весьма отличается от нашей. На беду, они выбрали в качестве своих агентов в Вермонте недостойные образчики рода человеческого — каким, к примеру, был ныне покойный Уолтер Браун. Это он заставил их отнестись ко мне с предубеждением. Вообще-то, они никогда

сознательно не причиняли людям вреда, но часто сами становились жертвами злонамеренных оговоров и преследований со стороны нас, землян. Существует тайный культ грешников (такой человек, как Вы, обладающий глубокими познаниями в области мистической науки, поймет меня, если я скажу, что этот культ связан с Хастуром и Желтым Знаком), посвятивших себя выслеживанию и уничтожению их ради чудовищных сил, господствующих в иных измерениях. Именно против таких воинственных выродков — а вовсе не против нормальных людей — направлены строгие меры предосторожности Пришлых. Случайно я узнал, что многие наши потерянные письма были украдены вовсе не Пришлыми, но эмиссарами жрецов этого греховного культа.

Все, что надо Пришлым от человека, — это мир, невмешательство в их дела и налаженное интеллектуальное взаимопонимание. Это последнее совершенно необходимо теперь, когда новейшие изобретения и механизмы расширяют наше знание и улучшают способы передвижения, что представляет возрастающую угрозу для тайных колоний Пришлых на нашей планете. Внеземные существа хотят, во-первых, лучше изучить человечество и, во-вторых, дать возмож-

ность избранным философам и ученым Земли узнать о них как можно больше. Благодаря такому взаимному обмену знаниями все невзгоды уйдут в прошлое и установится благоприятный modus vivendi[14]*. Сама же идея об их стремлении поработить или уничтожить человечество просто смехотворна.*

В знак такого улучшения взаимопонимания Пришлые, естественно, выбрали меня — кто обладает уже довольно значительным багажом знаний о них — своим главным посланником на Земле. Многое я узнал прошлой ночью — факты поразительного и многообещающего свойства, — и вскоре мне будет сообщено куда больше — как устно, так и письменно. Меня не призывают прямо сейчас покинуть Землю, хотя в будущем я, возможно, захочу совершить такое путешествие, для чего мне придется прибегнуть к особым средствам и пережить такое, что невозможно вообразить, основываясь только на человеческом опыте. Больше они не будут подвергать мой дом осаде. Все вернулось к нормальному состоянию. И моим собакам больше не надо меня сторожить. Теперь вместо ужаса мне обещаны

---

[14] Примечания: 14
Уклад жизни (*лат.*).

неисчерпаемые кладези знаний и интеллектуальные приключения, до сих пор изведанные лишь немногими смертными.

Пришлые, вероятно, самые чудесные органические существа во всем космосе и за его пределами; это представители космической расы, в сравнении с которыми все иные формы жизни являются лишь тупиковыми ветвями. Они скорее растительной, нежели животной природы, если только в этих терминах можно описать субстанцию, из коей они созданы, и имеют грибовидную структуру, хотя наличие хлорофиллоподобного вещества и очень необычной пищеварительной системы разительно отличает их от обычных листостебельных грибов. В сущности, данный тип существ создан из уникальной разновидности материи, не встречающейся на нашем участке космического пространства, — и ее электроны имеют совершенно иной коэффициент вибрации. Вот почему эти существа не отображаются на обычной фотопленке или фотопластинке, хотя мы можем их видеть невооруженным глазом. Впрочем, при должном знании любой хороший химик смог бы создать особую фотоэмульсию, с помощью которой можно было бы запечатлеть их изображения.

Эти существа уникальны в своей способности перемещаться в холодном безвоздушном пространстве, сохраняя телесную форму, хотя некоторые их разновидности могут это делать лишь с помощью механических устройств либо подвергнувшись любопытной хирургической операции. Лишь немногие их виды имеют крылья, резистентные к космическому эфиру, что характерно именно для вермонтской разновидности. Существа же, населяющие наиболее удаленные горные пики Старого Света, попали на Землю иначе. Их внешнее сходство со зверями и сходство их структуры с тем, что у нас называется материей, есть результат параллельной эволюции, а не генетического родства. Способности их мозга превосходят способности любой из существующих ныне форм земной жизни, притом что крылатое семейство обитателей здешних гор считается отнюдь не самым высокоразвитым из их видов. Телепатия является их обычным способом общения, хотя они имеют рудиментарные органы речи, и после несложной операции (а все эти существа обладают навыками хирургии, которую они довели до высочайшего совершенства) они могут более или менее точно копировать речь тех разновидностей органической жиз-

ни, которые для общения все еще пользуются языком. Основное место их обитания — до сих пор еще не открытая и пребывающая во мраке планета на самом краю нашей Солнечной системы, за орбитой Нептуна. Как мы с Вами и предполагали, эта девятая от Солнца планета в некоторых древних запретных книгах имеет мистическое имя Юггот, и довольно скоро она станет источником концентрированного потока мысли, направленного на нашу планету с целью налаживания интеллектуального взаимопонимания. Не удивлюсь, если астрономы когда-нибудь смогут зафиксировать эти мыслепотоки и откроют Юггот, когда сами Пришлые этого пожелают. Но Юггот, разумеется, — это только перевалочный пункт. Основная масса существ населяет странно организованные бездны, которые не дано постичь человеческому сознанию. Пространственно-временная сфера, которую мы принимаем за единую космическую сущность, — это лишь атом в бесконечности, где они существуют. И многие глубины этой бесконечности — из тех, что доступны человеческому разуму, — рано или поздно откроются мне точно так же, как они открылись не более чем пяти десяткам выдающихся людей за всю историю

человечества.

Вам, Уилмарт, все это поначалу может показаться безумием, но со временем Вы сполна оцените всю значимость дарованного мне феноменального шанса. Я хочу по возможности поделиться этим шансом с Вами, вот почему мне нужно поведать Вам в личной беседе нечто, чего нельзя доверить бумаге. Ранее я настрого запрещал Вам сюда приезжать. Но теперь, обретя полную безопасность, я с радостью отказываюсь от своего запрета и приглашаю Вас к себе.

Вы сможете приехать до начала очередного семестра в колледже? Было бы просто чудесно, если бы Вам это удалось. Захватите с собой фонографический валик с записью и все мои письма, чтобы мы вместе могли восстановить последовательность событий этой грандиозной истории. Привезите также и фотоснимки, так как я в этой суматохе куда-то задевал негативы и свои копии отпечатков. Знали бы Вы, какое обилие новых фактов я могу сейчас прибавить к своим прошлым догадкам и гипотезам — и каким потрясающим устройством я обладаю в дополнение к этим фактам!

Даже не сомневайтесь! Теперь за мной никто не шпионит, и Вы не найдете тут ничего сверхъесте-

ственного или пугающего. Просто приезжайте — на вокзале в Братлборо Вас будет ждать мой автомобиль — и приготовьтесь пробыть у меня столько, сколько пожелаете! Нас ждут многие вечера увлекательных бесед о вещах, не подвластных человеческому пониманию. Но разумеется, никому об этом не рассказывайте, ибо это не должно стать достоянием бестолковой публики.

Железнодорожное сообщение с Братлборо вполне надежно, можете ознакомиться с расписанием поездов в Бостоне. Садитесь на поезд Бостонско-Мэнской ветки до Гринфилда, там сделайте пересадку, после чего нужно будет проехать еще несколько станций. Рекомендую удобный поезд в 16:10 из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 19:35, откуда в 21:19 отправляется поезд на Братлборо, прибывающий туда в 22:01. Это расписание для рабочих дней. Сообщите мне дату Вашего приезда, чтобы автомобиль был готов для встречи Вас на вокзале.

Извините, что печатаю письмо на машинке, но в последнее время, как Вам известно, моя рука стала нетверда, и мне трудно писать длинные тексты. Я приобрел эту «Корону» вчера в Братлборо — похоже, машинка в неплохом состоянии.

Жду от Вас вестей и надеюсь вскоре увидеть Вас лично, и фонографический валик, и все мои письма, и фотоснимки также.

Остаюсь Ваш, в предвкушении встречи,
Генри У. Эйкли
АЛЬБЕРТУ Н. УИЛМАРТУ, ЭСК.
МИСКАТОНИКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
АРКХЕМ, МАСС.

Не могу описать, сколь сложные эмоции нахлынули на меня, когда я читал, перечитывал и обдумывал это в высшей степени удивительное и абсолютно неожиданное письмо. Как уже было сказано, я почувствовал одновременно великое облегчение и тревогу. Но эти слова могут лишь весьма приблизительно описать сложные нюансы различных и по большей части подсознательных движений души, вызвавших и мое облегчение, и мою тревогу. Начать с того, что сие послание полностью противоречило описанным в предыдущих письмах жутким кошмарам — и ничто не предвещало этой молниеносной и полной перемены настроения: от нескрываемого ужаса к невозмутимому благодушию и даже восторженной экзальтации. Я едва ли мог поверить, что столь мгновенная перемена в душевном состоянии человека, направившего мне нерви-

ческий отчет о страшных событиях среды, могла произойти всего за один день, какие бы радостные открытия ему ни довелось пережить в ночь на четверг. В какие-то моменты ощущение явной ирреальности рассказа заставляло меня гадать, не было ли его маловразумительное описание космической драмы с участием фантастических существ чем-то вроде галлюцинации, родившейся в моем собственном сознании… Но потом я вспомнил о фонографической записи, и этот факт озадачил меня еще больше.

Я мог ожидать от Эйкли чего угодно, но только не такого аккуратно напечатанного на машинке письма. Проанализировав свои впечатления, я пришел к выводу, что в них можно выделить два момента. Во-первых, допуская, что Эйкли был и остается в здравом уме, произошедшая смена настроения представлялась мне чересчур стремительной и неправдоподобной. А во-вторых, изменения в общем настрое, в отношении к происходящему и даже в стилистике письма были очень уж неестественными и непредсказуемыми. В личности Эйкли, казалось, произошла болезненная мутация — мутация столь глубокая, что обе фазы его изменившегося душевного состояния трудно было примирить, исходя из

допущения, что обе они в равной степени демонстрировали душевное здоровье.

Выбор слов, орфография — все было другим! А уж с моим тонким чувством прозаического стиля, приобретенным за долгие годы университетских занятий, мне было легко отметить глубокие различия в строении самых простых фраз и в общем ритмическом рисунке письма. Должно быть, он и впрямь пережил сильнейшее эмоциональное потрясение или откровение, которое вызвало столь радикальный переворот в его сознании! С другой же стороны, это вполне соответствовало характеру Эйкли. Все та же тяга к бесконечности — все та же пытливость ученого ума. Я ни на мгновение не мог допустить мысли, что это письмо — фальшивка или злонамеренный розыгрыш. И разве его приглашение — то есть именно желание, чтобы я лично удостоверился в правдивости его слов, — не есть доказательство подлинности письма?

Всю ночь субботы я просидел в раздумьях о тайнах и чудесах, маячивших за строками полученного мною письма. Мой разум, утомленный быстрой сменой чудовищных теорий, с которыми он вынужден был столкнуться в последние четыре месяца, анализировал этот удивительный

новый материал, чередуя сомнение и согласие, которые сопровождали меня на протяжении всего моего знакомства с этими диковинными событиями. И вот уже ближе к рассвету жгучий интерес и любопытство постепенно преодолели разыгравшуюся в моей душе бурю замешательства и тревоги. Безумец Эйкли или нет, пережил ли он глубокий душевный перелом или просто испытал огромное облегчение, все равно было ясно, что он и впрямь совершенно иначе стал относиться к своим рискованным изысканиям. И эта перемена поборола ощущение опасности — реальной или воображаемой — и одновременно открыла ему головокружительные просторы космического сверхчеловеческого знания. Моя страсть к неведомому, встретившись с его точно такой же страстью, вспыхнула с новой силой, и я словно заразился его желанием раздвинуть преграды познанного, сбросить с себя отупляющие, сводящие с ума оковы времени, пространства и законов природы, чтобы ощутить связь с безграничным пространством космоса и приблизиться к бездонным темным тайнам бесконечности и абсолютного знания. Ну конечно, ради этого стоило рискнуть жизнью, душой и рассудком! К тому же, как сказал Эйкли, опасности больше нет

— не зря же он пригласил меня приехать к нему, хотя раньше умолял этого не делать. Я трепетал от одной только мысли, что Эйкли собрался поведать мне о неслыханных чудесах, — и ощущал невыразимое волнение, представив, как я окажусь в уединенном фермерском доме, совсем недавно пережившем жуткую осаду пришельцев, и буду вести беседы с человеком, общавшимся с настоящими посланцами космоса; и как мы будем вновь прослушивать ту жуткую запись и перечитывать письма, в которых Эйкли поделился со мной своими первыми соображениями…

Итак, воскресным утром я телеграфировал Эйкли, что встречусь с ним в Братлборо в следующую среду, 12 сентября, если его это устраивает. Лишь в одном пункте я не последовал предложенному им плану действий, а именно в выборе поезда. Честно сказать, мне не понравилась перспектива прибыть в мрачную вермонтскую глушь поздним вечером, поэтому я телефонировал на станцию и заказал билеты на другое время. Встав рано утром, я мог доехать до Бостона поездом в 8:07 и успеть на поезд, который отправлялся в 9:25 и прибывал в Гринфилд в 12:22. Далее меня ожидала очень удобная пересадка на поезд, прибывавший в Братлборо в 13:08, что меня

устраивало куда больше, чем встреча с Эйкли на вокзале в начале одиннадцатого вечера и долгая поездка под покровом тьмы среди таинственных сумрачных гор.

Я телеграфировал Эйкли свое решение и из ответной телеграммы, которая пришла ближе к вечеру, с радостью узнал, что это вполне согласовывалось с планами моего гостеприимного хозяина.

Его телеграмма гласила:

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВАРИАНТ УСТРАИВАЕТ ВСТРЕЧУ ПОЕЗД 8:01 СРЕДУ НЕ ЗАБУДЬТЕ ЗАПИСЬ ПИСЬМА И СНИМКИ ЗДЕСЬ ВСЕ ТИХО ЖДИТЕ ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ ЭЙКЛИ

Получив незамедлительный ответ на мою телеграмму, которую ему из Тауншенда либо доставил домой почтальон, либо продиктовали текст по телефону — линию, как я надеялся, уже восстановили, — я окончательно отмел все подсознательные сомнения относительно авторства предыдущего, столь поразившего меня письма. Теперь я был абсолютно спокоен — почему, я и сам вряд ли смог бы объяснить. Но как бы то ни было, все мои сомнения были отброшены. В ту ночь я быстро уснул и крепко проспал до самого утра, а последующие два дня посвятил приготов-

лениям к поездке.

VI

В среду, как и было уговорено, я отправился на вокзал, захватив с собой саквояж с личными вещами и нашим научным архивом, включавшим фонографическую запись, фотоснимки и папку с полным комплектом писем Эйкли. Выполняя его волю, я никому ни словом не обмолвился о том, куда еду, ибо понимал, что это дело требует полной приватности, даже если все обернется благоприятным образом. Сама мысль об интеллектуальном контакте с иноземными существами была слишком ошеломительной даже для моего натренированного и готового ко многим открытиям мозга; можно себе представить, какое воздействие это событие могло бы оказать на мозги ничего не подозревающих обывателей. Сам не знаю, какое из чувств было сильнее — ужас или жажда приключений, — когда после пересадки в Бостоне началось мое долгое путешествие на северо-запад и поезд помчал меня прочь от знакомых мест к городкам, о которых я знал лишь по названиям на географической карте. Уолтхем… Конкорд… Эйер… Фичбург… Гарднер… Эйтол…

Мы прибыли в Гринфилд с семиминутным опозданием, но экспресс в северном направлении, на который мне предстояло пересесть, к счастью, еще не отбыл. Делая пересадку впопыхах, я ощущал беспричинное волнение, когда смотрел, как освещаемый лучами утреннего солнца поезд направляется в ту часть страны, о которой я много читал, но где еще ни разу не был. Я размышлял о том, что скоро окажусь в ветхозаветной Новой Англии, куда более примитивной, чем механизированные и урбанизированные восточные и южные штаты, в которых прошла вся моя жизнь, — в девственной старомодной стране без иммигрантов и фабричного дыма, без придорожных рекламных щитов и бетонных шоссе, ставших уже привычными элементами современной цивилизации. Я готовился воочию увидеть чудесные проявления неизменного на протяжении веков жизненного уклада, который благодаря глубокой укорененности в местных обычаях дал самобытные всходы, оживляя странные стародавние предания и формируя благодатную почву для мрачных и фантастических суеверий.

Глядя из окна, я видел искрящиеся под полуденным солнцем голубые воды реки Коннектикут, а

когда, выехав из Нортфилда, мы пересекли реку по мосту, впереди замаячили поросшие лесами таинственные горы. Я узнал у появившегося в вагоне проводника, что наконец-то мы в Вермонте. По его совету я перевел свой хронометр на час назад, поскольку жители северной части вермонтского высокогорья отказывались подчиниться новомодному установлению о переходе на летнее время. И когда я перевел стрелки часов вспять, мне подумалось, что одновременно я перелистнул календарь на столетие назад.

Железнодорожное полотно бежало вплотную к руслу реки, и на противоположном берегу, в Нью-Гэмпшире, я различил склоны крутых кряжей Вантастикета, о которых сложена не одна старинная легенда. Потом слева по ходу поезда показались улицы, а справа посреди реки мелькнул зеленый островок. Пассажиры встали с мест и потянулись к выходу, и я следом за ними. Поезд остановился — я вышел на крытую платформу вокзала Братлборо.

Увидев на привокзальной площади ряды автомобилей, я принялся искать глазами «форд» Эйкли, но меня опередили. Впрочем, встречавший меня джентльмен, который бросился ко мне с протянутой рукой и вежливо поинтере-

совался, не я ли мистер Альберт Н. Уилмарт из Аркхема, был явно не Эйкли, так как не имел ни малейшего сходства с седобородым ученым на фотографии. Мужчина выглядел куда моложе, и на его лице виднелись лишь небольшие темные усики; он был модно одет и имел вполне светские манеры. Звучание его хорошо поставленного приятного голоса навеяло некие смутные и отчасти тревожные воспоминания, хотя я никак не мог припомнить, где я его слышал.

Пока я его разглядывал, он представился другом моего будущего хозяина, который поручил ему приехать из Тауншенда встретить меня. Эйкли, добавил он, внезапно слег с жестоким приступом астмы и не может долго находиться на свежем воздухе. Он поспешил заверить меня, что болезнь не слишком серьезная и на моем визите никак не отразится. Навряд ли этот мистер Нойес — так он аттестовал себя — был в курсе научных занятий и открытий Эйкли; судя по его виду и поведению, они познакомились совсем недавно. Правда, вспомнив, каким затворником жил Эйкли, я был несколько удивлен столь неожиданным появлением у него подобного знакомого. Поборов замешательство, я уселся в автомобиль, к которому меня подвел Нойес.

Вопреки моим ожиданиям это был не старенький драндулет, о котором не раз упоминалось в письмах Эйкли, а большой, сверкающий свежей краской автомобиль современной модели — явно принадлежащий Нойесу — с массачусетскими номерными знаками, украшенными забавной эмблемкой «священной трески» — приметой нынешнего года[15]. Из этого я заключил, что мой провожатый — один из тех самых дачников, что приезжают в Тауншенд на лето.

Нойес сел за руль и включил зажигание. Я был рад, что он не пустился в дальнейшие разговоры, так как из-за возникшего замешательства я не был склонен к беседам. Освещенный лучами послеполуденного солнца, город выглядел весьма привлекательно. Одолев короткий подъем, автомобиль свернул направо и покатил по главной улице. Это был типичный новоанглийский сонный городишко, какие памятны нам с детства, и нагромождение черепичных крыш, церковных шпилей, печных труб и кирпичных стен словно коснулось потаенных струн моей души, пробудив давно спящие чувства. Могу сказать,

[15] Примечания: 15

Автомобильные номера, выпущенные в Массачусетсе в 1928 году, помимо буквенных и цифровых обозначений включали изображение «священной трески» — символа штата. (*Прим. перев.*)

что я очутился в заколдованном краю, в котором скопилась целая груда нетронутых временем сокровищ, — краю, где древние, странные обычаи и привычки получили возможность свободно развиваться и оставаться в неприкосновенности, потому как никто их тут не тревожил.

Когда мы выехали из Братлборо, мое нервное напряжение и мрачные предчувствия только усилились, ибо затерянный в дымке гористый пейзаж с подступающими к шоссе грозными лесными чащами и гранитными утесами смутно намекал на мрачные секреты и древние обычаи, исполненные враждебности к человеку. Теперь шоссе бежало вдоль широкой, но мелководной реки, бравшей начало где-то в северных горах, и я невольно поежился, когда мой спутник сообщил, что это Вест-ривер. А я помнил, что именно в ней, как писали газеты, после наводнения видели останки одного из жутких крабовидных существ.

Постепенно окружающий пейзаж становился все более диким и пустынным. Архаичные крытые мосты, словно суровые стражи седой старины, виднелись в прогалинах между горами, а над заброшенной железнодорожной веткой, что тянулась вдоль речного русла, казалось, витал туманный дух запустения. Я изумлялся порази-

тельной красоте бескрайних долин, утыканных одинокими утесами — знаменитый новоанглийский гранит ядовито-серыми пятнами проглядывал сквозь венчавшую горные хребты зелень. Я видел ущелья, где своенравные ручьи низвергались с каменистых порогов, неся вниз к реке невообразимые тайны тысяч неприступных пиков. От шоссе то и дело ответвлялись узкие, едва заметные в траве проселки, пробирающиеся сквозь зеленые преграды лесов, где среди древних стволов, наверное, прятались целые сонмы древних духов стихий. Оглядываясь вокруг, я невольно вспоминал страшные рассказы Эйкли о засадах незримых посланцев во время поездок по этому шоссе — и теперь уже не удивлялся, что такое возможно.

Тихая живописная деревня Ньюфан, до которой мы добрались через час пути, была последним связующим звеном с тем миром, который человек мог бы по праву назвать своим, ибо он полновластно господствовал в нем. После Ньюфана мы словно расторгли всякую связь со знакомыми, осязаемыми и подвластными времени предметами и углубились в фантастический мир безмолвной ирреальности, где узкая ленточка дороги то карабкалась вверх, то сбегала вниз, то

вилась, точно по чьему-то намеренному капризу, среди пустынных зеленых пиков и пустынных долин. Не считая мерного рокота тракторов и слабых признаков оживления на скотных дворах редких ферм, которые попадались нам по пути, единственным звуком, долетавшим до моего слуха, было торопливое бормотание диковинных вод невидимых родников в лесных чащобах. От вида гор, издалека казавшихся похожими на миниатюрные круглоголовые кексы, вблизи поистине захватывало дух. Крутые скалистые склоны оказались еще более величественными, чем я их себе представлял с чужих слов; ничто в привычном нам прозаическом мире не шло ни в какое сравнение с этими исполинами. Густые леса на недоступных горных склонах, где не ступала нога человека, казалось, скрывали невероятных, неведомых существ, и я чувствовал, что даже очертания здешних гор таили какой-то странный и давным-давно позабытый смысл, словно то были гигантские иероглифы, оставленные нам легендарной расой титанов, чья слава осталась жить лишь в глубоких снах немногих посвященных. Все предания прошлого и все ошеломительные намеки из исповедей Генри Эйкли сконцентрировались в моей памяти,

чтобы еще более сгустить тревожную атмосферу напряжения и гнетущего чувства опасности. Мрачная цель моего визита, как и предвкушение открытий сверхъестественного свойства, внезапно вызвала в душе мертвящий холод, порядком умеривший мой исследовательский пыл.

Нойес, должно быть, заметил мое волнение, поскольку по мере того, как дорога, углубляясь в лесную чащу, становилась все более неровной и автомобиль сбавил скорость и запрыгал по рытвинам и ухабам, его редкие вежливые комментарии обратились в нескончаемый поток красноречия. Он с воодушевлением описывал чарующие красоты и прелесть этого края, выказав даже некоторое знакомство с фольклорными изысканиями мистера Эйкли. Из его тактично сформулированных вопросов мне стало ясно, что ему известна научная цель моего приезда, а также то, что я везу с собой некую важную информацию, но, судя по его речам, он едва ли представлял себе всю глубину того страшного знания, которое в конечном счете обрел Эйкли.

Он держался непринужденно, оживленно, даже весело, и его замечания, по-видимому, были призваны успокоить и приободрить меня, но странным образом они лишь разбередили мое

волнение, пока машина неслась по ухабистой дороге, забираясь все глубже в безвестную пустынную страну гор и лесов. Временами казалось, что он старается выудить из меня все, что мне известно о чудовищных тайнах этих гор, и с каждой произнесенной фразой в его голосе я все острее угадывал едва уловимые и сбивающие с толку знакомые нотки. Да-да, его голос казался неуловимо знакомым, и, несмотря на всю его неподдельную естественность, это неотступное ощущение, что я его где-то уже слышал, произвело на меня неприятный и какой-то нездоровый эффект. Я странным образом связал его с давно позабытыми кошмарами и даже боялся, что могу сойти с ума, если узнаю его. Если бы я только мог придумать какую-то вескую отговорку, я бы с радостью вернулся обратно на станцию. Но в данных обстоятельствах уже ничего нельзя было изменить — и мне подумалось, что спокойная научная беседа с Эйкли по приезде на ферму поможет мне вновь обрести присутствие духа.

Кроме того, в первозданной красоте пейзажа, мимо которого бежало шоссе, то взбираясь вверх, то устремляясь вниз, было что-то странно умиротворяющее. В лабиринтах горной дороги время словно остановилось, и взору представали

воистину сказочные виды и заново обретенная прелесть исчезнувших веков — могучие дубравы, девственные луга с яркими осенними цветами да редкие фермерские угодья, притулившиеся среди огромных деревьев за зарослями душистого можжевельника и высоких трав. Даже солнечный свет здесь обрел неземное величие, точно здешние места были пронизаны некоей фантастической атмосферой или неведомым духом. Ничего подобного я никогда не видывал в своей жизни — за исключением разве что волшебных далей, которые порою можно увидеть на полотнах итальянских живописцев-примитивистов. Содома и Леонардо умели воссоздавать такие бескрайние пространства, но у них эти просторы виднелись всегда в отдалении, сквозь своды возрожденческих аркад. Мы же теперь буквально продирались сквозь живописный холст, и в этом заколдованном мире я находил то, что неосознанно знал или унаследовал раньше и чего всю жизнь тщетно искал.

Внезапно, обогнув вершину крутого склона, автомобиль затормозил. Слева от меня, на дальнем краю ухоженной лужайки, протянувшейся до самой дороги и огороженной выбеленными валунами, возвышался белый двухэтажный дом

с надстройкой, который благодаря размеру и изяществу линий выглядел чужаком в здешней глуши; позади, справа от него, стояли пристройки — соединенные аркадами сараи, амбары и мельница. Я сразу узнал этот дом по присланной мне фотографии и совсем не удивился, увидев имя Генри Эйкли на оцинкованном почтовом ящике на столбике у дороги. За домом виднелась болотистая равнина с чахлой растительностью, а за ней поросший густым лесом склон, круто убегающий к зубчатой зеленой вершине. Это, как я уже догадался, была вершина Темной горы, на полпути к которой мы остановились.

Выйдя из автомобиля и подхватив мой саквояж, Нойес попросил подождать, пока он сходит в дом и сообщит Эйкли о моем приезде. У него же, добавил он, еще есть одно дело в городе, и он сможет пробыть тут лишь минутку — не более. Он быстро зашагал по дорожке к дому, а я тем временем вылез из автомобиля, чтобы хорошенько размять ноги, прежде чем мы с Эйкли засядем за многочасовую беседу. Мое нервное напряжение вновь усилилось, стоило мне очутиться на месте жутких событий, подробно описанных Эйкли, и я, честно говоря, сильно нервничал по поводу предстоящих дискуссий о далеких и запретных

мирах.

Близкие контакты с удивительным зачастую более ужасают, нежели вдохновляют, и меня совсем не радовала мысль, что вот этот клочок проселочной дороги и есть то самое место, где Пришлые оставляли свои следы и где после безлунных ночей, полных страха и смерти, Эйкли обнаружил лужицы зеленоватого студенистого вещества. Я невольно отметил про себя, что не вижу и не слышу собак. Может быть, Эйкли их всех продал, как только Пришлые заключили с ним перемирие? Но лично я, сколько ни старался, не мог уверовать в прочность и искренность этого перемирия, как уверовал в него Эйкли, судя по последнему, такому не похожему на все предыдущие письму. В конце концов, он был довольно простодушен и не имел большого опыта в мирских делах. Уж не таился ли за этим мирным соглашением какой-то скрытый зловещий умысел?

Следуя своим мыслям, я опустил глаза на грунтовую дорогу, хранившую некогда страшные свидетельства. В последние несколько дней погода стояла сухая, и, несмотря на безлюдную местность, неровная поверхность дороги была испещрена самыми разнообразными следами. С

праздным любопытством я начал изучать очертания некоторых отпечатков, стараясь унять самые зловещие из моих макабрических фантазий, порожденных этим мрачным местом и моими воспоминаниями. В кладбищенской тишине, в приглушенном журчанье лесных ручьев, в громоздящихся вокруг зеленых пиках и поросших темным лесом горных склонах на горизонте мне чудилось что-то угрожающее и тревожное.

И тут в моем сознанье возник образ, который заставил эти смутные угрозы и сумрачные фантазии показаться пустыми и незначительными. Я, как было сказано, с праздным любопытством рассматривал различные следы на дороге — но вдруг мое любопытство вмиг смыло волной неподдельного, холодящего ужаса. Ибо, хотя неясные следы на песке были плохо различимы и накладывались друг на друга, мой взгляд наткнулся на некоторые детали в том месте, где проезжая дорога смыкалась с ведущей к дому тропой. И я тотчас осознал — без сомнения или надежды — пугающее значение этих деталей. Увы, не зря я часами разглядывал присланные мне Эйкли фотографии с отпечатками клешней Пришлых. Я слишком хорошо помнил следы этих ужасных чудовищ и ту странную неопределенность направления их

движения, что отличала их от всех прочих земных существ. И тут не было ни малейшего шанса на спасительную ошибку. Моему взору предстали объективные доказательства: по крайней мере три свежие, оставленные всего несколько часов назад, жуткие отметины, четко видневшиеся среди множества отпечатков башмаков, ведущих к дому и от дома Эйкли. Это были богомерзкие следы мыслящих грибов с Юггота.

Я с трудом сдержал вопль ужаса. В конце концов, разве я не ожидал увидеть здесь нечто подобное, коль скоро я на самом деле поверил всему, о чем писал мне Эйкли? Он сообщил, что заключил мир с тварями. Тогда стоит ли удивляться, что они навещали его? Но мой ужас был сильнее доводов рассудка. Да и кто из людей смог бы сохранить спокойствие, впервые в жизни воочию увидев реальные следы живых существ, прилетевших на Землю из глубин космоса? И тут я заметил, что Нойес, выйдя из дома, быстро шагает ко мне. Следует, подумал я, сохранять спокойствие, ибо есть вероятность, что этому субъекту ничего не известно о глубоких и страшных погружениях Эйкли в запретные сферы.

Мистер Эйкли, поспешил уведомить меня Нойес, рад моему приезду и готов со мной встре-

титься, но внезапный приступ астмы не позволит ему в ближайшие день-два в полной мере выполнять функции гостеприимного хозяина. Эти приступы он переносит очень тяжело, и они всегда сопровождаются изнуряющей лихорадкой и общим недомоганием. В такие периоды он чувствует себя неважно и может разговаривать только шепотом, и, кроме того, ему трудно передвигаться по дому. У него распухают суставы на ногах, поэтому ему, точно страдающему подагрой старику, приходится их плотно перебинтовывать жгутами. Сегодня мистер Эйкли совсем плох, поэтому мне придется самому ухаживать за собой, но тем не менее он готов к разговору. Я найду его в кабинете слева от зала. В кабинете плотно затворены жалюзи. Дело в том, что в период обострения болезни мистеру Эйкли необходимо избегать солнечного света, на который его глаза очень болезненно реагируют.

Простившись со мной, Нойес сел в автомобиль и уехал, а я медленно зашагал по дорожке к дому. Дверь была приоткрыта, но прежде чем переступить порог, я внимательно огляделся, пытаясь найти объяснение овладевшему мной ощущению какой-то неосязаемой странности этой фермы. Сараи и амбары выглядели как обычные

сельские постройки, а в просторном открытом гараже я заметил старенький «форд» Эйкли. И тут я постиг секрет не покидавшего меня странного ощущения. Все дело было в гнетущей тишине. Обыкновенно на ферме всегда присутствует какофония звуков, издаваемых живностью. А тут — ничего! Ни кудахтанья кур, ни лая собак. Эйкли писал, что у него есть несколько коров, — ну, коровы могут быть сейчас на пастбище; собак он, должно быть, продал. Но полное отсутствие каких-либо живых звуков вообще — ни птичьих голосов, ни единого писка — было в высшей степени необычно.

Я не стал задерживаться на дорожке, решительно распахнул дверь и, войдя в дом, плотно закрыл ее за собой. Для этого мне пришлось сделать над собой усилие, и теперь, оказавшись в доме за закрытой дверью, я на секунду ощутил сильнейшее желание тотчас отсюда сбежать. Не то чтобы я заметил какие-то зловещие признаки; как раз наоборот, со вкусом обставленный элегантный холл в позднем колониальном стиле радовал глаз, и я не мог не поразиться утонченному вкусу его хозяина. И все же мне хотелось поскорее убраться отсюда из-за чего-то почти неосязаемого и неопределенного. Возможно, дело

было в неприятном запахе, который сразу ударил мне в нос, — впрочем, характерный затхлый дух отнюдь не редкость даже в хорошо сохранившихся старых фермерских домах…

VII

Отгоняя от себя смутные сомнения и тревоги, я последовал наставлениям Нойеса, повернул из холла налево, толкнул белую дверь с медной задвижкой и, как и ожидалось, оказался в затемненной комнате. Здесь странный затхлый запах стал еще сильнее. Вместе с тем я ощутил некую легкую, едва ощутимую ритмичную вибрацию в воздухе. В первые мгновения я мало что смог разглядеть в сумраке кабинета: плотно закрытые жалюзи не пропускали дневного света. Но затем до моего слуха донеслись произнесенные свистящим шепотом извинения, и я различил большое кресло в дальнем, самом темном, углу комнаты. Там, в полутьме, я увидел бледные пятна лица и рук и в следующее мгновение пересек комнату, чтобы поприветствовать человека, пытающегося со мной заговорить. Несмотря на сумрак, я все же признал в нем хозяина фермы. Ведь я долго разглядывал его фотографию и теперь, узнав обветренное, резко очерченное лицо

и коротко стриженную седую бороду, отбросил все сомнения.

Но, вглядываясь в это лицо, я невольно опечалился, ибо, несомненно, так мог выглядеть лишь тяжелобольной человек. И мне сразу подумалось, что это напряженно-неподвижное, застывшее выражение лица и немигающих, словно остекленевших глаз вызвано причиной куда более серьезной, нежели астма, а в следующий миг я понял, что это зримый результат его пугающих открытий, ужасное бремя которых он взвалил на себя. Не было ли одного этого достаточно, чтобы сломить любого человека — даже куда более молодого и сильного, чем этот смельчак, отважившийся заглянуть в бездну запретного знания? Боюсь, странное и внезапное избавление от страха снизошло на него слишком поздно и уже не могло спасти от сильнейшего нервного истощения. Его безжизненные руки, неподвижно лежащие на коленях, выглядели особенно жалкими. На нем был просторный домашний халат, а голову и верхнюю часть шеи скрывал ярко-желтый шарф или капюшон.

Эйкли продолжил разговор тем же свистящим шепотом, которым он меня приветствовал. Поначалу мне было трудно разобрать слова, тем более

что седые усы прикрывали его едва шевелящиеся губы, а тембр его голоса почему-то пробудил во мне тревогу; но, сконцентрировав внимание, я скоро смог вполне сносно его понимать. Говор выдавал явно не деревенского жителя, а сама речь оказалась даже более рафинированной, нежели привычная мне манера его письма.

— Мистер Уилмарт, я полагаю? Простите, что не встаю. Я серьезно болен, о чем мистер Нойес, должно быть, вам сообщил. Тем не менее я не мог отказать себе в удовольствии принять вас в этом доме. Как я писал в последнем письме, мне надо многое вам рассказать — но это произойдет завтра, когда мне станет немного лучше. Не могу выразить словами, как я счастлив видеть вас лично после нашей столь длительной переписки. Вы, конечно, привезли с собой всю подборку писем? И фотоснимки, и фонографическая запись тоже при вас? Нойес оставил ваш саквояж в холле — полагаю, вы его там заметили. Что же до сегодняшнего вечера, то, боюсь, вам придется поухаживать за собой самому. Вам отведена спальня наверху — прямо над этим кабинетом, — а рядом с ней дверь в ванную комнату. В столовой для вас накрыт стол и приготовлена трапеза — можете пройти туда, когда пожелаете, через

дверь по правую руку от вас. Завтра я смогу лучше выполнять обязанности хозяина дома — но сейчас из-за слабости я совершенно беспомощен.

Чувствуйте себя как дома — и будьте добры, прежде чем отнести наверх свой саквояж, выложите письма, фотоснимки и фонографическую запись на стол в центре кабинета. Здесь мы и будем их обсуждать — вы можете видеть мой фонограф на комоде в углу. Спасибо за заботу, но вы ничем не сможете мне помочь. Я уже давно испытываю эти приступы. Просто наведайтесь ко мне ненадолго перед сном, а потом отправляйтесь к себе в спальню, когда сочтете нужным. Я же побуду здесь и, возможно, просплю в этом кресле всю ночь, как я это часто делаю. А утром мне значительно полегчает, и мы сможем целиком посвятить себя нашим делам. Вы осознаете, конечно, всю величайшую важность стоящей перед нами задачи. Нам, как мало кому из живших на Земле, откроются глубины времени и пространства, превосходящие все, что смогла охватить человеческая наука и философия.

Знаете ли вы, что Эйнштейн ошибся и некоторые объекты все же способны перемещаться со скоростью, превосходящей световую? С должной помощью я надеюсь сам перемещаться вперед и

вспять во времени и воочию увидеть Землю далекого прошлого и будущего. Вы не можете даже вообразить себе, какого высочайшего уровня развития достигла наука у этих существ! Нет ничего такого, чего бы они не могли сотворить с сознанием и физической оболочкой живых организмов. Я надеюсь посетить иные планеты и даже иные звезды и галактики. Первое мое путешествие будет на Юггот, ближайший к нам мир, полностью населенный внеземными существами. Это таинственная темная планета на самом дальнем краю Солнечной системы, до сих пор неизвестная нашим астрономам. Но я, должно быть, писал вам об этом. Когда придет время, тамошние обитатели направят на нас свои мыслепотоки и позволят землянам себя обнаружить — и, может быть, дадут возможность одному из своих земных союзников указать нашим ученым верный путь.

На Югготе множество огромных городов, где высятся гигантские башни с многослойными террасами, сложенными из черного камня вроде того, что я пытался вам переслать. Этот камень прибыл с Юггота. Солнце там светит не ярче, чем самая далекая звезда, но населяющим планету существам оно и не нужно. У них тонко развиты иные органы чувств, и в их огромных домах и

храмах нет окон. Свет вреден для них, он слепит и пугает их, ибо в черном космосе по ту сторону времени и пространства, откуда они происходят, света нет вовсе. Путешествие на Юггот сведет с ума любого слабого человека — и все же я туда собираюсь. Там под таинственными циклопическими мостами — а их возвела некая древняя, вымершая и забытая раса задолго до того, как эти существа прибыли на Юггот из бездн космоса, — текут черные смоляные реки, и любой человек при виде их вдохновится подобно Данте или Эдгару По, если только ему удастся сохранить здоровый рассудок, дабы потом рассказать об увиденном.

Но запомните: этот темный мир грибных садов и безоконных городов вовсе не ужасен. Это нас он приводит в ужас. Но наверное, столь же ужасным показался наш мир Пришлым, когда они впервые высадились здесь в стародавние времена. Знаете, ведь они появились на Земле задолго до конца легендарной эпохи Ктулху, и они помнят о затонувшем Р'льехе, когда он еще возвышался над водами. Они обитали также в недрах Земли — существует немало тайных входов в пещеры, о которых земляне ничего не знают; некоторые из них расположены здесь, в горах Вермонта,

и там, на глубине, скрываются великие миры неизвестной жизни: голубоцветный К'ньян, красноцветный Йот и мрачный бессветный Н'кай. Именно из Н'кая пришел страшный Цатоггуа — то самое бесформенное жабовидное божество, что упоминается в Пнакотикских рукописях, и в «Некрономиконе», и в цикле мифов «Коммориом», который сохранил для нас верховный жрец Атлантиды Кларкаш-Тон.

Но мы поговорим об этом позже. Уже, должно быть, четыре или пять часов пополудни. Принесите мне вещи, которые вы привезли, перекусите, а потом возвращайтесь для продолжения нашей приятной беседы…

Я медленно повернулся и, выйдя из комнаты, в точности выполнил просьбу хозяина дома: принес саквояж, выложил из него на стол в центре кабинета все, что он хотел видеть, и, наконец, поднялся в отведенную мне комнату наверху. При воспоминаниях о свежем отпечатке клешни на дороге и о произнесенной шепотом странной тираде Эйкли, а также об упомянутом им неведомом мире грибовидной жизни — запретном Югготе — у меня по коже забегали мурашки. Болезнь Эйкли сильно меня расстроила, но, признаться, его свистящий шепот вызвал у меня

скорее омерзение, чем жалость. И что это ему приспичило так бурно восторгаться Югготом и его мрачными тайнами!

Отведенная мне спальня оказалась довольно уютной и изысканно меблированной, причем здесь я не ощущал ни затхлого запаха, ни неприятной вибрации. Оставив свой саквояж, я снова спустился вниз, зашел в кабинет Эйкли пожелать ему доброй ночи и отправился обедать. Столовая располагалась сразу за кабинетом, и я заметил, что кухня находится рядом за стенкой. На столе я обнаружил щедрое изобилие сэндвичей, пирог и сыр, а термос и стоящая рядом чашка с блюдцем свидетельствовали, что мой хозяин не забыл позаботиться о свежем кофе. Сытно поев, я налил себе полную чашку кофе, но с огорчением понял, что кулинарные навыки моего хозяина именно здесь обнаружили небольшой дефект. С первым же глотком я ощутил на языке неприятный едкий привкус, так что дальше дегустировать этот кофе не стал. За обедом я постоянно думал об Эйкли, безмолвно сидящем в огромном кресле в затемненной комнате по соседству.

В какой-то момент я даже встал и, войдя к нему, предложил разделить со мной трапезу, но в ответ он прошептал, что сейчас не в состоянии есть.

Чуть попозже, перед сном, добавил Эйкли, он выпьет стакан солодового молока — это все, чем ему можно питаться сегодня. Покончив с едой, я вызвался сам убрать со стола и вымыть посуду на кухне и, воспользовавшись этой уловкой, тихонько вылил в раковину мерзкий кофе, который не пришелся мне по вкусу. Вернувшись в темный кабинет, я придвинул стул к креслу Эйкли и приготовился к продолжению разговора, на который, как я надеялся, он был настроен. Привезенные мною письма, восковой валик и фотоснимки все еще лежали на столе посреди кабинета, но обратиться к ним предстояло, видимо, позднее. И я быстро забыл даже о странном запахе и загадочной вибрации в воздухе.

Как я уже говорил, в ряде писем Эйкли — особенно во втором, наиболее подробном — было сказано немало такого, о чем я бы не посмел не то что рассуждать вслух, но даже пытаться выразить словами на бумаге. Это нежелание безмерно усилилось после новых откровений, озвученных свистящим шепотом из тьмы кабинета в фермерском доме среди безлюдных гор. Я не могу ни намеком поведать о тех кошмарных космических тварях, которых описывал этот сиплый голос.

По его словам, он и раньше знал о многих

страшных вещах, но то, что открылось ему после заключения пакта с Пришлыми, было непосильным бременем для здорового рассудка. Даже в тот момент я отказывался верить в его трактовку устройства предельной бесконечности, о пересечениях измерений, о местоположении известного нам пространственно-временного мира в бесконечной цепи взаимосвязанных космосов-атомов, составляющих некий суперкосмос искривлений, углов и элементов с материальной и полуматериальной электронной структурой.

Никогда еще находящийся в здравом уме человек не подбирался столь близко к сокровенной тайне основной сущности мироздания — никогда еще органический мозг не оказывался на грани полной аннигиляции в хаосе, чуждом всякой формы, энергии и симметрии. Я узнал, откуда происходит Ктулху и почему вспыхнули и угасли мириады звезд в космической истории. Я угадал — но лишь по косвенным намекам, которые даже моего собеседника заставили малодушно умолкнуть, — тайны Магеллановых Облаков и Шаровидной туманности и постиг мрачную правду, спрятанную под покровом древней ал-

легории о Дао[16]. Мне доходчиво объяснили природу Доэлов и поведали о сущности (но не происхождении) Гончих Псов Тиндала. Легенды об Инге, Повелителе Змей, утратили для меня метафорический смысл, и я содрогнулся от отвращения, услышав о чудовищном ядерном хаосе по ту сторону угловатого пространства, которое в «Некрономиконе» с милосердной уклончивостью именуется Азатотом. Я испытал подлинный шок, когда самые омерзительные чудовища запретного мифа предстали въяве, обретя конкретные имена, когда мне открылась суть ужасных и отвратительных явлений, превосходящая самые смелые догадки античных и средневековых мистиков. Неотвратимо я был вынужден поверить, что самые первые сказители, нашептавшие эти проклятые предания, общались, подобно Эйкли, с Пришлыми и, возможно, сами посещали далекие космические области, как это теперь предложили сделать моему собесед-нику.

Он рассказал мне про черный камень и про его значение и был несказанно рад, что посылка так и не дошла до меня. Мои догадки относительно

---

[16] Примечания: 16

Дао — возможно, Тао Юаньмин (Тао Цзян, 365–427), китайский поэт, автор философской художественной прозы («Жизнь ученого «пяти ив») и утопической фантазии («Персиковый источник»).

иероглифов подтвердились! И все же Эйкли теперь вроде бы примирился с той дьявольской системой, которая ему открылась, и не только примирился, но и был готов проникнуть еще глубже в разверзшуюся перед ним чудовищную бездну. Я мог лишь гадать, с какими существами он побеседовал уже после написания последнего письма и многие ли из них имели человеческий облик, как тот их эмиссар, о котором он упоминал. У меня разболелась голова, и я строил всевозможные предположения, одно безумнее другого, об источнике витающего в воздухе неприятного запаха и еле заметных вибраций в темном кабинете.

Сгустилась ночь, и, вспоминая, что писал мне Эйкли о предшествующих ночах, я с содроганием подумал, что сегодня луна в небе не появится. И меня пугало уединенное расположение этого фермерского дома с подветренной стороны лесистого склона Темной горы, круто взбегавшего вверх к неприступному хребту. С позволения Эйкли я зажег небольшую масляную лампу, прикрутил фитиль и поставил ее на книжную полку около бюстика Мильтона, призрачно белеющего во мраке. Но я сразу же пожалел об этом, так как мой хозяин заметно напрягся, и его недвижное

лицо и безвольно лежащие руки поразили меня неестественной, даже трупной, бледностью. Как я заметил, Эйкли едва мог двигаться, лишь время от времени кивал.

Выслушав его рассказ, я даже не мог вообразить, какие еще страшные тайны он приберегает на завтра; но в конце концов выяснилось, что темой следующей беседы станет его путешествие на Юггот и в глубины космоса — как и мое возможное участие в нем. Полагаю, Эйкли позабавило, с каким нескрываемым ужасом я воспринял предложение сопровождать его в космическом путешествии, потому что, как только мое лицо исказила гримаса страха, его голова сильно затряслась — от беззвучного смеха? Потом он весьма учтиво заговорил о том, как люди могут совершить — а некоторые из них уже совершали — на первый взгляд невообразимые полеты сквозь межзвездную пустоту. По его словам выходило, что живые человеческие тела в действительности не совершали этих путешествий, но недюжинные способности Пришлых в области хирургии, биологии, химии и механики помогли им найти способ перемещать в космосе живой мозг человека независимо от остального тела.

Существует безвредный способ извлечения

мозга и сохранения жизнедеятельности тела в его отсутствие. Чистое же мозговое вещество погружалось в периодически обновляемую жидкость, находящуюся в воздухонепроницаемом цилиндре из особого металла, добываемого на Югготе, а погруженные в эту жидкость электроды, подключенные к мозгу, соединялись с высокоточными инструментами, способными дублировать три основные функции мозговой деятельности: зрение, слух и речь. Для крылатых грибоподобных организмов переносить такие мозговые цилиндры через космическое пространство не составляло большого труда. На всех планетах, куда проникла их цивилизация, имелось достаточно функциональных аппаратов, которые можно было подключать к мозгу в цилиндре, и после некоторой наладки путешествующий интеллект обретал способность полноценного — хотя и бестелесного — существования, с применением органов чувств и речи, на каждом этапе путешествия в пространственно-временном континууме и даже за его пределами. Это было не сложнее перевозки воскового валика с записью и ее воспроизведения на любом фонографе нужной модели. В успехе предстоящей миссии Эйкли не сомневался и никакого страха не испытывал.

Ведь подобные путешествия уже не раз блестяще осуществлялись в прошлом. И тут впервые за все время его бессильная рука приподнялась и указала на высокую полку у дальней стены кабинета. Там, аккуратно выстроившись в ряд, стоял десяток или больше цилиндров из неведомого мне металла — эти цилиндры были в фут высотой и чуть меньше фута в диаметре, а спереди, на выпуклой стороне, виднелись три розетки, расположенные в виде равнобедренного треугольника. От двух розеток одного из цилиндров тянулись провода к паре необычных приспособлений в глубине полки. Об их назначении можно было бы даже не спрашивать, и я поежился от охватившего меня озноба. Потом я заметил, что рука Эйкли указывает на ближний угол комнаты, где громоздились замысловатые приборы с проводами и штепселями, причем некоторые из них были точь-в-точь как два приспособления на книжной полке позади металлических цилиндров.

— Здесь вы видите четыре разновидности приборов, Уилмарт, — послышался шепот из тьмы. — Четыре разновидности — и каждый выполняет три функции, итого их тут двенадцать. Смотрите: в металлических цилиндрах на полке представлены четыре вида живых существ: три

человеческие особи, шесть грибовидных, не способных телесно перемещаться в пространстве, два существа с Нептуна (Боже! Видели бы вы, в какой телесной оболочке обитает это существо на своей планете!), а остальные существа водятся в глубоких пещерах на удивительных темных звездах за пределами нашей Галактики. В главной колонии в недрах Круглого холма можно найти такие же цилиндры и машины — при этом в цилиндрах содержится внекосмический мозг, обладающий неизвестными нам органами чувств, — это мозг союзников и исследователей из самых далеких глубин Потустороннего, — а особые машины помогают им получать впечатления извне и выражать свои мысли различными способами, которые подходят одновременно и для них, и для осмысленного общения с разного рода слушателями. Круглый холм, как и большинство колоний этих существ в разных уголках мироздания, стал пристанищем для самых разнообразных видов. Но разумеется, лишь наиболее распространенные из них были переданы мне для проведения экспериментов.

Прошу вас, возьмите те три машины, на которые я указал, и поставьте их на стол. Вон ту высокую машину с двумя стеклянными линзами

спереди… затем ящик с вакуумными трубками и звукоусиливающей коробкой, а теперь тот аппарат с металлическим диском сверху. Так… теперь цилиндр с наклеенной этикеткой В-шестьдесят семь. Встаньте на тот виндзорский стул, чтобы добраться до полки. Тяжело? Не бойтесь. Обратите внимание на номер В-шестьдесят семь. Ни в коем случае не прикасайтесь к новому сверкающему цилиндру с моим именем, подсоединенному к двум контрольным приборам. Поставьте цилиндр В-шестьдесят семь на стол рядом с машинами — и проследите, чтобы поворотные переключатели на всех трех машинах находились в крайнем левом положении.

А теперь присоедините провод от машины с линзами к верхней розетке на цилиндре — вон там! Подключите машину с трубкой к нижней левой розетке, а аппарат с диском — к верхней розетке. Теперь переведите все поворотные переключатели на верхней машине в крайнее правое положение — сначала на машине с линзой, затем на машине с диском и, наконец, на машине с трубкой. Правильно! Должен, кстати, предупредить вас, что это человеческое существо, подобное нам с вами. Завтра я покажу вам кое-что еще!

До сего дня не могу понять, почему я так покор-

но повиновался указаниям Эйкли и считал я его безумцем или нет. После всего случившегося до того вечера я, вероятно, был готов к чему угодно; но эта нелепая возня с машинами настолько смахивала на причуды обезумевшего изобретателя, что в моей душе вновь зародились сильные сомнения, которые не возникали даже во время нашей беседы. Все, о чем разглагольствовал этот шептун, выходило за грань человеческого разумения — хотя разве иные вещи, еще дальше выходящие за эту грань, не кажутся менее нелепыми только по причине отсутствия конкретных осязаемых доказательств их существования?

Пока эти хаотичные мысли роились в моем мозгу, я обратил внимание на странное урчание и поскрипывание трех машин, которые я подключил к металлическому цилиндру, — но вскоре урчание и поскрипывание стихло и машины стали работать совершенно бесшумно. И что же должно произойти? Услышу ли я человеческий голос? И если так, то как я определю, что это не хитроумный трюк со встроенным радиоприемником и не голос спрятавшегося где-то человека, который тайком наблюдает за всем происходящим в кабинете? Даже и теперь я не могу сказать с полной уверенностью, что за голос я слышал и

на самом ли деле имел место феномен, свидетелем которого я стал… Впрочем, нечто и впрямь имело место.

Попросту говоря, машина с трубками и со звукоусилителем заговорила, причем столь осмысленно, что у меня не было ни малейшего сомнения, что говорящий присутствует здесь и видит нас. Голос был громкий, монотонный, безжизненный и, судя по тембру и интонациям, абсолютно механический. Он скрежетал, с мертвенной точностью и неспешностью выбирая слова, на одной ноте, не выражая никаких эмоций.

— Мистер Уилмарт, надеюсь, я не испугал вас. Я такой же человек, как и вы, хотя мое тело в настоящий момент пребывает в безопасном месте и получает надлежащие питательные вещества для поддержания его жизнедеятельности в недрах Круглого холма, в полутора милях к востоку отсюда. Я же нахожусь с вами в этой комнате — мой мозг заключен в цилиндре, и я могу видеть, слышать, говорить с помощью электронных вибраторов. Через неделю я отправлюсь в космическое путешествие, как уже бывало не раз в прошлом, и я надеюсь иметь удовольствие совершить его в обществе мистера Эйкли. Буду

рад, если и вы присоединитесь к нам, ибо я знаю вас и вашу репутацию, и я внимательно следил за вашей перепиской с нашим общим другом. Как вы, наверное, уже поняли, я один из тех людей, кто заключил союз с внеземными существами, прибывшими на нашу планету. Сначала я встретил их в Гималаях и оказал им разнообразную помощь. В знак благодарности они даровали мне возможность познать то, что ведомо мало кому из людей.

Вы только представьте себе такое — побывать на тридцати семи небесных телах: планетах, темных звездах и совсем неописуемых объектах, включая восемь космических тел за пределами нашей галактики и два — за пределами искривленного пространственно-временного континуума! И все эти путешествия не нанесли мне ни малейшего вреда. Мой мозг был изъят из моего тела путем клеточной фрагментации, столь тонкой, что было бы несправедливо назвать эту виртуозную операцию хирургическим вмешательством. Пришлые существа обладают методами, благодаря которым такие изъятия просты и почти обыденны. И ваше тело, когда мозг изъят из него, не подвержено процессу старения. Должен сказать, что мозг остается

практически бессмертным, сохраняя способность к восприятию окружающего мира посредством механических органов чувств и получая необходимую дозу питательных веществ при каждом обновлении жидкости, в которой он хранится.

Я искренне надеюсь, что вы решитесь отправиться в путешествие вместе со мной и мистером Эйкли. Пришельцы стремятся ближе познакомиться с учеными вроде вас и готовы показать им великие бездны, о которых многие из нас могут лишь грезить в своем неведении. Встреча с ними поначалу может вас озадачить, но я уверен, вы сумеете преодолеть все предубеждения. Думаю, к нам присоединится и мистер Нойес — тот самый, кто привез вас сюда на автомобиле. Уже многие годы он — один из нас. Я полагаю, вы узнали его голос — это он звучит на фонографической записи, которую вам прислал мистер Эйкли.

Я вздрогнул — и говорящий осекся на мгновение, а затем продолжил:

— Итак, мистер Уилмарт, решение за вами. Мне остается лишь добавить, что такой человек, как вы, с вашей страстью ко всему необычному и с вашей любовью к фольклору, не должен упустить столь редкую возможность. Вам нечего бояться. Все перемещения совершенно безболезненны, а

механические органы чувств имеют свои преимущества. При отключении электродов вы просто уснете и будете видеть невероятно яркие и фантастические сны… А теперь, если не возражаете, мы прервем нашу беседу до завтра. Доброй ночи — просто поверните все выключатели в крайнее левое положение, — вы можете проделать это в любом порядке — и не забудьте: последней надо выключить машину с линзой. Доброй ночи, мистер Эйкли, обращайтесь с нашим гостем хорошо! Ну что, вы готовы повернуть выключатели?

На том наше общение закончилось. Я тупо повиновался и повернул все три выключателя. Тем не менее этот странный монолог заставил меня усомниться в реальности происшедшего. Моя голова все еще шла кругом, когда я услыхал шепот Эйкли, просившего меня оставить всю аппаратуру на столе. Он никак не прокомментировал то, что произошло, но, по правде сказать, мое воспаленное сознание вряд ли было способно воспринять какой-либо здравый комментарий. Шепотом он попросил меня забрать с собой в спальню масляную лампу, из чего я заключил, что ему хочется побыть в темноте. Наверное, для него настала пора отдыхать, так как его пространная речь, с которой он обратился ко мне днем

и вечером, могла бы утомить даже физически крепкого человека. Все еще пребывая в сильном волнении, я пожелал моему хозяину доброй ночи и поднялся наверх с лампой, хотя с собой у меня был мощный карманный фонарик.

Я был рад покинуть наконец кабинет Эйкли, где витал странный затхлый запах и ощущалась легкая вибрация, но, разумеется, не мог избавиться ни от обуявшего меня ужаса, ни от чувства скрытой опасности и чудовищной ненормальности происходящего, когда думал о фермерском доме и о потусторонних силах, с которыми мне пришлось здесь столкнуться. Лесистый склон Темной горы, который почти вплотную подступал к затерянному в безлюдной глухомани Вермонта дому, загадочные следы на дороге, неподвижный больной, шепчущий из тьмы, сатанинские цилиндры и машины и, самое жуткое, приглашение подвергнуться уму непостижимой хирургической операции и отправиться в уму непостижимое путешествие — все эти необычные события столь внезапно обрушились на меня, буквально парализовав мою волю и почти что подорвав мои физические силы.

Особенно сильным потрясением для меня стало известие, что мой провожатый Нойес был

участником омерзительного древнего обряда, записанного на восковом валике, хотя я и раньше отметил смутно знакомые нотки в его голосе. Другое сильное потрясение я испытал, проанализировав свое отношение к Эйкли. Ибо если раньше, ведя с ним интенсивную переписку, я инстинктивно испытывал к нему симпатию, то теперь она превратилась в явную неприязнь. Его болезнь должна была бы вызвать во мне жалость; вместо того она вызвала у меня отвращение. Он был так неподвижен и пассивен, так похож на живой труп — и его нескончаемый шепот был таким мерзостным и… нечеловеческим!

Мне пришло в голову, что этот шепот не похож ни на один из скрипучих сиплых голосов, какие мне доводилось слышать в своей жизни, и что, несмотря на странную неподвижность его губ, прикрытых густыми усами, в шепоте угадывалась скрытая сила и энергия, едва ли присущая жалкому хрипу астматика. Я слышал все им сказанное, стоя в дальнем углу кабинета, и пару раз ловил себя на мысли, что этот тихий голос — признак отнюдь не бессилия, а, напротив, намеренно сдерживаемой силы! Но для чего он старался приглушить голос — это так и осталось для меня загадкой! С самого первого момента

звучание его шепота из тьмы вызвало в моей душе некую необъяснимую тревогу. И теперь, пытаясь вновь все осмыслить, я понял, что меня подсознательно встревожило знакомое звучание этого голоса — то же самое показалось мне таким знакомым и смутно зловещим в голосе Нойеса. Но где и когда я встречался с обладателем этого знакомого шепота, я вспомнить не смог.

Одно для меня было несомненно: я проведу здесь только одну ночь, не более. Мой научный азарт улетучился под влиянием страха и отвращения, и меня обуревало лишь одно желание — поскорее высвободиться из жутких силков сверхъестественных откровений. Я узнал достаточно. Возможно, так оно и есть и некая необъяснимая космическая связь существует — но нормальный человек не должен иметь с этим ничего общего.

Богомерзкие силы, казалось, опутали меня своей паутиной и мертвой хваткой вцепились в мой разум. О том, чтобы заснуть в этом доме, решил я, даже думать не стоит; поэтому я просто затушил пламя лампы и, не раздеваясь, упал на кровать. Конечно, это было глупо, но я приготовился к любому развитию событий. Я сжал в правой руке револьвер, который захватил с собой

из дома, а в левой — карманный фонарик. Снизу не доносилось ни звука, и я мысленно представил себе Эйкли, сидящего во тьме неподвижно, точно труп.

Где-то в глубине дома тикали часы, и я, сам не зная почему, благодарно вслушивался в этот вполне обычный звук. Он, правда, напомнил мне еще об одной тревожной особенности этой фермы — полном отсутствии здесь живности, столь привычной для сельской местности. И тут я осознал, что не слышу даже ночных звуков диких лесных обитателей. Если не считать зловещего журчания невидимых лесных вод, эта гробовая тишина казалась ненормальной и я стал гадать, под властью какого звезднорожденного неосязаемого заклятья находится это место. Я вспомнил, что, если верить старинным преданиям, собаки и другие животные на дух не выносят Пришлых, и задумался, что бы могли означать те следы на дороге.

VIII

Только не спрашивайте меня, сколько длился внезапно сморивший меня сон и много ли из того, о чем пойдет речь дальше, мне приснилось. Если я вам скажу, что в какой-то момент я пробудился

и услышал и увидел нечто, вы сочтете, что я и не просыпался вовсе и что все это было сном ровно до того момента, как я выскочил из дома, бросился к сараю, где ранее заметил старенький «форд», и помчался на старом драндулете по лабиринтам лесных дорог среди призрачных гор, пока наконец в финале безумной многочасовой гонки не попал в деревушку, оказавшуюся Тауншендом.

Вы можете, конечно, отмахнуться от всех подробностей в моем рассказе и объявить, что и фотоснимки, и голоса на фонографическом валике, и голос из металлического цилиндра и звуковоспроизводящей машины, как и прочие вещественные доказательства, были лишь элементами грандиозной мистификации, которой подверг меня исчезнувший Генри Эйкли. Вы можете даже предположить, что он подговорил нескольких эксцентричных знакомых принять участие в этом дурацком, но очень ловко разыгранном надувательстве — что он сам устроил похищение посылки из поезда в Кине и сам попросил Нойеса сделать ту пугающую запись на восковом валике. Но странно, однако, что Нойеса так до сих пор и не нашли и что его никто никогда не видел в деревнях по соседству с фермой Эйкли, притом что он, должно быть, частенько

наезжал в те места. Жаль, я не удосужился запомнить номер его автомобиля — хотя, с другой стороны, может быть, оно и к лучшему. Ибо независимо от того, что вы думаете обо всем этом, и независимо от того, что я сам об этом думаю, мне точно известно, что мерзкие внеземные силы обитают в малоизведанных вермонтских горах и эти силы имеют своих шпионов и эмиссаров в человеческом мире. И я прошу лишь об одном: в будущем держаться как можно дальше и от этих зловредных сил, и от их эмиссаров.

Выслушав мой взволнованный рассказ о происшествии, местный шериф направил отряд вооруженных людей на ферму Эйкли, но того уже и след простыл. Его поношенный домашний халат, желтый шарф и бинты для ног валялись на полу в кабинете рядом с креслом в углу, и никто не мог сказать, пропала ли вместе с ним еще какая-то его одежда. Ни собак, ни живности на ферме и правда не обнаружили, зато нашли на стенах дырки от пуль — снаружи и внутри; но, помимо этого, ничего необычного не выявилось. Ни металлических цилиндров, ни диковинных машин, ни предметов, которые я привез в саквояже… Пропал мерзкий запах, пропала вибрация, исчезли следы на дороге и те три загадочных

предмета, которые привлекли мое внимание напоследок.

После бегства я провел в Братлборо целую неделю, опрашивая местных жителей, знавших Эйкли, и в результате убедился в том, что все приключившееся со мной — не сон и не обман. Эйкли на самом деле многократно покупал собак, ружейные патроны и химикалии, кто-то действительно многократно перерезал ему телефонные провода; при этом все знавшие его — в том числе и его сын в Калифорнии — показали, что он часто упоминал о своих странных исследованиях. Образованная часть местного общества считала его безумцем и без колебаний объявляла все так называемые вещественные доказательства мистификацией, результатом его безумных проделок, в которых, возможно, участвовали его эксцентричные подручные. Зато невежественная деревенщина подтверждала все его заявления до последней мелочи. Эйкли показывал кое-кому из них и фотоснимки, и черный камень, а также проигрывал им жуткие записи; и все уверяли, что следы клешней на дороге и жужжащий голос один в один похожи на описания этой дьявольщины в старинных поверьях. Старожилы также говорили, что появление подозрительных фигур

и голосов вблизи фермы Эйкли участилось после того, как он нашел черный камень, и что в последнее время его ферму обходили стороной все, кроме почтальона и горстки самых отчаянных смельчаков. Всем было известно, что и на Темной горе, и на Круглом холме частенько появляются привидения, но я не мог найти никого, кто бы исследовал те места. Случаи регулярного исчезновения местных жителей за всю историю округа тоже нашли подтверждение, и в число пропавших теперь включали Уолтера Брауна, чье имя упоминалось в письмах Эйкли. Я даже встретил одного фермера, который божился, что лично видел в Вест-ривер во время наводнения тело странного очертания, но его рассказ был слишком сбивчив, чтобы счесть его ценным свидетельством.

Покинув Братлборо, я твердо решил никогда не возвращаться в Вермонт, и я абсолютно уверен, что сдержу данное себе обещание. Эти безлюдные лесистые горы и впрямь являются форпостом ужасающей космической расы, в чем я все меньше сомневаюсь с тех пор, как прочитал об открытии за Нептуном новой, девятой планеты Солнечной системы — в точности как то и предсказывали жуткие твари. Астрономы,

сами о том не подозревая, с пугающей провидческой точностью назвали планету Плутоном. Я же, безусловно, считаю, что это и есть мрачный Юггот, и с содроганием размышляю о том, почему чудовищные пришельцы пожелали, чтобы их мир был обнаружен землянами именно сейчас. Я тщетно пытаюсь убедить себя в том, что эти демонические создания не изберут новую политику, вредоносную для Земли и ее обитателей.

Но я должен еще поведать, чем завершилась та ужасная ночь на ферме. Как я уже сказал, в конце концов меня сморил беспокойный сон, и в обрывках сновидений мне привиделись страшные картины. Что меня разбудило, я так и не понял, но я точно помню момент своего пробуждения. И помню свое первое смутное впечатление: скрип половиц — в холле за дверью кто-то шел крадучись, а потом я услышал приглушенное звяканье дверной щеколды, которую кто-то неловко пытался открыть. Но эти звуки почти сразу прекратились; и затем я услышал — это я помню совершенно четко — голоса из кабинета на первом этаже. Мне почудилось, что я различаю голоса нескольких собеседников, и подумал, что там о чем-то спорят.

Вслушиваясь в голоса в течение несколько

секунд, я окончательно проснулся: при таких звуках было просто смешно думать о сне. Тональности голосов заметным образом различались, и всякий, кто хоть раз слышал ту мерзейшую фонографическую запись, безошибочно смог бы определить природу по крайней мере двух из этих голосов. Ибо, сколь бы пугающей ни была моя догадка, я понял, что нахожусь под одной крышей с безымянными тварями из космических бездн: два собеседника говорили тем самым мерзким жужжащим шепотом, который Пришлые использовали для речевого контакта с людьми. И хотя эти два голоса заметно отличались — и по тембру, и по темпу, и по выговору, — оба принадлежали одному и тому же окаянному виду.

Третий же голос совершенно точно звучал из речевой машины, соединенной с изъятым мозгом в металлическом цилиндре. В этом у меня не было ни малейшего сомнения, ибо этот скрежещущий безжизненный голос, громко произносивший слова с монотонной точностью и неторопливостью, забыть было невозможно. В первый момент я даже не задумался, не является ли этот механический скрежет голосом того самого разума, который вчера вечером вел со мной беседу, а позднее пришел к выводу, что любой

мозг способен подавать точно такие же голосовые сигналы, если его соединить с аналогичным механическим источником речи, — не считая, конечно, различий в языке, ритме, темпе и дикции. Наконец, последними участниками этого сверхъестественного диспута были, несомненно, два человека — один из них, судя по грубоватому выговору, был неизвестный мне деревенский житель, а в другом, обладателе приятного бостонского акцента, я сразу узнал своего загадочного провожатого Нойеса.

Силясь разобрать слова, приглушаемые старыми толстыми половицами, я, помимо них, отчетливо слышал шарканье, топот и скрежет и не мог избавиться от ощущения, что в кабинете внизу полным-полно живых существ — гораздо больше, чем голосов, которые я смог различить. В точности описать это шарканье и скрежет я вряд ли смогу, ибо мне просто не с чем их сравнить. Но, судя по звукам, в кабинете двигались разумные существа; звук их шагов слегка напоминал легкий цокот, как бывает при соприкосновении с твердой поверхностью изделий из кости или твердой резины. Или, если воспользоваться более наглядным, хотя и менее точным сравнением, как если бы люди, обутые в грубые деревянные

башмаки, шаркали по гладкому паркету. Я даже не мог мысленно себе представить, как выглядят существа, производящие при движении столь диковинные звуки.

Вскоре я понял, что уловить сколько-нибудь связный разговор мне не удастся. Отдельные слова — в том числе имя Эйкли и мое собственное — то и дело всплывали в потоке речи, особенно четко их произносила речевая машина; но их истинное значение терялось в отсутствие внятного контекста. Я и сейчас, задним числом, не берусь судить о содержании того разговора, а тогда его устрашающий эффект был результатом скорее моих неосознанных предположений, нежели ясного понимания. Я не сомневался, что внизу подо мной собрался ужасный, противоестественный конклав чудовищ, но какова была кошмарная цель сего собрания, я понятия не имел. Мне стало даже любопытно: почему меня сразу охватило ощущение злонамеренности этого сборища, несмотря на все заверения Эйкли в дружелюбии Пришлых.

Терпеливо вслушиваясь в приглушенные речи, я начал наконец различать отдельные голоса, хотя и не мог уловить смысла произносимых слов. Мне показалось, что я даже угадываю неко-

торые характерные эмоции, сопровождающие те или иные реплики. Один из жужжащих голосов, например, говорил с очевидными властными интонациями, в то время как механический голос, несмотря на его искусственную громкость и размеренность, выдавал подчиненное положение его носителя и временами звучал даже просительно. А в голосе Нойеса слышались примирительные интонации. Интонации других голосов я и не пытаюсь как-то интерпретировать. Я не слышал знакомого шепота Эйкли, хотя понимал, что столь слабый звук вряд ли проникнет сквозь толстые половицы моей спальни.

Все же постараюсь воспроизвести несколько бессвязных фрагментов фраз и иных звуков и, насколько смогу, соотнесу их с разными собеседниками. Первые внятные фразы, которые я смог уловить, звучали из речевой машины:

(Речевая машина).

«…и возложил на себя… отослал назад письма и запись… этому конец… захвачен… видеть и слышать… проклятие… безличная сила, в конце концов… новый сверкающий цилиндр… Великий Бог…»

(Первый жужжащий голос.)

«…раз мы сделали остановку… маленький чело-

веческий… Эйкли… мозг… говорит…»

(Второй жужжащий голос.)

«Ньярлатхотеп… Уилмарт… Записи и письма… дешевое надувательство…»

(Нойес.)

«…(непроизносимое слово или имя, что-то вроде «Н'гах-Ктун».) безвредный… мир… пара недель… слишком театрально… говорил же вам об этом раньше…»

(Первый жужжащий голос.)

«…нет смысла… первоначальный план… последствия… Нойес может наблюдать за Круглым холмом… Новый цилиндр… Автомобиль Нойеса…»

(Нойес.)

«…что ж… к вашим услугам… вот сюда… остальные… на место…»

(Несколько голосов говорят одновременно, неразборчиво.)

(Слышен топот многих ног, в том числе странное шарканье или цокот.)

(Непонятные хлопки.)

(Громкий звук автомобильного двигателя, постепенно затихающего вдали.)

(Тишина.)

Вот, собственно, конспект того, что я смог

расслышать, когда, затаив дыхание, лежал на кровати в зловещем фермерском доме среди демонических гор и холмов, — полностью одетый, с револьвером в правой руке и карманным фонариком в левой. Я, как уже было сказано, окончательно проснулся, но меня словно поразил непонятный паралич, заставив лежать без движения до тех самых пор, пока не стихли последние звуки. Где-то далеко внизу мерно тикали старые коннектикутские часы. И тут до моего слуха донесся прерывистый храп спящего. Это, должно быть, задремал Эйкли, утомленный странным консилиумом, — что ж, его можно было понять.

Я же не знал, что думать и что предпринять. В конце концов, разве я услышал нечто такое, к чему не был уже подготовлен? Разве я не знал, что безымянные Пришлые теперь преспокойно могли разгуливать по фермерскому дому? Хотя, разумеется, Эйкли не мог не удивить их непрошеный визит… И все же что-то в подслушанном бессвязном разговоре меня безмерно напугало, в очередной раз породив жуткие сомнения, — и мне оставалось лишь молить Господа, чтобы я пробудился и понял, что все это было дурным сном. Думаю, мое подсознательное постигло

нечто, чего еще не уразумел мой рассудок. А что Эйкли? Разве он не был моим другом, разве он бы не возмутился, случись со мной что-то ужасное? И его мирное похрапывание словно высмеивало все страхи, внезапно охватившие меня с новой силой.

Возможно ли, что Эйкли стал пассивным инструментом в чьем-то зловещем замысле и его заставили заманить меня в горы вместе со всеми письмами, фотографиями и фонографической записью? И не собирались ли эти твари уничтожить нас обоих, ибо мы узнали о них слишком много? И вновь я задумался о до странности резкой и неестественной смене настроения Эйкли, произошедшей между его предпоследним и самым последним письмом. Я интуитивно чувствовал: что-то тут не так… Все не то, чем кажется… И этот едкий кофе, который я вылил в раковину, — уж не пыталось ли неведомое существо отравить меня? Надо обсудить это с Эйкли тотчас и помочь ему вновь взглянуть на все происходящее трезвым взглядом. Твари затуманили ему голову своими обещаниями космических открытий, но теперь-то он должен прислушаться к голосу разума. Нам нужно выпутаться из этой истории, пока еще не поздно. Если ему недостанет силы

воли обрести свободу, я ему помогу. А если мне не удастся убедить его бежать отсюда, то я, по крайней мере, смогу сам спастись бегством. Полагаю, он не откажется одолжить мне свой «форд», который я оставлю потом у кого-нибудь в гараже в Братлборо. Автомобиль стоял в сарае, и теперь, когда все опасности миновали, дверь сарая была распахнута настежь, оставалось надеяться, что машина исправна. Мимолетная неприязнь к Эйкли, которую я ощутил во время нашего общения накануне вечером, уже прошла. Бедняга оказался в том же положении, что и я, поэтому нам следовало держаться вместе. Учитывая, что его беспомощность вызвана болезнью, мне не хотелось будить его в столь поздний час, хотя я понимал, что сделать это придется. В сложившихся обстоятельствах я просто не мог себе позволить оставаться в доме до утра.

Наконец я был готов к решительным действиям. Прежде чем встать с кровати, я несколько раз потянулся, чтобы восстановить подвижность мышц. Стараясь действовать с осторожностью, скорее инстинктивной, нежели осознанной, я надел шляпу, подхватил саквояж и тихонько спустился по лестнице, освещая себе путь фонариком. По-прежнему находясь в сильнейшем

нервном напряжении, я не выпускал из правой руки револьвер и ухитрился зажать левой и фонарик, и ручку саквояжа. Зачем я предпринял все эти предосторожности, я и сам не мог понять, так как даже если сейчас я и мог кого-то разбудить в доме, то только его хозяина.

Прокравшись на цыпочках по скрипучим ступеням в холл, я еще отчетливее услышал храп спящего и подумал, что он, вероятно, в комнате слева — в гостиной, куда я еще не заходил. Справа от меня была кромешная тьма кабинета, откуда ранее доносились разбудившие меня голоса. Отворив незапертую дверь гостиной, я посветил фонариком туда, откуда доносился храп, и луч света вырвал из мрака лицо спящего. В следующую же секунду я поспешно отвел фонарик в сторону и медленно, по-кошачьи ретировался назад в холл, — причем теперь меры предосторожности я предпринял по велению не только рассудка, но и инстинкта. Ибо на кушетке спал вовсе не Эйкли, а мой старый знакомец Нойес.

Я терялся в догадках, что бы все это значило. Но здравый смысл мне подсказывал, что самое правильное — как можно больше разузнать самому, прежде чем вызвать подмогу. Вернувшись в холл, я бесшумно затворил и запер дверь в гостиную,

чтобы уж наверняка ничем не потревожить сон Нойеса. После этого я осторожно вошел в кабинет, где ожидал увидеть Эйкли — спящим или бодрствующим — в угловом кресле, его излюбленном месте отдыха. Покуда я перемещался по кабинету, луч фонарика осветил большой круглый стол с дьявольским цилиндром, присоединенным к зрительной и слуховой приставкам и к речевой машине, готовой к работе. По моему разумению, это был извлеченный из тела мозг, который участвовал в ужасном собрании; на какую-то секунду у меня возникло извращенное желание запустить речевую машину и посмотреть, что она мне скажет.

Мозг, думал я, уже осознал мое присутствие, потому что зрительные и слуховые приставки не могли не зафиксировать свет моего фонарика и легкое поскрипывание половиц под моими ногами. Но я так и не осмелился возиться с мерзким приспособлением. Я только заметил на столе новый сверкающий цилиндр с наклейкой, на которой было написано имя Эйкли, — тот самый, который я заметил на полке накануне вечером и к которому хозяин дома попросил меня не прикасаться. Сейчас, думая об этом, могу лишь посетовать на свою робость и пожалеть, что не

отважился заставить аппарат заговорить. Одному Богу ведомо, на какие тайны он мог пролить свет, какие ужасные сомнения рассеять! Но, с другой стороны, может быть, в том и состояло милосердие Божье, что я к нему не притронулся.

Я отвел луч фонарика от стола и направил его в угол, где, как я думал, сидит Эйкли, но, к своему изумлению, обнаружил, что старое кресло пусто — там не было никого, ни спящего, ни бодрствующего. Знакомый мне поношенный халат валялся на кресле, чуть свешиваясь на пол, а рядом на полу лежал желтый шарф и поразившие меня своими размерами жгуты для ног. Я замер, раздумывая, куда пропал Эйкли и почему он снял облачение больного, и поймал себя на том, что больше не ощущаю в помещении ни мерзкого запаха, ни легкой вибрации. Но что же было их причиной? И тут мне пришло в голову, что и то и другое ощущалось лишь в присутствии Эйкли. Причем сильнее всего — около кресла, где он сидел, а вот в других комнатах и в коридоре и запах, и вибрация пропадали полностью. Я обвел лучом фонарика стены темного кабинета, пытаясь найти объяснение столь разительной перемене.

О господи! Надо было тихо уйти отсюда до того, как луч фонарика вновь упал на пустое кресло!

Но, как оказалось, мне суждено было покинуть этот дом не тихо, а с воплем ужаса, который, наверное, потревожил, хотя и не разбудил, спящего стража в комнате напротив. Мой вопль и мерный храп Нойеса — вот последние звуки, услышанные мною в ужасном фермерском доме под поросшей темным лесом призрачной горой, в этом обиталище транскосмического кошмара среди уединенных зеленых холмов и угрожающе бормочущих ручьев зачарованного деревенского захолустья.

Удивительно, что во время беспорядочного бегства я не выронил ни фонарик, ни саквояж, ни револьвер. Я умудрился выбежать из кабинета и из дома, не издав ни единого звука, а потом благополучно забросил вещи в старый «форд», стоящий в сарае, сел за руль, завел мотор и помчался под покровом безлунной ночи в поисках безопасного места. Вся последующая поездка была как пьяный бред сродни иным рассказам Эдгара По, или стихам Рембо[17], или гравюрам Доре, но, как бы то ни было, я добрался до Тауншенда. Вот и все. И если после всех этих приключений я сохранил душевное здоровье, считайте, что мне

[17] Примечания: 17

Рембо, Артюр (1854–1891) — французский поэт, для стиха которого характерна «разорванность», нагнетающая напряжение.

крупно повезло. Иногда меня посещают страхи относительного того, что ждет всех нас в будущем, особенно если учесть недавнее открытие планеты Плутон.

Итак, обследовав с помощью фонарика стены кабинета, я направил луч на пустое кресло. И только тогда я впервые увидел там предметы, которые ранее не заметил из-за того, что они затерялись в складках поношенного халата. Это были три предмета, которые не обнаружили полицейские дознаватели, позже побывавшие в этом доме. Как я сказал в самом начале, на первый взгляд в них не было ничего ужасного. Ужас заключался в выводах, которые напрашивались при виде этих предметов. Даже сегодня я переживаю мгновения полуосознанных сомнений — мгновения, когда я склонен согласиться со скептическими оценками тех, кто приписывает все случившееся со мной сновидениям, расшатанным нервам или галлюцинациям.

Эти три предмета оказались дьявольски хитроумными конструкциями, снабженными тонкими металлическими зажимами, с помощью которых они, по-видимому, крепились к органическим устройствам, о природе которых я даже не хочу задумываться. Я лишь надеюсь — искренне наде-

юсь, — что, вопреки моим сокровенным страхам, это были восковые изделия работы изощренного мастера.

Великий Боже! Этот шепчущий из тьмы, с его омерзительным запахом и вибрациями! Чародей, эмиссар, двойник, Пришлый… Это жуткое приглушенное жужжанье… выходит, он все время находился в том новеньком сверкающем цилиндре на полке… бедняга!

«Недюжинные способности в области хирургии, биологии, химии и механики…»

Ибо в кресле я увидел микроскопически точно, до последней мельчайшей детали, воспроизведенное подобие — или подлинник — лица и кистей рук Генри Уэнтворта Эйкли.

1930

Сны в Ведьмином доме

Сны ли вызвали лихорадку или лихорадка послужила причиной снов, Уолтер Гилман не знал. На заднем плане затаился тягостный, неотвязный ужас пред древним городом и перед про́клятой затхлой мансардой под самой крышей, где он писал, корпел над книгами и сражался с цифрами и формулами, когда не метался беспокойно на нищей железной кровати. Слух его сделался сверхъестественно, невыносимо чуток; Гилман давным-давно остановил дешевые каминные часы — их тиканье со временем зазвучало для него артиллерийской канонадой. Ночью еле различимые шорохи из непроглядной городской черноты снаружи, зловещий топоток крыс в изъеденных червями перегородках и поскрипывание незримых балок векового дома складывались для него в адскую какофонию. Темнота неизменно полнилась необъяснимыми звуками — и однако ж порою Гилман содрогался от страха при мысли о том, что эти шумы стихнут и тогда он, чего доброго, расслышит и другие — еще более слабые и неясные.

Гилман жил в неизменном, овеянном легендой Аркхеме, с его нагромождениями двускатных крыш, что нависают и проседают над чердаками, — на этих чердаках в темные, былые дни Провинции от королевских стражников прятались ведьмы. Во всем городе не нашлось бы места, более пропитанного жуткими воспоминаниями, нежели приютившая Гилмана мансарда: ведь в этом самом доме и в этой самой комнате некогда ютилась старуха Кезия Мейсон, чей побег из Салемской тюрьмы так в итоге и остался загадкой. Было это в 1692 году: тюремщик тронулся умом и бессвязно бормотал что-то про мелкую мохнатую тварь с белыми клычками, что якобы шмыгнула из камеры Кезии, и даже сам Коттон Мэзер[18] не смог истолковать смысл углов и кривых линий, намалеванных на серых каменных стенах какой-то красной липкой жидкостью.

Вероятно, Гилману не стоило так усердствовать в своих занятиях. От неевклидовой геометрии и квантовой физики у кого угодно ум за разум зайдет, а если еще сдобрить все это фольклори-

---

[18] Примечания: 18

Коттон Мэзер (Cotton Mather, 1663–1728) — американский ученый, биолог и медик, проповедник, писатель и памфлетист. Близко общался со многими из судей, участвовавших в процессе Салемских ведьм; в связи с процессом написал трактат о доказательной силе тех или иных свидетельств.

стикой и пытаться выявить странную подоплеку многомерной реальности, что стоит за зловещими намеками готических повестей да нелепых пересудов у камелька, тут уж и впрямь добра не жди. Приехал Гилман из Хаверхилла, но лишь поступив в Аркхемский колледж, он стал пытаться увязать математику с фантастическими легендами о древней магии. Было в самом воздухе многовекового города что-то такое, что подспудно действовало на его воображение. Профессора Мискатоникского университета наперебой уговаривали его сбавить темп и сами, по доброй воле, несколько раз сокращали ему курс. Более того, Гилману запретили работать с сомнительными старинными книгами о недозволенных тайнах, что хранились под замком и под спудом в университетской библиотеке. Но все эти предосторожности запоздали: Гилман уже почерпнул недобрую подсказку-другую из кошмарного «Некрономикона» Абдула Альхазреда, фрагментарной «Книги Эйбона» и запрещенного труда «Unaussprechlichen Kulten», или «Неназываемые культы», фон Юнцта и соотнес эти подсказки со своими абстрактными формулами, описывающими свойства пространства, и взаимосвязанностью ведомых и неведомых из-

мерений.

Гилман знал, что живет в старом Ведьмином доме — поэтому, собственно, он здесь комнату и снял. В округе Эссекс сохранилось немало документов по процессу Кезии Мейсон, и то, в чем она под давлением призналась суду, Гилмана несказанно завораживало. Старуха рассказала судье Готорну про линии и спирали, что могут выводить из уз пространства в иные пределы, и намекнула, что эти самые линии и спирали частенько использовались на полуночных сборищах в темной долине белого камня за Луговым холмом и на безлюдном речном островке. Упомянула она и о Черном Человеке, и о своей клятве, и о своем новом тайном имени Нахаб. А потом начертала эти узоры на стенах своей камеры — и исчезла.

Гилман свято верил всей небывальщине, что рассказывали о Кезии, и, узнав, что дом ее стоит и по сей день, спустя более 235 лет, ощутил некий странный трепет. Когда же он услышал боязливые аркхемские перешептывания о том, что Кезия, дескать, по-прежнему появляется в старом особняке и узких окрестных улочках, и о том, что на спящих в этом доме и в соседних домах обнаруживаются неровные отметины

человеческих зубов, и о детских криках, что слышатся накануне первого мая и Дня Всех Святых, и о гнусном зловонии, что зачастую ощущается в мансарде старого дома сразу после этих страшных дат, и о мелкой, мохнатой, острозубой твари, что рыщет по прогнившему зданию и по городу и с любопытством обнюхивает людей в темные часы перед рассветом, — Гилман твердо решил поселиться именно тут, чего бы ему это ни стоило. Снять комнату оказалось нетрудно, дом пользовался дурной славой, сдать его целиком не удавалось, так что его давно переоборудовали под дешевые «меблирашки». Гилман понятия не имел, что ожидал там обнаружить: просто знал, что хочет жить под той самой крышей, где волею обстоятельств убогая старуха семнадцатого века нежданно-негаданно обрела понимание таких математических глубин, рядом с которыми ничего не стоили последние современные изыскания Планка, Гейзенберга, Эйнштейна и де Ситтера[19].

---

[19] Примечания: 19

Макс Карл Эрнст Людвиг Планк (*Max Karl Ernst Ludwig Planck*, 1858–1947) — выдающийся немецкий физик, основатель квантовой теории.

Вернер Карл Гейзенберг (*Werner Karl Heisenberg*, 1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики.

Виллем де Ситтер (*Willem de Sitter*, 1872–1934) — нидерландский математик, физик и астроном.

Гилман внимательно изучил деревянные и оштукатуренные стены, ища следы загадочных знаков во всех доступных местах, где отклеились обои, и, не прошло и недели, как заполучил комнату в восточной части мансарды, где Кезия якобы творила свои заклинания. Комната с самого начала пустовала — никто так и не захотел задержаться в ней надолго, — но поляк-домовладелец со временем стал побаиваться сдавать ее кому бы то ни было. Однако ничего страшного с Гилманом не случилось, — во всяком случае, вплоть до прихода болезни. Призрак Кезии не порхал по мрачным коридорам и покоям, никакие мохнатые твари не прокрадывались в жуткое гнездо под самой крышей обнюхать жильца — однако ж и неустанные поиски не увенчались успехом: никаких записей о ведьминых заклинаниях Гилман так и не нашел. Порою он отправлялся на прогулку по сумеречным лабиринтам немощеных, пахнущих затхлостью улиц, где зловещие коричневые особняки невесть какого века кренились, шатались, насмешливо щурились мелкими переплетами узких оконцев. Гилман знал: некогда здесь происходило немало всего странного, а за внешней видимостью маячило смутное ощущение того, что, возможно,

не все из этого чудовищного прошлого исчезло безвозвратно — чего доброго, прошлое это живо и по сей день на самых темных, самых узких и прихотливо извилистых улочках. Пару раз Гилман сплавал на веслах на речной островок с недоброй репутацией и зарисовал характерные угловатые линии, образованные мшистыми рядами стоячих камней неведомого и незапамятного происхождения.

Комната Гилману досталась просторная, зато до странности несимметричная; северная стена заметно покосилась внутрь по всей длине, а низкий потолок шел вниз, под уклон, в том же самом направлении. Если не считать явной крысиной норы и следов других таких же, заделанных, не было никакого доступа (и никаких следов того, что такой проход когда-либо существовал) к зазору, что, по-видимому, образовался между покосившейся внутренней стеной и ровной внешней стеною дома с северной стороны. Хотя, если посмотреть снаружи, можно было разглядеть, что здесь когда-то в незапамятные времена заколотили досками окно. К чердаку, с покатым, по всей видимости, полом, в этом месте доступа тоже не было. Когда же Гилман вскарабкался по приставной лестнице на затянутый паутиной

чердак, там, где над остальной частью мансарды пол был ровным, он обнаружил следы былого отверстия, которое надежно, просто-таки намертво забили старыми досками с помощью крепких деревянных гвоздей, что были в ходу у плотников колониального периода. Однако ж Гилману так и не удалось убедить флегматичного домохозяина позволить ему исследовать какую-либо из этих заделанных пустот.

По мере того как шли дни, неровная стена и потолок все больше занимали Гилмана; он принялся вычитывать в странных углах математический смысл, что словно бы наводил на некие мысли об их предназначении. Старуха Кезия, размышлял он, конечно же, жила в комнате с необычной конфигурацией не просто так: не она ли уверяла, будто через определенные углы она перемещается за пределы ведомого нам мирового пространства? Но постепенно Гилман утратил интерес к неизведанным зазорам за наклонными поверхностями: теперь ему казалось, что назначение их следует искать на этой стороне, а не на той.

Первые признаки мозговой горячки и сны проявились в начале февраля. Какое-то время, по всей видимости, причудливые углы Гилмановой

комнаты оказывали на него странный, почти гипнотический эффект; с приближением промозглой зимы он ловил себя на том, что все пристальнее и пристальнее смотрит на угол, где скошенный вниз потолок сходился с накренившейся внутрь стеной. Примерно в то же время неспособность сосредоточиться на прежних научных занятиях изрядно его встревожила: экзамены середины года внушали ему самые серьезные опасения. Но обострившийся слух досаждал ему ничуть не меньше. Жизнь превратилась в непрекращающуюся, почти нестерпимую какофонию, которой сопутствовало неотвязное, пугающее ощущение иных звуков — возможно, откуда-то из областей за пределами жизни, — что подрагивали на самой грани слышимости. Что до звуков реальных, хуже всего были крысы в старых перегородках. Порою казалось, что скребутся они не столько украдкой, сколько нарочито. Когда это царапанье доносилось из-за наклонной северной стены, к нему примешивалось что-то вроде сухого дребезжания, а когда оно слышалось с вот уже целый век как заколоченного чердака над скошенным потолком, Гилман всегда собирался с духом, как если бы ожидал, что некий ужас, выжидающий своего часа, низвергнется вниз и поглотит его

целиком.

Сны со всей определенностью выходили за рамки разумного; Гилман полагал, что они — не иначе как следствие его математических изысканий вкупе с фольклористикой. Слишком много размышлял он о смутных пределах, что, как подсказывали ему формулы, непременно таятся вне ведомых нам измерений, и о вероятности того, что старая Кезия Мейсон — направляемая некой непостижной силой — в самом деле отыскала врата в эти пределы. Пожелтевшие бумаги из окружных архивов с показаниями Кезии и ее обвинителей соблазнительно намекали на то, что человеческому опыту неподвластно, — а описания юркого мохнатого существа, ее фамильяра, были пугающе реалистичны, невзирая на все неправдоподобные детали.

Это существо размером с хорошую крысу горожане затейливо окрестили «Бурым Дженкином»; по-видимому, то был результат прелюбопытного случая симпатической массовой галлюцинации, ведь в 1692 году целых одиннадцать человек подтвердили, что своими глазами видели это существо. Да и недавние слухи поразительно и даже пугающе сходились на одном и том же. Свидетели уверяли, что тварь эта с виду — крыса,

с длинной шерстью, но острозубая бородатая мордочка смахивает на лицо злобного карлика, а лапы напоминают крохотные человеческие руки. Этот монстр служил посредником между старухой Кезией и дьяволом, а вскормлен была на ведьминой крови — сосал ее как вампир. Голос его звучал как мерзкое хихиканье; тварь владела всеми языками на свете. Из всех противоестественных чудищ в Гилмановых снах ни одно не повергало его в такую панику и не вызывало такой тошноты, как эта кощунственная помесь человечка и крысы: жуткий образ мельтешил в его ночных видениях в обличье в тысячу раз более омерзительном, нежели бодрствующий ум способен был представить на основании старинных записей и нынешних слухов.

В своих снах Гилман по большей части нырял в бездонные пропасти, наполненные необъяснимо цветными сумерками и беспорядочной невнятицей звуков: материю этих пропастей, их гравитационные свойства и отношение к реальности собственного бытия он даже не пытался объяснить. Он не шел, не карабкался, не летел и не плыл, не полз и не проскальзывал, извиваясь; и однако же всякий раз испытывал некое движение, отчасти сознательное, отча-

сти — непроизвольное. О своем состоянии он судить не мог: из-за странной рассогласованности перспективы разглядеть собственные руки, ноги и туловище не представлялось возможным. Тем не менее он чувствовал, что его физическая организация и способности чудесным образом преобразованы и отражены как в кривом зеркале — хотя и не без гротескной соотнесенности с его обычными пропорциями и качествами.

Пропасти отнюдь не пустовали: они кишмя кишели неописуемо угловатыми сгустками субстанции неземного цвета: одни казались органической материей, другие — нет. Органические порою пробуждали в нем некие смутные воспоминания на самых задворках сознания, хотя Гилман не смог бы на сознательном уровне объяснить, что именно они гротескно пародируют или напоминают. Позже в снах он научился различать отдельные категории органических объектов: по-видимому, в каждом случае имели место совершенно разные типы образа действий и исходной мотивации. Одна из категорий, как ему казалось, включала в себя объекты менее алогичные и непоследовательные в своих передвижениях, нежели представители других категорий.

Все эти объекты — как органические, так и неорганические, — не поддавались ни описанию, ни даже пониманию. Порою Гилман сравнивал неорганические сгустки с призмами, лабиринтами, скоплениями кубов и плоскостей и циклопическими зданиями; а органические существа напоминали ему попеременно группу пузырей, осьминогов, сороконожек, одушевленных индуистских идолов и прихотливые, змееподобно оживающие арабески. Все, что он видел, внушало ужас и невысказанную угрозу; всякий раз, когда какое-нибудь органическое существо, судя по его передвижениям, замечало Гилмана, юноша испытывал мгновенный приступ леденящего, жуткого страха — от которого, как правило, резко просыпался. Как именно передвигались эти органические создания, он понимал не больше, чем природу собственных перемещений. Со временем Гилман заметил еще одну загадку: некоторые объекты появлялись внезапно, из пустоты, и точно так же исчезали бесследно. Какофония звуков — визг и рев, переполнявшие пропасти, — не поддавались никакому анализу в том, что касалось высоты, тембра и ритма; но словно бы синхронизировались с размытыми зрительными изменениями во всех неопределенных объектах,

как органических, так и неорганических. Гилмана одолевал непрестанный страх, что при тех или иных неуловимых, пугающе неотвратимых флюктуациях звуки, чего доброго, достигнут непереносимого уровня громкости.

Но не в этих чужеродных безднах являлся ему Бурый Дженкин. Этот гнусный мелкий кошмар принадлежал неглубоким и вместе с тем ярким сновидениям, что приходили как раз перед тем, как юноше провалиться в самые глубины сна. Он лежал в темноте, отчаянно пытаясь не сомкнуть глаз, и тут по вековой комнате словно бы разливался слабый мерцающий свет, и в фиолетовой дымке проступали сходящиеся углы и плоскости, столь злокозненно завладевшие его мозгом. Кошмарная тварь выскакивала из крысиной норы в углу и семенила к нему по просевшим, широким половицам; в крохотном бородатом личике отражалось недоброе предвкушение — но, по счастью, этот сон неизменно гас, прежде чем существо подбиралось поближе, чтобы его обнюхать. А какие у него дьявольски длинные, острые клыки! Каждый день Гилман пытался заделать вход в нору, но каждую ночь настоящие обитатели стен прогрызали любое заграждение. Гилман заставил домохозяина заколотить нору жестью, но

следующей же ночью крысы опять проели дыру — и при этом не то выпихнули, не то вытащили наружу любопытный фрагмент кости.

Гилман не стал жаловаться на лихорадку доктору: он знал, что ни за что не сдаст экзаменов, если его уложат в университетскую больницу, в то время как вызубрить предстояло немало — каждая минута была на вес золота. Он и так уже провалил математический анализ за четвертый семестр и аспирантский курс по общей психологии, хотя не терял надежды до сессии наверстать упущенное. В марте к неглубокому, «предваряющему» сну добавился третий элемент: теперь кошмарный образ Бурого Дженкина сопровождало неясное, расплывчатое облако, что с каждым разом все больше и больше походило на согбенную старуху. Это добавление необъяснимо встревожило Гилмана, но наконец он решил, что видение смахивает на седую каргу, с которой он дважды сталкивался в темном лабиринте переулков близ заброшенной пристани. Оба раза от беспричинно злобного, сардонического взгляда старухи его просто в дрожь бросало — особенно в первую встречу, когда разъевшаяся крыса метнулась через затененный проход на соседнюю улочку, а Гилман, вопреки здравому смыслу,

подумал о Буром Дженкине. А теперь вот, размышлял он, эти нервические страхи отразились в беспорядочных снах, точно в зеркале.

То, что старый дом пагубно влияет на жильца, отрицать не приходилось; но былой нездоровый интерес, или то, что от него осталось, по-прежнему удерживал юношу там. Гилман внушал себе, что в ночных бредовых фантазиях повинна лишь лихорадка и ничто иное, и как только болезнь пройдет, он освободится от чудовищных видений. Однако ж видения эти были так отвратительно ярки и убедительны, что всякий раз, просыпаясь, он смутно подозревал, что испытал гораздо больше, нежели сохранила память. Он был пугающе уверен, что в позабытых снах он разговаривал как с Бурым Дженкином, так и со старухой, и что оба убеждали его куда-то с ними отправиться и повстречаться с кем-то третьим — обладателем великого могущества.

Ближе к концу марта Гилман вновь взялся за математику, хотя все остальные занятия все больше нагоняли на него скуку. Он интуитивно научился решать уравнения Римана и поразил профессора Апема пониманием четырехмерных задач, что ставили в тупик весь класс. Однажды имела место дискуссия о вероятных странных

искривлениях пространства и о теоретических точках сближения или соприкосновения между нашей частью Вселенной и иными областями, далекими, как запредельные звезды или сами межгалактические бездны, — или даже столь же баснословно недосягаемыми, как условно допустимые космические единицы вне эйнштейновского пространства-времени.

Рассуждения Гилмана на эту тему вызвали всеобщее восхищение, пусть некоторые его гипотетические примеры и дали новую пищу и без того богатым сплетням о его нервозной, отшельнической эксцентричности. Студенты лишь головами качали, выслушав продуманную теорию о том, что человек способен — при наличии математических познаний, которых людям заведомо обрести не дано, — сознательно шагнуть с Земли на любое другое небесное тело, находящееся в одной из множества определенных точек космической системы.

Для такого шага, объяснял Гилман, потребуется лишь два этапа: сперва — выход из знакомого нам трехмерного пространства, затем — переход обратно в трехмерное пространство в иной, возможно, бесконечно отдаленной точке. В ряде случаев это вполне достижимо и гибелью не гро-

зит. Любое существо из любой части трехмерной вселенной, вероятно, выживет и в четвертом измерении; а его выживание на втором этапе зависит от того, в какую чужеродную область трехмерной вселенной он решил возвратиться. Не исключено, что обитатели ряда планет не погибнут и на некоторых других — причем даже на тех, что принадлежат иным галактикам — или сходным трехмерным фазам иного пространства-времени; хотя, безусловно, должно существовать немало обоюдно необитаемых, пусть даже математически сопряженных космических тел и зон.

Допустимо также, что жители отдельно взятой пространственной области способны пережить перемещение во множество неведомых и непостижимых областей с дополнительными или умноженными до бесконечности измерениями — будь то вне или внутри данного пространственно-временного континуума, — и справедливо также и обратное. Здесь есть над чем поразмыслить, хотя можно с долей уверенности утверждать, что изменения, вызванные переходом из одного пространственного измерения в другое, высшее, не окажутся губительными для биологической целостности так, как мы ее понимаем. Гилман не мог объяснить, каковы его основания

для этого последнего допущения, но подобную неопределенность заметно перевешивала полная ясность в других трудных вопросах. Профессору Апему особенно понравились его доказательства родства высшей математики с определенными стадиями развития магических знаний, что передавались через века из незапамятной древности — будь то уже во времена человека или гораздо раньше, но только древность эта располагала куда более обширными познаниями о Вселенной и ее законах, нежели мы сегодня.

С приближением первого апреля Гилман всерьез забеспокоился: его затянувшаяся лихорадка утихать и не думала. А еще — несколько жильцов уверяли, будто бы он ходит во сне, — отчего Гилман встревожился еще больше. Его постель якобы частенько оказывалась пустой, а квартирант из комнаты под мансардой отмечал, как скрипят половицы над его головой в определенные часы ночи. Он же уверял, будто слышит в ночи шаги обутых ног; но Гилман был уверен, что по крайней мере в этом сосед ошибается — ведь его ботинки, равно как и прочая одежда, поутру обнаруживались ровно на том самом месте, где были оставлены. В этом зловещем старом доме у кого угодно разовьются слуховые галлюцинации

— разве сам Гилман, даже при свете дня, не слышал со всей определенностью, как иные звуки, помимо крысиной возни, доносятся из черных пустот за наклонной стеной и над наклонным потолком? Его болезненно чуткий слух начал улавливать слабый отзвук шагов на давно заколоченном чердаке над головой, и порою такого рода иллюзии становились мучительно реалистичными.

Однако ж Гилман знал, что в самом деле страдает сомнамбулизмом: ибо дважды комнату его ночью обнаруживали пустой, хотя вся одежда была на месте. Так, по крайней мере, уверял Фрэнк Элвуд, единственный сокурсник Гилмана, что по бедности вынужден был снять комнату в этом убогом и пользующимся дурной репутацией доме. Засидевшись за книгами далеко за полночь, Элвуд поднимался к соседу попросить его помочь с дифференциальным уравнением — и обнаруживал, что Гилмана нет. С его стороны было довольно-таки бесцеремонно открыть незапертую дверь, после того как, постучав, он не получил ответа, но студенту отчаянно требовалась помощь, и он подумал, что хозяин, если его деликатно растолкать, возражать не станет. Оба раза Гилмана в комнате не оказывалось — и,

выслушав рассказ приятеля, он сам недоумевал, куда мог отправиться — босиком и в ночной сорочке. Гилман решил расследовать это дело, если воспоследуют новые свидетельства его сомнамбулизма, и подумывал о том, чтобы присыпать мукой пол в коридоре и посмотреть, куда ведут следы. Дверь казалась единственным мыслимым выходом, ведь за узким окном не было никакой опоры для ног.

Апрель шел своим чередом, а обостренный лихорадкой слух Гилмана терзали заунывные молитвы суеверного ткацкого подмастерья по имени Джо Мазуревич: тот снимал комнату на первом этаже. Мазуревич рассказывал длинные, бессвязные байки про призрак старухи Кезии и про пушистую острозубую принюхивающуюся тварь: его, дескать, эти двое порою просто-таки осаждали, так что спас беднягу лишь серебряный крест, специально выданный ему отцом Иваницки из церкви Святого Станислава. Теперь же Джо искал спасения в молитвах, поскольку близился ведьминский шабаш. Канун первого мая — это же Вальпургиева ночь, когда чернейшее зло ада беспрепятственно рыщет по Земле и все рабы Сатаны сходятся для неописуемых ритуалов и деяний. Прескверное то время для Аркхема — хотя

именитые господа с Мискатоник-авеню, с Хай-стрит и Солтонстолл-стрит и прикидываются, будто они о том ни сном ни духом. В городе будет твориться страшное — пропадет ребенок-другой. Кто-кто, а Джо о таких вещах знал доподлинно — его бабушка еще на родине наслушалась историй от своей бабушки. В эту пору самое разумное — молиться да перебирать четки. Вот уже три месяца как Кезия с Бурым Дженкином не заглядывали в комнату ни к Джо, ни к Полу Чойнски, ни куда бы то ни было; а уж если они не дают о себе знать — тогда точно добра не жди. Небось что-то затевают.

16-го числа текущего месяца Гилман зашел-таки к доктору и с удивлением обнаружил, что температура у него не столь высока, как он опасался. Врач подробно расспросил его о симптомах — и посоветовал обратиться к специалисту по нервным болезням. По зрелом размышлении Гилман порадовался, что не стал консультироваться с доктором колледжа, человеком еще более дотошным. Старик Уолдрон, что уже и без того сократил ему нагрузку, теперь непременно предписал бы студенту отдых — а о каком отдыхе может идти речь, когда он так близок к великим результатам в своих уравнениях? Он же, вне

всякого сомнения, уже приблизился к границе между ведомой вселенной и четвертым измерением: как знать, далеко ли еще идти?

Но даже во власти подобных мыслей Гилман все гадал — а откуда у него столь странная уверенность? Не идет ли это грозное ощущение неизбежности от формул, которыми он ежедневно исписывал лист за листом? Тихие, крадущиеся воображаемые шаги на заколоченном чердаке действовали на нервы. А теперь еще нарастало подозрение, будто кто-то то и дело убеждает его совершить нечто страшное и противоестественное. А как насчет пресловутого сомнамбулизма? Куда он хаживал ночью? И что это за слабый отзвук порою словно бы просачивается сквозь раздражающую какофонию знакомых звуков даже среди бела дня, когда сна — ни в одном глазу? Его ритм не походил ни на что земное — разве что на модуляцию одного-двух неназываемых ритуальных распевов с шабаша; а порою Гилман со страхом узнавал в нем нечто схожее с невнятным визгом или ревом в чужеродных пропастях сновидений.

А сны между тем становились все ужаснее. В поверхностном, «предваряющем» сне злобная старуха теперь являлась с дьявольской отчетли-

востью; Гилман уже не сомневался: именно она напугала его в трущобах. Ее длинный, крючковатый нос и сморщенный подбородок ни с чем невозможно было перепутать, да и бесформенное бурое платье хорошо запомнилось юноше. В лице ее отражались отвратительное злорадство и ликование; по пробуждении у него в ушах все еще слышался каркающий голос, убеждая и угрожая. Ему должно повстречаться с Черным Человеком и отправиться вместе со всеми к трону Азатота в самом сердце предельного Хаоса. Так говорила старуха. Ему должно собственной кровью начертать свою подпись в книге Азатота и принять новое тайное имя — теперь, когда его самостоятельные изыскания продвинулись так далеко. Что же препятствовало Гилману отправиться вместе с нею, Бурым Дженкином и тем, другим, к трону Хаоса, где бессмысленно посвистывают пронзительные флейты? Только то, что он уже встречал имя «Азатот» в «Некрономиконе» и знал, что обозначает оно древнейшее зло, зло настолько чудовищное, что не поддается описанию.

Старуха неизменно появлялась из разреженного воздуха в том углу, где уклон вниз сходился со скосом внутрь. Материализовывалась она

ближе к потолку, нежели к полу, и каждую ночь подбиралась чуть ближе и проявлялась чуть четче, прежде чем сон менялся. Вот и Бурый Дженкин тоже всякий раз оказывался немного ближе; его желтовато-белые клычки недобро поблескивали в потустороннем фиолетовом свечении, визгливое мерзкое хихиканье все крепче отпечатывалось в сознании Гилмана; поутру он помнил, как тварь произносила слова «Азатот» и «Ньярлатхотеп».

Сны более глубокие также обретали все бóльшую четкость; теперь Гилману казалось, что сумеречные пропасти вокруг принадлежат четвертому измерению. Те органические сущности, перемещения которых казались не столь вопиюще непоследовательными и бессмысленными, возможно, представляли собою проекции форм жизни с нашей родной планеты, включая людей. Что такое остальные в своем собственном измерении или измерениях, Гилман даже задуматься не смел. Два менее хаотично движущихся создания — довольно крупный сгусток переливчатых, вытянутых сферических пузырей и небольшой многогранник неведомых оттенков, плоскости которого стремительно изменяли углы наклона, — словно бы заметили Гилмана и повсюду

следовали за ним — либо плыли впереди, по мере того как он перемещался среди исполинских призм, лабиринтов, скоплений кубов, плоскостей и квазисооружений; а невнятный визг и рев между тем все нарастали, словно бы приближаясь к чудовищной высшей точке абсолютно невыносимой интенсивности.

Ночью с 19 на 20 апреля случилось нечто новое. Гилман полуосознанно перемещался в сумеречных пропастях вслед за сгустком пузырей и маленьким многогранником, — как вдруг заметил, что края нескольких смежных скоплений гигантских призм образовали характерно правильные углы. А в следующий миг Гилман был уже не в пропасти: он стоял на каменистом склоне холма, омытом ярким рассеянным зеленым светом. Он был бос и в ночной сорочке; попытавшись сделать шаг, он обнаружил, что с трудом передвигает ноги. Клубящееся марево скрывало от глаз все, кроме небольшой части косогора прямо перед ним; при мысли о том, что за звуки могут выплеснуться из этого марева, Гилман неуютно поежился.

И тут Гилман заметил, как к нему с трудом подползают две фигуры: старуха и мелкая мохнатая тварь. Безобразная карга натужно привстала на

колени и сложила руки в характерном жесте, а Бурый Дженкин куда-то указывал пугающе человекообразной передней лапой, поднимая ее с явным усилием. Побуждаемый порывом, что брал начало не в нем самом, Гилман побрел в направлении, обозначенном углом скрещенных старухиных рук и лапой мелкого уродца, но, не проковылял он и трех шагов, как вновь оказался в сумеречных пропастях. Геометрические фигуры теснились вокруг него; Гилман падал — кружилась голова, и конца падению не предвиделось. В конце концов он проснулся в своей постели в мансарде с ее бредовой угловатой планировкой, под кровом жуткого старого дома.

Наутро юноша чувствовал себя совсем разбитым; на занятия он не пошел. Что-то неведомое притягивало его взгляд туда, где, казалось бы, ровным счетом ничего не было: он не мог отвести глаз от пустого места на полу. По мере того как разгорался день, фокус невидящих глаз сместился: к полудню Гилман поборол в себе тягу неотрывно глядеть в никуда. Часа в два юноша вышел пообедать: пробираясь по узким улочкам города, он ловил себя на том, что его то и дело тянет свернуть на юго-восток. Лишь усилием воли он заставил себя задержаться в кафе на

Черч-стрит, но после еды неведомая тяга дала о себе знать с еще большей силой.

Наверное, надо все-таки проконсультироваться у специалиста по нервным болезням — может, сомнамбулизм тоже как-то с этим связан; а до поры можно хотя бы попробовать рассеять страшные чары самостоятельно. Вне всякого сомнения, он пока еще в силах преодолеть эту тягу. Призвав на помощь всю свою решимость, Гилман зашагал вперед, наперекор притяжению, и нарочно побрел к северу вдоль Гаррисон-стрит. К тому времени, как он добрался до моста над рекой Мискатоник, он был весь в холодном поту; вцепившись в железную ограду, он пристально глядел вверх по течению, на островок с дурной репутацией, где правильные очертания древних стоячих камней мрачно вырисовывались в полуденном свете.

Вдруг он вздрогнул. На безлюдном островке ясно просматривался кто-то живой; приглядевшись вторично, Гилман понял: это, конечно же, та самая незнакомая старуха, чей зловещий образ столь роковым образом вторгся в его сны. Рядом с ней шевелилась высокая трава — словно по земле кралась еще какая-то тварь. Старуха начала было поворачиваться в его сторону — и Гилман

поспешно кинулся прочь от моста, под защиту городского лабиринта портовых улочек. Остров находился далеко, и однако ж Гилман чувствовал: сардонический взгляд этой согбенной старой карги в бурых одеждах исполнен чудовищной, неодолимой злобы.

Гилмана по-прежнему тянуло на юго-восток: лишь грандиозным усилием воли он смог заставить себя войти в старый дом и подняться по шатким ступеням. Там он просидел молча, бесцельно не один час; взгляд его постепенно смещался на запад. Около шести часов его обострившийся слух уловил плаксивые молитвы Джо Мазуревича двумя этажами ниже. В отчаянии Гилман схватил шляпу и вышел на позлащенные закатом улицы, позволяя притяжению, что теперь было направлено точно на юг, нести его куда угодно. Час спустя тьма застала его в открытом поле за Палаческим ручьем, а в вышине мерцали и переливались весенние звезды. Порыв идти вперед постепенно сменялся желанием мистически нырнуть в пространство вселенной, — и внезапно Гилман осознал, где таится источник неодолимого притяжения.

Источник этот — в небе! Некая определенная точка среди звезд притязала на него — и манила

его. По-видимому, точка эта находилась где-то между Гидрой и Кораблем Арго; Гилман знал, что туда-то его и влекло с самого момента пробуждения вскоре после восхода. Утром она была ниже линии горизонта; после полудня поднялась на юго-востоке, а сейчас — находилась ориентировочно на юге, но клонилась к западу. Что бы все это значило? Уж не сходит ли он с ума? И как долго это продлится? Вновь призвав на помощь всю свою решимость, Гилман развернулся и с трудом побрел к зловещему старому дому.

Мазуревич ждал его в дверях: похоже, ему не терпелось шепотом рассказать какое-то свежее суеверие — и вместе с тем слова не шли с языка. Речь шла о ведьминском огне. Накануне ночью Джо дома не было: в Массачусетсе праздновали День патриотов, и он вернулся уже после полуночи. Глядя на дом снаружи, он сперва подумал было, что окно Гилмана не освещено; но затем заметил внутри слабый фиолетовый отблеск. Ему хотелось предостеречь джентльмена насчет этого отблеска: ведь весь Аркхем знал, что это — ведьминский свет Кезии, что мерцает вокруг Бурого Дженкина и призрака старой карги. Мазуревич не упоминал об этом прежде, но теперь не может дольше молчать: ведь это значит, что Кезия со

своим длиннозубым фамильяром преследуют молодого джентльмена. Порою он, Пол Чойнски и домовладелец Домбровски словно бы видели, как свет просачивается сквозь щели в заколоченном чердаке над комнатой молодого джентльмена, но они сговорились молчать о таких вещах. Однако ж джентльмену лучше бы снять другую комнату и разжиться крестом у какого-нибудь доброго священника вроде отца Иваницки.

Мазуревич продолжал молоть всякий вздор, а Гилман чувствовал, как к горлу подступает комом невыразимая паника. Разумеется, накануне вечером Джо был изрядно навеселе, и однако упоминание о фиолетовом свете в окне мансарды было пугающе важным. Именно такой мерцающий отблеск неизменно играл вокруг старухи и мелкой мохнатой твари в поверхностных и вместе с тем пронзительно-ярких снах, что предшествовали прыжку юноши в неведомые пропасти, и мысль о том, что человек посторонний и бодрствующий тоже видел это свечение из снов, в здравом уме просто не укладывалась. Но откуда у соседа взялась столь странная идея? Или сам он не только ходит по дому во сне, но еще и разговаривает? Джо уверяет, что нет, — но неплохо бы проверить. Может, Фрэнк Элвуд что-нибудь

подскажет, хотя спрашивать Гилману отчаянно не хотелось.

Лихорадка — безумные сны — сомнамбулизм — слуховые галлюцинации — неодолимое притяжение некой точки на небе — а теперь еще и, чего доброго, нездоровые разговоры во сне! Надо, непременно надо отвлечься от занятий, посоветоваться со специалистом по нервным болезням, взять себя в руки. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, Гилман замешкался у двери Элвуда, но понял, что соседа дома нет. Неохотно побрел он к своей мансарде и какое-то время посидел в темноте. Взгляд его по-прежнему обращался к юго-западу, и вместе с тем Гилман поймал себя на том, что напряженно прислушивается к звукам на заколоченном чердаке и уже готов навоображать себе, будто сквозь микроскопическую щель в низком, покатом потолке сочится зловещий фиолетовый свет.

В ту ночь фиолетовое свечение обрушилось на спящего Гилмана с удвоенной силой; старуха-ведьма и мелкая мохнатая тварь, подобравшись еще ближе, чем прежде, дразнили его нечеловеческими воплями и дьявольскими жестами. Гилман рад был провалиться в сумеречные пропасти, бурлящие невнятным ревом, вот только

навязчивое преследование сгустка пузырей и калейдоскопического многогранничка раздражало и пугало. И тут случился переход — гигантские сходящиеся плоскости осклизлой с виду субстанции нависли сверху и снизу — накатил приступ бреда, и вспыхнул неведомый, чуждый свет, в котором бешено и неразрывно смешались желтая, карминно-красная и темно-синяя краски.

Он полулежал на высокой террасе, обнесенной фантастической балюстрадой, над бескрайними нагромождениями диковинных, неописуемых пиков, сбалансированных плоскостей, куполов, минаретов, горизонтальных дисков, уравновешенных на шпилях, и бессчетных, еще более причудливых форм, из металла и камня, что искрились великолепием в смешанном, едва ли не жгучем слепящем свете многокрасочного неба. Подняв глаза, Гилман различал три громадных огненных диска, все — разных оттенков и на разном расстоянии над бесконечно далекой волнистой линией приземистых гор у самого горизонта. Позади, насколько хватало глаз, возносились ярусы террас еще более высоких. А внизу, вплоть до самых пределов обзора, раскинулся город, и Гилман надеялся, что никакому звуку не долететь оттуда.

Гилман с легкостью поднялся на ноги. Площадка была вымощена полированным, с прожилками, камнем, определить который не удавалось; плитки были неправильно-угловатой формы, что казалась Гилману не столько асимметричной, сколько основанной на некой внеземной симметрии, законы которой ему не постичь. Балюстрада, изящная, причудливо выполненная, доходила ему до груди; вдоль всей ограды, на небольшом расстоянии друг от друга, стояли скромных размеров статуи гротескной формы и самой изысканной работы. Как и вся балюстрада, они были сделаны из какого-то сияющего металла, цвет которого не распознавался в этом хаосе смешанного блеска; а природа их и вовсе не поддавалась разгадке. Они представляли собою некий рифленый бочкообразный предмет — от центрального кольца, точно спицы, отходили тонкие горизонтальные руки, а верхняя часть и основание бочонка бугрились выпуклостями или пузырями. Каждый из таких пузырей служил основой для конструкции из пяти длинных, плоских, конусообразных ответвлений, похожих на лучи морской звезды, — почти горизонтальные, они чуть выгибались, отклоняясь от срединного бочонка. Нижний пузырь крепился к протя-

женной ограде, причем перемычка была столь хрупкой, что нескольких фигур недоставало: они давно отвалились. В высоту статуи достигали четырех с половиной дюймов, а руки-спицы создавали максимальный диаметр около двух с половиной дюймов.

Плитка обжигала босые ноги. Гилман был совсем один; его первым побуждением стало дойти до балюстрады и с ошеломляющей высоты оглядеть бесконечный, исполинский город на расстоянии двух тысяч футов внизу. Прислушавшись, Гилман, как ему показалось, уловил ритмичную какофонию негромких музыкальных посвистов в самом широком звуковом диапазоне, что доносилась из узких улочек; он пожалел о том, что жителей не видно. Спустя какое-то время у Гилмана закружилась голова; не схватись он машинально за лучезарную балюстраду, он бы упал на плитки. Его правая рука соскользнула на одну из выступающих статуй; это касание словно бы придало ему устойчивости. Однако экзотически хрупкий металл не выдержал, и шипастая фигура отломилась под его пальцами. Гилман полубессознательно сжал ее в кулаке, другой рукой схватившись за пустое место на гладких перилах.

Но теперь его сверхчувствительный слух уловил какое-то движение за спиной. Гилман обернулся и окинул взглядом ровную террасу. К нему тихо, хотя и не таясь, приближались пятеро, в том числе — зловещая старуха и клыкастая мохнатая тварь. При виде остальных троих Гилман потерял сознание: то были живые существа восьми футов ростом, в точности похожие на шипастые статуи балюстрады: передвигались они, по-паучьи изгибая нижние лучи-руки.

Гилман проснулся весь в холодном поту; лицо, руки и ступни саднило. Он спрыгнул с постели, умылся, оделся с лихорадочной поспешностью: ему нужно было как можно быстрее убраться из этого дома. Он понятия не имел, куда пойдет, но сознавал, что вновь придется пропустить занятия. Странное притяжение некоей точки в небесах между Гидрой и Кораблем Арго ослабло, но вместо него возникло иное, еще более сильное. Теперь юноша чувствовал, что необходимо спешить в северном направлении — как можно дальше. Перспектива пройти по мосту с видом на безлюдный островок реки Мискатоник внушала ему ужас, так что Гилман пересек мост на Пибоди-авеню. Он то и дело спотыкался: его взгляд и слух были прикованы к неописуемо далекой

точке в ясном синем небе.

Спустя примерно час Гилман овладел собою и обнаружил, что забрел далеко от города. Повсюду вокруг тянулась унылая пустыня солончаковых болот, а узкая дорога впереди уводила к Иннсмуту — древнему, полузаброшенному городу, от которого жители Аркхема почему-то предпочитали держаться подальше. И хотя тяга к северу не слабела, Гилман сопротивлялся ей — как и тому, второму притяжению, и наконец ему почти удалось уравновесить их. Он побрел обратно в город, выпил кофе у киоска с газированной водой, с трудом доплелся до публичной библиотеки и посидел там, бесцельно листая глянцевые журналы. Раз к нему подошли друзья и удивились, до чего он загорел; но о своей прогулке Гилман рассказывать не стал. В три он пообедал в ресторанчике, попутно отмечая, что притяжение либо ослабло, либо разделилось надвое. После того Гилман, чтобы убить время, заглянул в дешевый кинотеатр и просмотрел пустопорожний сеанс несколько раз, снова и снова, не вдумываясь в содержание.

Где-то около девяти вечера юноша поковылял домой и, спотыкаясь, ввалился в старый дом. Джо Мазуревич жалобно тянул свою молитвенную

невнятицу; Гилман торопливо поднялся к себе в мансарду, не задержавшись проверить, дома ли Элвуд. Он включил тусклый электрический свет — и испытал настоящее потрясение. Он сразу заметил на столе нечто постороннее, а второй взгляд не оставил места сомнениям. На боку лежала — потому что стоять стоймя без поддержки не могла — необычная шипастая фигурка, что в чудовищном сне он своей рукой отломал от фантастической балюстрады. Верно, она — все детали на месте. Гофрированный, бочонкообразный центр, тонкие расходящиеся спицы-руки, выпуклости на каждом конце, а от выпуклостей тянутся плоские, чуть изогнутые наружу лучи — все в точности! В электрическом свете цвет фигурки казался радужно-серым, с зелеными прожилками; в ужасе и изумлении Гилман осознал, что на одной из выпуклостей заметен рваный надлом: в этом месте статуэтка некогда крепилась к перилам из сновидения.

Лишь полубессознательное оцепенение помешало ему закричать в голос. Это слияние сна и реальности сводило юношу с ума. До глубины души потрясенный, он стиснул в руке шипастую фигурку и побрел вниз по лестнице в квартиру домохозяина Домбровски. В затхлых коридорах

все еще звенели плаксивые молитвы суеверного ткацкого подмастерья, но теперь Гилману было все равно. Домовладелец оказался у себя и приветливо поздоровался с жильцом. Нет, этой вещи он прежде не видел и ничего о ней не знает. Но жена рассказывала, будто нашла забавную жестяную игрушку в одной из постелей, когда убирала комнаты в полдень; может, это она и есть? Домбровски позвал супругу, та степенно вплыла в комнату. Да, верно, та самая вещица. В постели молодого джентльмена нашлась — у самой стенки. Странная штуковина, ничего не скажешь, ну да у молодого джентльмена комната битком набита всякими странностями — тут и книги, и разные редкости, и картины, и заметки на бумаге. Нет, она ровным счетом ничего про находку не знает.

Во власти душевного смятения Гилман вновь поднялся к себе, будучи убежден, что либо он все еще спит и видит сон, либо сомнамбулизм дошел до небывалой крайности и вынуждает его к грабежу в незнакомых местах. Где он только мог раздобыть эту экзотическую вещицу? Ни в каком аркхемском музее он ничего подобного не видел. Но откуда-то она ведь взялась! Разгуливая по городу во сне, он, должно быть, увидел и схва-

тил ее — и это, в свою очередь, вызвало странный сон про обнесенную балюстрадой террасу. На следующий день нужно будет очень осторожно навести справки — и посоветоваться наконец со специалистом по нервным болезням.

А между тем надо попробовать отследить, куда он ходит во сне. По пути в свою комнату Гилман рассыпал по лестнице и в коридоре мансарды муку, одолженную у хозяина, — он честно объяснил зачем. Юноша задержался было у комнаты Элвуда, но свет внутри не горел. Войдя к себе, Гилман поставил шипастую фигурку на стол и прилег, не потрудившись даже раздеться — так он был измучен физически и духовно. С заколоченного чердака над скошенным потолком словно бы доносилось тихое царапанье и топоток, но в смятении своем Гилман даже не придал этому значения. Таинственная тяга на север снова набирала силу, хотя теперь источник ее находился, по-видимому, ниже у горизонта.

В слепящем фиолетовом свете сновидения старуха и клыкастая мохнатая тварь проявились снова — куда отчетливее, нежели когда-либо прежде. На сей раз они подобрались вплотную к юноше: иссохшие старухины клешни вцепились в него. Гилмана вытащили из постели и повлек-

ли в пустоту; мгновение он слышал ритмичный рев и видел, как вокруг него вскипает сумеречная бесформенность размытых пропастей. Но картина тотчас же сменилась: в следующий миг он оказался в нищей, тесной каморке без окон — грубо обработанные балки и брусья сходились конусом у него над головой, а под ногами пол, как ни странно, шел под уклон. На подпорках вровень с полом стояли низкие ящики, битком набитые книгами самых разных эпох, более или менее тронутые распадом, а в центре громоздились стол и скамейка, по-видимому, закрепленные неподвижно. Сверху на ящиках выстроились небольшие предметы неведомой природы и формы, и в пламенеющем фиолетовом свечении Гилман заметил словно бы копию шипастой фигурки, так его озадачившей. Слева пол резко уходил вниз, в черный треугольный провал, откуда сперва донеслось сухое дребезжание, а потом выползла отвратительная мохнатая тварь с желтыми клыками и бородатым человеческим лицом.

Старая карга, недобро ухмыляясь, по-прежнему не отпускала своего пленника. А позади стола возвышалась прежде невиданная фигура — высокий, сухощавый человек, весь черный, но без харак-

терных негроидных черт; полностью лишенный волос и бороды; единственной одеждой ему служила бесформенная мантия из какой-то плотной черной ткани. Ног различить было невозможно, их заслоняли стол и скамья, но незнакомец, по всему судя, был обут — когда он менял положение, слышалось легкое постукивание. Человек не произнес ни слова; мелкие, правильные черты лица его оставались совершенно бесстрастны. Он просто указал на массивный фолиант, раскрытый на столе, а карга всунула в правую руку Гилмана огромное серое перо. Все застилала пелена сводящего с ума страха, что достиг высшей своей точки, когда мохнатая тварь вскарабкалась по одежде спящего ему на плечи, спустилась вниз по левой руке и наконец больно укусила в запястье у самой манжеты. Фонтаном брызнула кровь, и Гилман потерял сознание.

Очнулся он поутру 22 апреля. Левое запястье ныло, манжета побурела от засохшей крови. Воспоминания путались, однако ж сцена с участием Черного Человека в неведомом месте запечатлелась в сознании четко и ярко. Должно быть, во сне юношу укусила крыса, что и породило кульминацию ночного кошмара. Отворив дверь, Гилман убедился, что мука на полу в коридоре

не потревожена — если не считать гигантских следов неотесанного увальня, что жил в противоположном конце мансарды. Значит, на сей раз о сомнамбулизме речи не идет. Но с крысами давно пора что-то делать. Надо пожаловаться домовладельцу. Гилман снова попытался закупорить нору у основания наклонной стены, забив в нее подсвечник подходящего размера. В ушах стоял чудовищный звон — точно остаточное эхо какого-то жуткого шума из снов.

Он вымылся, переоделся и попытался вспомнить, что же произошло во сне после сцены в фиолетовом мареве, но в сознании не вырисовывалось ничего определенного. Само место событий наверняка соотносилось с заколоченным чердаком, мысли о котором поначалу так властно подчинили себе воображение Гилмана, но последующие впечатления были нечетки и тусклы. Проступали смутные образы сумеречных пропастей и еще более обширных и черных бездн за ними — бездн, в которых отсутствовали какие бы то ни было устоявшиеся представления о формах. Гилмана перенесли туда сгусток пузырей и маленький многогранник, его навязчивые преследователи, но они, как и сам Гилман, превратились в клочья молочно-белого, чуть

подсвеченного тумана в еще более отдаленной пустоте запредельной тьмы. Впереди маячило что-то еще — более крупный обрывок тумана то и дело сгущался до неназываемого приближения к той или иной форме — и Гилман подумал, что продвижение их следует не по прямой линии, но скорее по чужеродным кривым и спиралям некоего эфирного водоворота, который подчинялся законам, неведомым физикам и математикам любой из мыслимых вселенных. Наконец смутно обозначились громадные мятущиеся тени, чудовищная, не вполне звуковая пульсация и тонкий монотонный посвист незримой флейты — и на этом воспоминания оборвались. Гилман решил, что последнее представление он почерпнул из «Некрономикона», в котором прочел про бездумную сущность именем Азатот, что правит временем и пространством с черного трона посреди причудливого окружения в самом сердце Хаоса.

Когда Гилман смыл кровь, ранка оказалась ничтожной: вот только расположение двух крошечных точек изрядно озадачивало. Гилману пришло в голову, что на постельном покрывале кровавых следов не осталось — что было по меньшей мере странно, учитывая количество

крови на коже и на манжете. Или он расхаживал во сне по комнате, и крыса укусила его, пока он сидел на стуле или замер в какой-нибудь менее естественной позе? Гилман осмотрел все углы, ища бурые пятна или капли, но так ничего и не нашел. Пожалуй, стоит посыпать мукой пол в комнате, а не только в коридоре, — решил он; хотя никаких новых подтверждений хождения во сне, наверное, уже и не требуется. Он о своем недуге знает: теперь осталось только положить ему конец. Надо попросить о помощи Фрэнка Элвуда. Этим утром странные призывы из космоса словно бы поутихли, зато на их место заступило новое ощущение, еще более необъяснимое. То был неясный, но настойчивый порыв бежать от всего, что его окружает, но куда — Гилман ведать не ведал. Он взял со стола странную шипастую статуэтку — и юноше померещилось, что прежняя тяга на север чуть усилилась; но если и так, новое, непонятное побуждение полностью ее заглушало.

Он отнес шипастую статуэтку в комнату Элвуда, усилием воли не вслушиваясь в плаксивые стенания ткацкого подмастерья, что доносились с первого этажа. Элвуд, слава небесам, был дома и уже встал. До завтрака и ухода в колледж

оставалось немного времени на беседу, и Гилман торопливо пересказал приятелю свои недавние сны и страхи. Элвуд сочувственно выслушал гостя и согласился, что надо что-то делать. Изможденный, осунувшийся вид бедняги поразил его до глубины души; не оставил он без внимания и странный, необычный загар, что в течение последней недели отмечали столь многие. Однако что тут сказать, он не знал. Он ни разу не видел Гилмана расхаживающим во сне, и что это за загадочная статуэтка, понятия не имел. Однажды вечером он слыхал, как франкоканадец, живущий под комнатой Гилмана, беседовал с Мазуревичем. Они жаловались друг другу на то, как боятся прихода Вальпургиевой ночи, до которой оставалось уже всего-то несколько дней, и вслух жалели бедного, обреченного молодого джентльмена. Дерошер, жилец из комнаты под мансардой Гилмана, рассказывал, что по ночам раздаются шаги как обутых, так и босых ног и что однажды ночью, в страхе прокравшись наверх, чтобы заглянуть в замочную скважину к Гилману, он увидел фиолетовый свет. Подсматривать он так и не дерзнул, признавался он Мазуревичу, — ибо фиолетовый свет просачивался в щель под дверью. А еще из комнаты слышались тихие

голоса, и… — На этом франкоканадец понизил голос до невнятного шепота.

Элвуд понятия не имел, что послужило для этих суеверных олухов материалом для сплетен: вероятно, воображение их разыгралось, с одной стороны, оттого, что Гилман засиживался за книгами допоздна и сонно расхаживал по комнате, рассуждая сам с собою, — а с другой стороны, близился канун первого мая, дата, по традиции внушавшая немалый страх. Не приходилось отрицать, что Гилман и впрямь разговаривает во сне, и, конечно же, не кто иной, как Дерошер, имевший привычку подслушивать у замочной скважины, распустил ложный слух о фиолетовом свечении из сна. Эти простецы горазды навоображать себе любые странности, о которых случайно услышали. Что до плана действий — Гилману лучше бы на время перебраться в комнату Элвуда, дабы не оставаться по ночам одному. Элвуд, если не уснет сам, непременно разбудит его, как только сосед заговорит во сне или попытается встать. Кроме того, необходимо как можно скорее посоветоваться с врачом. А между тем они покажут шипастую статуэтку в разных музеях и кое-кому из профессоров: попросят идентифицировать ее и скажут, что нашли экспонат на городской

помойке. Кроме того, Домбровски просто обязан потравить крыс в старых стенах.

Ободренный беседой с Элвудом, в тот день Гилман даже пошел на занятия. Его по-прежнему странно тянуло туда и сюда, но он не без успеха противостоял всем призывам. Во время «окна» в расписании он показал странную статуэтку нескольким профессорам: все они чрезвычайно заинтересовались находкой, но так и не смогли пролить свет ни на ее природу, ни на происхождение. В ту ночь Гилман спал на кушетке, что по просьбе Элвуда домохозяин перенес в комнату на третьем этаже, и впервые за много недель его не осаждали тревожные сны. Но лихорадка не спадала, а плаксивые подвывания ткацкого подмастерья изрядно действовали на нервы.

В течение следующих нескольких дней Гилман наслаждался почти полной неуязвимостью для зловещих явлений. Элвуд уверял, что ни разговаривать, ни ходить во сне сосед не порывался; между тем домовладелец повсюду разложил крысиный яд. Единственное, что тревожило, — так это пересуды среди суеверных иностранцев, воображение которых разыгралось не на шутку. Мазуревич настойчиво уговаривал Гилмана разжиться распятием, и наконец сам всучил ему

крест, по его словам, благословленный праведным отцом Иваницки. У Дерошера тоже нашлось что сказать — он, собственно, настаивал, что в пустой комнате над ним в первую и вторую ночь после переселения Гилмана слышались сторожкие шаги. Полу Чойнски мерещились ночами разные звуки в коридорах и на лестницах; он уверял, что однажды дверь его осторожно подергали снаружи, а миссис Домбровски клялась, что впервые со Дня Всех Святых видела Бурого Дженкина. Но все эти наивные россказни, конечно же, ничего не значили; дешевый металлический крест так и остался висеть без дела на ручке шкафа в квартире Элвуда.

Три дня кряду Гилман с Элвудом опрашивали местные музеи, пытаясь идентифицировать загадочную шипастую статуэтку, — но безуспешно. Однако ж повсюду интерес она вызывала немалый; абсолютная чужеродность фигурки бросала научному любопытству серьезный вызов. Одну из тонких расходящихся рук-спиц отломили и подвергли химическому анализу; о результатах в кулуарах колледжа толкуют и сегодня. Профессор Эллери обнаружил в странном сплаве платину, железо и теллур; но к ним примешивались по меньшей мере три явных элемента с высоким

атомным весом, классификации совершенно не поддающиеся. Они не только не соответствовали никакому из известных элементов, но даже не вписывались в пустые места, оставленные для гипотетических элементов в периодической системе. Эта тайна не раскрыта и по сей день, хотя сама статуэтка выставлена в музее Мискатоникского университета.

Утром 27 апреля в комнате, где гостил Гилман, появилась свежая крысиная нора, но Домбровски заколотил ее жестью в тот же день. Яд ощутимого результата не дал; царапанье и возня в стенах тише не сделались. В тот вечер Элвуд где-то задержался, Гилман его ждал. Ему не хотелось засыпать одному в комнате, тем более что в вечерних сумерках ему померещилась отвратительная старуха, образ которой столь ужасным образом перенесся в его сны. Гилман гадал, кто она такая и что громыхало жестянкой в мусорной яме у входа на грязный внутренний двор. А карга его, похоже, заметила и злобно ему ухмыльнулась — хотя, может быть, он просто навоображал себе невесть чего.

На следующий день оба юноши очень устали и знали, что с приходом ночи заснут как убитые. Вечером они вяло потолковали о математиче-

ских изысканиях, что всецело и, вероятно, не к добру поглощали внимание Гилмана, и пообсуждали связь между древней магией и фольклором, что представлялась столь загадочной — и столь возможной. Вспомнили и про старую Кезию Мейсон; Элвуд признал, что Гилман имеет веские научные основания думать, что она, вероятно, случайно оказалась обладательницей странного и важного знания. Тайные культы, к которым принадлежали ведьмы, нередко хранили и передавали удивительные секреты из древних, позабытых веков; очень может статься, что Кезия и в самом деле овладела искусством проходить сквозь врата измерений. Предания все как одно утверждают, будто материальные преграды ведьму удержать не в силах; и кому ведомо, что стоит за старыми сказками о ночных полетах на помеле?

Дано ли современному студенту обрести сходные способности благодаря одним только математическим изысканиям, предстояло еще проверить. Гилман сам признавал, что успех, чего доброго, приведет к опасным и немыслимым ситуациям; ибо кто сумел бы предсказать, что за условия царят в соседнем, но обычно недоступном измерении? С другой стороны, сколь

безграничные возможности рисует разыгравшееся воображение! В определенных областях пространства время, вероятно, не существует; переносясь в эти области и оставаясь в них, можно сохранять жизнь и молодость до бесконечности; процессы обмена веществ и старения утратят над человеком власть, кроме как в те недолгие моменты, когда он навещает свое собственное или сходные измерения. Можно, например, нырнуть в безвременье — и выйти из него в какой-нибудь отдаленной эпохе земной истории, причем столь же молодым, как и прежде.

Удавалось ли такое хоть кому-нибудь, остается разве что гадать — с большей или меньшей степенью достоверности. Древние легенды невнятны и противоречивы, а в историческое время все попытки преодолеть запретные пропасти, по-видимому, осложняются странными и жуткими союзами с существами и посланниками извне. Взять вот исконную фигуру посредника или глашатая тайных и ужасных сил — «Черного Человека» ведьминского культа или «Ньярлатхотепа» из «Некрономикона». А ведь есть еще неразрешимая проблема малых посланцев — квазиживотных или противоестественных гибридов, что в легендах именуются «ведьмин-

скими фамильярами». Глаза у собеседников уже закрывались сами собою, и на этом разговор прервался. Уже укладываясь спать, Гилман и Элвуд услышали, как в дом ввалился Джо Мазуревич, изрядно навеселе, и поневоле содрогнулись: такое исступленное отчаяние звучало в его заунывных молитвах.

Той ночью Гилман снова увидел фиолетовое свечение. Во сне он слышал царапанье и грызущее похрустывание в перегородках, потом словно бы кто-то неловко подергал за щеколду. Затем он увидел, как старуха и мелкая мохнатая тварь идут прямиком к нему по застеленному ковром полу. В лице карги сияло жестокое торжество; крохотный желтозубый монстр, глумливо хихикая, указал на фигуру Элвуда, спящего глубоким сном на своей кровати в противоположном конце комнаты. Парализующий страх пресек все попытки закричать. Как и в предыдущий раз, безобразная старуха схватила Гилмана за плечи, рывком выдернула из постели и утащила в пустоту. И вновь мимо замелькала беспредельность визжащих сумеречных пропастей, а в следующую секунду он, по-видимому, оказался в темном, слякотном, незнакомом переулке, где воздух был пропитан зловонными запахами, а слева и справа вздыма-

лись прогнившие стены старых домов.

Впереди шел Черный Человек в мантии — тот самый, которого Гилман видел в каморке с конусообразным потолком в другом своем сне, а на небольшом расстоянии обнаружилась и старуха — она манила Гилмана рукой и строила властные гримасы. Бурый Дженкин с игривой ласковостью терся о лодыжки Черного Человека, ступни которого тонули в глубокой грязи. Справа обозначился темный дверной пролет; Черный Человек молча указал на него. Туда-то и нырнула гримасничающая старуха, таща за собою Гилмана за рукав пижамы. На лестнице нависала вонь, ступени зловеще поскрипывали; старуха словно бы излучала слабый фиолетовый свет; но вот наконец лестничная площадка — и дверь. Мерзкая карга повозилась немного со щеколдой, толкнула дверь, знаком велела Гилману ждать — и исчезла в черном проеме.

Обострившийся слух юноши уловил жуткий сдавленный крик, и вскоре старая карга вышла из комнаты с маленькой бесчувственной фигуркой, которую и всунула спящему в руки, точно носильщику. При виде этой фигурки и выражения на ее лице Гилман словно бы сбросил с себя чары. В потрясении своем не в силах даже закри-

чать, он опрометью кинулся вниз по вонючей лестнице и в грязь снаружи; но Черный Человек, ждавший у входа, схватил беглеца и начал его душить. Гилман потерял сознание: последнее, что он слышал, — это тихое, пронзительное хихиканье клыкастого крысоподобного уродца.

Утром 29-го числа Гилман проснулся в водовороте кошмара. Едва он открыл глаза, как сразу понял: случилось что-то ужасное. Ведь он снова находился в своей старой комнате в мансарде, с наклонной стеною и потолком: раскинулся на незастеленной за ненадобностью кровати. Горло необъяснимо болело; с трудом приняв сидячее положение, Гилман с нарастающим страхом обнаружил, что его ступни и штанины пижамы заляпаны засохшей грязью. В первое мгновение воспоминания его безнадежно путались, но по крайней мере не приходилось сомневаться: приступ сомнамбулизма повторился. Элвуд, верно, уснул слишком крепко, ничего не услышал и не остановил гостя. На полу остались беспорядочные грязные следы, но, как ни удивительно, до двери они не доходили. Чем дольше Гилман их разглядывал, тем более странными они казались: в придачу к тем, что явно принадлежали ему самому, там были и другие отпечатки, поменьше,

и почти круглые, вроде как от ножек большого стула или стола, вот только большинство их словно бы делились напополам. А еще — грязная дорожка характерных крысиных следов вела из свежей норы и обратно. Неописуемое смятение и ужас при мысли о том, что он сходит с ума, подчинили себе Гилмана, когда он с трудом доковылял до двери и увидел, что грязных отпечатков по другую ее сторону нет. Чем яснее вспоминал Гилман свой жуткий сон, тем бóльшая паника его охватывала; и унылый речитатив Джо Мазуревича двумя этажами ниже лишь усиливал его отчаяние.

Спустившись в комнату Элвуда, Гилман растолкал спящего хозяина и принялся рассказывать о том, что с ним случилось, но Элвуд даже предположить не мог, как такое возможно. Где Гилман был, как умудрился вернуться в комнату, не оставив следов в коридоре? — любые догадки заходили в тупик. А потом еще эти темные лилово-синие пятна на горле: можно подумать, Гилман пытался сам себя задушить. Он приложил к синякам руки — и обнаружил, что его собственные пальцы отпечаткам нимало не соответствуют. Пока друзья беседовали, в дверь заглянул Дерошер: сообщить, что в предрассветной темноте

слышал над головой ужасный грохот. Нет-нет, на лестнице никого после полуночи не было — хотя незадолго до полуночи он слышал слабый отзвук шагов в мансарде, а потом еще крадущуюся поступь вниз, которая ему очень не понравилась. Недоброе это время года для Аркхема, прибавил гость. Молодому джентльмену лучше бы носить на себе принесенный Джо Мазуревичем крестик. Здесь даже днем и то опасно; ведь после рассвета в доме раздавались странные звуки — вот, например, тоненький детский вскрик, тут же и заглушенный.

Гилман машинально отправился на занятия, но сосредоточиться на учебе никак не мог. Им овладели мрачные предчувствия и опасения; он словно бы ждал сокрушительного удара. В полдень он пообедал в университетском клубе и в ожидании десерта взял с соседнего сиденья газету. Но десерта он так и не отведал: на первой же странице он прочел такое, отчего все тело его обмякло, глаза расширились; он смог лишь расплатиться по счету да, пошатываясь, доковылять до комнаты Элвуда.

Накануне ночью случилось странное похищение в проулке Орни: бесследно исчез двухлетний ребенок туповатой прачки именем Анастасия

Волейко. Мать, как выяснилось, вот уже какое-то время страшилась подобного исхода; но причины для страха приводила столь нелепые, что их никто не принимал во внимание. Она якобы с самого начала марта то и дело видела в доме Бурого Дженкина, и по его ужимкам и хихиканью поняла: маленький Ладислас не иначе как предназначен в жертву на страшном шабаше в Вальпургиеву ночь. Она просила соседку, Марию Кзанек, ночевать в той же комнате и попытаться защитить ребенка, но Мария не осмелилась. В полицию обращаться было бесполезно: ей бы все равно не поверили. Детей так забирали каждый год, сколько она себя помнила. А ее дружок Пит Стовацки помочь и вовсе отказывался: ребенок-де ему только мешал.

Но что бросило Гилмана в холодный пот, так это рассказ двоих припозднившихся гуляк, что проходили мимо входа в проулок как раз после полуночи. Они признавали, что были пьяны, однако оба клялись и божились, будто видели, как в темный проход прокралась странно одетая троица. А именно: высокий негр в мантии, старушенция в лохмотьях и белый юноша в пижаме. Старуха волокла за собой юношу, а у ног негра ласкалась и резвилась в бурой грязи

ручная крыса.

Гилман просидел в оцепенении до самого вечера. Так и застал его по возвращении домой Элвуд — который между тем тоже прочел газеты и сделал самые жуткие выводы. Теперь уже ни один не сомневался: к ним подступает нечто пугающе серьезное. Между фантомами ночных кошмаров и реальностью объективной действительности выкристаллизовалась чудовищная, немыслимая связь, и лишь неусыпная бдительность способна была отвратить события еще более ужасные. Безусловно, Гилману необходимо рано или поздно обратиться к невропатологу, но не прямо сейчас, когда все газеты пестрят новостями о похищении.

Загадочность происшедшего просто-таки сводила с ума. Минуту Гилман с Элвудом шепотом делились друг с другом теориями самого безумного толка. Неужто Гилман бессознательно преуспел в своем изучении пространства и его измерений куда больше, нежели рассчитывал? Неужто он и в самом деле ускользал за пределы нашей планеты в области, недоступные ни догадкам, ни воображению? Где же бывал он в ночи демонического отчуждения — если и вправду где-то бывал? Ревущие сумеречные бездны

— зеленый склон холма — раскаленная терраса — призывы со звезд — запредельный черный водоворот — Черный Человек — грязный проулок и лестница — старуха-ведьма и клыкастый, мохнатый монстр — сгусток пузырей и многогранничек — странный загар — рана на запястье — необъяснимая фигурка — заляпанные грязью ноги — отметины на горле — россказни и страхи суеверных иностранцев — что все это значило? Применимы ли здесь вообще законы здравого смысла?

Той ночью никто из них так и не заснул, но на следующий день оба пропустили занятия и вздремнули немного. Было 30 апреля; с приходом сумерек настанет адская пора шабаша, которой так страшились все иностранцы и все суеверные старики. Мазуревич вернулся домой в шесть и рассказал, что рабочие на фабрике перешептываются, будто Вальпургиевы оргии назначены в темном овраге за Луговым холмом, где на поляне, пугающе лишенной всякой растительности, высится древний белый камень. Кое-кто даже подсказал полиции искать пропавшего ребенка Волейко именно там, да только никто не верит, будто из этого хоть что-нибудь выйдет. Джо настаивал, чтобы бедный молодой джентльмен

надел на шею крестик на никелевой цепочке, и, не желая огорчать соседа, Гилман послушался и спрятал крест под рубашку.

Поздно вечером друзья устроились в креслах; молитвенный речитатив ткацкого подмастерья этажом ниже оказывал усыпляющее действие: глаза их закрывались сами собою. Гилман хоть и клевал носом, но бдительности не терял: его сверхъестественно обострившийся слух словно бы пытался уловить на фоне звуков старинного дома некий еле различимый, пугающий шум. В памяти всколыхнулись омерзительные воспоминания о прочитанном в «Некрономиконе» и в «Черной книге»; внезапно Гилман осознал, что раскачивается взад-вперед, подстраиваясь под неописуемо жуткие ритмы, что якобы сопровождают гнуснейшие обряды шабаша и берут свое начало за пределами постижимого нами времени и пространства.

Очень скоро Гилман осознал, к чему прислушивается — к адскому распеву жрецов в далекой темной долине. Откуда он знал, чего они ждут? Откуда он знал, когда именно Нахаб и ее приспешник вынесут полную до краев чашу, что последует за черным петухом и черным козлом? Видя, что Элвуд заснул, Гилман попытался закри-

чать и разбудить его. Однако отчего-то в горле у него стеснилось. Он не принадлежит сам себе. Разве не поставил он свою подпись в книге Черного Человека?

А затем его возбужденный, болезненный слух уловил далекие, прилетевшие с ветром ноты. За много миль холмов, полей и улиц донеслись они, но Гилман их все равно узнал. Пора зажечь костры; настало время плясок. Как может он удержаться — и не пойти? Что за тенета его опутали? Математика — фольклор — дом — старуха Кезия — Бурый Дженкин — а вот и свежая крысиная нора в стене рядом с его кушеткой. На фоне далекого распева и куда более близких молений Джо Мазуревича послышался новый звук — потаенное, настойчивое царапанье в перегородках. Если бы только электрический свет не погас! В крысиной норе показалось клыкастое, бородатое личико — то самое ненавистное лицо, что, как он с запозданием осознал, пугающе-гротескно повторяет черты старухи Кезии, — и чья-то рука уже возилась с задвижкой двери.

Перед глазами замелькали визжащие сумеречные бездны; во власти бесформенной хватки переливчатого сгустка пузырей Гилман ощущал себя совершенно беспомощным. Впереди несся

калейдоскопический многогранничек; на протяжении всего пути через пустоту густел, нарастал, ускорялся зыбкий рисунок тонов, словно предвещая некий невыразимый, невыносимый апофеоз. Гилман, похоже, знал, чего ждать — чудовищного взрыва Вальпургиевых ритмов, в космическом тембре которых сосредоточатся все первичные и конечные пространственно-временные вихри. Вихри эти бушуют за скоплением бессчетных материальных сфер и порою прорываются в размеренных отзвуках, что слабым эхом пронизывают собою все уровни существования и через все миры придают отвратительный смысл отдельным страшным временам.

Секунда — и все исчезло. Гилман снова был в тесной каморке с конусообразным потолком и покатым полом, залитой фиолетовым светом; взгляд различал низкие ящики с древними книгами, скамью и стол, разные редкости и треугольный провал сбоку. На столе лежало тщедушное белое тельце — маленький мальчик, раздетый и без сознания. По другую сторону зловеще ухмылялась мерзкая старуха, сжимая в правой руке блестящий нож с причудливой рукоятью, а в левой — странной формы чашу из светлого металла, покрытую прихотливой гравировкой и

с изящными боковыми ручками. Она нараспев произносила хриплым голосом какое-то заклинание на непонятном Гилману языке, однако ж нечто похожее со всеми предосторожностями цитировалось в «Некрономиконе».

Место действия обрело отчетливость. На глазах у Гилмана старая карга наклонилась вперед и протянула пустую чашу через стол — и, не владея собою, он потянулся навстречу и принял чашу в обе руки, отмечая попутно ее сравнительную легкость. В тот же миг над краем треугольного черного провала слева показалась отвратительная мордочка Бурого Дженкина. Карга жестом велела держать чашу в определенном положении и занесла громадный гротескный нож над крошечной бледной жертвой — так высоко, как смогла. Клыкастая мохнатая тварь, хихикая, подхватила неведомое заклинание; ведьма хрипло произносила омерзительные ответствия. Гилман почувствовал, как мучительное, острое отвращение пробилось сквозь умственную и эмоциональную заторможенность, и невесомый металл задрожал в его руке. Секундой позже нож пошел вниз — и чары окончательно рассеялись. Гилман отбросил чашу — она ударилась об пол с лязгом, подобным звону колокола, — и рванулся

помешать чудовищному преступлению.

В мгновение ока он метнулся вверх по покатому полу мимо стола, вырвал нож из старухиных когтей и отшвырнул его прочь; клинок со стуком провалился в узкую треугольную дыру. Но в следующее мгновение роли поменялись: смертоносные когти крепко вцепились ему в горло, а сморщенное лицо исказилось от безумной ярости. Гилман чувствовал, как цепочка дешевого крестика впивается ему в шею, и перед лицом опасности задумался — а что станется с адской старухой при виде распятия? Злобная карга душила его едва ли не со сверхчеловеческой мощью, но он из последних сил пошарил под рубашкой и извлек на свет металлический символ, оборвав цепочку.

Увидев крест, ведьма запаниковала, железная хватка ослабла — достаточно, чтобы Гилман сумел высвободиться. Он оторвал стальные когти от своего горла и спихнул бы каргу в черный провал, если бы та не вцепилась в него снова, словно бы ощутив прилив новых сил. На сей раз Гилман решил отплатить старухе ее же монетой — и в свой черед потянулся к ее шее. Не успела ведьма понять, что он задумал, как Гилман обвил ее шею цепочкой от креста — и сдавил как можно

крепче. Пока старуха билась в последних судорогах, что-то укусило его в лодыжку: это Бурый Дженкин подоспел на помощь хозяйке. Одним могучим пинком Гилман отшвырнул уродца за край черного провала: тот жалобно пискнул где-то далеко внизу.

Гилман понятия не имел, убил ли он старую каргу; он просто оставил ее лежать там, где она упала. Юноша отвернулся к столу — и глазам его открылось зрелище, от которого едва не порвалась последняя ниточка разума. Пока он боролся с ведьмой, Бурый Дженкин, жилистый и крепкий, с четырьмя крохотными, дьявольски ловкими ручками, времени зря не терял, и все усилия Гилмана пошли прахом. Своим вмешательством он уберег грудь жертвы от ножа — но не запястье от желтых клыков мохнатого демона: чаша, еще недавно валяющаяся на полу, теперь стояла рядом с безжизненным тельцем, полная до краев.

В сонном бреду Гилман слышал адские, внеземные ритмы распева — отголосок бесконечно далекого шабаша, и знал, что Черный Человек наверняка там. Сбивчивые воспоминания мешались с математикой; Гилману казалось, что подсознание его владеет конфигурацией углов, посредством которых он сумеет вернуться в при-

вычный мир — на сей раз один, без посторонней помощи. Он был уверен, что находится на заколоченном с незапамятных времен чердаке над своей комнатой, но очень сомневался, сможет ли бежать через давным-давно заделанный выход, или, допустим, пробив наклонный пол. Кроме того, покинув чердак из сновидения, не окажется ли он всего-навсего в доме из того же сна — в противоестественном отображении реально существующего места? А он понятия не имел, как именно соотносятся сон и действительность во всех пережитых приключениях.

Значит, ему остается пугающий переход через размытые пропасти: ведь бездны будут вибрировать Вальпургиевыми ритмами и он наконец услышит доселе сокрытую пульсацию Вселенной — то, что внушало ему смертельный ужас. Гилман уже сейчас улавливал низкую чудовищную вибрацию и нимало не заблуждался насчет ее темпа. В день шабаша эта вибрация всегда нарастала и распространялась по всем мирам, призывая посвященных к неназываемым обрядам. Половина распевов шабаша вторили этой смутно различимой пульсации — и ни одно ухо на земле не выдержало бы всей ее разверстой космической полноты. Кроме того, как он может

быть уверен, что не окажется на омытом зеленым сиянием склоне холма далекой планеты, на мозаичной террасе над городом чудовищ с щупальцами где-то за пределами галактики или в спиральных черных водоворотах той конечной пустоты Хаоса, где царит бездумный демонический султан Азатот?

Как раз перед тем, как ему совершить прыжок, фиолетовый свет погас — и Гилман остался в непроглядной темноте. Ведьма — старуха Кезия — Нахаб — должно быть, умерла. А на фоне далекого распева шабаша и поскуливания Бурого Дженкина в провале внизу Гилман словно бы различил новый, еще более неистовый вой из неведомых глубин. Джо Мазуревич — молитвы против Ползучего Хаоса внезапно зазвучали необъяснимо торжествующим выкриком — миры сардонической реальности, посягающие на водовороты лихорадочных снов… Йа! Шуб-Ниггурат, Коза с Тысячей Отпрысков…

Гилмана нашли на полу его причудливо спланированной комнаты в старой мансарде задолго до рассвета, ибо на ужасный крик тут же сбежались и Дерошер, и Чойнски, и Домбровски, и Мазуревич; пробудился даже Элвуд, крепко спавший в своем кресле. Гилман был жив, но в

полубеспамятстве; открытые глаза неотрывно глядели в никуда. На шее синели отпечатки смертоносных пальцев, а на левой лодыжке обнаружился болезненный крысиный укус. Одежда его была вся измята, креста недоставало. Элвуд задрожал, боясь даже помыслить, как проявился сомнамбулизм его друга на этот раз. Потрясенный Мазуревич был явно не в себе — ему, дескать, явился некий «знак» в ответ на молитвы — и исступленно крестился всякий раз, как из-за наклонной стены доносились крысиный писк и повизгивание.

Сновидца уложили на кушетку в комнате Элвуда и послали за доктором Малковски — местным практикующим врачом, умеющим при необходимости держать язык за зубами. Врач сделал Гилману две подкожные инъекции — и тот, расслабившись, задремал. В течение дня пациент порою приходил в сознание и бессвязным шепотом пересказывал свой последний сон Элвуду. То был весьма болезненный процесс, причем с самого начала выяснилась новая загадочная подробность.

Гилман, чей слух еще недавно обладал сверхъестественной чуткостью, теперь совершенно оглох. Опять спешно призвали доктора Мал-

ковски; и тот сообщил Элвуду, что у пациента разрыв обеих барабанных перепонок, словно бы под воздействием какого-то звука колоссальной мощности, что человек вынести не в силах. Откуда бы взяться за последние несколько часов такому звуку и почему он не переполошил всю Мискатоникскую долину, честный доктор ответить не мог.

Элвуд писал свои реплики на бумаге, так что поддерживать разговор труда не составило. Оба не знали, что и думать о сумбурных событиях, и решили, что самое лучшее — вообще о них больше не вспоминать. Друзья, однако, сошлись на том, что древний проклятый дом необходимо покинуть, как только переезд станет возможен. В вечерних газетах рассказывалось о полицейской облаве на подозрительных гуляк в ущелье за Луговым холмом незадолго до рассвета; упоминалось и о стоячем белом камне, что испокон веков служил объектом суеверного поклонения. Никого, впрочем, не задержали: но среди разбежавшихся участников оргии заметили дюжего негра. В соседней колонке говорилось, что никаких следов пропавшего ребенка именем Ладислас Волейко не найдено.

Но той же ночью случилось самое страшное.

Элвуд так и не смог позабыть об этом кошмаре и вынужден был оставить занятия вплоть до конца семестра — с ним приключился нервный срыв. Ему казалось, весь вечер напролет он слышал в стенах крысиную возню, да только не придал этому значения. А затем, спустя много времени после того, как они с Гилманом улеглись спать, раздался душераздирающий крик. Элвуд вскочил с постели, включил свет, кинулся к гостевой кушетке. Лежащий издавал звуки, в которых не осталось ничего человеческого — словно терзаемый неописуемой мукой. Он извивался и корчился под покрывалом, а на ткани постепенно проступало огромное красное пятно.

Элвуд не смел к нему прикоснуться — но мало-помалу вопли и корчи прекратились. К тому времени в дверях уже столпились Домбровски, Чойнски, Дерошер, Мазуревич и жилец с верхнего этажа; а жену хозяин послал позвонить доктору Малковски. Внезапно все завизжали: здоровенная, похожая на крысу тварь выпрыгнула из-под окровавленного постельного белья и побежала через всю комнату к свежей норе. Когда же прибыл доктор и осторожно приподнял страшные покрывала, Уолтер Гилман был уже мертв.

Можно лишь предположить, что убило Гилма-

на, — вдаваться в подробности было бы слишком жестоко. Кто-то выгрыз ему сердце, проев тело почти насквозь. Домбровски, вне себя от того, что все его попытки потравить крыс заканчиваются ничем, выбросил из головы все мысли об аренде и еще до конца недели перебрался вместе со всеми своими прежними жильцами в обветшалый, но не настолько старый дом на Уолнат-стрит. Труднее всего оказалось утихомирить Джо Мазуревича: унылый ткацкий подмастерье напивался всякий день и неумолчно ныл да бормотал что-то про призраков и прочие ужасы.

Как выяснилось, в ту последнюю жуткую ночь Джо наклонился приглядеться к алым крысиным следам, что вели от кушетки Гилмана к ближайшей норе. На ковре отпечатки терялись, но между краем ковра и плинтусом оставался промежуток настила. Там Мазуревич обнаружил нечто чудовищное — или так ему показалось, потому что никто другой так с ним и не согласился, невзирая на бесспорную необычность следов. Дорожка на полу и впрямь совершенно не походила на обычные отпечатки крысиных лап, но даже Чойнски с Дерошером отказывались признавать, насколько они напоминали оттиски четырех крохотных человеческих рук.

С тех пор дом больше не сдавался внаем. Как только Домбровски съехал, на здание опустился покров окончательного запустения: люди избегали его в силу прежней репутации, а также и из-за возникшего непонятно откуда зловония. Видимо, крысиный яд бывшего домовладельца все-таки сработал, потому что вскоре после его отъезда запах из особняка стал изрядно досаждать соседям. Санитарная инспекция проследила источник смрада до заколоченных пустот над восточной комнатой в мансарде и рядом с нею, и сошлись на том, что крыс тут, верно, передохло бессчетное множество. Однако ж было решено, что не стоит трудиться взламывать и дезинфицировать давно заделанные помещения: тяжелый дух скоро развеется, а район тут не из тех, где пристало привередничать. И в самом деле, по району всегда ходили смутные слухи о необъяснимом зловонии, что ощущалось на верхних этажах Ведьминого дома сразу после кануна первого мая и Дня Всех Святых. Соседи неохотно смирились с бездействием властей — но тем не менее смрад послужил дополнительным аргументом против дома. В итоге инспектор по строительству признал особняк непригодным к проживанию.

Сны Гилмана и сопутствующие им обстоя-

тельства объяснить так и не удалось. Элвуд, чья версия событий порою способна свести с ума, вернулся в колледж следующей осенью и закончил его в июне. Он обнаружил, что городских сплетен на тему призраков изрядно поубавилось; не приходится отрицать, что со времен гибели Гилмана ни старуха Кезия, ни Бурый Дженкин больше не появлялись — невзирая на отдельные слухи про зловещее хихиканье в покинутом доме, слухи, просуществовавшие почти столько же, сколько само здание. Элвуду, пожалуй, повезло, что его не было в Аркхеме в тот год, когда некие события внезапно возродили к жизни местные россказни о древних ужасах. Разумеется, впоследствии он о событиях узнал и испытал невыразимые муки, в замешательстве строя догадки самые мрачные; но лучше уж гадать, чем находиться рядом и, чего доброго, насмотреться на такое, чего видеть не стоит.

В марте 1931 года ураган сорвал с пустого Ведьминого дома крышу и высокую трубу, так что мешанина из растрескавшихся кирпичей, почерневшей мшистой дранки и прогнивших досок и брусьев обрушилась в мансарду и продавила в ней пол. Весь верхний этаж завалило обломками сверху, но никто не потрудился разгрести этот

мусор, вплоть до неизбежного сноса обветшалого строения. Этот решающий шаг был предпринят в следующем декабре; именно тогда прежнюю Гилманову комнату с неохотой расчистили боязливые рабочие — и по городу опять поползли пересуды.

Среди всякого хлама, что просыпался сквозь старинный покатый потолок, обнаружилось такое, отчего рабочие остолбенели — и тут же вызвали полицию. Позже полиция в свою очередь призвала следователя и нескольких университетских профессоров. Нашлись кости — раздробленные и перемолотые, но вполне узнаваемо человеческие — однако ж, как ни странно, датировались они сравнительно недавним периодом, в то время как единственное место, способное послужить им укрытием, то есть низкий чердак с покатым полом, был, по-видимому, заколочен и ни для кого не доступен вот уже много лет. Врач при следователе определил, что часть косточек принадлежала маленькому ребенку, а другие найденные вперемешку с клочьями прогнившей бурой ткани, — довольно низкорослой и согбенной женщине преклонных лет. После того как мусор был тщательно просеян, на свет извлекли множество крохотных косточек, останки

угодивших под обвал крыс, а также и крысиные косточки более старые, обглоданные острыми клычками — что наводило на противоречивые размышления.

А еще во всей этой мешанине обнаружились фрагменты множества книг и бумаг и желтоватая пыль — все, что осталось от разложившихся книг и бумаг, еще более древних. По-видимому, все они без исключения были посвящены черной магии в ее наиболее продвинутых и чудовищных формах; а то, что некоторые предметы явно относятся ко времени более позднему, до сих пор не поддается объяснению — точно так же как и тайна свежих человеческих костей. Еще большее недоумение вызывает абсолютное единообразие неразборчивых архаических записей на огромном количестве бумаг, состояние которых, равно как и водяные знаки, предполагает временной промежуток по меньшей мере от 150 до 200 лет. Однако ж некоторые считают, что главная тайна — это множество совершенно необъяснимых предметов, разбросанных среди мусора и в разной степени поврежденных — предметов, форма, материал, способ исполнения и предназначение которых ставят в тупик. В числе этих находок, что привели в восторг нескольких профессоров

Мискатоникского университета, была и изрядно попорченная чудовищная статуэтка, явно схожая со странной фигуркой, что Гилман подарил музею колледжа, — только крупнее, сработанная не из металла, а из характерного синеватого камня, и стояла она на причудливо угловатом пьедестале, покрытом неразборчивыми иероглифами.

Археологи и антропологи по сей день пытаются объяснить странные узоры, выгравированные на смятой чаше из какого-то легкого металла: с внутренней стороны она была покрыта зловещими бурыми пятнами. Иностранцы и легковерные старушки также готовы порассуждать насчет современного никелевого крестика с оборванной цепочкой: его тоже нашли в мусоре, а Джо Мазуревич, дрожа, опознал в нем то самое распятие, что сам подарил бедняге Гилману много лет назад. Иные полагают, что это крысы утащили крестик на заколоченный чердак, а другие считают, будто он так с тех пор и валялся на полу в уголке старой Гилмановой комнаты. А третьи, включая Джо, строят догадки настолько дикие и фантастические, что на трезвую голову и не поверишь.

Когда же разобрали наклонную стену Гилмановой комнаты, в заколоченном треугольном зазоре

между этой перегородкой и северной стеной дома обнаружилось куда меньше строительного мусора, нежели в комнате, даже принимая во внимание небольшие размеры, и однако ж пол покрывал жуткий слой останков более древних: при виде него рабочие заледенели от ужаса. Вкратце, зазор служил самым настоящим склепом, битком набитым костями маленьких детей: часть их относилась к современности, другие — чем дальше, тем древнее, — принадлежали к периодам настолько давним, что почти рассыпались в прах. На этом плотном слое костей покоился огромный нож, явно очень древний, гротескный, изысканно украшенный, фантастической формы — а сверху на него был навален всякий хлам.

В куче всего этого хлама, между поваленной балкой и грудой зацементированных кирпичей от развалившейся трубы, застрял предмет, которому суждено было вызвать в Аркхеме куда больше недоумения, завуалированного страха и откровенно суеверных пересудов, нежели все прочие находки из облюбованного призраками проклятого здания. То был полураздавленный скелет гигантской крысы-переростка, чьи уродства по сей день служат предметом споров среди

представителей кафедры сравнительной анатомии Мискатоникского университета и при том столь многозначительно замалчиваются. Крайне немногое об этом скелете просочилось за пределы кафедры, но рабочие, обнаружившие находку, потрясенно перешептывались, обсуждая клочья длинной бурой шерсти.

По слухам, кости крохотных лапок наводили на мысль о хватательных свойствах, более типичных для небольшой мартышки, нежели для крысы; а маленький череп с хищными, противоестественными желтыми клыками под определенным углом казался миниатюрной пародией на чудовищно выродившийся череп человека. Обнаружив этого кощунственного уродца, работники в страхе перекрестились, а после поставили свечи в церкви Святого Станислава в благодарность за то, что никогда больше не услышат визгливого, призрачного хихиканья.

Тень из безвременья

I

После двадцати двух лет, полных ужаса и кошмаров, сохранив рассудок лишь благодаря отчаянной надежде на мифическую природу моих впечатлений, не хочу ручаться в истинности того, что я, вероятно, обнаружил в Западной Австралии в ночь с 17 на 18 июля 1935 года. У меня еще есть основания надеяться, что пережитое мной целиком или хотя бы частично является галлюцинацией, тем более что существует немало подобных примеров. Но иллюзия моя была настолько отвратительна и ужасна, что временами я не могу более находить оснований для надежды.

Если все случилось со мной взаправду, человеку придется покориться космосу и примириться с собственным скромным местом в кипящем круговороте времен, не впадая в панику при одном упоминании о грядущей судьбе. Нам, людям, придется встать против потаенного зла, которое пусть и не в силах уже погубить целую расу, но еще опасно для отдельных ее предприимчивых

членов.

Вот по этой причине я прошу, всей силой моего существа умоляю прекратить любые попытки очистить от земли таинственные стены из допотопных каменных блоков, ради которых я и отправился в экспедицию.

Если предположить, что в ту ночь я был здоров и оставался в своем уме, мне пришлось пережить такое, с чем еще не приходилось сталкиваться людям. Увы, кое-какие обстоятельства, к ужасу моему, подтверждают истинность происшествия, которое мне легче было бы считать бредом или кошмарным сновидением. Впрочем, к счастью, у меня нет решительных доказательств, ибо в страхе своем я потерял тот самый предмет, который, будь он реален и окажись за пределами этой отвратительной бездны, мог послужить окончательным и неоспоримым свидетельством реальности происшествия.

Кошмарное место это я обнаружил сам, в одиночку, и пока еще никому не говорил о нем. Я не вправе запретить остальным проводить поиски, но случай и сыпучие пески скрывают от людей эти камни. А теперь время кое-что пояснить — не только чтобы сохранить свой умственный покой, но и чтобы все, кому случится прочесть эти стро-

ки, отнеслись к ним серьезно.

Страницы эти с самого начала покажутся знакомыми внимательному читателю, следящему за прессой, в том числе и научной. Я пишу их в каюте корабля, отвозящего меня домой. Эти записки я передам сыну, Уингейту Пизли, профессору Мискатоникского университета, — единственному члену моей семьи, не отвернувшемуся от меня после странной амнезии, посетившей меня много лет назад, человеку, знакомому со всеми секретами и обстоятельствами моего дела. Из всех смертных он едва ли не в последнюю очередь может отнестись с пренебрежением к моему рассказу о той роковой ночи.

Я решил ничего не говорить ему до отплытия — пусть он узнает все из моей рукописи. Имея возможность на досуге вновь обратиться к моим запискам, он сумеет составить обо всем более убедительное представление, чем то, что способен поведать мой смятенный язык.

С рукописью он вправе делать все что угодно — в том числе предоставлять ее с соответствующими комментариями любому, кому подобное чтение может послужить во благо. Но простому читателю начало моей истории скорее всего неизвестно, и рассказ о роковой ночи я предваряю

достаточно кратким изложением предшествующих событий.

Мое имя — Натаниэль Уингейт Пизли, и те, кто помнит еще газетные побасенки прежнего поколения — или же письма и статьи в журналах по психологии шести-семилетней давности, — должны знать, кто я такой и что из себя представляю. В 1908–1913 годах газеты подняли достаточно шума о моей странной амнезии; чаще всего статейки писались в привычном стиле ужасных сказок, с детства знакомых жителям старинного городка в Массачусетсе, где я обитал тогда, как и теперь. Но я хочу, чтобы все знали: ни наследственность моя, ни прежняя жизнь не таили в себе безумия или зла. Для меня это весьма существенно: тень пала на меня извне.

Быть может, столетия мрачных дум придали ветхому, живущему одними слухами Аркхему особую чувствительность к такого рода мрачным историям. Впрочем, едва ли — памятуя те случаи, о которых мне пришлось узнать позднее. Главное то, что ни предки мои, ни их образ жизни не обнаруживали никаких отклонений от нормы, и все, что случилось со мной, обусловлено было иными причинами… явилось из… даже теперь мне трудно подобрать нужные слова.

Я — сын Джонатана и Ханны (Уингейт) Пизли, родители мои принадлежали к здоровой хаверхиллской породе. Вырос я и был воспитан в Хаверхилле в старом домовладении, что на Дощечной возле Золотой горки, и в Аркхем перебрался, лишь когда поступил работать в Мискатоникский университет преподавателем политической экономии.

Тринадцать лет жизнь моя катилась гладко и приносила одни только радости. В 1896 году я женился на Алисе Кизар из того же Хаверхилла, трое моих детей — Роберт, Уингейт и Ханна — родились друг за другом в 1898, 1900 и 1903 годах. В 1898 году я сделался ассистентом и в 1902 году — профессором. В то время оккультизм и аномалии психики меня не интересовали.

Это случилось во вторник 14 мая 1908 года — тогда и началась моя странная амнезия. Все произошло внезапно, хотя позже я понял, что короткие, хаотической чередой сменявшиеся видения предшествующих часов — весьма меня обеспокоившие потому, что не было ничего подобного в моей памяти, — и являлись предваряющими болезнь симптомами. Голова моя разламывалась, и меня мучило четкое ощущение: все казалось, что кто-то пытается овладеть

моими мыслями.

Приступ случился в 10:20 утра. Я вел занятия по шестому разделу курса политической экономии — истории и новейшим тенденциям в экономике — перед первокурсниками и немногими «козерогами» со стажем. Перед глазами моими рябили странные формы, мне казалось, что я нахожусь в каком-то необычном помещении — совсем не в классной комнате.

А когда мои мысли отклонились от темы занятия, студенты поняли, что случилось нечто серьезное. Я сел в кресло и лишился сознания, оцепенев в столбняке, из которого меня так и не смогли вывести. И больше не видел дневного света в здравом рассудке — пять лет четыре месяца и тринадцать дней.

О том, что случилось потом, я узнал, конечно же, от других. В течение шестнадцати с половиной часов я не обнаруживал и проблеска сознания, даже когда меня доставили в собственный дом — Журавлиная, 27 — под присмотр лучших врачей.

В три часа утра 15 мая глаза мои раскрылись и я заговорил, но мои слова и выражение лица долго еще пугали врача и мою семью. Ясно было, что я не помню себя и собственного прошлого,

хотя по неизвестным причинам пытаюсь утаить это. Глаза мои со странным выражением глядели на окружающих, а движения лицевых мускулов близким были и вовсе незнакомы.

Сама речь моя стала чужой и неуклюжей. Голосовые органы действовали неловко, дикция сделалась подчеркнутой, словно бы я был знаком с английской речью только по книгам. Произношение стало каким-то варварским и чужестранным, а идиомы казались или немыслимо архаичными, или вовсе непостижимыми.

Одну из моих тогдашних фраз настойчиво и не без легкого ужаса лет через двадцать принялись вспоминать молодые врачи. Выражение это в те дни нашло широкое употребление сперва в Англии, а потом и в Соединенных Штатах и, невзирая на всю свою сложность и неоспоримую новизну, до последней буквы воспроизводило слова, произнесенные в 1908 году странным аркхемским пациентом.

Физические силы возвратились немедленно, хотя некоторое время пришлось поучиться вновь владеть руками, ногами, да и всем телом. Поэтому-то и из-за прочих неприятностей, связанных с потерей памяти, некоторое время я находился под строгим медицинским надзором.

Заметив, что попытки скрыть провал в памяти не имеют успеха, я признал его наличие и обнаружил жажду ко всякого рода познаниям. Доктора решили, что, осознав случившееся, я потерял весь интерес к прежней своей личности.

Они сумели подметить, что в основном меня занимают некоторые аспекты истории, искусства и науки, лингвистики и фольклора — иногда сверхсложные, а иногда по-детски простые, но в любом случае выходящие за пределы прежних моих интересов.

В то же время я не мог скрыть от них свои непостижимо глубокие познания во многих почти неисследованных областях — и, стараясь умалчивать, то и дело непроизвольно проговаривался, с непреложной уверенностью называя отдельные события, происходившие в едва известные науке времена, находящиеся за пределами общеизвестной истории, — а потом старался свести дело к шутке, заметив удивление, которое вызывали подобные воспоминания. Кроме того, я нередко предрекал события будущего, два или три раза вызвав в присутствующих неподдельный ужас.

Необъяснимые озарения скоро прекратились, иные из наблюдавших за мной объясняли все осторожностью, но не исчезновением странных

познаний. Тем временем я с немыслимой прытью впитывал в себя речь, обычаи и взгляды нашего времени — словно пытливый гость из далеких и чуждых земель.

Как только мне разрешили выходить, я немедленно стал засиживаться в библиотеке и вскоре положил начало своим странным поездкам, что вызвали столько кривотолков в последующие несколько лет, проявив неожиданный интерес к ряду специальных курсов, читавшихся в университетах Америки и Европы.

Все это время я не мог пожаловаться на отсутствие контактов с учеными — странное заболевание успело создать мне некоторую известность среди психотерапевтов. Меня демонстрировали в ходе лекций как типичный пример раздвоения личности… даже невзирая на то, что в ходе лекций я то и дело озадачивал лекторов очередным умопомрачительно тонким симптомом или даже тщательно завуалированной колкостью.

Дружелюбия ко мне никто не проявлял. И мой облик, и речи внушали смутный страх и опасение всем, кого мне приводилось встречать, словно бы я находился за гранью, разделявшей мир на нормальную и нездоровую части. Во мне видели нечто черное и ужасное, порожденное таинствен-

ным всплеском загадочной координаты.

Моя семья не составила исключения. От самого мгновения загадочного пробуждения жена относилась ко мне с неприкрытым ужасом и отвращением, полагая во мне злого духа, овладевшего телом ее мужа. В 1910 году она добилась официального развода и даже не согласилась встретиться со мной, когда я наконец очнулся в 1913 году. Старший мой сын и младшая дочь полностью разделяли ее чувства, их с той поры я также не видел.

Лишь средний мой сын, Уингейт, сумел одолеть ужас и отвращение, вызванные моим преображением. Он понимал, что я ему сделался чужд, но, несмотря на свой тогдашний возраст (ему было восемь), крепко держался за веру в то, что мое истинное «я» возвратится еще в свое тело. И, когда эго мое вернулось, извлек меня оттуда, куда я попал, и суд отдал меня под опеку сына. В последующие годы он помогал мне в исследованиях, к которым меня неудержимо влекло, а ныне, в тридцать пять лет, сделался профессором психологии в Мискатоникском университете.

Меня не удивляет, что я вызвал у людей ужас; вне сомнения, ум, голос, даже выражение лица существа, пробудившегося 15 мая 1908 года, не

имели ничего общего с Натаниэлем Уингейтом Пизли.

Не буду обращаться к подробностям своей жизни с 1908 по 1913 год — читатели легко могут ознакомиться со всеми внешними проявлениями ее, перелистав подшивки старых газет и научных журналов, что приходится делать и мне самому.

Мне предоставили доступ к собственным средствам, и я в основном тратил их мудро — на путешествия и занятия в различных научных центрах. Тем не менее поездки мои были до крайности странными, я подолгу оставался в далеких и уединенных краях.

В 1904 году я провел месяц в Гималаях, через семь лет, в 1911-м, привлек к себе внимание общества переходом на верблюдах через неизвестные пустыни Аравии.

Что происходило со мной в этих скитаниях, я так никогда и не узнал.

Летом 1912 года я нанял корабль и направился в Арктику, в море, побывал севернее Шпицбергена и по возвращении не обнаружил никакого разочарования.

В том же году, ближе к концу его, я неделями скитался в обширных известняковых пещерах Западной Виргинии, не знавших исследователя

ни до, ни после меня, в мрачных лабиринтах, запутанных настолько, что искать меня по следам даже не пытались.

Занятия в университете свидетельствовали о необыкновенно быстрой ассимиляции моей второй личности; ее интеллект, казалось, намного превосходил мой собственный. Я разыскал свидетельства того, что мои темпы чтения в индивидуальных занятиях казались очевидцам просто феноменальными. Бегло перелистав любую книгу, я запоминал все во всех подробностях, а мое умение мгновенно интерпретировать самые сложные чертежи и рисунки воистину вселяло трепет.

Время от времени мне попадались сообщения достаточно гадкие; о власти моей второй личности над мыслями и поступками других, хотя я тогда старался не обнаруживать этого.

Прочие пакостные сведения относились к близкому моему знакомству со всякого рода гуру и преподавателями разнообразных оккультных наук и с учеными, подозревавшимися в связях с безликими разрозненными группами отвратительных иерофантов старшего мира. Слухи эти, неизменно остававшиеся без доказательств, вне сомнения, порождены были известным на-

правлением моего чтения: редкими книгами в библиотеках нельзя воспользоваться втайне.

Есть вполне достоверные доказательства — в виде пометок на полях, — что я успел проглядеть такие книги, как «Cultes de ghules» графа Д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвига Принна, «Unaus-sprechlichen Kulten» фон Юнцта, уцелевшие фрагменты ошеломляющей «Книги Эйбона» и ужасный «Некрономикон» безумного араба Абдулы Альхазреда. Нельзя отрицать и того, что время моей странной мутации совпало с новой и особо злобной волной оживления черных культов.

К лету 1913-го я начал терять интерес ко всему вокруг, стал намекать различным сподвижникам, что скоро во мне произойдет перемена. Я начал говорить тогда о воспоминаниях прежней жизни; впрочем, большинство слушателей считали мои речи неискренними, поскольку я ограничивался подробностями незначительными — такими, которые можно было извлечь из старых личных бумаг.

К середине августа я возвратился в Аркхем — в свой давно пустовавший дом на Журавлиной. В нем я соорудил некий механизм весьма любопытного облика, по частям изготовленный

различными фирмами Америки и Европы, и тщательно скрывал устройство от глаз всякого, кто мог обладать достаточным умением, чтобы вдуматься в его смысл.

Видевшие его — работник, служанка и новая домоправительница — говорили, что странное нагромождение стержней, колес и зеркал занимало около двух футов в высоту и по футу в ширину и глубину. Центральное зеркало было круглым и выпуклым. Все это стало известным от тех изготовителей, кого удалось обнаружить потом.

Вечером в пятницу 26 сентября я отпустил домоправительницу и служанку до следующего полдня. В окнах дома допоздна горел свет.

На автомобиле прибыл гость — худощавый темноволосый мужчина, странным образом похожий на чужеземца. В последний раз свет в доме видели около часа ночи. Полисмен засвидетельствовал, что в 2:15 он был уже погашен, но автомобиль незнакомца находился на прежнем месте. К четырем часам утра машины его не стало.

Около шести нерешительный голос с иностранным акцентом попросил доктора Уилсона прибыть в мой дом, чтобы вывести хозяина из странного припадка. Этот звонок — междугород-

ний, как выяснилось позже, — произведен был с уличного аппарата на Северной станции в Бостоне, но никаких следов странного незнакомца не обнаружили.

Прибывший в мой дом доктор нашел меня в гостиной — я сидел без сознания в кресле, к которому был придвинут стол. На его полированной крышке остались царапины — с нее явно убрали какой-то тяжелый предмет. Странная машина исчезла, о ней более никто не слыхал. Вне сомнения, ее забрал с собой худощавый и темноволосый незнакомец.

В камине библиотеки обнаружилась кучка пепла, очевидно, оставшегося от всех бумаг, написанных мной после наступления амнезии. Мое дыхание показалось доктору Уилсону странным, но после инъекции оно сделалось более регулярным.

В 11:15 утра 27 сентября я пошевелился, и на застывшем лице проступило человеческое выражение. Доктор Уилсон заметил, что я сделался похожим не на вторую свою личность, а скорее на первую, нормальную. Около 11:30 я забормотал… Весьма необычные звуки ничем не напоминали человеческую речь. И я тоже, казалось, с чем-то боролся. Сразу же после полудня — тем временем

служанка и домоправительница вернулись — я заговорил по-английски.

«…Из всех ортодоксальных экономистов этого времени Джевонс в наибольшей степени выражает тенденции к научной корреляции. В его попытке связать коммерческий цикл преуспевания и депрессий с солнечными пятнами видится, быть может, апогей…»

Так вернулся Натаниэль Уингейт Пизли… и дух его все еще пребывал в 1908 году — в том самом вторнике перед студентами, внимательно следящими за исписанной доской над помостом.

II

Повторное вхождение в нормальную жизнь стоило мне многих трудов и усилий. Потеря целых пяти лет жизни создает много больше трудностей, чем это можно предположить, но я пытался относиться к делу настолько философски, насколько это было возможно. Наконец, пребывая под опекой моего среднего сына Уингейта, я поселился вместе с ним в доме на Журавлиной и попытался вновь обратиться к преподаванию, поскольку колледж любезно восстановил меня в прежней должности.

Я начал прямо с февраля, со второго семестра,

и продержался на кафедре целый год. К тому времени я сумел осознать, насколько потрясло меня пережитое. Пребывая — как я надеялся — в абсолютно здравом рассудке, не ощущая изменений ни в каком аспекте собственной личности, я обнаружил, что полностью потерял энергию прежних дней. Непонятные сны, странные идеи постоянно смущали меня, и когда начало мировой войны обратило мой ум к истории, я обнаружил, что события и даты складываются в моей голове самым странным образом.

Мои представления о времени — способность различать последовательные и одновременные события — претерпели тонкие изменения: у меня сложилась химерическая идея о том, что можно жить в одном веке и в поисках знаний о грядущих и прошлых веках посылать свой ум в обе стороны вечности.

Война странным образом заставила меня припомнить некоторые из отдаленных последствий ее — я словно бы знал заранее, как она закончится, и, обладая всей информацией, мог поглядеть на нее из будущего.

Подобные квазивоспоминания приносили с собой боль и ощущение того, что путь их из памяти прегражден неведомо кем поставленным

психологическим барьером.

Когда я робко намекал прочим на собственные впечатления, реакция бывала различной. Некоторые просто прятали глаза, но на факультете математики мне сказали о новых разработках в области относительности — тогда они были известны лишь в ученых кругах и им еще предстояло обрести известность и славу. По словам моих коллег, доктор Альберт Эйнштейн вот-вот должен был свести время к статусу четвертого измерения пространства.

Но сны, тревоги одолевали, и в 1915 году мне пришлось оставить постоянную работу. Видения определенного рода просто не оставляли меня, вызывая настоятельную убежденность, что моя амнезия на самом деле представляла собой нечто вроде богомерзкого обмена, что вторая моя личность и в самом деле была внешней силой, вторгшейся в мою душу из неведомых мест и изгнавшей неведомо куда истинную.

Так начались смутные и пугающие размышления относительно места пребывания моего истинного «я» в те годы, когда чужое эго правило моим телом. Странные знания и загадочное поведение прежнего обитателя моего тела все более и более смущали меня по мере того, как

из журналов, газет и бесед я узнавал очередные подробности.

Все странности, смущавшие окружающих, удивительным образом гармонировали с мрачными потайными знаниями, угнездившимися в безднах моего подсознания. Я принялся лихорадочно разыскивать каждый клочок информации, касавшейся моих путешествий и занятий в минувшие темные годы.

Не все мои трудности носили столь полуабстрактный характер. Кроме них были сны, которые становились все образнее и подробнее. Понимая, как отнесется к ним большая часть общества, я редко упоминал о них кому бы то ни было, кроме сына или некоторых психологов, пользовавшихся моим доверием. Но постепенно мне удалось разыскать подобные случаи и взглядом ученого определить, насколько типичными являются подобные видения для страдавших амнезией.

Полученные мною результаты, подкрепленные свидетельствами психологов, историков, антропологов и опытных специалистов, знакомых со всеми аспектами деятельности рассудка от времен веры в овладевавших телом демонов до случаев, заверенных медицинской наукой, пона-

чалу больше встревожили меня, чем успокоили.

Я скоро обнаружил, что во всем своде сведений об амнезиях сны мои не имеют полной аналогии. Впрочем, некоторое количество случаев много лет озадачивали меня сходством с пережитым. Некоторые из них попадались мне среди древних преданий, другие удалось извлечь из медицинских анналов, один или два — даже из анекдотов, нередких на страницах известных исторических хроник.

Оказалось, что, несмотря на крайне редкую природу моей хвори, некоторые черты ее знакомы человечеству от зари его дней. В одном столетии такие случаи могли повториться — дважды и трижды, — в другом отсутствовать вовсе — по крайней мере, о них не сохранилось свидетельств.

Суть оставалась одной и той же: личность, причем обладающая острым умом, вдруг начинала иную жизнь. Все начиналось с непродолжительной скованности — речевой и телесной, за ней следовало полное преуспевание в науках, истории, искусствах и антропологии, причем заболевший проявлял немыслимые способности в усвоении знаний. А потом внезапно возвращалась прежняя личность, и лишь смутные сны о

неизвестных местах намекали на какие-то забытые кошмарные переживания.

Близкое сходство жутких сновидений с моими, в особенности совпадение ряда мелких подробностей, заставило меня утвердиться в мысли об их типичной природе. Пожалуй, один или два случая в известной мере напоминали мне собственные кощунственные воспоминания — так, словно известие о них дошло до меня по какой-то загадочной космической связи и было забыто как слишком отвратительное и ужасное.

Но более заинтересовали меня во время исследования такие случаи — их было больше, — когда обычные для меня кошмары ненадолго, наскоком являлись людям, избежавшим полной амнезии.

В основном таких можно было отнести к умам посредственным, иногда настолько примитивным, что даже речи не могло быть о том, чтобы они сумели вместить сверхъестественный разум, обладающий способностями, немыслимыми для нас, людей. Лишь на секунду могли они оказаться во власти чуждого духа — но и мгновенное возвращение оставляло память о нечеловеческих ужасах.

За последнюю половину столетия такое случалось трижды, и в последний раз лишь пятнадцать

лет назад. Неужели нечто, таящееся в неведомых безднах природы, на ощупь подыскивало в пространстве подходящий объект? Или же эти ничем, собственно, не завершившиеся случаи явились результатом чудовищных и гнусных экспериментов, делом существ, по природе своей и могуществу непостижимых для нормального людского рассудка?

Так размышлял я в часы слабости, и мифы, к которым обращалась моя мысль, подкрепляли мои фантазии. Усомниться было немыслимо: иные из мотивов известны были с незапамятной древности; о них не могли знать врачи — а тем более пораженные амнезией пациенты, чьи воспоминания потрясали и ужасали сходством с тем, что пришлось пережить мне.

Я до сих пор едва ли не со страхом обращаюсь к природе видений и впечатлений, становившихся все нагляднее; настолько безумны были они… Порой мне и в самом деле казалось, что я теряю рассудок. Неужели такие иллюзии посещают всякого, кто перенес подобный перерыв в памяти? Я не мог исключить, что мое подсознание, обнаружив зияющий пробел в памяти, пытается заполнить его псевдовоспоминаниями, способными породить странные прихотливые

фантазии.

Эта мысль помогала — пусть, в конце концов, более приемлемой мне показалась альтернативная теория, основывающаяся на фольклоре. Многие специалисты, помогавшие мне в розыске сходных случаев, разделяли мое удивление, когда — это случалось нередко — обнаруживались точные соответствия.

Состояние мое безумием не называли, просто определяли его как невротическое расстройство. И мое желание проследить и выявить источник его, а не просто постараться все позабыть, признано было правильным и соответствующим всем принципам психологии. В особенности ценил я тогда мнения тех врачей, что обследовали меня в то время, когда в теле пребывала вторая личность.

Первые мои ощущения не носили визуального характера, они были связаны с более абстрактными материями, о которых я уже упоминал. Я и сам относился к себе с глубоким и необъяснимым ужасом. С непонятным страхом глядел я на собственное тело, словно глаза мои могли увидеть в зеркале нечто полностью не от мира сего, непостижимо мерзкое и отвратительное.

Опуская взгляд и замечая под скромной си-

ней или серой тканью привычные очертания человеческого тела, я всегда ощущал странное облегчение — хотя для того, чтобы достичь его, мне приходилось преодолевать бесконечную жуть. Зеркал я избегал, если мог это сделать, и старался бриться у парикмахера.

Прошло немало времени, прежде чем мне удалось связать эти неприятные ощущения с короткими видениями, которые с некоторых пор начали являться мне. В первую очередь так вышло с тем странным барьером в моей памяти.

Я начал понимать, что обрывочные видения эти имеют глубинный и страшный смысл; весь ужас усугублялся тем, что они были связаны со мной самим, но чей-то преднамеренный умысел не позволял мне понять ни их смысл, ни отношение ко мне. А потом начались всякие странности со временем и отчаянные попытки разместить кусочки снов в каком-то порядке, последовательности и во времени, и в пространстве.

Сами видения на первых порах были скорее просто странными, а не ужасными. Я видел себя в огромной сводчатой палате, искусной работы каменные стрельчатые арки почти терялись в тенях над головой. Какое бы место и время ни представало передо мной, арка была здесь из-

вестна и обыденна — как в Древнем Риме.

Еще там были колоссальные круглые окна, высокие сводчатые двери, какие-то пьедесталы или столы высотой с обычную комнату. У стен — на громадных полках из темного дерева — теснилось нечто вроде невероятного размера книг со странными иероглифами на корешках.

Каменные стены повсюду покрывала резьба; с криволинейными математическими фигурами соседствовали надписи, сделанные теми же самыми знаками, что и на чудовищных книгах.

Темные гранитные стены складывались из огромных мегалитов, и блоки с выпуклым и вогнутым верхом чередовались, образуя волны на стенах.

Стульев не было, но огромные постаменты занимали книги, бумага… нечто, подобное писчим приборам: странные фигурные кувшины из красноватого металла и стержни с окрашенными торцами. Пьедесталы были высокими, но я-то глядел на них сверху. Кое-где на них располагались лампы — огромные шары из светящегося хрусталя — и загадочные машины, собранные из прозрачных трубок и металлических стержней.

Окна перекрывало что-то прозрачное и прочная на вид решетка. Хотя я не решался подойти

поближе и выглянуть наружу, но со своего места мог видеть раскачивавшиеся верхушки деревьев с весьма характерной листвой. Пол выложен был массивными восьмигранными плитами; ковров или чего-нибудь похожего на гобелены я не заметил.

Потом я стал видеть себя передвигающимся по циклопическим помещениям, каменным коридорам, опускающимся и поднимающимся по наклонным пандусам, выложенным из того же самого камня. Лестниц не было вообще, проходы — не у́же тридцати футов. Некоторые из сооружений, на крыши которых мне случалось подниматься, уходили в небо не менее чем на тысячу футов.

В подземельях несчетными рядами тянулись черные склепы, никогда не открывавшиеся двери их заложены были тяжелыми металлическими засовами, смутно намекавшими, что за дверью таится нечто опасное.

Должно быть, я считал себя пленником, поскольку ужас окутывал все, что мне приходилось видеть. Насмешливые и зловредные иероглифы на каменных стенах — я знал это — могли испепелить душу, не храни меня благодетельное невежество.

Позднее появились далекие виды — из круглых окон и с титанической крыши, с ее заманчивыми садиками, огромным плоским простором и высоким парапетом из округлых отдельных камней; к ней поднимался самый высокий из наклонных пандусов.

На бесконечные лиги тянулись среди садов шеренги гигантских зданий, выстроившихся вдоль мощеных дорог шириной не менее двухсот футов.

Внешне строения различались, но лишь некоторые в основании были меньше пяти сотен футов и высотой не превышали тысячи футов. Многие сооружения казались настолько огромными, что фасады их тянулись, должно быть, не на одну тысячу футов; холмами вздымались они к серому облачному небу.

Возведены они были из камня или бетона, повсюду стены обнаруживали ту самую волнистую кладку, что запомнилась мне. На ровных плоских крышах располагались сады, в основном огражденные зубчатыми парапетами. Иногда видны были террасы, постройки на них, просторные открытые площади посреди садов. На огромных дорогах заметно было движение, но поначалу я не мог разложить впечатления на детали.

Кое-где располагались невероятной величины каменные цилиндры, башнями возносившиеся высоко над остальными сооружениями. Происхождение их было иным, чем зданий вокруг; каменная кладка обнаруживала следы древности и обветшания. Сложены они были из квадратных базальтовых блоков и сужались к скругленной макушке. Эти башни не имели окон, даже узкой бойницы — только огромные двери подножия. Заметил я и строения более низкие — источенные вековой непогодой, обликом схожие с мрачными цилиндрами. И над каждым сохранившимся сооружением из базальтовых блоков словно висело облако жути и сгустившегося страха — как возле закрытых дверей в подземельях.

Вездесущие сады едва ли ужасали своим странным обличьем, разнообразием непривычной растительности, качавшейся под ветерком вдоль странных аллей, обставленных искусно обработанными монолитами. Доминировали невероятно огромные папоротники, некоторые зеленые, другие отвратительно бледного гнилостного цвета.

Над папоротниками вздымались огромные призрачные каламиты. Подобные бамбуку стволы их возносились на невероятную высоту.

Сказочными кучками росли цикадовые, сменяясь причудливыми темно-зелеными кустами и деревьями, похожими на хвойные.

Маленькие и блеклые цветы трудно было заметить, они росли в клумбах буквально повсюду, образуя геометрические узоры.

Кое-где на террасах и в садах на крышах пестрели цветы, явно искусственной природы — более крупные и яркие, почти кричащей расцветки. Грибы немыслимой величины в фантастическом изобилии форм и цветов усеивали все вокруг, что говорило о неизвестной мне, но вполне устоявшейся агрокультуре. В садах пообширнее — на земле — еще пытались сохранить некоторую природную иррегулярность, но на крышах растительность свидетельствовала о глубоких познаниях в земледелии и о развитом декоративном искусстве.

Небо почти всегда оставалось дождливым и пасмурным, иногда вроде бы случались жуткие ливни. Однажды, кажется, вдруг проглянуло солнце — оказавшееся слишком большим, другой раз луна — пятна на ней располагались не так, как обычно, — но различия так и остались за пределами моего разумения. Когда — крайне редко — на ночном небе появлялся просвет, вы-

ступившие на нем звезды редко складывались в известные мне созвездия. Изредка случалось заметить привычные очертания, и по положениям немногих знакомых групп звезд я мог судить, что нахожусь где-то в Южном полушарии Земли, невдалеке от тропика Козерога.

Горизонт вечно казался туманным и неразличимым, но я угадывал вдали огромные джунгли, где росли таинственные древовидные папоротники, каламиты, лепидодендроны и сигиллярии, что словно в насмешку надо мной шелестели своей фантастической листвой в ползущих туманах. То там то здесь в небе мелькали движущиеся тени, но ранние видения не открывали мне их природы.

К осени 1914 года я начал видеть сны о том, как странным образом проплываю над городом или ближайшими его окрестностями. Я видел неописуемые дороги через леса, заросшие жуткими растениями с пятнистыми, желобчатыми и перетянутыми стволами; дороги уходили к другим городам, столь же странным, как и тот, чьи виды настойчиво являлись мне.

На полянах посреди лесов, где царил вечный сумрак, я видел чудовищные сооружения, выложенные из черного или радужного камня, потом

парил над болотами — такими мрачными, что и теперь не могу сказать ничего определенного об их сочной высокой растительности.

Однажды подо мной оказались источенные веками базальтовые руины; остатки стен напоминали те лишенные окон башни с округлым верхом, что высились в городе.

И один только раз я видел море — беспредельный простор под клубами тумана за колоссальным каменным пирсом в городе безмерных куполов и арок. Огромные бесформенные тени скользили над водой, там и сям с поверхности ее вздымались весьма подозрительного вида фонтаны.

III

Но я уже говорил, что не эти безумные картины вселяли в меня ужас. Многим случалось видеть во сне и более странные вещи… сложившиеся, повинуясь капризам сна, в фантастические образы из несвязных обрывков повседневности, впечатлений от прочитанных книг и от картин.

Некоторое время я считал свои видения естественными, несмотря на то, что прежде не был подвержен экстравагантным снам. Многие из этих странных картин, полагал я, можно счи-

тать порождением тривиальных источников, чересчур многочисленных, чтобы легко было выделить влияние каждого; фон же видений казался сошедшим со страниц какой-нибудь книги о растениях и природе древних времен… о мире, существовавшем сто пятьдесят миллионов лет назад, во дни перми или триаса.

Но месяцы шли, и видения становились ужаснее. Именно тогда сны мои начали неотвратимо приобретать облик воспоминаний; ум мой стал увязывать видения с нараставшей смутной тревогой, с напрасными попытками вспомнить минувшее и безумным представлением о времени, которым наделила меня мерзкая моя вторая личность, а также неоднократно испытанным необъяснимым отвращением к себе самому.

По мере того как во снах стали появляться новые подробности, порождаемый ими ужас возрастал тысячекратно… Наконец, в октябре 1915 года я осознал, что следует что-либо предпринять. Тогда я и приступил к изучению разных случаев амнезии и занялся содержанием видений, полагая, что таким образом сумею выявить причины своей хвори и вырваться из ее эмоциональной хватки.

Однако, как я уже упоминал, на первых порах

результат оказался полностью противоположным. Меня глубоко встревожило, что подобные сны с прискорбным постоянством наблюдались и у других людей, тем более что известия о подобных случаях оставались со времен, предшествовавших началу геологического познания мира, когда о первобытных ландшафтах ничего еще не было известно.

Более того, видения эти нередко содержали ужаснейшие подробности — в том, что касалось огромных зданий и буйных садов. И сами наваждения, и эти впечатления от них полны были скверны, о чем свидетельствовали с той или иной степенью уверенности и другие визионеры, впавшие в безумие и кощунство. Но что хуже всего, моя собственная псевдопамять теперь порождала еще более дикие сны, обнаруживала знаки грядущего откровения. Впрочем, большинство врачей в целом одобряли мой образ действий и рекомендовали продолжать в этом же духе.

Я систематически занялся психологией; покоряясь властному стимулу, сын мой Уингейт последовал примеру отца, и углубленные занятия в конце концов привели его к профессорскому званию. В 1917 и 1918 годах я прослушал в Мискатонике специальные курсы. К тому времени

труды мои над медицинскими, историческими и антропологическими анналами сделались неустанными, я начал ездить в далекие библиотеки и даже приступил к чтению тех самых мерзких книг об основах запретных наук, которыми столь возмутительным образом интересовалась моя вторая личность.

Иногда я получал те же самые экземпляры, к которым уже обращался и в измененном состоянии. И тогда мне случалось испытывать истинное потрясение, ибо нанесенные на полях заметки и поправки гнусных текстов обнаруживали поистине нечто нечеловеческое.

Надписи на полях делались по большей части на том же языке, на котором была написана книга. Оставивший их явно владел материалом с академической непринужденностью. Впрочем, одна из пометок на полях «Неупоминаемых культов» фон Юнцта оказалась совершенно иной — и жуткой. Сделана она была какими-то кривыми иероглифами — теми же самыми чернилами, что и поправки в немецком тексте, но так, словно писал не человек. Иероглифы эти были, без сомнения, сходны со знаками, которые я то и дело видел во снах, — по временам мне даже казалось, что я понимаю их смысл или вот-вот

начну понимать.

Полностью повергли меня в черное смятение библиотекари, заверившие меня в том, что, с учетом предыдущих проверок просмотренных мною томов, все пометки могли быть сделаны только мною самим — в прежнем состоянии. И все это несмотря на то, что я и тогда не знал, и теперь не знаю трех языков из числа тех, к которым прибегала моя вторая личность. Складывая воедино разбросанные сведения, древние и новые, медицинские и антропологические, я составил вполне правдоподобную смесь мифа и галлюцинации, масштабы и буйство которой совершенно ошеломили меня. Утешало одно: мифы относились ко временам весьма ранним. Из каких забытых познаний могли донестись впервые сведения о палеозойском или мезозойском ландшафте, примитивные сказки, я не мог и представить… но места сомнениям, увы, не оставалось: именно такие виды являлись фоном для вполне определенных событий.

Общая схема мифов, конечно же, была порождена случаями амнезии; но со временем замысловатое порождение само стало воздействовать на страдавших амнезией, расцвечивая псевдовоспоминания подробностями. Еще со

времен обретения памяти мне были знакомы все ранние случаи, и теперешнее исследование только все подтвердило.

Кое-какие из мифов обнаруживали многозначительное родство с туманными легендами, оставшимися от дочеловеческого мира, в особенности хорошо сохранившимися у индусов — при ошеломляющей временной глубине их сказаний, положенных в основу нынешней теософии.

Первобытные мифы и видения безумцев нашего времени сходились в одном: человечество только одна из рас — не исключено, что самая скромная, — возникавших и доминировавших на этой планете за всю ее долгую и по большей части неведомую людям жизнь. Создания, чей облик неведом людям, утверждалось в сказаниях, вздымали к небу свои башни, погружались во все тайны природы задолго до того, как самый первый, земноводный еще предок человека выполз на бережок из теплого моря за триста миллионов лет до наших дней.

Некоторые расы спускались на Землю из космоса, другие же были древними, словно само Творение, третьи вырастали из засеянных в землю семян, далеко превосходящих то семя, что породило наш цикл жизни. Мифы говорили о

тысячах миллионолетий, о связи с иными галактиками и вселенными. И о том, что самого времени в нашем человеческом восприятии не существует.

Однако по большей части и сказания, и впечатления относились к расе относительно поздней — замысловатое обличье ее не было сходно ни с чем известным науке, — жившей лишь за пятьдесят миллионов лет до человечества. Это и была, утверждали они, самая великая из рас, потому что она одна сумела овладеть секретом времени. Ей было известно все, что знали тогда, и все то, что будут еще знать на Земле, потому что силой разума мудрецы ее умели на миллионы лет переноситься в прошлое и будущее — чтобы изучать познания всякого века. Свершения этой расы и породили легенды о пророках, в том числе и в человеческой мифологии.

В огромных библиотеках ее хранились тома и изображения, объемлющие всю историю Земли — анналы и описания каждого вида разумных существ, что были или еще будут, и сведения об искусстве, достижениях, речи и психологии каждого из них.

Обнимая знанием целый эон, Великая Раса извлекла из каждой эры и жизненной формы такие

мысли, искусства и умения, которые могли послужить ей наилучшим образом в соответствии с ее природой. Постижение прошлого путем пересылки разума в давние времена за пределы всяких привычных чувств давалось им куда труднее, чем исследование будущего.

В последнем случае все происходило легче и в более материальной форме. С помощью некоторых инструментов разум отправлялся в грядущее, слепым экстрасенсорным способом прощупывая его, пока не попадал в нужные времена. Там, после предварительных проб, он овладевал лучшим из попавшихся ему представителей высочайшей жизненной формы этих времен, входил в мозг этого создания и устанавливал в нем собственные вибрации. Тем временем вытесненный разум прежнего владельца откатывался назад, ко временам, откуда явился непрошеный гость, и оставался в его теле, пока тот не производил обратный переход.

Спроектированный в будущее разум, обретая обличье той расы, в теле члена которой он воплощался, как можно более спешно приступал к изучению всех познаний нового века.

Разум, отброшенный в прошлое, попадал в тело существа давнишней эпохи, его тщательно

охраняли. Тело, в котором он обитал, оберегали от повреждений, которые способен был причинить своему вместилищу неловкий временный обитатель, ну а все его познания умело извлекали из его памяти опытные в этом деле специалисты. Иногда с ним даже беседовали на его родном языке — если предыдущие вылазки в будущее успели доставить сведения о его речи.

Если вытесненный разум принадлежал телу, речь которого Великая Раса не могла воспроизвести, создавались умные устройства, словно музыкальный инструмент, издававшие чуждые звуки.

Внешне члены Великой Расы представляли собой огромные морщинистые конусы десяти футов в высоту; голова и прочие органы крепились к толстым, в фут, вытяжным конечностям, находившимся вверху тела. Разговаривали они, пристукивая или царапая огромными клешнями или когтями на конце двух из четырех конечностей, а ходили, выбрасывая и подтягивая вязкий слой на десятифутовой подошве тела.

Когда изумление и тревога пленного разума ослабевали — если происходил он из тела, обличьем отличавшегося от Великой Расы, — когда пленник переставал испытывать ужас от незна-

комого, пусть и временного обиталища, ему позволяли заняться изучением окрестностей, познать великие чудеса мудрости, доступные истинному хозяину этого тела.

За некоторые услуги ему со значительными предосторожностями позволяли переноситься над всем обитаемым миром в титанических воздушных судах или же ездить по широким дорогам в колоссальных наземных машинах, похожих на лодки, только снабженных атомными двигателями. Еще разрешали без ограничений рыться в библиотеках, знакомиться с прошлым и будущим планеты.

Подобное примиряло пленников с собственной участью; все попавшие сюда обладали тонким умом, и познание сокровенных тайн Земли, потаенных в ее прошлом секретов, головокружительных водоворотов грядущего, на несчетные века опережающих достижения науки их собственного времени, невзирая на все ужасы, связанные с пребыванием в чужом теле, приносило узникам высшее удовлетворение.

Пленникам позволялось встречаться с другими невольными гостями из будущего — каждый мог обменяться мыслями с разумом, жившим за сотню, тысячу или миллион лет до него или

после. И всех поощряли усердно писать о себе и своем времени на родном языке, а документы эти передавались в огромный главный архив.

Можно добавить, что одной группе пленников предоставлялись большие привилегии, чем всем остальным. Это были те, чьими телами в грядущем сумели овладеть хитроумные члены Великой Расы, которым в своем времени грозила неизбежная смерть.

Эти грустные силуэты встречались куда реже, чем мы могли бы предположить: долголетие членов Великой Расы уменьшало их любовь к жизни, особенно среди высших умов ее, способных перемещать свой разум во времени. Случаи подобного невозвращения послужили основой для многих известных истории случаев преображения личности, в том числе и среди рода людского.

Обычно же исследователь будущего, постигнув все, что интересовало его в данном времени, сооружал аппарат, подобный тому, который отправил его в грядущее, и повторял процесс проекции в обратном порядке. Оказавшись в собственном теле и в собственном времени, он отправлял заточенную душу назад — в присущие ей времена.

Обмен этот оказывался невозможным лишь

когда то или другое из тел погибало. В таких случаях, конечно, исследователю приходилось, подобно спасавшимся от смерти, оставаться в будущем и жить в ином теле, а заточенному разуму предстояло окончить жизнь в обличье Великой Расы и во дни ее бытия.

Такая судьба оказывалась не столь ужасной, если пленник сам принадлежал к этой расе: подобное случалось нередко, ибо во все времена Великая Раса была озабочена собственным будущим. Члены Великой Расы редко умирали в вечном изгнании — в основном из-за ужасных кар, назначенных за вытеснение собственных потомков из будущего.

Проекция разумов позволяла разыскать таких преступников и в новых телах, иногда их вынуждали совершать обратный обмен.

Случались и сложные случаи вытеснения разумов — если этому подвергался исследователь или его жертва, такие ситуации старались немедленно исправлять. После освоения проекции разумов во все времена крохотная, но открытая для узнавания часть населения всегда состояла из членов Великой Расы, заявившихся в будущий век на тот или иной срок.

Перед возвращением в собственное время плен-

ный разум с помощью сложного механического гипноза освобождался от сведений, приобретенных им во времени Великой Расы, — из-за определенных негативных последствий передачи знаний в будущее.

Редкие случаи сохранения познаний, случалось, вызывали или вызовут ужасающие последствия. Как гласят древние мифы, человечество узнало о Великой Расе от двух прежних пленников.

От этого мира, удаленного от нас на эоны, до нашего времени дошли только остатки руин в далеких краях и на дне океана, да еще часть текста гнусных Пнакотических рукописей.

Так побывавший в плену разум возвращался в собственный век, обладая лишь смутными, крайне отрывочными воспоминаниями о том, что с ним происходило. Он забывал все, что можно было стереть, так как в большинстве случаев оставалась лишь полоса забытья, нарушаемого лишь редкими снами. Некоторым, впрочем, удавалось кое-что вспомнить, и о запретной древности узнавали в грядущих веках.

В истории Земли, наверное, не было ни одного мгновения, когда кто-нибудь из ее обитателей тайком не поклонялся обрывкам древнего зна-

ния, создавая гнусные культы. «Некрономикон» свидетельствовал о существовании подобного культа и среди рода людского, что было полезно для разумов, посылаемых Великой Расой в отдаленное будущее.

Тем временем Великая Раса добилась всеведения и обратилась к общению с умами иных планет, к исследованию будущего и прошлого далеких миров. Обратилась она и к собственному прошлому, к происхождению того черного, целую вечность назад погибшего шара в далеком космосе, что породил ее собственных предков — ведь разум Великой Расы возрастом превосходил ее телесное обличье.

Порожденные уже умирающим древним миром, наделенные знанием предельных тайн, отыскали они новую планету с существами, в телах которых могли обитать долго и благополучно, и однажды разом переселились в ту будущую расу, что наилучшим образом подходила им, — в тела конусовидных существ, живших на нашей Земле миллиард лет назад.

Так на Земле возникла Великая Раса, а мириады вытесненных ею умов были отброшены на гибнущую планету, чтобы в ужасе умереть там в невозможных, непостижимых телах. Кончина

ожидала Великую Расу и на новом месте, но она выжила снова, переправив лучшие свои умы дальше в будущее — в тела иных существ, тех, что сменят на Земле человечество.

Так переплелись легенды и галлюцинации. И в 1920 году, приводя в порядок результаты своих исследований, я ощутил, как постепенно ослабевает напряженность, которую разбудило во мне начало работ. В конце концов, невзирая на разгул фантазий, порожденных слепыми эмоциями, разве не нашлось рационального объяснения всему пережитому мной? Чистая случайность могла обратить меня во время амнезии к черной книжию, к древним и гнусным культам. Они-то и поставили весь материал для снов, послужили причиной волнений после возвращения.

Что касается заметок на полях, нанесенных знакомыми иероглифами или на неизвестных еще языках, — разве не мог я ознакомиться с языками во время беспамятства? Иероглифы же, вне сомнения, представляли только плод моей собственной фантазии, незаметно проникший в сновидения. Я даже решил было установить некоторые опорные точки, переговорив с наставниками черных культов, но так и не сумел нащупать нужные связи.

Временами сходство случаев, разбросанных по самым разным векам, угнетало меня, но, с другой стороны, я сумел заметить, что подобные сказания в прошлом были более распространены, чем теперь.

Конечно, все остальные жертвы подобной судьбы давно и детально знали те повествования, которые я узнал во втором существовании. И когда они теряли память, то невольно отождествляли себя с существами из знакомых миров — сказочными врагами из иного мира, похищающими рассудок людей в поисках знаний, чтобы взять их обратно с собой, в придуманное, как им казалось, нечеловеческое прошлое.

Когда память вновь возвращалась к ним, они уже представлялись себе бывшими пленниками, а не вытеснителями. Так, следуя канве традиционного мифа, возникали сны и псевдовоспоминания.

Невзирая на кажущуюся тяжеловесность подобных объяснений, в конце концов они вытеснили все прочие из моей головы — в основном вследствие слабости конкурирующих теорий. И довольно значительное количество видных антропологов и психологов постепенно согласилось со мною.

И чем больше я размышлял, тем более убедительными казались мне собственные аргументы; наконец я возвел из них надежную стену, ограждавшую меня от видений и снов, по-прежнему мне досаждавших. Пусть я вижу странные сновидения — в них нет ничего такого, о чем бы я не читал и не слышал. Пусть я ощущаю странное отвращение, вижу странные виды, обладаю псевдовоспоминаниями — они лишь отзвуки миров, усвоенных мной во вторичном состоянии. И никакие, никакие ощущения не могут иметь реального значения.

Укрепленный подобными мыслями, я достиг куда большего нервного равновесия, хотя видения — теперь уже не абстрактные впечатления — приходили все чаще и являли глазу все более возмутительные подробности. В 1922 году я ощутил в себе силы вновь приняться за постоянную работу и обратил к собственной пользе приобретенные мною познания, приняв должность преподавателя психологии в университете.

Прежнее мое место на кафедре политической экономии давно уже нашло достойного заместителя, к тому же и методы преподавания экономики успели значительно измениться. Сын мой в то время как раз окончил университет и

приступил к исследованиям, сделавшим его профессором, — и мы хорошо поработали вместе.

IV

Тем не менее я продолжал тщательно регистрировать qutre[20] сновидения, с такой частотой и отчетливостью являвшиеся мне. Подобные заметки, как я полагал, имели несомненную ценность в качестве психологического документа. Видения приобретали навязчивый облик воспоминаний, и этому чувству я с некоторым успехом противился.

В своих заметках я полагал фантасмагории эти реальными, но вообще старался о них забыть — как и подобает обращаться с пустыми ночными иллюзиями. Я ни с кем не заводил разговоров о подобных вещах, однако известия о существовании моих записей тем не менее пробивались наружу, возбуждая в обществе всяческие кривотолки о моем душевном здоровье. Впрочем, интересно отметить, что подобные слухи распространялись только среди обывателей, не сыскав даже одного сторонника между врачами и учеными.

Из всех видений 1914 года я упомяну лишь

---

[20] Примечания: 20
Сверхъестественные (*фр.*).

некоторые, поскольку серьезному исследованию нетрудно получить более полный и надежный отчет. Со временем сила загадочного ограничения, наложенного на мою память, явно ослабевала. Тем не менее воспоминания так и остались разбросанными обрывками, не составляющими цельной последовательной картины.

В снах моих я постепенно обретал все большую и большую свободу передвижения. Я проплывал по коридорам каменных сооружений, скользил по подземным ходам, явно бывшим в этих краях обычными путями сообщения. Иногда я вновь оказывался на нижнем уровне, перед гигантскими замкнутыми дверьми, окруженными извечной аурой страха и запрета.

Я видел огромные обложенные мозаикой бассейны, комнаты, уставленные загадочной утварью. А потом появились пещеры, полные сложных машин; их очертания и назначение удивляли меня, даже издаваемый ими звук я сумел ощутить в своих снах лишь через многие годы. Могу добавить, что в привидевшемся мне мире я обладал лишь слухом и зрением.

Истинный ужас начался в мае 1915 года, когда я увидел во сне нечто живое. Это случилось еще до того, как мои исследования мифов и истории

болезни открывали мне, чего именно следует ожидать; когда ментальные преграды начали обрушиваться, я стал замечать облака тонкого тумана в разных частях зданий и на улицах подо мной.

Постепенно они обретали облик и форму, и наконец чудовищные эти обличья стали являться глазу с безрадостной четкостью. Я начал видеть повсюду огромные радужные конусы высотой футов десять и столько же в основании, покрытые какой-то гребнистой и чешуйчатой, упругой на вид субстанцией. Из верхушки их выдавались четыре гибких цилиндрических члена, каждый в фут толщиной, покрытых той же гребнистой кожей, что и они сами.

Иногда эти члены втягивались внутрь, почти исчезая; иногда образовывали конечности длиной до десяти футов. Два из них заканчивались огромными клешнями или когтями. На конце третьего виднелось четыре красные воронки, четвертый оканчивался неправильной формы желтым шаром около двух футов в диаметре, по периметру которого находились три больших темных глаза. С нижней стороны этой странной головы свисали восемь зеленоватых антенн или щупалец.

Окружали ее четыре тонких серых стебелька, заканчивавшихся каким-то подобием цветка. Понизу конус обрамляла полоса резинообразной серой субстанции. Сжимая и растягивая ее, существо передвигалось.

Даже абсолютно безвредные действия этих созданий ужасали меня еще больше, чем их вид, — гнусно видеть, как чудища делают такое, на что, по нашему мнению, способны только человеческие существа. Конусы эти вполне осмысленно передвигались по комнатам, брали книги с полок, клали их на огромные столы или же производили эти действия в обратном порядке… Иногда они вполне осознанно что-то писали особыми стержнями, используя для этого зеленоватые головные щупальца. Огромными клешнями они пользовались для переноски книг или при разговоре. Речь их складывалась из постукиваний.

Твари эти не носили одежды, лишь в верхней части конического тела было прикреплено нечто вроде сумки или рюкзака. Голова и поддерживающий ее член располагались обычно вровень с верхушкой конуса, хотя существа эти, случалось, поднимали и опускали ее.

Остальные три большие конечности обычно

покоились по бокам конуса, сокращаясь футов до пяти, если не были в употреблении. По скорости чтения, письма и управления машинами — те, что были расставлены на столах, некоторым образом управлялись мыслью, — я заключил, что интеллект конусов во много раз превосходит людской.

В последующих видениях я видел их уже повсюду: они расхаживали по огромным палатам и коридорам, обслуживали огромные машины под сводами валов, носились по просторным дорогам в гигантских машинах, похожих на лодки. Я перестал бояться, конусы эти теперь стали казаться мне в высшей мере естественной частью моего окружения.

Я начал различать отдельные особи. Некоторые из них, казалось, находились в угнетенном состоянии. Ничем особым внешне не отличаясь, впечатление это они производили своими жестами и привычками, разными у каждого и совершенно иными, чем у большинства конусов.

Все много писали — и даже мой затуманенный взгляд свидетельствует об этом, — но пользуясь разными типами букв, а не теми обычными криволинейными иероглифами, которые были в ходу у конусов. Некоторые из них, как мне кажет-

ся, пользовались даже европейским алфавитом. Работали они по большей части куда медленнее, чем прочие существа.

И все это время я казался себе самому развоплощенным разумом, свободно парящим вокруг, видящим более, чем обычное существо, но все же привязанным к обычным путям и способам передвижения. До августа 1915 года никакие телесные ощущения не смущали меня. Я говорю «не смущали», ибо первая фаза была достаточно абстрактной, хотя и безгранично ужасной, — со сценами из видений увязывалось уже отмеченное прежде отвращение к собственному телу.

Какое-то время во снах я стал стараться не глядеть вниз — на себя самого. Помню ту радость, которую чувствовал оттого, что в странных комнатах вовсе не было зеркал. И все же постоянно беспокоило то, что огромные столы — высотой не менее десяти футов — я видел как бы сверху или сбоку, но не снизу.

Ну а потом отвратительное искушение взглянуть на себя стало сильнее и сильнее, и однажды ночью во сне я уже больше не мог противиться ему. Сперва обращенный вниз взгляд совсем ничего не обнаружил. Чуть позже я понял: это оттого, что голова моя оказалась на конце неве-

роятно длинной шеи. Втянув шею внутрь и внимательно приглядевшись, я заметил чешуйчатое кожистое тело в радужных разводах… десять футов вышиной и десять в основании… Выскочив из пропасти сна, воплем своим я, наверное, поднял пол-Аркхема. Потребовались недели ужаса, переживаний… прежде чем я сумел привыкнуть к своему чудовищному обличью. В новых снах я уже в телесном виде двигался среди прочих существ, брал ужасные книги с бесконечных полок и, часами оставаясь возле стола, писал длинным стилом, которое сжимало зеленое щупальце, свисавшее под головою.

В памяти моей стали возникать обрывки того, что я читал или записывал. Я знакомился с ужасающими анналами других миров и вселенных, узнавал о бесформенном и грозном шевелении жизни, заключающей в себе все вселенные. Повествования о странных созданиях, населявших наш мир в забытом прошлом, перемежались жуткими хрониками существ, чьи немыслимые тела будут обитать на нашей планете через миллионы лет после смерти последнего человека.

Я читал главы из истории человечества — ни один из ученых наших дней даже не подозревает об их существовании. В основном записи эти

были сделаны иероглифами. Язык этот я изучал с помощью каких-то непонятных жужжащих машин, он явно относился к агглютинирующим, но система корней полностью отличалась от существующей в человеческой речи.

Тома, написанные на других неведомых языках, я изучал тем же странным способом. Знакомыми мне буквами записано было не так уж много. Невероятно помогали мне исключительно точные рисунки, помещенные среди текста или переплетенные в отдельные тетради. Чтение я перемежал трудами — писал на английском историю нашего времени. Просыпаясь по утрам, я помнил крохотные бессвязные отрывки текстов на неведомых языках, которые выхватывала из мира слов моя память, а из собственной истории даже целые фразы не разлучались со мной.

Так я узнал — даже во сне изучая сходные случаи и древние мифы, конечно же, породившие мои сны, — так я узнал, что нахожусь среди членов величайшей расы нашей планеты, покорившей само время и разослaвшей пытливых исследователей во все его концы. Я теперь понимал, что был выхвачен из собственного времени, что другой разум тем временем пользуется моим телом и что в телах некоторых странных

созданий возле меня заключены подобные мне плененные умы. Странным образом пристукивая своими клешнями, мне случалось говорить с мудрецами, попавшими сюда тем же путем, что и я сам, изо всех уголков Солнечной системы.

Был среди нас тонкий ум с планеты, которую мы называем Венерой, ему еще предстоит жить… через неисчислимые годы, через геологические эпохи. Другой мудрец был родом с одной из внешних лун Юпитера, он обитал там шесть миллионов лет назад. Среди землян попадались и представители звездоголовой крылатой, но полурастительной расы, населявшей Антарктику в палеозое; один разум был из числа разумных ящеров из сказочной Валусии; трое душ мохнатых гиперборейцев, предшественников человека, почитателей Цатоггуа; разум абсолютно мерзкого Чо-Чо; души двоих жителей Земли из последней эпохи ее — века арахнидов[21], пятеро выносливых колеоптеров[22], что будут наследовать нам, людям. В их тела Великая Раса вольет свой могучий разум, отступая перед лицом ужасной угрозы. Обитали там и души нескольких людей, принад-

---

[21] Примечания: 21
Паукообразных.

[22] Примечания: 22
Жукообразных.

лежавших к разным ветвям человечества.

Я беседовал с разумом Янь Ли, философа из жестокой империи Тцан-Чан, что грядет в пятом тысячелетии Anno Domini[23]; вождем большеголового народа, распоряжавшегося Южной Африкой за пятьдесят тысяч лет до Христа; с Бартоломео Кореи, флорентийским монахом двенадцатого столетия, а еще с королем Ломара, правившим в суровой полярной земле сотню тысячелетий назад, прежде чем низкорослые желтокожие инуиты явились с запада, чтобы захватить ее.

Говорил я с разными умами: Нуг-Сота, колдуна чернокожих завоевателей шестнадцатого тысячелетия новой эры, и с римлянином по имени Семпроний Блезий, квестором, жившим во времена Суллы; с Хефне, обитавшим в Египте при четырнадцатой династии, — он-то и поведал мне про мерзкого и загадочного Ньярлатотепа; и со жрецом времен Среднего Царства Атлантиды; и с джентльменом из Саффолка Джеймсом Вудвиллом, доставленным сюда из времен Кромвеля; с разумом придворного астронома перуанского королевства, существовавшего еще до инков; и с

[23] Примечания: 23
После Рождества Христова (*лат.*).

австралийским физиком Невиллом Кингстон-Брауном, которому суждено умереть в 2518 году от Р. Х.; с архимагом потонувшей в тихоокеанских глубинах Ики, и с Теодотидом, грекобактрийским чиновником, жившим за двести лет до Христа, и с пожилым французом Пьером-Луи Монтаньи, состарившимся при Людовике XIII, и с Кром-Я, вождем киммерийцев, что жил в пятнадцатом тысячелетии до Р. Х., и еще со многими… И разум мой не в силах теперь хранить ужасные тайны и потрясающие чудеса, о которых мне довелось узнать от них.

Каждое утро я просыпался в лихорадочном возбуждении, иногда отчаянно пытаясь подтвердить или опровергнуть ту информацию, которая укладывалась в рамки современных познаний. Известные факты становились шаткими и сомнительными, и я удивлялся играм фантазии, способной порождать в сновидении столь удивительные поправки к истории и науке.

Я только поеживался, представляя себе тайны, что могли укрываться под пологом прошлого, трепетал от ужасов, которые способно породить грядущее. Существа, принадлежащие к расе, которая унаследует от человечества Землю, поведали мне о конце рода людского такое, чего

лучше вовсе не упоминать.

После человека возникла могущественная цивилизация жуков, телами которых избранные умы Древней Расы овладеют, когда на стародавний мир обрушится чудовищная судьба. Потом, на исходе существования самой Земли, разум расы вновь перенесется через пространство и время — на место новой остановки — в тела клубнеобразных, растительных по природе обитателей Меркурия. Но даже после этого на Земле еще будут возникать новые расы, патетически льнущие к остывающей планете, зарывающиеся в полную ужасов земную кору, и так до самого конца.

Но там, во снах, я все писал для главных архивов свою историю нашего времени — наполовину по собственному желанию, наполовину расплачиваясь за обещанные путешествия и посещения новых библиотек. Архивы Великой Расы сохранялись в колоссальном подземном сооружении возле городского центра — я это знаю потому, что часто бывал там и беседовал о разном. Сооружение это должно было хранить документы, пока существует раса, выдерживать самые страшные из содроганий Земли, посему титаническое хранилище превосходило все прочие сооружения весом и прочностью блоков, напоминая пещеры,

устроенные внутри скалы.

Все, что писалось или печаталось на огромных листах невероятно стойкой целлюлозной ткани, переплеталось в книги, листы которых соединены были сверху наподобие блокнота; их хранили в тонких футлярах — из неизвестного металла, крайне легкого, нержавеющего, с серым отливом, — украшенных математическими узорами, на которых скругленными иероглифами Великой Расы выведены были названия.

Футляры эти хранились на стеллажах из того же самого металла, снабженных замысловатыми витыми ручками. Собственной моей истории отведено было особое место в хранилищах низшего уровня, где хранились материалы по истории позвоночных: в секции, отведенной культурам человечества и мохнатой и ящероподобной рас, предшествовавших нам во владычестве над Землей.

Но ни разу сон не позволил мне воспроизвести последовательность событий одного дня. Я видел всегда туманные, несвязанные и хаотически сменявшие друг друга отрывки. Например, я весьма смутно представляю себе помещение, где обитал в этом призрачном мире… Впрочем, кажется, мне была предоставлена огромная ком-

ната. Ограничения на мою свободу постепенно снимались, и некоторые из видений напоминают мне об интересных поездках по могучим дорогам, протянутым через джунгли, о недолгом пребывании в странных городах, о руинах… огромных, мрачных, лишенных окон… Даже сами члены Великой Расы избегали их в непонятном страхе. Совершал я и долгие морские вояжи в огромных многопалубных кораблях, с необыкновенной быстротой несущихся по волнам, и полеты над дикими краями в замкнутых, похожих на снаряд летательных аппаратах, поддерживаемых силой электрического отталкивания.

За широким теплым океаном тоже высились города Великой Расы, а на одном из далеких континентов я видел примитивные деревни черномордых крылатых тварей, которые породят новую доминирующую расу, после того как Великой Расе придется, спасаясь от ползучего ужаса, отослать в будущее лучшие умы. Равнины и зелень повсюду окружали меня. Редкие горы были невысоки и обычно обнаруживали признаки вулканизма.

О животных, которых мне приходилось видеть, можно было написать целые тома. Все они оставались дикими; механизированная культура

Великой Расы давно покончила с домашними зверями, пища же была целиком растительной или синтетической. Неуклюжие огромные рептилии паслись во влажных лугах, били крыльями в густом воздухе, подымали волны в морях и озерах; среди них, как мне казалось, можно было различить небольших еще прародителей многих архаических существ — динозавров, птеродактилей, ихтиозавров, лабиринтодонтов, плезиозавров и подобных им тварей, с которыми нас познакомила палеонтология. Ни птицы, ни млекопитающие мне не попадались.

Земля и болота постоянно были в движении: там ползали змеи, ящерицы и крокодилы. Среди сочной листвы напряженно гудели разные насекомые. Далеко от берега неведомые, невиданные чудовища вздымали к пасмурным небесам городоподобные столбы пара. Однажды меня взяли под воду в оснащенной прожекторами субмарине, и я увидел разные живые страхи, воистину потрясающие своей величиной. Видел я и руины немыслимых затонувших городов, и расцвет подводной жизни: криноидеи[24], брахиоподы[25];

[24] Примечания: 24
Криноидеи — морские лилии.

[25] Примечания: 25
Брахиоподы — разновидность моллюсков.

кораллы, рыбы изобиловали повсюду.

О психологии, праве и подробной истории Великой Расы видения мои донесли весьма немного информации, и все, что я заношу сюда, в основном было извлечено из древних легенд и известных мне историй болезни, а не из моих видений.

Со временем, конечно, чтение и раздумья принесли свои плоды и стали опережать приход видений, так что смысл некоторых отрывков я сумел постичь заранее, подтверждая таким образом то, что мне уже удалось узнать. Это утешило меня и укрепило уверенность в том, что схожее чтение и интересы моей второй личности и явились основой всей ужасной ткани псевдовоспоминаний.

Сны мои относились ко времени, удаленному от нашего примерно на 150 000 000 лет, — рубежу палеозойской и мезозойской эры. Тела, в которых обитала Великая Раса, не оставили известных науке потомков не только среди ныне живущих и даже вымерших существ, они представляли собой особый, почти гомогенный и в высшей степени специализированный тип, занимавший промежуточное положение между животным и растительным мирами.

Уникальное строение клеток их организмов

исключало усталость, не имели они и нужды во сне. Пища, всасываемая через красные воронки-отростки на одной из больших гибких конечностей, обычно была полужидкой, и состав ее во многом не был похож на питание ныне живущих существ.

Существа, приютившие разум Великой Расы, были наделены двумя знакомыми нам чувствами — зрением и слухом, органами которого служили подобные цветкам завершения серых стеблей над их головой. Кроме них они обладали некоторыми чувствами, чуждыми людям. И разум, далекий от Великой Расы, даже вселяясь в тело, не мог овладеть им в полной мере. Три глаза располагались вокруг головы, и поле зрения их было шире, чем у человека. Кровь же представляла собой некий густой темно-зеленый ихор.

Среди них не было полов, размножались они семенами, или скорее спорами, выделявшимися из основания конусов и развивавшимися лишь под водой. Молодь их росла в огромных и легких баках, впрочем, молодых выращивали немного — в связи с долголетием отдельных личностей; в среднем существо, принадлежавшее к Расе, жило четыре-пять тысяч лет, от обнаруживавших какие-либо дефекты немедленно избавлялись.

Лишенные осязания и физической боли, о заболеваниях и приближении смерти они судили по внешнему виду.

Мертвых кремировали с уважением и почетом. Время от времени кому-нибудь из особо смышленых удавалось избежать смерти, отправляя разум в грядущее, но такое происходило нечасто. И когда подобное случалось, к разуму, изгнанному из будущего, относились с предельной добротой до самого распадения живой темницы, в которую был заточен невольный гость.

В общественном отношении Великая Раса как будто образовывала единую нацию или вольный союз, имевший общие главные институты, но подразделявшийся на четыре крупные части. Политико-экономическая система в каждой из них представляла собой нечто вроде гибрида фашизма и социализма: основные ресурсы подлежали рациональному распределению, вся власть была предоставлена небольшому правительству, избранному голосами тех, кто способен был успешно пройти определенные образовательные и психологические тесты. Семейные отношения не подчеркивались, но общее происхождение признавалось, и молодежь по большей части воспитывали родители.

Наибольшее сходство с человеческими учреждениями и привычками проступало в тех областях, где приходилось иметь дело с абстрактными представлениями, или же наоборот — там, где доминировали основные потребности, общие для всей органической жизни. Несколько схожих черт явились следствием сознательного заимствования — Великая Раса изучала будущее и копировала удачные, с ее точки зрения, решения.

Участие в высокомеханизированном производстве занимало не много времени в жизни каждого гражданина, и имевшийся у всех досуг заполнялся интеллектуальной и эстетической деятельностью.

Науки были вознесены до невероятных высот, искусство вливалось в жизнь составной ее частью, хотя ко времени моих снов миновало и вершину свою, и даже средний уровень, достигнутый в прошлом. Производство, постоянно напрягая свои силы, поддерживало в целостности пелену жизни, которую ткали в больших городах, то и дело подвергавшихся сокрушительным геологическим бурям первобытных времен.

Преступлений было на редкость мало, с ними расправлялась уверенная и эффективная по-

лицейская служба. Наказания изменялись от лишения привилегий до пожизненного заключения либо истязания основных эмоций; впрочем, их никогда не применяли, не разобравшись тщательно в мотивах действий преступника.

Войны в последние несколько тысячелетий в основном были гражданскими, только изредка возникали конфликты с крылатыми и звездоголовыми древними существами, еще гнездившимися в Антарктике. Случались они нечасто, но бывали опустошительными. Для целей, о которых не полагалось упоминать, но явно в связи с непрестанной тревогой, которую внушали древние, лишенные окон башни и огромные, заложенные засовами двери, всегда под рукой была огромная армия, вооруженная похожим на наши нынешние фотоаппараты оружием, производившим могучие электрические разряды.

Страх перед базальтовыми руинами и заложенными дверями был предметом единодушного умолчания, а в лучшем случае каких-то слухов. Все подробности, которые могли бы объяснить его причины, отсутствовали в книгах, имевшихся на обычных полках. Он оказался единственной запретной темой: чувствовалась в нем и память о прошлых ужасных битвах, и о еще ожидаемых

в будущем бедствиях, которые заставят Великую Расу разом отправить в будущее сразу всех своих мудрецов.

Почерпнутые из легенд и разговоров, несовершенные и фрагментарные представления мои об этом вопросе, как и обо всем прочем, становились здесь еще более неопределенными. Туманные древние мифы умалчивали о многом… или же все упоминания о случившемся по какой-то причине оказались выброшенными из них. Ну а в снах, что видел я сам и другие, содержалось чрезвычайно мало подробностей. Существа Великой Расы никогда не заводили речи на эту тему; все, что удалось мне узнать, выяснили отточенные умы представителей иных рас, одаренные особо острой наблюдательностью.

Как они сумели понять, страхи порождены были расой жуткой и древней… Какие-то полуполипы, существа, совершенно чуждые Земле, явились в нашу Вселенную из неизмеримых далей шестьсот миллионов лет назад и потом правили нашей планетой. Они были материальны только частично — с позиции нашего понимания материи, — и все чувства их, даже само мышление, невероятным образом отличались от свойств организмов земной природы. Напри-

мер, они обходились без зрения; и умственный образ их мира непонятным образом ограничивался иными чувствами.

Впрочем, они были достаточно материальны, чтобы извлекать из материи пользу, если оказывались в космосе возле нее; наверное, им необходимо было жилье, быть может и странное на наш взгляд. Хотя чувствами они могли пронизывать материальные барьеры, тела их не были способны на это, и особым образом организованные электрические токи несли им смерть. Невзирая на отсутствие крыльев и каких бы то ни было видимых средств для левитации, они могли перемещаться в воздухе. Разум их был настолько отличен от всех известных Великой Расе, что не допускал возможности обмена умами.

Попав на Землю, твари эти соорудили могучие города из базальта, с их башнями без окон, и безжалостно уничтожали все живое, что им только попадалось. Тогда-то разумы, слагающие Великую Расу, бежали из своего далекого и неведомого трансгалактического мира, именуемого Йит в сомнительных и возмутительных Эльдаунских Скрижалях.

Новые пришельцы во всей мощи созданного ими оружия легко победили космических хищ-

ников и загнали в полые недра планеты, которые те и так давно считали своими и уже начали заселять.

Тогда были закупорены все ходы, уводящие в глубь земли, и тварей внизу предоставили собственной судьбе. Впоследствии Великая Раса заняла и их огромные города, лишь некоторые сооружения были сохранены по причинам, связанным скорее с суевериями — не с безразличием, не по безрассудству или из исторических и мемориальных соображений.

Но шли эоны, и явились первые смутные знаки того, что злые Древние силы крепнут и множатся внутри Земли. В удаленных и небольших городах Великой Расы из глубей земных начались вторжения особо мерзкого свойства; происходили они и в некоторых покинутых городах Древних, которые Великая Раса не посещала, — там пути, уводящие в подземные пропасти, не были должным образом перекрыты или же не охранялись.

После этого предприняты были великие предосторожности; тогда завалили многие из уходящих под землю дорог — впрочем, иные из них перекрыли дверями, оставленными в стратегических целях: дабы в случае необходимости самим напасть на порождения тьмы, если они вырвутся

наружу в неожиданном месте.

Вторжения Древних, судя по всему, были ужасны превыше всякой меры — такой отпечаток наложили они на саму психологию Великой Расы. Таким ужасом веяло от них, что конусы старались даже не упоминать об этих тварях. Я так и не смог ясно представить себе, на что они были похожи.

Говорили о чудовищной текучести их тел, то видимых, то на мгновение исчезавших; по слухам, нападая и защищаясь, они прибегали к ветрам огромной силы. Еще связывался с ними некий посвист и появление отпечатков как бы ступни с пятью округлыми пальцами.

Было ясно, что ждущая Великую Расу зловещая участь, которой так панически опасались все члены ее, — участь, способная подвигнуть миллионы острейших умов броситься через разверстую пропасть времени в тела странных существ в неведомом, но безопасном грядущем, — и могла быть только самым последним, наконец успешным нападением Древних сил.

Благодаря переброске разумов через века Раса давно уже узнала свою судьбу в грядущем. Тогда же было решено, что всякий, кто сумеет спастись, имеет право на это. То, что нападение будет про-

изведено скорее из мести, чем в попытке вновь завоевать поверхность планеты, они знали из дальнейшей истории: последующие расы будут сменять друг друга, не ведая о чудовищах, затаившихся в сердце Земли.

Может быть, существа эти сами предпочитали внутренние пропасти и расселины Земли ее разнообразной, подверженной бурям поверхности — ведь свет им не был нужен. Впрочем, возможно, пролетевшие эоны понемногу унесли с собой их прежнюю силу. И в самом деле, ни одного из них уже не останется в живых ко времени разумных жуков — наследников человечества, в тела которых и переселятся беглецы.

Ну а пока Великая Раса осторожно следила за внутренностями планеты и держала наготове оружие, пытаясь не вспоминать о кошмарных врагах слишком часто, не упоминать о них — ни устно, ни письменно. Но тень безымянного страха вечно реяла над мрачными башнями без окон и бойниц и перед заложенными дверями.

V

Таков был мир, смутные отблески которого каждую ночь проявлялись в моих снах. Не могу даже надеяться описать весь ужас, все отвраще-

ние, рожденное подобными отзвуками. И все они обладали одним, полностью нематериальным свойством: создавали острое ощущение псевдовоспоминания.

Как я сказал, занятия мои постепенно смогли защитить меня от подобных чувств, дали прошлому рационально-психологическое объяснение, и благотворное воздействие их уже подкреплялось легким прикосновением привычки, как всегда, приходящей с течением времени. Но, несмотря на все, неясный ползущий ужас то и дело охватывал мое сердце. Теперь он уже не поглощал всего меня целиком, как было прежде, и после 1922 года я стал вести вполне нормальную жизнь, чередуя работу и отдых. С годами я стал ощущать, что пережитое следует обобщить и опубликовать и, добавив примеры из родственных случаев амнезии и сводные мотивы, обнаруженные в фольклоре, сделать доступным для серьезного исследователя; потому-то я и занялся подготовкой серии статей, вкратце охарактеризовал в них основные моменты и сопроводил их грубыми набросками существ и сооружений, запомнившихся оценок, декоративных мотивов и иероглифов, которые мог воспроизвести по снам.

Статьи по одной печатались в «Журнале аме-

риканского психологического общества» с 1928 по 1929 год, но особого внимания не привлекли. Я же тем временем продолжал тщательно записывать сны, не считаясь со скопившейся грудой материалов.

Но 10 июля 1934 года мне доставили письмо из Психологического общества, а за получением его и последовала кульминирующая и самая жуткая фаза всей моей кошмарной истории. На штемпеле значился городок Пилбарра в Западной Австралии; подпись, как я узнал, наведя справки, принадлежала одному из известнейших в своих кругах горных инженеров. К нему были приложены весьма любопытные снимки. Их я во всей полноте воспроизвожу в тексте, и любой читатель немедленно поймет, сколь ужасный эффект оказали они на меня.

На какое-то время мною словно овладели паралич и недоверие; хотя я часто думал, что какие-то моменты легенд, так окрасивших мои сны, должны наконец найти и материальное подтверждение, но тем не менее совсем не был готов к тому, что от затерянного в прошлом мира кое-что еще может дойти до нас. Эти фотоснимки со всем своим холодным и неопровержимым реализмом произвели сокрушительный эффект.

Из песка выступали ветхие каменные блоки, источенные ветром, каплями дождя и летучим песком. Выпуклый верх и вогнутый низ говорили сами за себя.

Взявшись за увеличительное стекло, я различил… слишком отчетливо… среди всех ямок и бороздок на камне следы огромных криволинейных фигур и стертые иероглифы, те, что делали ужасными мои сны. Но пусть лучше письмо говорит само за себя.

49, Дэмпьер-стрит
Пилбарра, 3, Австралия
18 мая 1934 г.
Профессору Н. У. Пизли
корреспонденту Ам. Психологического общества
30 В. 41-я стрит
Нью-Йорк Сити, США

Мой дорогой сэр!

Недавний разговор с доктором Ю. М. Бойлем из Перта и несколько журналов с Вашими статьями, которые он только что переслал мне, заставляют меня сообщить Вам о неких предметах, обнаруженных мною в Большой Песчаной пустыне к востоку от наших золотоносных полей. Учитывая странные легенды о древних городах, сложенных

из чудовищно огромных блоков, и описываемые Вами загадочные изображения и иероглифы, полагаю, что мне удалось обнаружить нечто выдающееся.

Чернокожие всегда много рассказывали о попадающихся здесь огромных камнях с отметинами, не скрывая ужаса перед подобными находками. В их представлении камни эти загадочным образом связаны с общеизвестными в наших краях легендами о Буддаи, гигантском старике, на неисчислимые века уснувшем под землей, положив голову на локоть. Однажды он проснется и пожрет Землю.

Существуют еще очень древние, полузабытые сказки о подземных домах, сложенных из огромных камней. Коридоры их уводят все ниже и ниже, и в глубинах гнездится ужас. Еще чернокожие утверждают, что некогда их воины, потерпев поражение в битве, попытались укрыться в таком доме, но ни один так и не вышел обратно, а из подземных ходов тут же задули жуткие ветры. Однако к словам туземцев не следует проявлять слишком большого доверия.

Но это еще не все. Два года назад, проводя изыскания в пустыне — почти в пяти сотнях миль отсюда к востоку, — я наткнулся на множество

разбросанных камней примерно 3×2×2 фута в размере, обработанных и источенных непогодой почти до предела.

Сперва я не мог обнаружить на них тех отметин, о которых рассказывают черные, но все-таки, приглядевшись, заметил глубоко врезанные линии, странные, изогнутые, как те, о которых мне рассказывали. По-моему, там было тридцать или сорок таких блоков, все они были обнаружены в круге в четверть мили диаметром.

Заметив первые камни, я стал разыскивать остальные и произвел тщательную инструментальную съемку местности. Кроме того, я заснял десять-двенадцать самых типичных блоков и прилагаю к письму эти снимки.

Всю информацию и копии фотоснимков я передал правительственному представителю в Перте, пока не обнаружившему к ним интереса.

Позже я встретился с доктором Бойлем, читавшим Ваши статьи в «Журнале Американского психологического общества», и упомянул в разговоре с ним о своей находке. Он выказал огромный интерес, сменившийся неподдельным возбуждением, когда я показал ему снимки, и сообщил мне, что и камни, и знаки на них полностью подобны тем, которые Вы видели во снах и знаете

из легенд.

Доктор Бойль собирался написать Вам, но не сумел. Однако он переслал мне несколько журналов с Вашими статьями, и я сразу же понял из рисунков и текста, что мои камни принадлежат именно к той самой разновидности, которую Вы описали. Это, как Вы увидите сами, подтверждают и прилагаемые снимки. Через некоторое время доктор Бойль сам обо всем вам расскажет.

Нетрудно понять, насколько важным явится для Вас это сообщение. Вне сомнения, мы обнаружили останки неведомой цивилизации, куда более древней, чем могло даже присниться, — той самой, которая послужила источником возникновения всех Ваших легенд.

Я — горный инженер и имею представление о геологии, но могу признаться Вам: невероятная древность этих каменных блоков даже пугает меня. Материалом для их изготовления в основном послужили песчаник или гранит, впрочем, некоторые показались сделанными из какой-то разновидности цемента или бетона.

На камнях заметны следы воздействия воды, да такие, словно бы целая часть света погружалась здесь под воду и лишь через несчетные века вышла опять на поверхность… И все это уже после

того, как были изготовлены и сложены эти блоки. Можно не сомневаться, им не меньше нескольких сотен тысячелетий, но о точном их возрасте знают одни небеса.

Учитывая Ваш скрупулезный труд над легендами и всем, что связано с ними, не сомневаюсь, что Вы захотите возглавить экспедицию в пустыню и произвести там археологические раскопки. Мы с доктором Бойлем готовы оказать содействие в подобной работе, если известные Вам организации способны оплатить расходы по их проведению.

Я могу подыскать дюжину шахтеров для выполнения тяжелых работ. Чернокожих привлекать бесполезно, я уже успел убедиться, что они испытывают почти маниакальный страх перед этими местами. Кроме Вас, мы с Бойлем никого не информировали об открытии: право первооткрывателя в данном вопросе принадлежит Вам.

От Пилбарры до места находки можно добраться за четыре дня на колесном тракторе, который потребуется нам для перевозки приборов. Камни расположены к юго-западу от маршрута экспедиции Варбэртона 1873 года, в сотне миль к юго-востоку от Джоанна-Спринг. Туда можно

добраться и по воде — по реке Де Грея[26], но все конкретные вопросы мы обсудим позже.

Приблизительно камни находятся в месте с координатами 22 градуса 3 минуты 14 секунд южной широты и 125 градусов 0 минут 39 секунд восточной долготы. Климат там тропический, пустынный.

С нетерпением жду от Вас новых сведений, готов принять участие в любом плане, который Вы можете предложить. Изучение Ваших статей укрепило во мне уверенность в глубочайшей важности всего нашего дела. Доктор Бойль напишет Вам позже. Если потребуется быстро связаться с нами, телеграммы в Перт принимают по беспроволочному телеграфу.

С глубокой надеждой на скорый ответ,

самым искренним образом Ваш

Роберт Б. Ф. Маккензи

О том, что последовало за получением этого письма, можно узнать из прессы. Мне посчастливилось заручиться поддержкой Мискатоникского университета, а мистер Маккензи и доктор Бойль оказали неоценимую помощь при устройстве всех дел в Австралии. Мы не стремились вда-

---

[26] Примечания: 26

Расположена на северо-западном побережье Австралии.

ваться в особые подробности, поскольку, вне сомнения, подобное открытие немедленно привлекло бы к себе внимание сенсационных и юмористических отделов дешевых газет. В итоге печатные сообщения выглядели немногословными, но все-таки рассказывали достаточно много о причинах нашего интереса к загадочным австралийским руинам и отражали различные приготовительные шаги.

Уильям Дайер, профессор геологического факультета, возглавлявший Антарктическую экспедицию университета в 1930–1931 годах, Фердинанд К. Эшли с факультета древней истории, Тайлер М. Фриборн с факультета антропологии вместе с моим сыном Уингейтом дали согласие сопровождать меня.

В начале 1935 года мой корреспондент Маккензи прибыл в Аркхем и помог завершить приготовления. Он оказался потрясающе компетентным и любезным человеком примерно пятидесяти лет, его начитанностью и глубоким знанием условий Австралии можно было только восхищаться.

Его трактора ждали нас в Пилбарре, и мы зафрахтовали болтавшийся без дела небольшой пароходик, способный пройти в верховья реки

до нужного места. Мы были готовы проводить раскопки в скрупулезной научной манере — просеивая каждую песчинку, оставляя на месте всякий камень, что мог еще оказаться в своем исходном положении.

28 марта 1935 года мы вышли из Бостона на пыхтящем «Лексингтоне», словно на увеселительное путешествие, через Атлантику, в Средиземное море и по Суэцкому каналу и Красному морю — в Индийский океан, а там и прямо к нашей цели. Не буду даже вспоминать, насколько вид невысоких и песчаных австралийских берегов угнетал меня, насколько отвратительным показался мне унылый городок горняков и скучные золотые копи, где мы загрузили трактора последними припасами.

Встречавший нас доктор Бойль оказался приятным пожилым интеллектуалом, а познания его в психологии позволили мне и сыну вести с ним долгие дискуссии.

В душе каждого члена нашего отряда сомнения странным образом перемешивались с нетерпением, когда наконец мы, восемнадцать человек, начали отсчитывать лиги сухого песка и камня. В пятницу 31 мая мы пересекли приток реки Де Грея и вступили в края вовсе уединенные. И пока

мы приближались к истинному месту захоронения останков прежнего мира, древнего мира легенд, все сильнее охватывал меня ужас, еще более усиленный снами и псевдовоспоминаниями, что по-прежнему мучили меня.

Первый из полузасыпанных блоков мы увидели в понедельник 3 июня. Не могу даже описать чувства, с которыми я впервые — в истинной реальности — прикоснулся к циклопической кладке, во всем подобной той, что представала мне в видениях. Знаки на камнях оказались достаточно ясными, с трепетом я узнавал кривые линии, адовой мукой истомившие меня за годы мучительных ночных кошмаров и утомительных исследований.

За месяц раскопок мы сумели обнаружить около 1250 каменных блоков, находившихся на разных степенях целостности и разрушения. По большей части все они оказались резными мегалитами с криволинейным верхом и низом. Некоторое количество камней имело меньший размер — уплощенные, ровные, не имеющие узоров, они были квадратными или восьмигранными, как те, что покрывали полы и улицы в моих снах, — и совсем немного оказалось чрезвычайно массивных, изогнутых и криволинейных

— словно служивших для перекрытия свода или образовавших памятные мне округлые окна.

Чем глубже и дальше к северу-востоку закапывались мы в землю, тем больше находили блоков, хотя по-прежнему нам не удавалось обнаружить каких-нибудь признаков упорядоченности в их расположении. Непомерная древность находок все еще потрясала профессора Дайера, а Фриборн обнаружил аналоги мрачных символов, знакомых ему из папуасских и полинезийских легенд незапамятной древности. Состояние разбросанных блоков упорно доказывало головокружительный возраст их, свидетельствовало о геологических катаклизмах космической мощи.

Мы располагали аэропланом, и мой сын Уингейт частенько поднимался на разные высоты, пытаясь обнаружить на песчано-каменистой почве следы каких-либо контуров, оставшихся от стен или складывающихся из разбросанных блоков. Результаты оказались полностью отрицательными. Правда, иногда ему казалось, что он сумел обнаружить нечто существенное, но повторный пролет неминуемо ничего не давал — столь быстро менялись очертания холмов, состоявших из несомого ветром песка.

Впрочем, раз или два эти эфемерные образо-

вания успели странным и неприятным образом подействовать на меня. Они как будто бы складывались в очертания, жутким образом схожие с теми, которые я видел во снах или же знал из книг, но все-таки не мог припомнить, откуда мне известно о них. Нечто кошмарно знакомое чудилось всякий раз, когда я с опаской оглядывал безжизненный и невеселый ландшафт.

И к первой неделе июля оказалось, что эти пустынные края на северо-востоке Австралии рождают во мне весьма противоречивые чувства. Я испытывал ужас и любопытство, а еще — словно бы постоянно пытался припомнить нечто забытое.

Стараясь выбросить все это из головы, я перепробовал все психологические методы, но без успеха. Меня одолевала бессонница, и я был даже рад ей, потому что мог видеть меньше снов. Я взял себе в обычай подолгу бродить в одиночестве по пустыне в ночные часы и уходил из лагеря на север или северо-восток, куда настойчиво влекли меня все эти странные побуждения.

Иногда на прогулках мне случалось в буквальном смысле спотыкаться об утопающие в песке остатки древних блоков. Здесь, на поверхности, камни попадались реже, чем там, где мы начи-

нали раскопки, но я был уверен — под песком их значительно больше. Местность сделалась не такой ровной, как у нашего лагеря, и господствующие ветры гнали по ней фантастические песчаные волны, которые там и сям открывали древние камни и снова прятали их.

Я чувствовал странную потребность поскорее перевести раскопки сюда и одновременно опасался того, что они могли бы открыть. Должно быть, мне становилось все хуже, но, к собственному прискорбию, я не мог этого заметить.

Только свидетельством скверного состояния нервов может послужить моя реакция на непонятную находку, сделанную мной во время одного из ночных странствий. Было это вечером 11 июля, когда луна озаряла таинственные холмы мертвенными лучами.

Зайдя дальше, чем мне приходилось прежде, я обнаружил огромный камень, явно отличавшийся от всех, что нам приходилось здесь видеть. Он едва выступал из песка, но я старательно очистил его собственными ладонями, после чего принялся внимательно изучать странный объект, помогая лучом собственного фонарика лунному свету.

В отличие от прочих каменных блоков этот был обработан ровно, и стороны квадратной плиты

не обнаруживали ни вогнутостей, ни выпуклостей. Мне показалось, что вытесан он из темного базальта, совершенно непохожего на гранит, песчаник и бетонные блоки, с которыми мы уже привыкли иметь дело.

Тут я вскочил, словно подброшенный, повернулся и бегом припустил к лагерю. Бегство было совершенно иррациональным и бессознательным, и, только оказавшись возле собственной палатки, я полностью осознал, почему бегу. Я наконец понял: загадочный темный камень был связан — сны и книги свидетельствовали об этом — с предельным ужасом вековечных легенд.

Я увидел один из тех древних базальтовых блоков, к сооружениям из которых Великая Раса относилась с таким неподдельным трепетом. Из подобных ему были сложены высокие башни без окон, оставленные на земле порождениями мрака, что нашли себе пристанище в земных пропастях, некогда закрытых удерживавшими мощь могучих ветров огромными дверями, возле которых находилась неусыпная стража.

Всю ночь я не мог уснуть, но с приходом рассвета понял, что глупо пугаться каких-то сказок. Не испуг подобал здесь, но энтузиазм исследователя.

Пока не наступил полдень, я поведал остальным о своей находке и вместе с Дайером, Фрименом, Бойлем и сыном отправился разыскивать неведомый блок. Однако нас ждала неудача. Я не смог точно заметить местонахождение камня, и недавно поднявшийся ветер успел изменить очертания песчаных холмов.

VI

Теперь я подхожу к критической и самой трудной части своего повествования, тем более трудной, что я не могу поручиться за ее истинность. Временами я чувствую весьма смущающую меня уверенность в том, что случившееся не было ни сном, ни иллюзией; именно это чувство и потрясающие последствия всей истории и заставляют меня браться за перо.

Мой сын, опытный психолог, во всех подробностях знающий все, что было со мной, будет главным судьей того, о чем я теперь должен рассказать.

Сперва хочу описать все обстоятельства — какими они представлялись нам. В ночь с 17 на 18 июля я рано возвратился в лагерь после ветреного дня, но не мог уснуть. Вскоре после одиннадцати я встал и, покоряясь странному притяжению, ма-

нившему меня на северо-восток, отправился на одну из привычных ночных прогулок. Выходя из лагеря, я встретил одного из членов экспедиции — австралийца-шахтера по фамилии Таппер, поздоровался с ним.

Недавно миновавшая полнолуние луна светила с ясного неба и заливала древние пески мертвенным белым светом, казавшимся мне тогда безгранично мерзким. Ветер утих — не менее чем на пять часов, — так засвидетельствовал Таппер и прочие, кто заметил тогда мой удалявшийся силуэт на фоне залитых нездоровой бледностью таинственных холмов.

Вновь ожил он ночью, около 3:30, когда яростный шквал вдруг обрушился на лагерь, разбудил всех и повалил три палатки. На небе не было даже облачка, и прокаленная луна по-прежнему заливала пустыню больным своим светом. Устанавливая шатры на место, все заметили, что меня нет в лагере, но, зная про частые ночные отлучки, никто не встревожился. Тем не менее трое австралийцев уверяли: в воздухе сгущается нечто зловещее.

Маккензи постарался убедить профессора Фриборна в том, что страхи эти порождены сказками чернокожих — искусной тканью зловещего ми-

фа, объяснявшего причины сильнейших ветров, изредка с ясного неба обрушивающихся на здешние пески. Такие ветры, шептали предания, дуют из огромных подземных хижин, где творится ужасное; подобных шквалов не бывает там, где на песке нет огромных камней с отметинами. К четырем ветер утих, изменив вид и расположение песчаных холмов.

Около пяти, когда одутловатая нездоровая луна опустилась к самому горизонту, я вернулся в лагерь — без шляпы и электрического фонарика, в лохмотьях, исцарапанный, ни кровинки в лице. Почти все возвратились ко сну, лишь профессор Дайер курил трубку перед палаткой. Увидев меня таким потрясенным, движущимся почти автоматически, он позвал доктора Бойля, и вдвоем они сумели устроить меня на ложе. Разбуженный возней сын вскоре присоединился к ним, и втроем они попытались заставить меня полежать и уснуть.

Но сон не шел ко мне. Психологическое состояние мое было весьма необычным — подобного мне еще не приходилось испытывать. Через какое-то время я принялся говорить, нервно и замысловато объясняя свое состояние.

Я рассказал всем, что почувствовал усталость и

решил подремать на песке. Тут, как я утверждал, мне привиделся сон, куда более жуткий, чем все посещавшие меня прежде. Потом неожиданный ветер разбудил меня, и нервы мои не выдержали. Я бежал в панике, то и дело спотыкаясь о выступающие из песка камни и падая. Спал я, должно быть, долго, что и было причиной продолжительного отсутствия.

О том, что на деле со мной могло случиться нечто иное, я не проговорился ни словом, обнаружив огромный самоконтроль. Но намекнул, что планирую пересмотреть всю работу экспедиции и настоятельно советую прекратить все работы на северо-востоке.

Аргументация моя была достаточно слабой: я говорил, что блоков там немного, что не нужно оскорблять чувства суеверных шахтеров, опасался возможного прекращения финансирования со стороны колледжа, говорил о других неверных или абсолютно не относящихся к делу предметах. Естественно, мои новоявленные пожелания не удостоились внимания даже моего собственного сына, явно обеспокоенного ухудшением моего состояния.

Наутро я был на ногах, но провел целый день в лагере, стараясь не подходить к раскопкам.

Потом объявил, что, опасаясь за собственное здоровье, решил немедленно возвратиться домой. И сын обещал доставить меня на самолете в Перт, за тысячу миль к юго-востоку, сразу как только завершит воздушное обследование той области, которую я предлагал оставить в покое.

Все-таки, думалось мне, если то, что я видел вчера, можно еще заметить, придется предупредить всех, даже рискуя показаться смешным. Можно было предполагать, что знакомые с местными сказаниями шахтеры поддержат меня. Чтобы подбодрить меня, сын тем же утром облетел все места, где я мог побывать ночью. Однако ему не удалось заметить ничего обнаруженного мною.

Случилось как и с тем непонятным базальтовым блоком — сыпучий песок укрыл все следы. На какой-то миг я даже пожалел, что потерял во время своего отчаянного бегства некий жуткий предмет, хотя уже тогда я понимал, сколь благодетельна эта потеря. Во всяком случае, я еще могу надеяться, что пережил все во сне… в особенности если адская пропасть останется необнаруженной.

20 июля Уингейт доставил меня в Перт, но отказался оставить экспедицию и возвратиться домой вместе со мной. Он пробыл со мной до 25-го

числа, когда в Ливерпуль отправлялся очередной пароход. И теперь, в каюте «Императрицы», я думаю, как поступить… И все-таки хотя бы сын должен узнать все. Ему решать, что можно открыть человечеству.

Чтобы избежать любых случайностей, выше я изложил всю подоплеку, уже отчасти известную людям, и теперь приступаю собственно к истории — к сжатому изложению того, что произошло со мной в пустыне в эту жуткую ночь.

Напряженный, в каком-то извращенном рвении подгоняемый необъяснимым, смешанным с ужасом, глубинным стремлением на северо-восток, я шагал вперед под лучами зловещей луны. Во все стороны от меня из песка выступали первобытные циклопические блоки, оставшиеся от безымянных, позабытых эонов.

Неизмеримая их древность и ужас, повисший над чудовищной пустошью, угнетали меня в ту ночь как никогда прежде, и я не мог не вспоминать о своих безумных сновидениях, о жутких легендах, что связаны с ними, и о том страхе, с которым и теперь туземцы и шахтеры относятся к этой пустыне и тесаным камням ее.

Но я шагал вперед, словно стремясь навстречу с нечистой силой, все более и более поддаваясь

фантазиям, устремлениям… псевдовоспоминаниям. Я размышлял о контурах, которые, как иногда казалось сыну, с воздуха образовывали лежащие камни, и удивлялся, почему они кажутся мне столь знакомыми и зловещими. Нечто копошилось возле задвижки, на которую заперты были мои воспоминания, уже ею гремело, но иная сила старалась удержать их под замком.

Ветра не было, и склоны наметанных им дюн морскими валами изгибались под бледными лучами луны. Я шел в никуда, но так, словно мне было назначено свидание. Сны мои вдруг хлынули в этот мир, и каждый утопавший в песке мегалит начинал казаться мне остатком стены дочеловеческих времен, со всеми символами и иероглифами, памятными мне с годов заключения в теле члена Великой Расы.

Временами мне даже казалось, что всеведущие конические чудовища деловито снуют рядом со мной по привычным делам, и я боялся опустить долу глаза, чтобы не увидеть себя таким же. И все это время передо мной проходили засыпанные песком блоки, я видел комнаты, коридоры… ослепительный свет луны и хрустальные лампы… бесконечную пустыню и колыхание гигантских папоротников над нею… Я не спал, но грезил

наяву.

Не знаю, долго ли шел и далеко ли зашел… не знаю даже наверное, в каком направлении… когда вдруг заметил целое нагромождение блоков, открытых сегодня ветром. Более крупного скопления мне еще не попадалось, и оно оказало на меня столь сильное впечатление, что видения минувших эонов мгновенно поблекли.

И снова передо мной оказалась всего только пустыня, диск луны и части шарады из непонятного прошлого. Я подошел поближе и направил на камни лучи фонаря, помогая ими лунному свету. Унесенный песок открыл низкую, неправильной формы округлую массу мегалитов и камней поменьше, около сорока футов в поперечнике и от двух до восьми футов в вышину.

С самого начала я заметил в этих камнях нечто особенное. Дело было не только в числе их, превосходившем все известное мне, — источенная ветрами поверхность камней — узоры на ней — заставили разглядеть их повнимательнее, посвечивая фонариком.

По виду они ничем не отличались от попадавшихся прежде. Отличие… крылось в ином… Но полное впечатление сложилось, лишь когда взгляд мой сумел обежать разом несколько

блоков.

Меня словно озарило. Криволинейные знаки на блоках образовывали единый рисунок. Впервые за все время пребывания среди этих вековечных песков мне удалось увидеть сохранившийся кусок кладки — неровной и покосившейся, но камни в ней оставались на своем законном месте.

Приподнявшись на какой-то бугорок, я принялся руками очищать от песка поверхность камней, одновременно стараясь следить за размером, формой, стилем и взаимосвязью узоров.

Тут я сумел получить некоторое представление о природе искусственного сооружения и о рисунках, некогда нанесенных на огромной поверхности первобытной кладки. И полное совпадение с тем, что было во снах, как никогда прежде тревожило и смущало.

Когда-то здесь пролегал циклопический коридор шириной и высотой футов в тридцать, вымощенный восьмигранными блоками, перекрытый прочными сводами. С правой стороны должны были размещаться комнаты, а в конце находился один из наклонных ходов поверхностей, что уводили в недра земные.

Я вздрогнул, представив все это, — одно рас-

положение блоков не могло дать достаточных оснований для столь подробных выводов. Откуда мне знать, что этот уровень — из самых низких? Откуда мне знать, что уводящий вверх пандус остался позади? Какие у меня основания считать, что долгий подземный ход к Площади Колонн лежал слева в одном уровне надо мной?

Откуда мне знать, что зал с машинами и правый туннель в центральные архивы лежит ниже — на два уровня? Откуда же знать мне, что одна из этих жутких, заложенных железными полосами дверей находится в самом низу… через четыре уровня? Нечаянное вторжение снов бросило меня в озноб… и в холодный пот.

И тут случилось совсем уже нестерпимое: я ощутил легкое дуновение, струйку прохладного воздуха, сочащуюся вверх из углубления в центре огромной груды. И разом, как было недавно, видения отступили, оставив после себя только злой свет луны, задумчивую пустыню и неровную груду камней, оставшихся от дома, построенного в палеозое. Нечто реальное, ощутимое и насквозь пронизанное темными тайнами лежало передо мной. Струйка воздуха говорила: под россыпью камней таилась огромная полость.

Первым делом мне вспомнились мрачные ле-

генды чернокожих об укрытых под мегалитами громадных подземных хижинах, где творятся ужасы и рождаются великие ветры. Потом мысль моя обратилась к собственным снам, и я ощутил, что псевдовоспоминания словно тянут меня за рукав. Что может крыться внизу? Какой первобытный и непостижимый кошмар, породивший мифы немыслимой древности, населяет жуткое подземелье, которое мне удалось открыть?

Колебался я лишь какой-то момент. Не одно лишь любопытство и исследовательский пыл подгоняли меня — нечто еще более сильное преодолевало мой крепнущий страх.

Я двинулся почти автоматически, словно покоряясь неизбежной участи. Спрятав фонарик в карман, с силой, на которую не мог и рассчитывать, я отвалил в сторону один колоссальный камень, следом за ним другой. И вот снизу дунул влажный ветер, так не похожий на сухой воздух пустыни. Под ногами показалась черная щель, и наконец, когда я отодвинул все обломки, какие были мне под силу, зловещий свет луны бледными лучами обрисовал отверстие достаточной величины, чтобы можно было проникнуть в него.

Достав фонарик, я посветил ярким лучом вниз.

Подо мной хаотическая осыпь обработанных камней уходила к северу, спускаясь под углом сорок пять градусов, — осыпь явно была следствием давнего обвала.

Между поверхностью осыпи и сводом висела непроглядная тьма, поверху обнаруживавшая очертания колоссального напряженного свода, пески пустыни здесь, казалось, легли прямо на поверхность титанического сооружения, уцелевшего со времен юности нашей планеты… Хотя как оно сумело выдержать эоны геологических сотрясений, я не знаю и не пытаюсь даже догадываться.

Обращаясь мыслью назад, соглашусь: одно только желание спускаться в одиночку в столь сомнительную пропасть, да еще когда никто не знает, где ты находишься, окажется истинным знаком безумия. Наверное, так оно и было, только в ту ночь я не колебался.

Конечно, какой-то зов, рок или судьба вели меня этим путем. Включая фонарик лишь изредка, чтобы сэкономить батарейки, я пустился в безумный спуск по циклопическому склону, уводившему вниз от отверстия, — иногда лицом вперед, но по большей части обратившись к груде мегалитов, чтобы держаться понадежнее.

Пообок с обеих сторон поднимались ветхие стены из тесаного камня, фонарик мой освещал их. Впереди была тьма.

Спускаясь, я не следил за временем, настолько мой ум переполняли загадочные смутные картинки. Они приобретали четкость, оттесняя реальность в неисчислимые дали. Все физические чувства вдруг отказали, только страх, превратившись в призрачную горгулью, насмешливо щерился на меня.

Наконец я достиг ровной поверхности, заваленной упавшими вниз блоками, бесформенными обломками камня, песком и различным мусором. С каждой стороны — футах в тридцати, кажется, — вверх вздымались массивные стены, завершавшиеся чудовищной величины сводами. То, что камни были покрыты резьбой, я все-таки различал, но разглядеть рисунки не удавалось.

Более всего внимание мое приковывал к себе свод над головой; луч фонарика не достигал его, но нижние части чудовищных арок были вполне различимы. И с такой идеальной точностью отвечали они тому, что видел я в несчетных снах — видениях древнего мира, что я впервые по-настоящему содрогнулся.

Позади, высоко над головой, слабо светяще-

еся пятно напоминало, что над миром все еще шествует луна. Слабые остатки осторожности твердили мне, что пятно это не следует упускать из виду, иначе я не смогу вернуться наверх.

Тогда я приблизился к левой стене, на которой резьба была заметнее. Пересечь загроможденный пол было не легче, чем спуститься по осыпи, но я сумел одолеть трудный участок пути.

В одном месте я сдвинул в сторону несколько блоков, чтобы посмотреть, как вымощен пол, и вновь ощутил трепет при виде бесконечно знакомых выпуклых к центру роковых восьмигранников, еще державшихся вместе, образуя новый пол.

Очутившись на подходящем расстоянии от стены, я медленно повел фонариком, освещая стертые временем остатки резьбы. Должно быть, некогда поток воды оставил свои следы на песчаных стенах, но причин образования загадочных инкрустаций я не мог понять.

Кое-где кладка была нарушена, а камни обнаруживали явные следы разрушения; и оставалось только гадать, сколько же эонов первобытное сооружение просуществовало в недрах земли, сохраняя свою форму наперекор всем мыслимым катаклизмам.

И все-таки сильнее всего потрясла меня резная поверхность стен. Невзирая на действие времени, вблизи узоры были вполне различимы. Полное, предельное совпадение деталей, памятное мне по видениям, поражало воображение. Конечно, обличье этой поседевшей от времени стены было мне знакомо, но пока увиденное не выходило за рамки рационального.

Некогда вид этих камней равным образом потряс и создателей мифов. Оставленные ими знания влились в поток тайной науки, неизвестным образом впечатанной в мою память во время амнезии, и теперь пробудили яркие видения в моем подсознании.

Но как же тогда объяснить, что все линии и спирали вплоть до мельчайших подробностей совпадают с теми, что я видел во снах целых двадцать лет? Какая сокровенная мифология и иконография могли запечатлеть все тончайшие нюансы столь точно и подробно, до каждой мелочи совпадая с тем, что ночь за ночью открывалось мне в сновидениях?

Это не было случайностью… или совпадением. Вне всяких сомнений, древний, едва ли не вечность назад сооруженный, сокрытый на несчетные столетия коридор, в котором я нахо-

дился, и породил те самые картины, знакомые мне по снам не хуже, чем собственный дом в Аркхеме, на Журавлиной. Конечно, в сновидениях я видел это сооружение во времена расцвета, но его реальность от этого не убывала, просто я чуть ошибался.

Часть сооружения, в котором я теперь находился, была мне знакома. Помнил я и где искать ее в этом странном, приснившемся мне древнем городе. С жуткой и инстинктивной уверенностью ощутил я, что могу безошибочно разыскать любой уголок в этом здании и городе… Если только он избежал разрушения. Но что, о Господи, все это значит? Как получилось, что мне известно все это? И какая ужасающая истина прячется за древними легендами о существах, обитающих в лабиринтах из первобытного камня?

Слова способны выразить лишь долю ужаса и тревоги, что терзали тогда мою душу. Я знал, где нахожусь. Знал, что именно можно отыскать, спускаясь пониже; помнил, что находилось на несчетных верхних этажах, рассыпавшихся в пыль и прах, ставших песком этой пустыни. И зачем, думал я, содрогаясь, зачем теперь мне этот слабый, но еще видимый отблеск неба?

Меня раздирали стремление бежать обратно

и жгучая лихорадочная смесь любопытства и безысходности. Что произошло с чудовищным мегаполисом давних дней за те миллионы лет, что протекли здесь со времени моих снов? И что могло остаться от подземных лабиринтов, соединявших под городом все титанические башни, после столь многих конвульсий земной коры?

Неужели мне открылся во всей своей мерзости сохранившийся в целости погребенный уголок архаичного мира? Сумею ли я теперь найти дом учителя письма и башню, где С'тг'ха, плененный разум звездоголового растительного хищника из Антарктики, вырезал на чистой стене некие картинки?

Свободен ли переход со второго уровня, уводящий вниз, в палату чуждых разумов, или же он окажется заваленным и засыпанным? В том зале плененный разум невероятного, наполовину искусственного существа, жителя полой внутренней части неизвестной еще людям планеты, находящейся за Плутоном, — он будет жить там через восемнадцать миллионов лет — лепил из глины нечто невообразимое.

Закрыв глаза и прижав ладони к вискам, я тщетно старался выбросить из головы все эти безумные кошмарные мысли. Тут впервые я

остро ощутил движение окружающего воздуха, прохладного и сырого. Содрогаясь, я осознавал, что эоны не видавшая жизни безжизненная цепь зияющих черных пустот под ногами в любой момент может разверзнуться рядом или подо мной.

И я думал о страшных палатах и коридорах, о наклонных ходах, какими знал их во снах. Может ли оказаться открытым путь к центральным архивам? И снова роковой зов прозвучал в моем мозгу — я вспомнил повергающие в трепет писания в чехлах из нержавеющего металла.

Там, говорили легенды и сны, почивает история, вся история — до мельчайших подробностей будущего или прошлого, занесенная на страницы пленными умами со всех миров Солнечной системы во все века ее бытия. Безумно было думать такое, но что оставалось мне — разве был нормален мир, в котором я очутился?

Я думал о запертых металлических полках, о том, как следует поворачивать ручки, чтобы открывать их. Перед внутренним взором появилась одна из полок. Как часто приходилось мне прибегать к этой сложной серии поворотов, чередующихся с нажатиями… в разделе позвоночных, на первом уровне! И я вспомнил их все до единого.

Если только я найду эти полки, то сумею их открыть. И безумие вновь овладело мной. Через какой-то миг я уже прыгал с камня на камень, опускаясь в земные недра по весьма памятному мне пандусу.

VII

Начиная с этого мгновения едва ли стоит полагаться на мои дальнейшие впечатления — все-таки последняя отчаянная надежда не оставила меня, и не исключено, что мой рассказ все еще окажется навеянным демонами сновидением или болезненным бредом. Разум мой жгла лихорадка, и внешние впечатления доносились словно из тумана, чередуясь с моментами беспамятства.

Лучи света таяли в окружающей темноте, вспышками своими выхватывая невыносимо знакомые стены и узоры, поддавшиеся руке времени. В одном месте обрушился свод, и мне пришлось перелезать через высокий завал, едва не достигавший каменного потолка, с которого густо свисали причудливые сосульки сталактитов.

Таков был предельный разгул кошмара, еще усугублявшийся постоянными напоминаниями

кощунственной псевдопамяти. Одного только чувства прежде не ведал я — собственного ничтожества посреди чудовищного сооружения. Невесть откуда явившееся ощущение собственной малости угнетало меня, словно мне еще не приходилось видеть эти стены, находясь в обычном человеческом теле. Вновь и вновь я бросал встревоженный взгляд на себя, смутно обеспокоенный человеческими очертаниями собственной фигуры.

Вперед, в беспредельный мрак этой пропасти шагал я, прыгал и спотыкался, часто падая и ушибаясь, один раз едва не разбив фонарик. Каждый камень, каждый уголок этого обиталища демонов был мне знаком, и нередко я останавливался, посвечивая в обрушившиеся, но все же не совсем еще заваленные знакомые проходы.

Некоторые залы обрушились полностью, в других не было ничего, в третьих только обломки. Кое-где я замечал груды металлических деталей — целых и ломаных, в них я узнал колоссальные столы или пьедесталы из моих снов; чем они были на самом деле, я не смел даже догадываться.

Я наткнулся на отлогий спуск и повернул вниз, но через какое-то время на пути моем разверзлась пропасть, ощерившаяся камнями; в самой узкой

части своей она была едва ли меньше четырех футов. Здесь обломки камня падали вниз, в неизведанные глубины черной гибельной бездны.

Я знал, что в этом титаническом сооружении должно быть еще два уровня с неведомыми подземельями, и невольно затрепетал в страхе, вспомнив про окованные металлом двери на самом дне. Теперь возле них не могло быть охраны — ведь зло, что таилось за ними, давно уже завершило свои отвратительные и мерзкие дела и после долгого упадка кануло в вечное забвение. Придет конец человечеству — ко времени разумных жуков не станет и обитателей мглы. Но все же, памятуя о местных преданиях, я невольно затрепетал.

Колоссальным усилием воли я заставил себя перепрыгнуть через зияющую пропасть — загроможденный пол не позволял как следует разбежаться, но безумие несло меня вперед. Я выбрал местечко поближе к левой стене, там, где щель в полу была всего у́же и камней по обеим ее сторонам было поменьше, и отчаянным прыжком перемахнул на другую сторону.

Наконец добравшись до нижнего уровня, я миновал зал машин. Посреди него из-под камней проступали фантастические изломы металла,

погребенного наполовину обрушившимся сводом. Все осталось на прежних местах — где, как я знал, и должно было находиться. И я уверенно перебирался через груды камней, закрывавших вход в огромный поперечный коридор. Насколько я помнил, он должен был увести меня в недра города — к центральным архивам.

Словно бесконечные века сменяли друг друга, пока я ковылял, спотыкался, брел и перепрыгивал с камня на камень по заваленному коридору. То тут то там я мог различить не стертые прикосновением веков узоры на стенах — одни были знакомыми, другие появились здесь явно уже после моего пребывания. Меня вела подземная дорога между домами, и арки исчезали над головой, появляясь, только когда путь вновь приводил меня к нижним этажам других зданий.

Оказываясь на таких перекрестках, я оглядывался, даже задерживался иногда, чтобы заглянуть в прекрасно знакомые залы. Только дважды воспоминания подвели меня, но в обоих случаях дорогу преградила заложенная засовом окованная дверь.

Меня трясло, я ощущал странную перемежающуюся слабость — но поспешно, пусть не без колебаний, шел подвалом одной из огромных

башен, не ведающих окон. Базальтовые блоки буквально кричали о жутких своих создателях, о которых лучше умолчать.

Первобытное это сооружение было округлым — не меньше двухсот футов в поперечнике, и на темных камнях не осталось ни знаков, ни следов. На полу здесь не было ничего, кроме песка и пыли, только зияли ходы, уводящие вверх и вниз. Ни лестниц, ни пандусов — такими и рисовали сны эти древние башни, оставленные в неприкосновенности Великой Расой. Их строителям не нужны были лестницы и наклонные пути.

В снах моих ведущие вниз отверстия оставались плотно закрытыми, и их бдительно сторожили. Теперь крышек не было, черные пятна зияли, извергая потоки прохладного и влажного воздуха. О безграничных кавернах под ними, в которых таилась и додумывала свой срок вечная ночь, я боялся думать.

Позже, с трудом одолев особенно заваленный участок коридора, я добрался до места, где свод обрушился полностью. Обломки легли холмом, за которым оказалось огромное пустое пространство, свет моего фонарика не достигал ни стен, ни сводов. Тут, подумал я, находился дом металлодобытчиков, выходящий на третью площадь,

что была уже возле архивов. Что здесь некогда произошло, невозможно было даже догадаться.

За горой обломков и камня я вновь нашел коридор, но и в нем едва ли не сразу наткнулся на высокий завал, преградивший мне путь почти до самого грозно ощерившегося потолка. Как удалось мне пролезть через эту щель, раздвигая в сторону камни, как посмел я тревожить слежавшиеся обломки, когда малейшее нарушение равновесия могло подтолкнуть вниз всю массу камней надо мною и раздавить мое тело, я даже не представляю.

Чистое безумие гнало меня вперед и направляло мои действия — если только, как я все еще надеюсь, все мое подземное приключение не было адским видением наяву или в долгом кошмарном сне. Но я все-таки проделал проход через завал, или же мне приснилось это. Извиваясь, прокладывал я себе путь через эту груду обломков, удерживая зубами фонарь, включенный на ровный свет, и тело мое рвали опускавшиеся с потолка зубастые сталактиты.

Наконец я оказался возле огромного подземного хранилища, которое и притягивало меня.

Оступаясь и скользя по обратной стороне барьера, потом по оставшемуся коридору, посвечивая

вперед зажатым в руке фонариком, я наконец добрался до низкого круглого подземелья, по всем сторонам которого открывались удивительно хорошо сохранившиеся арки.

Стены, точнее часть их, доступная свету моего фонарика, плотно покрывали иероглифы и обычные криволинейные символы, некоторые из них были добавлены уже после времени моих снов.

Здесь, понял я, ждала меня судьба. Не колеблясь, повернул к знакомой арке слева. Как ни странно, я даже не усомнился в том, что сумею пройти по наклонным ходам во всех сохранившихся уровнях. Огромное погребенное в земле хранилище, укрывающее анналы всей Солнечной системы, выстроено было с нечеловеческим мастерством, и прочности его достало бы пережить кончину самого Солнца.

Блоки немыслимого размера, размещенные гениями математики, скрепленные цементом невероятной прочности, образовывали массу, твердостью подобную скалистой коре планеты. Просуществовав века, даже числа которых я не умел представить, погребенный колосс стоял, как прежде. На огромных, лишь кое-где запорошенных полах были обычные в других местах обломки. Отсюда мой путь сделался относитель-

но более легким, что неожиданным образом сказалось на мне. Все прежнее рвение, которому мешали проявиться препятствия, вдруг вылилось в стремление мчаться, и я действительно пустился бежать среди невысоких, столь жутко знакомых мне шкафов, что оказались за аркой.

Теперь меня уже не удивлял знакомый облик всего, что я видел.

С каждой стороны высились огромные металлические дверцы полок, какие-то из них оставались на месте, другие же были открыты, а третьи вовсе помяты и покорежены давнишними геологическими бурями, так и не одолевшими титаническую кладку.

Тут и там покрытые пылью груды под пустыми полками отмечали места, где дрожание земное сбросило ящики с полок. Кое-где на случайных столбиках попадались огромные символы и буквы, означающие разделы классификации.

Остановившись перед открытой камерой, в которой металлические ящики оказались на местах, пусть и под слоем вездесущей пыли, я достал один из тех, что потоньше, не без усилия, — и положил на пол, чтобы приглядеться. Он был надписан вездесущими криволинейными иероглифами, хотя в расположении знаков чудилось

нечто непривычное.

Странный запор с крюками был мне прекрасно знаком, и, приподняв чистую, без пятнышка ржавчины крышку, я извлек из ящика книгу. Она была дюймов двадцать на двадцать пять и дюйма два толщиною. Переплет тоже был из металла.

К прочным целлюлозным страницам словно бы не прикоснулись пронесшиеся над ними мириады временных циклов, и я разглядывал оставленные кистью буквы странного цвета, отличавшиеся от обычных загогулин иероглифов, непохожих на любой алфавит, ведомый человеческому знанию, — глядел, словно что-то припоминал.

Тогда я понял, что таков был язык одного из пленных разумов — из тех, кого я знавал в моих снах, — разума, зародившегося на огромном астероиде, где сохранилось многое из архаической жизни и знаний первородной планеты, когда ей заблагорассудилось отделить от себя частицу. И еще я сообразил, что этот уровень отдан был материалам о планетах Солнечной системы.

Подняв глаза от невероятного документа, я увидел, что свет моего фонаря поблек, и торопливо вставил запасную батарейку, которую всегда брал с собой. Вооружившись более ярким светом,

я вновь припустил по коридорам, разделяющим бесконечные островки, то и дело отыскивая взглядом знакомые полки, и лишь откуда-то издали ощущал акустический переполох, который производили мои шаги в этих катакомбах.

Сами отпечатки, оставленные мною в пыли, миллионы лет остававшейся на своем месте, заставляли меня ежиться. Никогда еще, если в моих безумных снах была хоть крупица истины, человеческие ноги не ступали по этим забывшим про возраст камням.

Куда я бегу и зачем, сознание мое не знало, не ведало. Какая-то злая сила, недобрая сущность влекла меня к себе и лишала памяти. Но смутно я все-таки ощущал, что бегу не вслепую.

Я оказался возле наклонного спуска и направился по нему в глубины. Этажи мелькали, я не задерживался, чтобы изучить их, голова кружилась, в висках пульсировал некий ритм, и правая рука моя задергалась в унисон. Я стремился отпереть нечто и ощущал все сложные повороты и нажимы, необходимые для этого… как в современном сейфе с комбинационным замком.

Во сне или нет, но я знал это, знаю и до сих пор; неужели можно во сне или из бессознательно усвоенной легенды обрести навыки в

подробностях настолько мелких, сложных и незначительных?.. Я уже ничего не старался себе объяснить. Я понимал, что оставил уже те пределы, где властвует здравый рассудок. Ведь все, что происходило со мной: и обнаруженное мною жуткое знание руин немыслимой давности, и чудовищно точное совпадение всего увиденного с тем, что я считал почерпнутым из снов и преданий, — было ужаснее всего, с чем приходилось мне сталкиваться.

Быть может, тогда я невольно предполагал — как и сейчас, когда мой рассудок уже возвратился в какое-то подобие нормы, — что я не бодрствую, что весь этот похоронный город явлен мне в горячечной галлюцинации.

Наконец я достиг самого нижнего уровня и пустился вправо от пандуса. Тут по какой-то неосознанной причине, забыв про скорость, я начал смягчать звук собственных шагов: на этом самом нижнем этаже было место, куда я боялся ступить. Но только оказавшись рядом с ним, я вспомнил, чего именно боялся. Это была одна из заложенных металлическими брусьями тщательно охраняемых дверей. Теперь стражи не будет, и я затрепетал, привстав в страхе на цыпочки, словно в подземелье той базальтовой

башни, где зияла открытой подобная дверь.

Я снова ощутил, как и там, прикосновение прохладного влажного воздуха и пожалел, что оказался здесь. Что несет меня сюда и зачем?.. Я не мог понять.

Приблизившись к страшному месту, я увидел, что дверь распахнута настежь. За ней вновь начинались полки, и я увидел груду ящиков, едва припорошенных пылью; видно было, что они упали не так давно. В тот же миг новая волна паники накрыла меня, и некоторое время я не мог понять почему.

Не в упавших ящиках было дело, такое мне уже приходилось видеть в этом подземелье; целые эоны конвульсии Земли сотрясали забывший свет лабиринт, и грохот упавших ящиков неоднократно нарушал его тишину. Только миновав пространство перед дверью, я понял причины.

Дело было не в ящиках, это пыль на полу возле них смутила мое зрение. Даже при свете моего фонаря становилось понятно: она лежала не так, как положено, кое-где ее почти не было, словно бы покой ее нарушали, и не столь уж давно, считаные месяцы назад. Впрочем, уверенности в этом нельзя было испытывать, даже там, где пыли оказалось поменьше, слой ее оставался

толстым.

И когда я приблизил фонарик к одному из этих странных пятен, сердце мое упало — очертания его имели странно правильный облик, рядом шли три цепочки следов, размером чуть более квадратного фута… пять круглых вмятин размером в три дюйма, одна впереди остальных.

Отпечатки вели в обе стороны, словно кто-то выходил и вернулся. Конечно же, они были достаточно слабыми, они вполне могли быть иллюзией или случайностью. Но неясный ужас словно облаком окутывал их. След с одной стороны упирался в полки, с которых так недавно попадали ящики, с другой — в зловещее отверстие двери, откуда дул холодный ветер, оставлявший без охраны и присмотра путь в недра — к пропастям, превышающим разумение человека.

VIII

Настолько глубинным было это странное притяжение, что страх мой полностью покорился ему. Какая причина, какой мотив мог заставить меня сделать хотя бы шаг после этих ужасных следов и той беспричинной жути, о которой они напоминали? Но пусть тело и сотрясалось от страха, правая рука моя уже водила пальцами —

так манил меня запор, который еще предстояло найти. И, понимая это, я уже оказался за грудой недавно свалившихся ящиков, на цыпочках торопясь к тому месту, которое знал… трепеща от страха, предвкушая ужасное… но без тени сомнения.

Разум пульсировал вопросами, о происхождении и уместности которых сам я лишь начинал догадываться. Сможет ли человеческое тело дотянуться так высоко? Сможет ли человеческая рука эоны спустя воспроизвести правильные манипуляции с замком? Что, если замок поврежден или заржавел? И что делать мне… что осмелюсь я сделать с тем самым, что, как я только что понял, надеюсь и боюсь обнаружить? Неужели я найду доказательство истинности своей истории, безумной, попирающей все основы, или же наконец подтвердится, что я только спал?

А потом я понял, что не бегу на цыпочках, а стою, вглядываясь в ряды полок с безумно знакомыми иероглифическими надписями. Они сохранились почти идеально — во всем стеллаже лишь три дверцы оказались открытыми.

Нельзя описать отношение мое к этим полкам, столь полным и настойчивым было ощущение прежнего знакомства с ними. Я глядел снизу на

верхний ряд, находившийся вне пределов моей досягаемости, и гадал, где лучше вскарабкаться. В этом могла помочь открытая дверца в четырех рядах внизу, а запоры закрытых дверей способны были послужить неплохой опорой для рук и ног. Фонарик придется держать в зубах, что я делал и прежде там, где нужны были обе руки. Но главное — нельзя производить никакого шума.

Как опустить вниз то, что я рассчитывал там обнаружить? Это сделать было несложно, если зацепить застежку книги за воротник куртки и спускаться с ней, как с рюкзаком. И снова я подумал: цел ли замок? Я не сомневался в том, что сумею повторить знакомые движения. Оставалось только надеяться, что замок не станет скрипеть и трещать и что моя рука действительно справится с ним.

Но еще обдумывая все это, я взял зубами фонарь и полез вверх. Выступающие замки не предоставляли надежной опоры, но, как я и ожидал, весьма полезной оказалась открытая дверца. Она ходила свободно; так что, поднимаясь, я воспользовался ею и краем полки, умудрившись обойтись без особого шума.

Став на верхнем краю ее и потянувшись вправо, я едва сумел дотянуться до нужного мне замка.

Пальцы мои, онемевшие от подъема, сперва действовали неловко, но скоро я убедился, что анатомическое строение их вполне дает возможность выполнить поставленную цель. Сила моторной памяти не ослабевала. Замысловатые секретные движения пальцев неизвестным путем во всех подробностях добрались до моего мозга… Менее чем через пять минут усердного труда послышался щелчок, настолько знакомый, что я даже испугался: рассудком я не ожидал никаких звуков. И через какое-то мгновение металлическая дверца, чуть скрипнув, медленно распахнулась.

Дикими глазами взирал я на ряды торцов сероватого цвета, испытывая одно лишь наполняющее душу мою необъяснимое чувство. В пределах досягаемости правой руки оказался ящик; витые иероглифы на нем заставили меня поежиться от ощущения куда более сложного, чем простой страх. Все еще содрогаясь, я ухитрился извлечь его и под лавиной пыли подтащить к себе без особого шума.

Как и первый ящик, с которым мне пришлось иметь дело, он оказался размером чуть более двадцати дюймов на пятнадцать, низким рельефом были вытеснены на нем математические

символы. Толщиной он превосходил три дюйма.

Прижимаясь телом к поверхности, возле которой балансировал, я принялся возиться с застежкой и наконец справился с ней. Потом перекинул тяжелый предмет за спину, так чтобы получившимся крючком зацепить за ворот куртки. Освободив руки, я неловко сполз вниз и принялся исследовать свою добычу.

Согнувшись на коленях в пыли, я снял ящик со спины на пол перед собою. Руки мои тряслись, и я боялся извлечь эту книгу не менее страстно, чем желал этого — и не мог уже противиться более своему желанию. Мне уже стало ясным, чего я ищу, но само понимание словно парализовало меня.

Если я прав… если книга оказалась на своем месте и я не сплю — последствия этого будут непереносимыми для человеческого духа. Но более всего мучила меня собственная неспособность ощутить, что все творящееся со мной и вокруг — только сон. Ощущение реальности происходящего просто терзало… Оно и сейчас медленно обретает прежнюю силу, едва я начинаю вспоминать эту сцену.

Наконец трясущимися руками я извлек из емкости книгу и принялся завороженно разгля-

дывать прекрасно знакомые знаки на обложке ее. Книга была в превосходном состоянии, и витые арабески знаков заголовка завораживали меня, словно я и впрямь способен был прочитать его. Действительно, не стану божиться, что мне не доводилось читать их в том ужасном минувшем… в моем безумном сне… или воспоминании.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я осмелился поднять металлическую обложку. Я тянул время и, оправдывая себя тем, что хочу поберечь батарейку, выключил фонарь. И в темноте, набравшись храбрости, открыл книгу — не включая света. И наконец мигнул фонариком на открывшуюся страницу — заранее успокоив себя, чтобы ни звуком не отреагировать на все, что бы ни открылось моим глазам.

Смотрел я только какой-то миг — а потом повалился. Но, стиснув зубы, молчал. Опустившись на пол, я притронулся рукой ко лбу… в полнейшем мраке. Я увидел именно то, что ожидал увидеть, именно то, чего так боялся. Или я сплю — или пространство и время лишь звук пустой.

Конечно, я сплю, но это можно проверить: я возьму с собой книгу, чтобы показать сыну, если она и в самом деле реальна. Голова моя плыла и кружилась, хотя чему во тьме кружить перед мо-

ими глазами? Туманя все чувства, меня охватили исполненные отчаяннейшего ужаса видения, порожденные одним только этим взглядом.

Я вспомнил о том, что показалось мне отпечатками, оставленными в пыли, и затрепетал от звука собственного дыхания. Снова включил фонарик и поглядел на страницу — так жертва удава глядела бы в глаза своего губителя и на клыки его.

И тогда, обессилевшей рукой, в темноте я закрыл книгу, положил ее обратно в коробку, опустил крышку ее и защелкнул вычурный крючок застежки. Значит, ее-то и суждено нести мне во внешний мир назад, если только эта вещь истинно существует… и если сама эта бездна не порождена кошмаром, и если существую я сам вместе с вмещающим меня миром.

Когда я поднялся на ноги и пустился в обратный путь, не могу сказать. Знаю одно: я был настолько далек от всего внешнего мира, что ни разу не взглянул на часы за это жуткое, проведенное под землей время.

С фонарем в одной руке, другой прижав к телу зловещий ящик, не помня себя самого, шел я на цыпочках в безмолвном ужасе мимо пропасти, извергавшей лишь дуновение, мимо кошмарных

следов. Приступив к подъему, я оставил предосторожность, но все не мог стряхнуть с себя тень жуткого предчувствия, которого не ощущал во время спуска. Я страшился ждущей впереди черной базальтовой крипты, что была старше самого города; места, где холодный ветер извергался из далеких глубин. Я думал об ужасе Великой Расы, еще обитавшем внизу, пусть ослабев, пусть умирая. Я подумал об отпечатках — пяти кружках — и о странных ветрах и свисте, которые связывались с ними в моих снах. Вспомнил о рассказах местных чернокожих, в которых ужасные звуки и жуткие ветры были связаны друг с другом.

По врезанному в стену знаку я сумел опознать нужный этаж и наконец, миновав оставленную на полу первую книгу, добрался до круглого зала с противоположными арками. Справа я немедленно угадал ту самую арку, через которую попал сюда. Туда я и направился, сознавая, что завалы снаружи здания архивов замедлят мой путь. Трофей мой начинал оттягивать руку, и теперь мне становилось труднее сохранять спокойствие, спотыкаясь ногой об очередной обломок на полу.

А потом была высокая, до потолка, груда камней, над которой я едва пробрался по дороге сюда. С бесконечным страхом подступал я к ней,

понимая, как много шума наделал в первый раз, минуя ее. Теперь, видев эти отпечатки, шума я опасался прежде всего. Металлический ящик все больше и больше мешал моим движениям.

Но наверх я поднялся без всяких трудов и там стал толкать ящик перед собой. Сам же полз следом — фонарик в зубах, — царапая спину о сталактиты.

Когда я наконец попробовал ухватить ящик, он вдруг поехал вперед по склону с шумом и грохотом, вызвавшим эхо, от которого меня бросило в холодный пот. Я немедленно рванулся за ним и поднял, прекратив шум, но, буквально через секунду, оступившись, снова против желания поднял грохот.

Он и погубил меня. Показалось мне или нет, но откуда-то из-за моей спины донесся жуткий ответ. Мне показалось, что был это пронзительный свист, ни на что на Земле не похожий, немыслимый, описать который невозможно никакими словами. В случившемся угадывалась мрачная ирония: если бы не страх, не паника, второго падения никогда не случилось бы.

Ну а тогда остервенение мое сделалось полным, непереносимым. С фонариком в руке, чуть не роняя металлический ящик, я прыгал с кам-

ня на камень, ничего более не ощущая, кроме безумного желания выбраться скорее из этого кошмарного подземелья в живой мир пустыни, к лунному свету, оставшемуся надо мной.

Не знаю, когда я добрался до горы обломков, уходившей кверху, в непроглядный мрак под обрушившейся крышей, и, ставя синяк за синяком, с новыми и новыми ссадинами полез вверх, по крутому склону из блоков и острых обломков.

Тогда разразилось несчастье. Едва я перевалил через вершину, ноги мои поехали, и я вдруг покатился вниз в лавине камня, с пушечным грохотом, сотрясающим черный воздух пещеры, оглушая уши сокрушительными реверберациями.

Не знаю, как я выбрался из этого хаоса, но, на мгновение придя в сознание, помню, как прыгал, карабкался, полз по коридору в утихающем грохоте… Ящик и фонарь еще были со мной.

Но истинное безумие настало, едва я приблизился к первобытной базальтовой крипте, которой так опасался. Когда стихло эхо поднятой лавины, я вдруг услышал тот жуткий свист, бесконечно чуждый уху людскому, тот, что слышал уже. На этот раз сомневаться не приходилось, но хуже всего было то, что свист доносился не сзади

— откуда-то спереди.

Кажется, я завизжал. Смутно помню, как бежал адским базальтовым подземельем прежнего мира, а проклятый свист доносился из разверстой тьмы беспредельных черных глубин. Подул ветер — не прохладный сквознячок, как прежде, — свирепый могучий порыв яростно и гневно вырвался из отвратительной бездны, откуда недавно еще вырывался лишь непристойный свист.

Помню еще, как я прыгал, как перелезал препятствия, а ветер толкал меня в спину, и свист становился сильнее и сильнее, охватывал меня словно щупальцем… как бы разил из далеких подземных глубин.

Но ветер, дувший в спину, не помогал мне — он задерживал мое продвижение, останавливал меня на пути, подобно удавке или лассо. Но я шел — наперекор свисту — и, осилив завал, снова оказался за барьером из огромных блоков — там, где начинался подъем к поверхности.

Помню, как через арку глянул в машинный зал и едва не закричал, заметив наклонный спуск, уводящий к одной из этих кощунственных дверей, оставшихся в двух уровнях подо мной. Но крика не вышло, я только бормотал про себя, что это только сон и я скоро проснусь, что на

самом деле я в лагере, а может быть, и дома — в Аркхеме. Надежды эти укрепили мой рассудок, и я принялся подниматься по склону на более высокий уровень.

Конечно же, я помнил, что мне предстоит перебраться через четырехфутовую щель, но прочие страхи не позволяли еще осознать всего ужаса до тех пор, пока пропасть не оказалась передо мною. Одно дело прыгать вниз, но смогу ли я столь же непринужденно перепрыгнуть расщелину вверх по склону… в панике, утомленный, отягощенный металлическим ящиком и ненормальным сопротивлением дующего в спину дьявольского ветра? Я подумал обо всем этом в последний момент… и о безымянных тварях, что гнездились в черной пропасти подо мной.

Свет фонаря слабел, но по памяти я все-таки заранее понял, что очутился возле расщелины. Порывы холодного ветра, тошнотворный визг позади на какой-то миг показались мне благодетельным даром, притупившим ужас мой перед разверстой пастью впереди. И тут я ощутил новые порывы ветра и свист — но уже спереди — приливами мерзости, извергавшимися из глубин непредставимых и непредставляемых.

Теперь вокруг меня творился сущий кошмар.

Рассудок померк, и, забыв обо всем, кроме животного стремления к бегству, я рванулся по склону вверх, словно никакой пропасти не существовало. И когда передо мной предстал край ее, я прыгнул, отчаянно… вкладывая в движение все силы, которыми обладал, и на миг исчез в пандемониуме, черном кружащем водовороте мерзких звуков, перемешанных с угольной… что там… ощутимой пальцами тьмой.

Тут, насколько я могу вспомнить, все и закончилось. Все последующие мои впечатления целиком принадлежат к области фантасмагории или бреда. Сон, безумие, воспоминания странным образом смешивались, порождая одну за другой фантастические обрывочные иллюзии, ни в коей мере не связанные с реальностью.

Неисчислимые лиги летел я сквозь вязкую разумную тьму посреди вавилонского столпотворения звуков, каких не знала Земля, не слышал никто из обитавших на ней. Во мне вдруг начали пробуждаться какие-то рудиментарные чувства, указывая ямы и полости, в которых гнездился ужас, не знающие солнца ущелья, подземные океаны, а возле них города с черными базальтовыми башнями, в которых не было света.

Тайны первозданной планеты, со всеми незапа-

мятными эонами ее истории, без звука, без света вспыхнули в моем мозгу, и я познал тогда вещи, которые не могли бы открыться мне прежде — даже в самых дичайших из моих видений. И все время холодные пальцы влажных облаков крутили и вертели меня, а ведьмин проклятый визг покрывал чередующиеся мгновения молчания, которыми то и дело прерывалось вавилонское столпотворение голосов в водоворотах кромешной тьмы.

А потом я вновь увидел циклопический город моих снов не в руинах — таким, как он мне представлялся. Я вновь пребывал в нечеловеческом коническом теле и бродил посреди толп Великой Расы, среди заточенных ею умов, торопившихся с книгами по коридорам и просторным пандусам.

Но поверх этих картин в жуткие, молниеподобные моменты озарения накладывалось слепое ощущение отчаянной схватки… щупалец свистящего ветра и безумного полета летучей мыши по отвердевшему воздуху, лихорадочного бегства в продутой ветром мгле, камней под ногами и руками, подъема.

Наконец что-то вспыхнуло наверху… далекий голубоватый неясный клочок. А потом мне снился сон: как карабкался вверх и ветер дул мне в

спину, сардонический свет луны, ухмылявшейся наверху, пока я выползал по груде обломков, осыпавшейся под ногами и обрушившейся, покоряясь мерзкому урагану, едва я очутился на твердом месте. И злобные и унылые колыхания сулящего безумия лунного света поведали мне наконец, что я вернулся в мир, некогда казавшийся мне реальным.

Я вцепился руками в пески австралийской пустыни, а вокруг меня бушевала буря, какой мне еще не приходилось видеть на родной планете. Одежда моя висела клочьями, тело, казалось, все было покрыто царапинами и синяками.

Сознание во всей своей полноте возвращалось медленно, и не было такого мгновения, когда я мог сказать: вот, сгинуло наваждение и возвратилась память. Да, был передо мной холм из титанических блоков и пропасть под ним… и откровение, явленное мне из прошлого… и жуткий кошмар, которым и кончилось все… Но что же из всего этого было на самом деле?

Фонарик исчез, металлический ящик тоже, если на самом деле я нес его наружу. Так был ли этот ящик… и пропасть… и холм над нею? Приподняв голову, я оглянулся, но позади оставались только чистые волны пустынных песков.

Дьявольский ветер сгинул, распухшая болезненная луна краснела, закатываясь на западе. Поднявшись на ноги, я побрел на юго-восток — к лагерю. Что же на самом деле случилось со мной? Может быть, я просто забылся в пустыне и бродил, подчиняясь иллюзиям, по пескам возле погребенных блоков? А если не так, как осмелюсь я оставаться в живых?

Так рассыпалась вся моя вера в рожденную мифами ирреальность моих видений, уступая место прежним адским сомнениям. Если реальна эта пропасть, значит, реальна Великая Раса, а ее кощунственные устремления и метания в охватывающем весь космос водовороте времен не миф, не кошмар, но ужасная, сокрушающая душу реальность?

Неужели я, как ни мерзко понимать это, во время своей амнезии побывал в мире, что существовал за сто пятьдесят миллионов лет до человека? Неужели и тело мое послужило средством передвижения отвратительно чуждому существу, рожденному на грани палеозоя?

Неужели я в числе разумов, плененных этими неуклюжими чудищами, побывал в их проклятом каменном городе во времена его первобытного величия и расхаживал по коридорам в мерзком

теле, принадлежащем пленившему меня?

Значит, и в самом деле сны, мучившие меня больше двадцати лет, — воспоминания… истинные и чудовищные?

Значит, и в самом деле приходилось мне разговаривать с умами, обитавшими в недостижимых уголках пространства и времени, узнавать секреты Вселенной… тем, что были, и тем, что еще ожидают своей череды… и писать анналы о собственном веке для титанических архивов с их металлическими коробками? Значит, существуют и эти… древние существа, твари, повелевающие адскими ветрами и визжащие дьявольскими голосами… те, что прячутся, выжидая, таятся в черных недрах планеты, медленно теряя в них силу, пока по растрескавшейся от возраста земной поверхности жизненным путем шествуют привычные нам существа?

Я не знаю. Если эта бездна реальна, если в ней действительно обитает то самое — надежды нет. И тогда на всем этом мире людей лежит коварная и насмешливая тень из вневременья. Но благодарение Богу, у меня нет тому доказательств, и перенесенное мною может оказаться новым обострением заболевания. Я не смог донести металлический ящик, что явился бы доказа-

тельством, а подземные коридоры до сих пор не найдены.

Впрочем, если Вселенная действительно повинуется милосердию, их никогда не найдут. Но я должен рассказать сыну, что видел или думал, что видел, и пусть он как психолог рассудит, реально ли это, а потом поведает свои выводы миру.

Я уже говорил: та ужасная правда, что таится за годами мучительных моих видений, возможно, и существует, если истинно то, что я видел в этих циклопических подземных руинах. Мне и в самом деле трудно описать самое мучительное, хотя читатель не мог уже не догадаться об этом. Конечно же, дело в той книге, что оказалась в металлическом ящике, с такими сложностями извлеченном мной с полки из-под пыли бесконечной вереницы веков.

Ни один глаз, ни одна рука не прикасались к ней со времени появления человека на этой планете. Но когда на дне той жуткой пропасти я посветил фонариком на целлюлозные листы ее, хрупкие, потемневшие от пролетевших миллионов лет, я увидел не иероглифы из времен юности нашей планеты — буквы родного нашего алфавита, складывающиеся в слова английской речи, выписанные моим собственным почерком.

Тварь на пороге

I

Это правда, что я всадил шесть пуль в голову своему лучшему другу, но все же надеюсь изложенным здесь доказать, что не совершил убийства. Прежде всего меня назовут безумным — более безумным, чем тот, кого я застрелил в палате аркхемской лечебницы. Но затем некоторые из моих читателей смогут взвесить каждый из приведенных мною доводов, соотнесут их с известными фактами и зададутся вопросом: а мог ли я полагать иначе после того, как перед моими глазами предстало доказательство реальности всего этого кошмара — та тварь на пороге?

До той жуткой встречи я тоже видел только безумие в тех невероятных историях, участником которых оказывался. Даже и теперь я спрашиваю себя: не обманулся ли я?.. не стал ли безумным? Не уверен… но найдется немало желающих рассказать всякое загадочное об Эдварде и Асенат Дерби, и даже невозмутимые полицейские не смогли найти объяснение того последнего ужасного визита. Они выдвинули весьма шаткое

предположение, будто эта страшная выходка — проявление мести или грозное предупреждение со стороны изгнанных слуг, хотя в глубине души догадывались, что истина куда более ужасна и невообразима.

Итак, я утверждаю, что не убивал Эдварда Дерби. Скорее я отомстил за него и при этом очистил землю от ужасного создания, которое, если бы осталось в живых, могло бы насылать неисчислимые ужасы на все человечество. Вблизи наших ежедневных маршрутов есть черные зоны мира теней, откуда к нам время от времени прорывается какое-то зло. Когда происходит такое, посвященный человек должен нанести разящий удар прежде, чем наступят ужасные последствия.

Я был знаком с Эдвардом Пикманом Дерби всю его жизнь. Будучи моложе меня на восемь лет, он оказался настолько одарен от природы и так преуспевал в своем развитии, что с той поры, как мне сравнялось шестнадцать, а ему восемь, у нас находилось немало общего. Это был самый феноменальный по развитию ребенок, какого я когда-либо встречал, и уже в семь лет он сочинял стихи мрачного, фантастического, почти пугающего содержания, приводившие в изумление

окружающих его наставников. Возможно, такому преждевременному раскрытию таланта способствовали домашнее образование и уединение. Будучи единственным ребенком в семье, он был слабым и часто болел, и заботливые родители, опечаленные этим обстоятельством, старались держать сына поближе к себе. Мальчика никогда не оставляли без присмотра, и ему редко выпадала возможность просто поиграть с другими детьми. Без сомнения, все это породило в мальчике странную внутреннюю жизнь, в которой свобода проявлялась в полете фантазии.

Его познания в отрочестве были по любым меркам довольно обширными и странными, а детские сочинения восхищали меня, несмотря даже на то, что я был много старше. Примерно в то время меня заинтересовало искусство гротескового направления, и в этом ребенке я обнаружил редко встречающийся родственный дух. Общим фоном, конечно же способствовавшим нашему совместному интересу к миру теней и чудес, был древний, ветхий и отчасти жутковатый городок, в котором мы жили, — проклятый ведьмами, овеянный старинными легендами Аркхем, чьи прогнувшиеся двускатные крыши и выщербленные георгианские балюстрады рядом с сонно

бормочущей рекой Мискатоник предавались размышлениям о минувших веках.

Какое-то время спустя я увлекся архитектурой и оставил свой замысел проиллюстрировать книгу демонических стихов Эдварда, но, впрочем, наша дружба не стала от этого слабее. Необычный талант юного Дерби получил удивительное развитие, и на восемнадцатом году жизни он выпустил ставший сенсацией сборник описывающих кошмары стихотворений под заглавием «Азатот и другие ужасы». Он вел оживленную переписку с печально известным поэтом-бодлеристом Джастином Джеффри, тем самым, кто написал «Людей монолита» и умер в 1926 году в сумасшедшем доме, непрерывно крича, после того как посетил какую-то зловещую и пользующуюся дурной славой деревушку в Венгрии.

Однако в прагматическом плане и в отношении личной самостоятельности молодой Дерби был совершенно беспомощен, поскольку с ним постоянно нянчились. Здоровье его стало лучше, но с детских лет в нем глубоко укоренилась привитая чересчур заботливыми родителями привычка находиться под чьим-то присмотром, так что он никогда никуда не ездил один, не принимал самостоятельных решений и не брал на себя

какую-либо ответственность. Уже в раннюю пору жизни было очевидно, что он не сможет вести борьбу на равных в бизнесе или в какой-то профессиональной сфере, но поскольку семья была состоятельной, его этот факт нисколько не печалил. Достигнув зрелого возраста, он сохранил обманчиво мальчишеские черты: светловолосый и голубоглазый, со свежим цветом лица, на котором лишь с трудом можно заметить результаты его потуг отрастить усы. Голос у него был спокойный и тихий, а тело, не знавшее физических упражнений, казалось скорее юношески полноватым, нежели преждевременно тучным. При своем высоком росте и красивом лице он вызывал бы интерес у женщин, если бы застенчивость не приговорила его к уединенному существованию и общению с книгами.

Каждое лето родители брали с собой Дерби за границу, и он быстро перенял внешнюю сторону европейской учености и стиля. Имея сходный с Эдгаром По талант, Дерби все больше и больше склонял его к декадентству, прочие же художественные стили и течения почти не вызывали отклика в его душе. В тот период его жизни мы часто вели с ним серьезные дискуссии. Я к тому времени уже окончил Гарвард, поработал в

Бостоне у одного архитектора, обзавелся семьей и вернулся в Аркхем, чтобы заняться здесь профессиональной практикой, обосновавшись в родительском особняке на Салтонсталл-стрит, поскольку мой отец переехал во Флориду из-за проблем со здоровьем. Эдвард заглядывал ко мне почти каждый вечер, так что вскоре я стал воспринимать его как одного из домочадцев. Он всегда своей особой манерой звонил в дверь или стучал дверным кольцом, и вскоре это стало опознавательным сигналом, так что, бывало, я после ужина прислушивался, ожидая знакомых трех коротких звонков или стуков, за которыми после паузы последуют еще два. Значительно реже я отправлялся к нему в гости и с завистью примечал, что снова в его библиотеке добавились неизвестные мне фолианты.

Дерби окончил Мискатоникский университет в Аркхеме, поскольку родители не позволили ему уезжать далеко от дома. Студентом он стал в шестнадцать и завершил полный курс обучения за три года, специализировавшись на английской и французской литературе и получив высокие отметки по всем предметам, кроме математики и естественных наук. С другими студентами он общался мало, хотя с некоторой завистью по-

сматривал на дерзко ведущих себя или богемного стиля типов, стараясь подражать их как бы заумному языку и бессмысленно-ироническому позерству и пытаясь перенять их легкомысленное отношение к жизни.

При этом он сделался фанатичным приверженцем магической мудрости древних подземелий, книжными памятниками каковой славилась Мискатоникская библиотека. Постоянный обитатель области фантазий и странностей, теперь он погрузился в настоящие руны и загадки, сохранившиеся с легендарной древности то ли в назидание, то ли в качестве предостережения. Он читал такие сочинения, как пугающая «Книга Эйбона», «Неупоминаемые культы» фон Юнцта и запретный «Некрономикон» безумного араба Абдулы Альхазреда, не сообщив родителям даже, что вообще их видел. Эдварду было двадцать, когда у меня родился сын, единственный мой ребенок, и, кажется, он был польщен, узнав, что в его честь я назвал новорожденного Эдвард Дерби Аптон.

К двадцати пяти годам Эдвард Дерби был невероятно образованным человеком, вполне известным поэтом и автором сказочных историй, хотя ограниченность общения и отсутствие

жизненного опыта замедляли его литературный рост, поскольку произведения его были подражательными и слишком книжными. Мне довелось быть, возможно, его ближайшим другом — я находил в нем неисчерпаемый источник теоретических познаний, тогда как он обращался ко мне за советами в любых делах, в которые не хотел посвящать родителей. Он оставался холостяком скорее вследствие своей застенчивости, инертности и родительской опеки, нежели по природной предрасположенности, в обществе появлялся крайне редко и в основном по формальным поводам. Когда началась война, слабое здоровье и укоренившаяся робость удержали его дома. Я же отправился в Платтсбург на сборы для присвоения воинского звания, но за океан так и не попал.

Шли годы. Мать Эдварда умерла, когда ему было тридцать четыре, и он на долгие месяцы стал недееспособным, пораженный неким странным душевным расстройством. Отец, однако, увез его в Европу, и там его недуг рассеялся без всяких видимых последствий. После чего его словно бы захватило нечто типа странно преувеличенного оживления, словно он избавился от какого-то незримого бремени. Он стал вращаться в среде

более «прогрессивных» студентов, невзирая на свой уже вполне взрослый возраст, присутствовал на нескольких крайне буйных мероприятиях, а однажды ему даже пришлось откупаться немалой суммой (занятой у меня), чтобы его отцу не сообщили о его участии в неких событиях. Некоторые из распространявшихся шепотом сплетен относительно буйной группы мискатоникских единомышленников были крайне необычными. Они включали слухи о сеансах черной магии и другие совершенно невероятные происшествия.

II

Эдварду было тридцать восемь, когда он познакомился с Асенат Уэйт. Предполагаю, ей тогда было двадцать три года и она посещала в Мискатоникском университете специальный курс средневековой метафизики. Дочь одного моего приятеля уже встречалась с ней раньше — в школе Холл в Кингспорте — и старалась избегать общения с соученицей из-за ее странной репутации. Асенат была смугла, невысока ростом, красива лицом, которое, правда, слегка портили слишком выдающиеся вперед глаза, но что-то в ее внешности отталкивало слишком чувствительных людей. Но более всего сторониться Асенат

заставляли ее происхождение и манера разговаривать. Она была из иннсмутских Уэйтов, а о древнем полузаброшенном Иннсмуте и его людях уже десятки лет ходили мрачные предания; в них рассказывалось о каких-то ужасных торговых сделках 1850 года и о диковинных «не вполне человеческих» членах семей в старинных родах этого пришедшего в упадок портового городка — такие легенды, какие могли сочинять лишь старожилы-янки, рассказывая их с должными, внушающими страх интонациями.

В случае с Асенат это все усугублялось тем фактом, что она была дочерью Эфраима Уэйта, ребенком, рожденным уже от старика его никому не известной женой, которая, появляясь перед посторонними людьми, всегда скрывала лицо вуалью. Эфраим жил в Иннсмуте в очень древнем особняке на Вашингтон-стрит, и те, кто видел это здание (аркхемские жители стараются по возможности не навещать Иннсмут), уверяли, что окна мансард там всегда закрыты ставнями и по вечерам оттуда доносятся странные звуки. Старик был известен в свое время как великий знаток магии, и сохранились предания, что он обладал властью вызвать или усмирить шторм на море. Я видел его всего лишь раз или два в

юности, когда он приезжал в Аркхем посмотреть запрещенные фолианты в университетской библиотеке, и, помню, мне очень не понравилось его волчье, крайне мрачное лицо и спутанная серостальная борода. Он умер после полной потери рассудка при весьма загадочных обстоятельствах как раз перед тем, как его дочь (по завещанию — наследница всего его имущества) начала учиться в школе Холл, и она, надо сказать, была его ревностным подражателем и временами даже выглядела столь же демонически, как и он.

Когда начали ходить слухи о дружбе Эдварда с Асенат Уэйт, мой приятель, чья дочь знала Асенат по школе, пересказал много любопытного о ней. В школе Асенат изображала из себя чуть ли не волшебницу, и, похоже, действительно умела делать некие поразительные вещи. Она заявляла, что способна вызвать грозу, хотя ее успехи в такого рода делах люди обычно связывали с каким-то необъяснимым даром предвидения. Все животные явным образом не любили ее, и она почти незаметным движением правой руки могла заставить любую собаку завыть. Бывало, что она демонстрировала совершенно исключительные познания в науках и языках — даже шокирующие для столь юной девушки, — и в такие минуты

часто пугала соучениц, ибо в ее глазах вдруг загорались злобно-плотоядные огоньки, но она, казалось, относилась к внезапной перемене в себе с какой-то остро непристойной иронией.

Впрочем, самое необычное заключалось в том, что были достоверно подтвержденные случаи ее воздействия на других людей. Она, без сомнения, обладала подлинной способностью гипнотизировать. Уставив особый странный взгляд на одноклассницу, она почти неизменно вызывала у той отчетливое ощущение взаимообмена душами, словно она вдруг оказывалась в теле школьной волшебницы и получала способность видеть со стороны свое собственное тело, на котором глаза начинали блестеть и выпячиваться, принимая несвойственное им выражение. Асенат часто высказывала очень странные представления о природе сознания и о его независимости от физической оболочки — или как минимум от жизненных процессов в физической оболочке. Ее бесил сам тот факт, что она не мужчина, ибо она считала, что мозг мужчины обладает уникальным космическим могуществом. Она заявляла, что, будь у нее мужской мозг, она могла бы не только сравняться, но и превзойти своего отца в способности повелевать неведомыми силами.

Эдвард познакомился с Асенат на собрании «интеллигенции» у одного из студентов и не мог говорить ни о чем другом, заглянув повидаться со мной на следующий день. Он нашел ее эрудированной девушкой с разносторонними интересами, а кроме того, был пленен ее красотой. Я же тогда еще не видел эту девушку и мог лишь примерно припомнить отзывы о ней, но прекрасно знал, кто она такая. Казалось скорее печальным, что Дерби воспылал страстью к ней, но я не сказал ни слова против, ибо противодействие лишь раздувает пламя влюбленности. Он не собирался, по его словам, сообщать своему отцу о ней.

В последующие несколько недель я слышал от юного Дерби исключительно только об Асенат. Люди стали подмечать в Эдварде запоздалое пробуждение галантности, хотя все соглашались, что выглядит он заметно моложе своих лет и не кажется недостойным спутником для своего диковинного божества. Несмотря на склонность к праздному и почти неподвижному образу жизни, он был лишь слегка полноват и без единой морщины на лице. У Асенат же, напротив, в уголках глаз появились преждевременные морщинки — обычный признак частых усилий по напря-

жению воли.

Как-то Эдвард заглянул ко мне со своею девушкой, и я сразу же заметил, что влюблен он не безответно. Она буквально пожирала его хищным взглядом, и я понял, что их близость — не только духовная. Спустя какое-то время меня посетил старый мистер Дерби, которого я всегда ценил и уважал. Он прослышал о новом увлечении сына и сумел добиться правды «от мальчика». Эдвард задумал жениться на Асенат и уже присматривал дом в пригороде. Зная, что сын обычно слушается моих советов, отец спросил, не мог бы я как-то расстроить эти опрометчивые планы; но я с сожалением выразил свои сомнения. В данном случае проблема была не в слабоволии Эдварда, а в сильной воле молодой женщины. Великовозрастный ребенок перенес свою зависимость с отцовского образа на новый, более сильный, и с этим ничего нельзя было поделать.

Свадьба состоялась через месяц; по желанию невесты их брак регистрировал мировой судья. Мистер Дерби, следуя моему совету, не стал препятствовать браку сына и вместе со мной, моей женой и моим сыном почтил своим присутствием краткую церемонию; помимо нас было также несколько молодых друзей молодоженов,

учащихся в университетском колледже. Асенат купила старый дом Кроуниншилдов, уже практически за пределами города, в самом конце Хай-стрит, где молодые решили поселиться после короткой поездки в Иннсмут, откуда нужно было забрать трех слуг, кое-какие книги и разное домашнее имущество. Скорее всего Асенат сподвигло поселиться в Аркхеме, вместо того чтобы вернуться в родной дом, не столько соблюдение интересов Эдварда и его отца, сколько желание быть поближе к университету, его библиотеке и «эстетам».

Когда Эдвард заглянул ко мне после медового месяца, мне показалось, что он внешне переменился. Асенат настояла, чтобы он избавился от жидких усиков, но дело было не только в этом. Он казался уверенным и более внимательным, и его обычная капризная детская насупленность сменилась выражением почти подлинной печали. Я не сразу смог разобраться, нравится ли мне или не нравится эта перемена. Несомненно, в тот момент он более напоминал зрелого мужчину, чем прежде. Возможно, женитьба для него оказалась полезным делом — разве смена опекуна не могла бы подтолкнуть к полному избавлению от опеки, ведя его к самостоятельности и независимости?

Он пришел один, ибо Асенат была занята. Она привезла огромное количество книг и приборов из Иннсмута (Дерби содрогнулся, произнеся это название) и заканчивала приводить в порядок кроуниншилдское имение.

Ее дом — в том городе — оказался скорее все-таки мерзким местом, но с помощью кое-чего, что было там, он изучил некие удивительные вещи. Сейчас под руководством Асенат он быстро овладевал эзотерическими учениями. Они собираются вместе провести ряд опытов весьма дерзкого характера, если даже не запретного — он не полагал себя вправе рассказывать мне о них подробнее, — но он полностью доверяет ее способностям и намерениям. Трое их слуг оказались весьма странной компанией: старая-престарая супружеская пара, прожившая всю жизнь со стариком Эфраимом и рассказывавшая о нем и о покойной матери Асенат очень странные истории, и здоровая девка с изуродованным лицом, от которой, казалось, постоянно воняло рыбой.

III

Следующие два года я видел Дерби все реже и реже. Порой до полумесяца я не слышал вечерами знакомых трех и двух ударов в дверь; и когда он

приходил или же, что случалось все реже, когда я сам заглядывал к нему, он был мало расположен обсуждать важные темы. Мой друг ничего более не говорил о тех оккультных изысканиях, о которых некогда рассказывал с таким восторгом, и старался не говорить вовсе о своей жене. Со времени их женитьбы она на вид заметно постарела и теперь — что было весьма странно — казалась заметно старше его. На ее лице всегда была такая сосредоточенная решительность, какой я ни у кого более не встречал, и в целом она мне казалась преисполненной какой-то скрытой и необъяснимой враждебностью. Мои жена и сын тоже заметили это, и мы со временем перестали зазывать ее к себе в гости — за что она, как заметил однажды Эдвард со свойственной ему мальчишеской бестактностью, была нам весьма благодарна. Иногда чета Дерби отправлялась в долгие путешествия — вроде бы как в Европу, хотя Эдвард намекал на иные, более экзотические маршруты.

После первого же года их совместной жизни люди начали обсуждать происшедшие с Эдвардом Дерби перемены. Подмечали это как бы между прочим, ибо перемена носила чисто психологический характер; но сопутствовали ей

любопытные обстоятельства. Время от времени Эдварда замечали с таким выражением лица и за такими занятиями, которые никак не соответствовали его натуре. К примеру, хотя прежде он не умел водить автомобиль, теперь его иногда видели за рулем принадлежавшего Асенат мощного «Паккарда», мчащегося к старому кроуниншилдскому особняку или обратно, причем Дерби управлялся с ним как профессионал, справляясь со сложностями вождения со сноровкой и решительностью, обычно ему совершенно чуждыми. Выглядело это всегда так, будто он только что вернулся из очередной поездки или, напротив, отправляется куда-то, но что это за поездки — никто не догадывался, хотя чаще всего он выбирал дорогу на Иннсмут.

Как ни странно, происшедшая с Дерби перемена не казалась однозначно хорошей. Говорили, что в такие моменты он очень похож на свою жену или даже на самого старика Эфраима Уэйта; впрочем, возможно, в такие моменты он выглядел нехарактерно как раз по причине их нечастого характера. Порой он возвращался из путешествия спустя много часов, распростертый без чувств на заднем сиденье машины, которой управлял нанятый им шофер или автомеханик.

Но при этом, появляясь на людях, что случалось все реже, поскольку он ограничивал общение со старыми знакомыми (в том числе, должен заметить, стал реже заглядывать и ко мне), он проявлял свою прежнюю нерешительность, а безответственное ребячество проявлялось даже сильнее, чем в прошлом. В то время как лицо Асенат старело, на лице Эдварда — за исключением упомянутых выше случаев — словно застыла маска гипертрофированной апатии, и лишь изредка по нему пробегала тень печали или понимания. Все это действительно озадачивало. В то же время супруги Дерби практически выпали из университетского кружка — не покинули его, но, по слухам, ушли из-за того, что некоторые их новые темы изучения и опыты шокировали даже самых циничных из декадентствующей компании.

На третий же год их брака Эдвард начал открыто намекать мне о своих страхах и разочаровании. Он обронил замечание, что чего-то «зашло слишком далеко», и туманно говорил, что ему нужно «обрести свою личность». Сначала я пропускал подобные замечания мимо ушей, но потом стал задавать осторожные вопросы, вспомнив, что рассказывала дочь моего приятеля о способности Асенат оказывать гипнотическое воздействие на

других девочек — когда школьницам казалось, будто они оказывались в ее теле и смотрели со стороны на самих себя. Мои вопросы, похоже, пробудили в нем одновременно тревогу и благодарность, и однажды он даже пробормотал, что поговорит со мной более серьезно, но потом. Примерно тогда умер старый мистер Дерби, за что я впоследствии благодарил судьбу. Эдвард тяжко переживал это событие, хотя оно не выбило его из колеи. Со времени женитьбы он виделся с отцом удивительно редко, ибо Асенат обратила на себя всю его тягу к семейным узам. Некоторые говорили, что он отнесся к утрате родителя с поразительной бесчувственностью, особенно принимая во внимание, что после смерти отца его лихие поездки на автомобиле участились. Теперь он захотел переселиться обратно в старый родительский особняк, но Асенат настаивала на том, чтобы оставаться в кроуниншилдском доме, который ей более привычен.

Вскоре после того моя жена услышала нечто удивительное от подруги, входившей в число тех немногих, кто не прервал отношения с супругами Дерби. Однажды та отправилась на Хай-стрит к ним в гости и увидела стремительно отъезжающий от кроуниншилдского дома автомобиль, за

рулем которого сидел Эдвард с необычным самоуверенным и почти насмешливым выражением лица. Она позвонила в дверь, и омерзительного вида девка сообщила, что Асенат тоже отсутствует. Но, уходя, посетительница поглядывала в окна дома, и в одном из окон библиотеки Эдварда заметила быстро спрятавшееся лицо — лицо с выражением неописуемого страдания, отчаяния и тоскливой беспомощности. Это было — во что, впрочем, верилось с трудом из-за свойственной ей надменности — лицо Асенат, но рассказывавшая готова была поклясться, что в тот момент на нее смотрели печальные и смущенные глаза бедного Эдварда.

Теперь визиты Эдварда ко мне случались все чаще, а его намеки становились все более конкретными. Трудно было поверить в то, о чем он говорил, даже в овеянном древними легендами Аркхеме, но он исповедовался в своих темных знаниях с такой искренностью и убежденностью, что вызывал беспокойство за его душевное здоровье. Он рассказывал об ужасных сборищах в укромных местах, об исполинских руинах в глубине мэнских лесов, где бесконечная каменная лестница ведет в бездну, полную мрачных тайн, где комплексные углы позволяют пройти через

незримые стены в иные измерения времени и пространства, и о пугающих сеансах взаимообмена душами, который позволяет исследовать дальние и потаенные места — в других мирах, в иных пространственно-временных континуумах.

Время от времени для подтверждения каких-то совсем безумных заявлений он демонстрировал предметы, повергавшие меня в полное замешательство, — предметы неуловимой окраски и с переменчивым узором, какие не встретишь на нашей земле и чьи безумные формы и изгибы не соответствовали никакому известному назначению и нарушали законы геометрии. Эти предметы, по его словам, происходили «не отсюда»; только его жена знала, как можно получить их. Порой — но всегда лишь испуганным и полуразборчивым шепотом — он говорил о своих подозрениях относительно старого Эфраима Уэйта, которого, бывало, встречал в студенческие годы в университетской библиотеке. Эти туманные намеки не касались чего-то конкретного, но, похоже, как-то относились к мучившим его сомнениям, вроде того, точно ли старый колдун умер — как в духовном, так и в физическом смысле.

Временами Дерби внезапно прекращал свои откровения, и я даже подумывал, не обладала ли Асенат способностью контролировать его речь на расстоянии и не заставляла ли его умолкать с помощью какого-то телепатического месмеризма, каким-то применением того дара, который проявлялся у нее еще в школе. Конечно, она подозревала, что он мне чего-то рассказывал, ибо долгое время пыталась воспрепятствовать его визитам ко мне — словами и взглядами, полными необъяснимой силы. Ему приходилось преодолевать трудности, чтобы заглядывать ко мне, ибо хотя он и делал вид, будто идет куда-то в другое место, некая незримая сила сдерживала его или заставляла на какое-то время забыть о цели прогулки. Обычно он приходил ко мне, когда Асенат отсутствовала — «вне своего тела», как он однажды выразился. Она всегда позже узнавала об этом — слуги следили за всеми его приходами и уходами, — но, очевидно, не считала нужным принимать решительные меры.

IV

В тот августовский день, когда я получил телеграмму из Мэна, Дерби был женат более трех лет. Мы уже два месяца не виделись, но я слышал, что

он уехал «по делам». Асенат вроде бы его сопровождала, хотя глазастые сплетники приметили за двойными портьерами в окнах их дома чью-то тень и проследили, какие покупки совершают слуги. И вот теперь судебный исполнитель Чесанкука телеграфировал мне о вымазанном в грязи безумце, выбежавшем из леса, выкрикивая всякий бред и зовя меня на помощь. Это был Эдвард, и он смог вспомнить только свое имя и адрес.

Чесанкук расположен рядом с лесным поясом Мэна — обширным и мало освоенным густым лесным массивом, — и потребовался целый день безумной тряски на автомобиле по удивительной и малоприятной глуши, чтобы туда добраться. Я нашел Дерби в подвальном помещении стоящей в черте города фермы в состоянии сменяющих друг друга буйства и полной апатии. Он сразу узнал меня и тут же начал изливать маловразумительный и отчасти бессвязный поток слов.

— Дэн, во имя Господа! Впадина шогготов! На шесть тысяч ступеней вниз… Мерзость из мерзостей!.. Я бы ни за что не позволил ей взять меня с собой — и вот я здесь… Иа! Шаб-Ниггурат!.. Тень восстала от алтаря, и было там пять сотен воющих… Тварь в одеянии с капюшоном блеяла: «Камог! Камог!» — таково было тайное имя ста-

рика Эфраима на этом шабаше… Я оказался там, куда она обещала меня не брать… За минуту до того я был заперт в библиотеке, а затем оказался здесь, куда она ушла с моим телом, — в проклятом месте, в нечестивой глубокой впадине, где начинается царство черной мглы, врата в которое охраняют стражи… Я видел шоггота… он менял свое обличье… я не вынесу этого… я убью ее, если она еще раз отправит меня туда… я убью это отродье… ее, его, это нечто… я убью это! Убью это собственными руками!

У меня ушел час на то, чтобы успокоить его, и наконец он затих. На следующий день я купил для него в поселке пристойную одежду и отбыл с ним в Аркхем. Истерия закончилась, и он погрузился в молчание, хотя вдруг начал бормотать что-то самому себе, когда автомобиль проезжал по Огасте, словно вид городских построек пробудил в нем какие-то неприятные воспоминания. Было ясно, что возвращаться домой он не хочет, и, предвкушая бредовые откровения о его жене — порожденные, безусловно, каким-то гипнотическим воздействием, действительно на него оказанным, — я подумал, что будет лучше, если он туда не вернется. Я решил, что на время размещу его в своем доме, и не важно, как к этому

отнесется Асенат. Потом я помогу ему получить развод — ибо, несомненно, здесь сказывались некие психические факторы, которые делали этот брак для него самоубийственным. Как только мы покинули лесистую местность и поехали по открытому полю, бормотание Дерби стихло, и он задремал рядом со мной в машине.

Когда мы перед закатом ехали через Портленд, он снова начал бормотать, более членораздельно, чем раньше, и я услышал поток безумных откровений об Асенат. Судя по его протяженности, нервы Эдварда были уже на пределе, ибо он сплел диковинный клубок всякого бреда. Нынешнее происшествие с ним, судя по его отрывочным фразам, было лишь одно из длинного ряда подобных. Она пользовалась им, и он знал, что настанет день, когда она заберет его насовсем. Сейчас она, возможно, была вынуждена отпустить его потому лишь только, что не способна удерживать его очень долго. Она то и дело забирала его тело и удалялась в неведомые края для совершения неведомых обрядов, а его оставляла в ее собственном теле и запирала в доме, но иногда ей не удавалось удерживаться в нем, и он оказывался внезапно в своем теле, но в каком-то далеком и жутком месте. При этом

иногда ей удавалось вновь завладеть им, но не всегда. Часто он оказывался один в незнакомом месте, вроде того, где я его нашел, и всякий раз ему приходилось искать дорогу домой черт знает откуда, находить кого-нибудь, кто готов сесть за руль его автомобиля.

Самое ужасное, что власть Асенат над ним сохранялась с каждым разом все дольше. Она хотела стать мужчиной — человеком в полном смысле слова, — вот для чего в нем нуждалась. В нем она разгадала сочетание прекрасного интеллекта и слабой воли. Со временем ей удалось бы вытеснить его и поселиться в его теле — поселиться, чтобы стать великим магом, как и ее отец, — а его бы она оставила в женской оболочке, которая не вполне даже человеческая. Да, теперь он знает правду об иннсмутском роде. В древности здесь велись какие-то темные дела с тварями из моря, и это было ужасно… И старый Эфраим… Он знал эту тайну и, состарившись, совершил нечто чудовищное, чтобы продлить свою жизнь — а желал он жить вечно… с Асенат ему все удалось… одно удачное перевоплощение уже свершилось.

Слушая бормотанье Дерби, я посмотрел на него внимательнее, чтобы проверить полученное от

предыдущего осмотра впечатление о происшедшей в нем перемене. Странным образом он казался в лучшей форме, чем обычно, — более крепким физически и вполне нормально развитым, без малейшего намека на болезненную немощь, вызванную ленивым образом жизни. Похоже, что, несмотря на всю свою прежнюю затворническую жизнь, он стал по-настоящему активным, а его тело должным образом натренировано, из чего я сделал вывод, что Асенат заставила его направить силы и волю в непривычное русло. Но прямо сейчас его разум находился в плачевном состоянии, ибо он бубнил сумасбродную чушь про свою жену, про черную магию, про старика Эфраима и про какое-то разоблачение, которое должно будет рассеять даже мои сомнения. Он повторял имена, которые я припомнил из когда-то давно просмотренных запретных книг, но временами заставлял меня содрогнуться от осознания стройности его мифических измышлений — их логичной связности, — проходившей через все его излияния. Время от времени он делал паузы, словно пытаясь набраться мужества для какого-то последнего и ужасного признания.

— Дэн, Дэн, ты разве не помнишь его: дикий взгляд, растрепанная борода, которая так и не

поседела полностью? Однажды он посмотрел на меня так, что я этого никогда не забуду. Теперь она смотрит на меня таким же взглядом! И я знаю почему! Он нашел ее в «Некрономиконе», эту формулу! Я не смею пока назвать тебе точную страницу, но, когда назову, ты сам прочитаешь и поймешь. Тогда ты узнаешь, что меня поработило. Дальше, дальше, дальше, дальше — тело за телом — он не собирается умирать! Сияние жизни… он знает, как прервать связь… оно может мерцать, даже если тело мертво. Я дам тебе намек, и, может быть, ты догадаешься. Слушай, Дэн, — ты знаешь, почему моя жена прилагает столько усилий, чтобы писать так по-дурацки, с наклоном в обратную сторону? Ты когда-нибудь видел рукописи старика Эфраима? Хочешь знать, почему меня пробрала дрожь, когда я однажды увидел сделанные Асенат второпях записи?

Асенат… да существует ли такая личность? Почему подозревали, что у мертвого Эфраима в желудке был яд? Почему Гилманы рассказывают шепотом, что он орал словно напуганный ребенок, когда сошел с ума и Асенат заперла его в глухой комнате на мансарде, где был… тот, другой? Душа ли старика Эфраима оказалась заперта там? Кто кого запер? И почему он искал много

месяцев кого-нибудь с ясным умом и слабой волей?.. Почему он сыпал проклятиями из-за того, что у него не сын, а дочь? Скажи мне, Дэниел Аптон, что за дьявольский обмен совершился в том доме ужаса, где это богохульное чудовище по своей прихоти распоряжалось доверчивым и слабовольным получеловеческим ребенком? Разве не сделал он переход постоянным — и разве не то же хочет она в итоге сделать со мной? Скажи мне, почему эта тварь, что называет себя Асенат, оставаясь в одиночестве, пишет по-другому, так, что ее почерк и не отличишь от…

В этот момент что-то случилось. Голос Дерби в процессе разговора перешел на визг, затем вдруг он осекся и почти с механическим щелчком замер. Я вспомнил, как подобное случалось во время бесед у меня дома — когда его излияния внезапно резко обрывались, и я почти воочию видел воздействие неуловимой телепатической силы Асенат, лишавшей его дара речи. Однако на сей раз это было несколько иначе — и, по моему ощущению, несравненно более жутко. Лицо человека рядом со мной на мгновение неузнаваемо исказилось, а тело сотрясла дрожь, словно все кости, внутренние органы, мышцы, нервы и железы приспосабливались к совершенно другой

осанке, к другой манере поведения и вообще к другой личности.

В чем именно заключался кошмар, я сказать не сумею; тем не менее меня захлестнула такая мощная волна отвращения и тошноты — и сковало такое сильное ощущение неестественности и ненормальности происходящего, — что я едва не выпустил руль из рук. Тот, кто сидел рядом со мной, казался сейчас не столько моим старым другом, сколько неким чудовищным захватчиком из космоса, неким дьявольским воплощением неведомых и злобных космических сил.

Я потерялся всего лишь на мгновенье, но мой спутник тут же схватился за руль и заставил меня поменяться с ним местами. Сгустились уже сумерки, а огни Портленда остались далеко позади, так что я почти не различал его лица. Однако глаза его удивительным образом светились, и я понял, что он, должно быть, сейчас в том странно возбужденном состоянии, совершенно ему не свойственном, в каком его уже не раз замечали. Это казалось странным и неправдоподобным: что робкий Эдвард Дерби, который никогда не умел настоять на своем и даже не пытался научиться водить автомобиль, мог приказать мне уступить

место за рулем моей машины — но все же именно так и произошло. Некоторое время он сохранял молчание, и я, охваченный необъяснимым ужасом, был этому рад.

В свете уличных фонарей Биддефорда и Соко я различил его плотно сжатый рот и поежился от блеска его глаз. Люди были правы — в таком расположении духа он был дьявольски похож на свою жену и на старика Эфраима. И меня не удивляло, почему он в таком состоянии казался отталкивающим — сейчас в нем определенно было что-то сверхъестественное, и я остро чувствовал зловещую составляющую происходящего, ибо только что выслушивал его дикий бред. Для меня, знающего Эдварда Пикмана Дерби всю жизнь, этот человек был незнакомцем, как-то проникшим к нам из черной бездны.

Он не говорил ни слова до тех пор, пока мы не оказались на неосвещенном участке шоссе, а когда заговорил, его голос звучал как-то незнакомо. Он стал более глубоким, более жестким и более решительным, чем обычно; даже выговор и произношение переменились — впрочем, слегка, вызывая не более чем смутное беспокойство. В его тембре мне показалось присутствие глубокой и неподдельной иронии — не мимолетной и бес-

смысленно дерзкой псевдоиронии желторотых «эстетов», которой старался подражать Дерби, но некой мрачноватой, имеющей глубокую основу, всеобъемлющую и несущую потенциальную склонность ко злу. Меня изумило, как быстро самообладание сменило приступ панического словоблудия.

— Надеюсь, ты выбросишь из головы эту мою истерику, Аптон, — сказал он. — Ты знаешь, как я нервничаю, и, полагаю, простишь меня. Я крайне благодарен, конечно, за то, что ты согласился доставить меня домой. И выбрось из головы весь тот безумный бред, те глупости, что я наговорил тебе о своей жене и вообще обо всем. Такое случается из-за чрезмерной образованности. У меня в голове много самых диковинных концепций, и когда мозг переутомляется, он порождает всякого рода фантастические измышления. Мне необходимо как следует отдохнуть — возможно, некоторое время ты меня не увидишь, но не стоит корить за это Асенат.

Это мое путешествие наверняка кажется несколько странным, но все объясняется очень просто. В северных лесах сохранилось множество древних реликвий индейцев — священные камни и тому подобное, — имеющих большое

значение для фольклора, и мы с Асенат занимаемся их изучением. Мы провели очень сложные поиски, так что у меня, похоже, крыша поехала. Придется послать кого-нибудь за моей машиной, когда вернусь домой. Месяц покоя меня полностью восстановит.

Не помню, что я тогда отвечал, ибо все мои мысли были сосредоточены на пугающей чуждости облика моего спутника. С каждой минутой мое ощущение трудного для восприятия космического ужаса усиливалось, и наконец меня охватило почти маниакальное желание, чтобы эта поездка поскорее закончилась. Дерби не предложил мне снова сесть за руль, но я только радовался, что Портсмут и Ньюберипорт мы миновали на бешеной скорости.

На развилке, где главное шоссе уходит глубже в материк и огибает Иннсмут, я испугался, что мой водитель может свернуть на пустынную дорогу, идущую ближе к берегу и проходящую через проклятый город. Однако он этого не сделал, и мы стремительно пронеслись мимо Роули и Ипсвича к пункту нашего назначения. Мы прибыли в Аркхем до полуночи, и в окнах старого кроуниншилдского дома еще горел свет. Дерби вышел из машины, торопливо повторяя слова

благодарности, и я, с чувством очень странного облегчения, поехал домой. Это была ужасная поездка — ужас был тем сильнее, что я не мог понять его причины, — и я ничуть не опечалился замечанию Дерби, что мы не увидимся теперь долгое время.

Следующие два месяца в городе ходили разные слухи. Поговаривали, что Дерби все чаще видят в состоянии крайнего возбуждения, а Асенат почти не показывается даже тем, кто заходит к ней в гости. Эдвард посетил меня лишь раз, ненадолго заехав в автомобиле Асенат — который вернули каким-то образом из Мэна — забрать кое-какие книги, которые давал мне почитать. Он находился в своем новом состоянии и пребывал в моем доме не дольше, чем потребовалось для нескольких малозначащих реплик. Было вполне ясно, что в этом состоянии ему со мной обсуждать нечего, и я обратил внимание, что он не удосужился даже подать обычный условный сигнал — три и два звонка в дверь. Как и тогда в автомобиле, я ощутил вызывающий головокружение бесконечно глубокий ужас, причин которого не понимал, поэтому то, что он вскоре ушел, воспринял с нескрываемым облегчением.

В середине сентября Дерби уехал на неделю, и

кое-кто из декадентствующих студентов, говоря об этом со знанием дела, намекал на встречу с печально знаменитым главой секты, который после изгнания из Англии обосновался в Нью-Йорке. Я же никак не мог выбросить из головы ту странную поездку из Мэна. Преображение, свидетелем которого я стал, глубоко поразило меня, и я снова и снова ловил себя на том, что пытаюсь дать какое-то объяснение ему — и тому крайнему ужасу, который оно во мне вызвало.

Но самые странные слухи сообщали о каких-то рыданиях, доносящихся из старого кроуниншилдского дома. Голос, похоже, был женский; и кое-кто из молодежи полагал, что он похож на голос Асенат. Рыдания всегда были недолгими, и всякий раз прерывались, словно бы насильно заглушенные. Поговаривали даже о желательности полицейского расследования, но все это развеялось, когда Асенат однажды появилась на улицах города и стала сама навещать своих знакомых, извиняясь за свое отсутствие и между делом упоминая о нервном расстройстве и истерике своей гостьи из Бостона. Ту гостью никто никогда не видел, но появление Асенат погасило все кривотолки. А затем кто-то еще более усложнил ситуацию, рассказав шепотом, что несколько

раз из дома доносились мужские рыдания.

Однажды вечером в середине октября я услышал знакомые три и два звонка в дверь. Открыв сам, я увидел на пороге Эдварда и тотчас отметил, что он — прежний, каким я не видел его с той ужасной поездки из Чесанкука. На его лице был отпечаток бури эмоций, среди которых, похоже, преобладали страх и торжество, а когда я закрывал за ним дверь, он украдкой посмотрел назад через плечо.

Неловко проследовав за мной в кабинет, он попросил виски, чтобы успокоить нервы. Я едва сдерживал желание задать ему кучу вопросов, выжидая, пока он сам не расскажет о том, о чем хочет сказать. Наконец он сдавленно сообщил:

— Асенат уехала, Дэн. Вчера вечером, когда слуги ушли спать, мы с ней долго беседовали, и я добился от нее обещания больше не мучить меня. Конечно, я использовал некоторые… оккультные средства защиты, о которых никогда тебе не рассказывал. И ей пришлось уступить, хотя она и была страшно разгневана. Она собрала вещи и отправилась в Нью-Йорк… ушла, предполагая успеть на бостонский поезд в восемь двадцать. Полагаю, пойдут сплетни, но что поделаешь… Пожалуйста, не говори никому, что у нас была

размолвка, просто скажи, что она уехала в долгую научную экспедицию.

Скорее всего она будет жить с кем-то из ее жутких поклонников. Надеюсь, она поедет на запад и там подаст на развод… как бы то ни было, я добился от нее обещания держаться подальше и оставить меня в покое. Это было ужасно, Дэн… она выкрадывала мое тело… вытесняла меня… превратила меня в узника. Я вел себя тихо и делал вид, что на все согласен, но был начеку. Действуя осторожно, я мог спланировать свои действия, ибо она не умела в буквальном смысле прочитывать все мои мысли. Из моих тайных замыслов она смогла понять только склонность к бунту, но она всегда считала меня беспомощным. У меня не было ни малейших иллюзий, что я могу оказаться сильнее ее… но я знаю несколько заклятий, и они сработали.

Дерби снова бросил взгляд через плечо и отпил еще виски.

— Когда эти чертовы слуги утром проснулись, я дал им расчет. Им это ужасно не понравилось, они стали задавать вопросы, но все же ушли. Они все чем-то на нее похожи — эти иннсмутцы, — и почти приятели… Надеюсь, они оставят меня в покое… Мне очень не понравилось, как они

посмеивались, когда уходили. Надо бы снова нанять прежних папиных слуг. Я теперь перееду обратно в наш дом.

Подозреваю, ты можешь счесть меня сумасшедшим, Дэн, — но в истории Аркхема полно подтверждений такого, что я тебе рассказывал… и что еще расскажу. Ты же видел одно из преображений — тогда, в автомобиле, по дороге домой из Мэна, после того как я рассказал тебе про Асенат. Тогда она завладела мною и изгнала из моего тела. Последнее, что помню, — это как начал рассказывать тебе, что она за дьявол. Затем она овладела мною, и через мгновение я оказался дома в библиотеке, где меня заперли эти чертовы слуги, в ее проклятом сатанинском теле, которое даже не вполне человеческое… Ты же понимаешь, что это она ехала с тобой домой… эта хищная волчица в моей шкуре… Ты же не мог не ощутить разницу!

Дерби ненадолго умолк, а меня пробрала дрожь. Конечно, я заметил разницу — но мог ли принять в качестве объяснения такую безумную фантазию? Однако мой гость, пребывающий в полном смятении, стал рассказывать еще более невероятное.

Я должен был спасти себя — должен был, Дэн!

Она бы окончательно завладела мною в День Всех Святых — они устраивают шабаши под Чесанкуком, и все закончилось бы обрядом жертвоприношения. Она бы окончательно завладела мною — она стала бы мной, а я ею… навсегда… и стало бы слишком поздно. Мое тело навсегда стало бы ее телом, она сделалась бы мужчиной — в полной мере человеком, как ей хотелось… подозреваю, что после этого она собиралась убрать меня со своего пути… убить свое бывшее тело со мной внутри, будь она проклята, как уже делала раньше… как она или оно делало раньше… — Лицо Эдварда теперь исказила свирепость, и он приблизил свой рот почти вплотную к моему уху, понизив голос до шепота. — Ты должен знать о том, о чем я намекал в машине, — что она вовсе не Асенат, а не кто иной, как сам старик Эфраим. Я заподозрил это полтора года назад, а теперь в точности знаю. Об этом свидетельствует ее почерк, когда она перестает себя жестко контролировать, — порой она делает какие-нибудь записи в точности тем же почерком, каким написаны рукописи ее папаши, в каждой черточке, и, бывало, рассказывала такое, чего никто, кроме старика Эфраима, не смог бы рассказать. Он обменялся с ней телом, когда почувствовал

приближение смерти — она была единственной, кого ему удалось найти с нужным ему складом ума и достаточно слабой волей, — и завладел ее телом навсегда, точно так же, как она уже почти завладела моим, а затем отравил старое тело, в которое переселил ее. Разве ты не видел десятки раз душу старика Эфраима, глядящую из ее дьявольских глаз — и из моих, когда она контролировала мое тело?

У него сперло дыхание, и он сделал паузу, чтобы успокоиться. Я молча ждал; когда он продолжил, голос его звучал почти нормально. Вот, подумал я, кандидат в психиатрическую лечебницу; но я не хотел быть тем человеком, который его туда отправит. Возможно, время и свобода от Асенат его вылечат. Я видел, что у него нет желания снова погружаться в мрачные глубины оккультизма.

— Я потом расскажу тебе больше… сейчас мне нужен долгий отдых. Я расскажу кое-что о тех запретных ужасах, в которые она меня ввергала, кое-что о кошмарах древних времен, которые до сих пор прячутся в потаенных уголках мира благодаря ужасным жрецам, поддерживающим в них жизнь. Некоторым людям ведомо о мироздании нечто такое, чего смертные знать не должны, и они способны делать то, чего никому делать не

следует. Я увяз в этом по шею, но с меня довольно. Будь я хранителем библиотеки Мискатоникского университета, я спалил бы немедленно проклятый «Некрономикон» и все прочие книги.

Но теперь она не сможет мной завладеть. Я должен съехать из того проклятого дома как можно скорее и перебраться в свой старый дом. Ты поможешь мне, я уверен, если это понадобится. Эти ее дьявольские слуги… и если люди будут допытываться, где Асенат… Понимаешь, я же не могу дать им новый адрес… И еще есть определенные группы исследователей — разные секты, ну, ты понимаешь, — которые могут неправильно истолковать наш разрыв… У некоторых из них просто чудовищные воззрения и методы. Я знаю, что ты мне поможешь, чего бы ни случилось — даже если я расскажу тебе нечто, шокирующее тебя…

Я оставил Эдварда ночевать в одной из гостевых комнат, и к утру он, похоже, успокоился. Мы обсудили с ним детали его предполагающегося переезда в фамильный особняк Дерби, и я надеялся, что он не замедлит переменить свой образ жизни. На следующий вечер он ко мне не зашел, но в последующие недели мы виделись часто. В разговорах мы старались как можно меньше

касаться странных и малоприятных тем и в основном обсуждали предстоящий ремонт в старом доме Дерби и мои с сыном летние путешествия, к которым Эдвард обещал присоединиться.

Об Асенат мы почти не говорили, ибо я видел, что эта тема беспокоит его слишком сильно. Слухов в городе, конечно, хватало, но ничего удивительного в этом не было, принимая во внимание все прежние странности, связанные со старым кроуниншилдским домом. Не понравилось мне лишь то, что банкир Дерби как-то не в меру разоткровенничался в Мискатоникском клубе о чеках, которые Эдвард регулярно посылал в Иннсмут неким Моисею и Абигейл Сарджент и Юнис Бабсон. Было похоже, что он платил какую-то дань прежним мерзким на вид слугам, но мне ничего про это не рассказывал.

Я с нетерпением ждал лета — и каникул у моего сына, студента Гарварда, — чтобы мы вместе с Эдвардом отправились в Европу. Но я замечал, что он поправляется не так быстро, как хотелось бы, ибо в случавшихся у него время от времени приступах бодрого отношения к жизни проскальзывало что-то истерическое, а вот подавленность и депрессия охватывали его все чаще. Ремонт в старом особняке Дерби к началу декабря был

завершен, но Эдвард то и дело откладывал свой переезд. Хотя он ненавидел кроуниншилдский дом и явно страшился его, но в то же время был словно порабощен им. Он все еще не начал укладывать вещи и придумывал любые предлоги, лишь бы отложить это. Когда же я прямо указал ему на это, он почему-то вдруг перепугался. Старый дворецкий его отца — он проживал вместе с ним, вместе с прежними слугами Дерби — однажды сообщил мне, что ему кажутся странными бесцельные блуждания Эдварда по дому и особенно частые посещения подвальной кладовки. Я поинтересовался, не присылала ли ему Асенат письма с какими-нибудь требованиями, но дворецкий сказал, что от нее не было вообще никаких писем.

Заглянув ко мне в гости как-то вечером накануне Рождества, Дерби вдруг совсем сломался. Я осторожно подводил беседу к совместному путешествию будущим летом, как он вдруг завопил и буквально выпрыгнул из кресла с выражением шокирующего, неконтролируемого ужаса на лице — здравомыслящему человеку подобную безмерную панику и омерзение, наверное, могла бы внушить лишь разверзшаяся пучина кошмаров.

— Мой мозг! Мой мозг! Боже, Дэн… это давит… извне… стучится… царапается… эта дьяволица… прямо сейчас… Эфраим… Камог! Камог! Впадина шогготов… Иа! Шаб-Ниггурат! Козел с легионом младых!.. Пламя… пламя… извне тела, извне жизни… в земле… о Боже!

Я толкнул его назад в кресло и, когда безумная истерика сменилась апатией, влил ему в рот немного вина. Он не сопротивлялся, но его губы двигались так, словно он разговаривал сам с собой. Вскоре я понял, что он пытается что-то сказать мне, и приблизил ухо к его рту, пытаясь разобрать едва слышные слова.

— Опять… опять… она пытается… я мог бы догадаться… ничто не остановит эту силу — ни расстояние, ни магия, ни смерть… оно приходит и приходит, как правило, по ночам… я не могу сбежать… это ужасно… о Боже, Дэн, если бы ты мог представить, как это ужасно…

Когда он снова впал в апатию, я подложил ему подушки и позволил спокойно уснуть. Врача вызывать я не стал, ибо понимал, что услышу относительно душевного здоровья своего друга, и решил дать его организму шанс самому справиться с этим. Около полуночи он проснулся, и я отвел его наверх в постель, но утром он ушел.

Он бесшумно выскользнул из дома, и когда я позвонил ему домой, его дворецкий сообщил, что он вернулся и в волнении расхаживает по библиотеке.

С того момента состояние рассудка Эдварда быстро ухудшалось. Сам он ко мне больше не заходил, зато я стал навещать его ежедневно. Он все время сидел в своей библиотеке, уставясь в пустоту и прислушиваясь к чему-то, ведомому лишь ему. Иногда он поддерживал вполне разумный разговор, но только на заурядные повседневные темы. Любые упоминания о его несчастье, или о планах на будущее, или об Асенат приводили его в буйство. Его дворецкий рассказал, что по ночам с ним бывают пугающие припадки, во время которых он способен случайно нанести себе увечья.

Я долго и не раз беседовал с его врачом, банкиром и адвокатом и в конце концов призвал к Эдварду врача-терапевта и двух его коллег более узкой специализации. Взрыв гнева после первых же заданных ему вопросов был яростным, но достойным жалости, и тем же вечером его отчаянно сопротивляющееся и извивающееся тело увезли в закрытом автомобиле в аркхемскую психиатрическую лечебницу. Я взялся быть его опекуном и

навещал дважды в неделю, выслушивая чуть ли не со слезами на глазах безумные выкрики и монотонное повторение страшным шепотом одних и тех же фраз, вроде: «Я должен был это сделать… я должен был это сделать… оно завладеет мной… оно завладеет мной… там… там, во тьме… Мама! Мама! Дэн! Спаси меня… спаси меня…»

Было неведомо, есть ли надежда на его выздоровление, но я старался сохранять оптимизм. У Эдварда должна быть крыша над головой, когда его отпустят, потому я перевез его слуг в особняк Дерби, что он, безусловно, давно сделал бы сам, будь у него с головой все в порядке. Но я не мог решить, как поступить с кроуниншилдским домом, со всей этой кучей сложных приборов и собранием невероятно диковинных вещей, поэтому оставил все, как было, попросив слуг Дерби заходить туда раз в неделю и прибирать в главных комнатах, а истопнику дав указание в эти дни затапливать печь.

Заключительный кошмар приключился перед Сретением, чему предшествовал, по жестокой иронии, проблеск ложной надежды. В конце января мне как-то утром позвонили из лечебницы и сообщили, что к Эдварду внезапно вернулся рассудок. У него по-прежнему есть провалы в

памяти, сказали мне, однако ясность ума восстановилась. Конечно, ему еще предстоит побыть какое-то время под присмотром врачей, но благоприятный исход дела сомнений не вызывает. Если все будет хорошо, через неделю его можно забрать.

Я поспешил к Эдварду, переполненный радостью, но остолбенел, когда сиделка привела меня в его палату. Больной поднялся, чтобы приветствовать меня, и с вежливой улыбкой протянул мне руку; но я тут же увидел, что он находится в том самом странно возбужденном состоянии, которое совершенно чуждо его натуре, — та уверенная в себе личность, когда-то ужасно напугавшая меня, которая, как клялся когда-то Эдвард, была не кем иным, как захватившей его тело Асенат. Тот же пылающий взгляд, так похожий на взгляд Асенат и старика Эфраима, тот же плотно сжатый рот, а когда он заговорил, я ощутил в голосе ту же угрюмую, распространяющуюся на все иронию — глубокую иронию, пронизанную готовностью совершить любое зло. Это была та самая личность, что сидела за рулем моего автомобиля в тот вечер пять месяцев назад, та личность, которую я не видел с того дня, когда он, забыв позвонить в дверь условным

сигналом, породил во мне смутный страх, — и теперь он вызвал во мне то же невнятное ощущение дьявольской чуждости и невыразимой мерзостности.

Он заговорил о необходимых приготовлениях перед выпиской из лечебницы, и мне оставалось только соглашаться с ним, несмотря на удивительные провалы в его воспоминаниях о недавних событиях. И в то же время я ощущал в этом что-то ужасное, необъяснимо неправильное и ненормальное. Это существо вызывало во мне ужас непонятного происхождения. Это был человек совершенно в здравом уме — но был ли это тот Эдвард Дерби, которого я знал? Если нет, то кто или что это — и куда делся Эдвард? Следует ли выпустить эту тварь на свободу или держать под замком? Или ее надо вообще стереть с лица земли? В каждом слове, изрекаемом этом существом, чувствовалось что-то бездонно сардоническое, а взгляд, похожий на взгляд Асенат, придавал особую и омерзительную насмешливость его словам о близком освобождении, завоеванном ценой заточения в слишком стесненных условиях. Должно быть, я не смог скрыть своего замешательства и почел за благо поскорее убраться оттуда.

Весь тот день и последующий я ломал голову над этой проблемой. Что же случилось? Что за разум глядел на меня из чужих глаз на лице Эдварда? Я не мог думать ни о чем, кроме как об этой ужасной загадке, и оставил все попытки заниматься своей обычной работой. На второй день утром позвонили из лечебницы и сообщили, что состояние выздоравливающего пациента не изменилось, и к вечеру я был в состоянии, близком к нервному расстройству, — это я могу откровенно признать, хотя кто-то может сказать, что именно мое тогдашнее состояние сказалось на моем поведении. Против этого я могу сказать только, что моим безумием невозможно объяснить все произошедшее после этого.

V

Ночью — на второй день после моего посещения лечебницы — меня охватил неодолимый ужас, сдавливающий в тисках панического черного страха, от которого не удавалось избавиться. Началось это с телефонного звонка около полуночи. Из всех домочадцев только я не спал и потому сонно взял трубку в библиотеке. Никто не отозвался с того конца провода, и я уже собрался положить трубку и отправиться в постель, как

мое ухо уловило какой-то слабый звук. Может, кто-то с трудом пытается со мной поговорить? Вслушиваясь, я вроде бы разобрал хлюпающий звук и в нем с удивлением распознал намек на невнятные неразличимые слоги и даже слова. «Кто здесь?» — обратился я, но в ответ услышал лишь: «буль… буль… буль-буль…». Мне показалось, что этот звук был каким-то механическим; вообразив, что это какой-нибудь сломанный аппарат, способный лишь принимать, но не издавать звуки, я добавил: «Вас не слышно. Лучше повесьте трубку и обратитесь в справочное бюро». И тут же услышал, как трубку на том конце положили.

Это, как я сказал, случилось около полуночи. Когда потом проследили, откуда поступил звонок, оказалось, что звонили из кроуниншилдского дома, хотя оставалась еще добрая половина недели до очередного посещения его слугами. Замечу здесь, что в доме действительно обнаружили какие-то следы, в дальней подвальной кладовке все было перевернуто, повсюду грязь, выкинуты вещи из комода, мерзкие отпечатки на телефонной трубке, разбросаны листы писчей бумаги, и, наконец, повсюду стояла отвратительная вонь. Полицейские, дурачки, признают только свои

глупые гипотезы и до сих пор пытаются найти злодеев-слуг, которым посреди нынешнего переполоха удалось скрыться. Уверяют, что те так мерзко отомстили, а я попал в число жертв, потому что был ближайшим другом Эдварда и его советчиком.

Идиоты! Они вообразили, что эти глупые скоморохи могли подделать его почерк? Они вообразили, что те могли учинить все то, что произошло далее? Неужели они настолько слепы, что не заметили изменений в теле Эдварда? Что же касается меня, сейчас я верю всему, что рассказывал мне Эдвард. За гранью жизни есть ужасы, о которых мы даже не подозреваем, но время от времени человеческие злодеяния призывают их, позволяя вторгаться в нашу жизнь. Эфраим — Асенат — это отродье дьявола призвало их, и они поглотили Эдварда так же, как сейчас пытаются поглотить меня.

Могу ли я быть уверенным в своей безопасности? Эти силы способны выжить даже после смерти физического тела. На следующий день после полудня, когда я вышел из прострации и вновь обрел способность связно говорить и контролировать свое тело, я отправился в сумасшедший дом и застрелил его — ради Эдварда

и ради всего человечества, но все это без толку, пока его не кремировали! Тело сохраняют для какого-то дурацкого вскрытия, которое будут производить несколько врачей, но я утверждаю: его необходимо кремировать. Его необходимо кремировать — того, кто был вовсе не Эдвардом Дерби, когда я в него стрелял. Я сойду с ума, если этого не сделают, ибо я, возможно, следующий. Но у меня воля вовсе не слабая, и я не позволю подорвать ее теми кошмарами, которые, я знаю, бурлят вокруг. Это некая одна тварь: Эфраим, Асенат, Эдвард — и кто следующий? Я не позволю изгнать меня из собственного тела! Я не стану меняться душой с изрешеченным пулями исчадием ада, оставшимся там, в психбольнице!

Но позвольте мне связно рассказать о последнем кошмаре. Я не стану напирать на то, что полиция упрямо игнорирует рассказы про кого-то низкорослого, уродливого и ужасно зловонного, которого встретили как минимум трое прохожих на Хай-стрит около двух часов ночи, и необычные отпечатки ног в определенных местах. Скажу только, что около двух меня разбудил звонок и стук в дверь; в звонок звонили и кольцом стучали попеременно и как бы неуверенно, в тихом отчаянье, причем тот, кто звонил и стучал, пытался

воспроизвести наш с Эдвардом старый условный сигнал: три-пауза-два.

Вырванный из крепкого сна, мой разум метался в смятении. Дерби возле моей двери — и он вспомнил старый код! Но та новая личность не могла вспомнить его… Может, душа Эдварда вдруг вернулась к нему? Но почему он пришел ко мне в такой очевидной спешке или возбуждении? Его отпустили раньше времени или, может быть, он сбежал? Возможно, думал я, накидывая халат и спускаясь по лестнице вниз, возвращение его прежнего «я» сопровождалось бредом и физическими страданиями, такими, что он не смог вынести и решился на отчаянный побег. Что бы ни случилось, это был снова старый добрый Эдвард, и я должен был ему помочь!

Когда я распахнул дверь во тьму вязовой аллеи, порыв ветра обдал меня таким невыносимым зловонием, что я едва не потерял сознание. Но я смог подавить приступ тошноты и через секунду с трудом различил на ступенях крыльца согбенную маленькую фигурку. Меня призвал к двери Эдвард, но тогда кто эта мерзкая смердящая пародия на человека? И как Эдвард мог так внезапно исчезнуть? Ведь он звонил всего лишь за секунду до того, как я открыл дверь.

На пришельце было пальто Эдварда, полы которого почти волочились по земле, а рукава, хотя и были подвернуты, все же закрывали кисти рук. На голову была глубоко надвинута фетровая шляпа, лицо скрывал черный шелковый шарф. Когда я неуверенно сделал шаг вперед, фигурка издала хлюпающий звук, похожий на тот, что я слышал по телефону: «буль… буль…» — и рука протянула мне на кончике длинного карандаша большой и плотно исписанный лист бумаги. Пошатнувшись от нестерпимого зловония, я схватил бумагу и попытался прочитать ее при свете, падающем из открытой двери.

Без сомнения, это был почерк Эдварда. Но для чего он стал писать мне, если только что был возле моей двери? И почему все буквы такие кривые, грубые, словно написанные трясущейся рукой? При тусклом освещении я не смог разобрать написанное, поэтому отступил в холл, а низкорослая фигура автоматически двинулась за мной, замешкавшись лишь на порожке внутренней двери. От этого необычного ночного гостя исходил ужасный смрад, но я понадеялся (к счастью, не напрасно), что моя жена не проснется и не окажется сейчас здесь.

Затем, читая написанное на бумаге, я почув-

ствовал, что колени у меня подогнулись, а в глазах потемнело. Придя в себя, я обнаружил, что лежу на полу, а этот проклятый листок все еще зажат в моей сведенной от ужаса судорогой руке. Вот что на нем было написано:

«Дэн, отправляйся в лечебницу и убей это. Уничтожь. Это больше не Эдвард Дерби. Она завладела мной — это Асенат, — хотя сама она уже три с половиной месяца как мертва. Я обманул тебя, сказав, что она уехала. Я убил ее. Это было необходимо. Все случилось неожиданно, мы были одни, а я пребывал в своем теле. Я схватил подвернувшийся под руку подсвечник и пробил ей голову. Она собиралась завладеть мною полностью в День Всех Святых.

Я закопал ее в дальней подвальной кладовке под какими-то старыми ящиками и убрал все следы. У слуг утром зародились некоторые подозрения, но у них самих есть такие секреты, что они не смеют обращаться в полицию. Я отослал их прочь из дома, но одному лишь Богу известно, что они и прочие члены секты способны совершить.

Шли дни, и мне казалось, что я в полном порядке, но потом я стал ощущать, будто мой мозг что-то вытягивает. Я моментально понял, что

это, — ведь как я мог забыть! Такая душа, как у нее — как у Эфраима, — лишь частично соединена с телом и не покидает земной мир до тех пор, пока само тело вообще существует. Она взяла надо мною власть, заставила поменяться с ней телом — то есть отобрала мое тело, а меня загнала в свой труп, зарытый в подвальной кладовке.

Я понял, что меня ждет, вот почему вел себя буйно, вынуждая отправить меня в сумасшедший дом. Затем это случилось… Я обнаружил себя задыхающимся в темноте… Запертым в разлагающемся теле Асенат, в подвальной кладовке, под ящиками, где я его закопал. И я знал, что она должна теперь оказаться в моем теле в лечебнице — навсегда, ибо День Всех Святых уже прошел, и жертвоприношение сработает даже и без нее: она переселится в мое тело, обретая свободу и неся угрозу для всего человечества. Я был в отчаянье, но, несмотря ни на что, смог отрыть себя и выбраться.

Я уже слишком плох, чтобы говорить — мне не удалось поговорить с тобой по телефону, — но пока что способен писать. Сейчас я соберусь с силами и доставлю тебе свое последнее слово и предупреждение. Убей этого демона, если тебе дорого спокойствие и благополучие мира. И

необходимо, чтобы эту тварь сожгли. Если этого не сделать, она будет продолжать жить, вечно переходя из тела в тело, и я не могу сказать, на что еще она способна. Держись в стороне от черной магии, Дэн, это сатанинское занятие. Прощай; ты был замечательным другом. Расскажи полиции что-нибудь правдоподобное; и я ужасно сожалею, что втянул тебя во все это. Скоро я обрету покой — эти остатки тела долго не протянут. Надеюсь, ты сможешь прочитать это. И убей это нечто — убей его!

Твой Эд».

Вторую половину письма я смог прочитать лишь значительно позже, ибо упал в обморок, едва дочитав третий абзац. Я снова упал в обморок, когда увидел зловонное нечто, лежащее на моем пороге и разлагающееся в теплом воздухе. Ночной пришелец более не шевелился и не приходил в сознание.

Дворецкий, нервы которого оказались крепче, чем у меня, не упал в обморок, явившись утром. Напротив, он тут же позвонил в полицию. Когда они приехали, меня перенесли наверх и уложили в кровать, а эта… некая груда… осталась лежать там, где свалилась ночью. Полицейские, проходя мимо, прикрывали носовыми платками носы.

В ворохе одежды Эдварда они обнаружили полуразложившуюся плоть и кости, а также пробитый череп. По следам работы стоматолога этот череп был идентифицирован как принадлежавший Асенат.

Белый Корабль

Я Бэзил Элтон, смотритель маяка на Северном мысе; мой дед и мой отец тоже были здесь смотрителями. На удалении от берега стоит серая башня на скользких скалах, обнажающихся во время отлива и скрытых от глаз во время высокого прилива. Вот уже более ста лет этот маяк указывает путь величественным парусникам, странствующим по всем семи морям; во времена моего деда их было много, при отце значительно меньше, а теперь они проплывают так редко, что порой я ощущаю себя настолько одиноким, будто остался последним человеком на планете.

В старину заходили в эти края большие белопарусные корабли из дальних стран, от далеких восточных берегов, где солнце светит жарко, а над чудесными садами и пестрыми храмами витают сладкие ароматы. Старые капитаны часто заглядывали к моему деду и рассказывали обо всех этих диковинах, а он, в свою очередь, поведал о них моему отцу, а отец в долгие осенние вечера рассказывал о них мне под жуткие завывания восточного ветра. Да и сам я много читал

обо всем подобном в книгах, которые мне давали, когда я был молод и восторгался чудесами.

Но чудеснее рассказов старых людей и книжной премудрости была тайная мудрость океана. Голубой, зеленый, серый, белый или черный, спокойный, волнующийся или вздымающий водяные горы, океан никогда не умолкает. Всю свою жизнь я наблюдал за ним, прислушивался к его шуму и научился понимать его с полуслова. Сначала он рассказывал мне простенькие истории про тихие пляжи и ближайшие гавани, но с годами он стал более дружелюбен и рассказывал уже о других вещах — более странных и более отдаленных в пространстве и во времени. Иногда в сумерках серая дымка на горизонте расступалась, позволяя мне увидеть пути, ведущие вдаль, а порой среди ночи морские глубины становились прозрачными и фосфоресцировали, давая мне увидеть пути, ведущие вглубь. И тогда мне доводилось увидеть как пути, которые существовали, так и пути, что могли существовать, ибо океан древнее самих гор и пропитан памятью и снами самого Времени.

Этот Белый Корабль приходил с юга, когда полная луна стояла высоко в небе. С южного направления он тихо и плавно скользил по морю. И

волновалось ли оно или было спокойным, был ли ветер попутным или встречным, корабль всегда шел плавно и тихо, паруса его были приспущены, а длинные ряды весел ритмично поднимались и опускались. В одну из ночей я разглядел на палубе бородатого человека в мантии, который, казалось, манил меня на корабль, предлагая отправиться к неведомым берегам. После этого я много раз видел его при полной луне, и всякий раз он зазывал меня.

Луна светила необычайно ярко в ту ночь, когда я откликнулся на зов и перешел на Белый Корабль по мосту из лунного света. Человек, зазывавший меня, обратился ко мне на певучем языке, который показался мне вполне понятным, и все то время, пока мы плыли в сторону таинственного Юга, золотого в свете полной луны, гребцы пели тихие песни.

А когда наступил розовый и лучезарный рассвет нового дня, я увидел вдалеке зеленый берег, незнакомый мне, яркий и прекрасный. От морской глади поднимались великолепного вида террасы, поросшие буйной растительностью, среди которой можно было углядеть крыши и колоннады необычных храмов. Когда мы стали ближе к зеленому берегу, бородатый человек ска-

зал мне, что это земля, называемая Зар, где живут все сны и помыслы о прекрасном, что являлись когда-то людям, а потом оказались забыты. И взглянув снова на террасы, я понял, что это правда, потому что среди того, что я заметил, было и то, что виделось мне сквозь туман за горизонтом и в фосфоресцирующих глубинах океана. А также были здесь формы и фантазии, великолепнее которых я никогда не видал: видения юных поэтов, умерших в нужде до того, как успели поведать миру о своих прозрениях и мечтах. Но мы не прогулялись по ровным лугам страны Зар, ибо сказано было, что тот, кто ступит на них, никогда больше не вернется на родной берег.

Когда Белый Корабль молчаливо удалился от украшенных храмами террас страны Зар, на горизонте показались шпили могучего города, и бородатый человек сказал мне: «Это Таларион, Город Тысячи Чудес, где собрано все таинственное, что люди тщетно пытались постигнуть». И снова посмотрев на него с близкого расстояния, я увидел, что город этот величественнее любого другого, о каком я знал или видел во сне. Шпили его храмов возносились в небо так высоко, что невозможно было разглядеть их острия, и далеко за горизонт уходили его мрачные серые

стены, над которыми выступали только крыши немногих домов, странные и зловещие, хотя и украшенные фризами и соблазнительными скульптурами. Мне очень хотелось вступить в этот притягательный и в то же время отталкивающий город, и я умолял бородатого человека высадить меня на сияющий причал у гигантских резных ворот Акариэль, но он вежливо отклонил мою просьбу, сказав: «В Таларион, Город Тысячи Чудес, входили многие, но не вернулся никто. По его улицам бродят только демоны и безумцы, переставшие быть людьми, и мостовые белы от непогребенных костей тех, кто отважился взглянуть на нематериальный образ Лати, царствующий в этом городе». И Белый Корабль проследовал мимо стен Талариона, и много дней вслед за нами на юг летела птица, чье прекрасное оперение было цвета лазури неба, с которого она явилась.

Затем мы приблизились к приветливому берегу, радующему глаз буйством цвета, в глубину которого, насколько мог видеть глаз, в полуденном солнечном свете тянулись чудесные рощи, пронизанные радиально расходящимися аллеями. Из беседок, скрывающих то, что внутри, от нашего взгляда, доносились обрывки песен

под аккомпанемент лиры, перемежающиеся со смехом, столь сладостным, что я начал настаивать, чтобы гребцы направили туда корабль. И бородатый человек не сказал ни слова, только смотрел на меня, пока мы приближались к берегу, перед которым густо росли лилии. Внезапно ветер, подувший с этих цветущих лугов, принес запах, заставивший меня вздрогнуть. Ветер стал сильнее, и воздух оказался пропитан зловонным кладбищенским духом зачумленных городов и незакопанных могил. И когда мы с безумной поспешностью поплыли прочь от этого проклятого берега, бородатый человек наконец произнес: «Это Ксура, Страна Недостижимых Удовольствий».

И снова небесная птица следовала за Белым Кораблем над теплым благословенным морем, несомая ласковым, ароматным бризом. Мы плыли день за днем и ночь за ночью, а когда восходила полная луна, слушали тихие песни гребцов, такие же приятные, как в ту давнюю ночь, когда я покинул родной берег. При свете луны мы бросили якорь в гавани страны Сона-Нил, с двух сторон которой — мысы из хрусталя, поднимающиеся над морем и сходящиеся вместе сверкающей аркой. Это была Страна Фантазий,

и мы сошли на зеленеющий берег по золотому мосту из лунного света.

В стране Сона-Нил нет ни времени, ни пространства, ни страданий, ни смерти, и я прожил в ней многие тысячелетия. Рощи и пастбища там зелены, цветы ярки и ароматны, водные потоки сини и сладкозвучны, ключи прозрачны и холодны, а храмы, замки и города Сона-Нил величественны. Эта страна безгранична, за одним чудесным видом тут же открывается другой, еще более прекрасный. В селениях и среди блеска городов живет и свободно странствует счастливый народ, и каждый здесь наделен изяществом манер и безмятежным счастьем. Тысячелетия, прожитые мной в этом краю, я блаженно странствовал по рощам, где из живописных зарослей выглядывали причудливые пагоды, а белые дорожки были усажены по краям чудесными цветами. Я поднимался на пологие холмы, с которых мог видеть чарующие пейзажи с городками, пристроившимися в уютных долинах, и золотые купола гигантских городов, сверкающие на горизонте в бесконечной дали. А при свете луны видел искрящееся море, два хрустальных мыса и спокойную гавань, где бросил якорь Белый Корабль.

Снова была ночь полнолуния в незапамятный год Тарпа, когда я вновь увидел манящий силуэт небесной птицы и ощутил первые уколы беспокойства. Тогда я обратился к бородатому человеку и поведал ему о желании отправиться в далекую Катурию, которую не видел никто из людей, но все верили, что она лежит за базальтовыми столпами Запада. Это Страна Надежды, и там сияют идеалы всего, что где-либо когда-либо было известно, или по крайней мере так говорилось. Но бородатый человек сказал мне: «Следует опасаться тех коварных морей, за которыми, по рассказам, лежит Катурия. Здесь, в Сона-Ниле, нет ни боли, ни смерти, но кто знает, что скрывается там, за базальтовыми столпами Запада?» Однако в следующее полнолуние я ступил на борт Белого Корабля, и бородатый человек неохотно отплыл от счастливого берега, отправляясь в нехоженые моря.

А небесная птица летела впереди, ведя нас к базальтовым столпам Запада, но теперь гребцы не пели тихие песни при полной луне. В воображении я часто рисовал себе неведомую страну Катурию с ее пышными рощами и великолепными дворцами и представлял, какие новые наслаждения ожидают меня там. «Катурия, —

говорил я себе, — это место, где обитают боги, страна бесчисленных городов из золота. Ее леса из алоэ и сандаловых деревьев напоминают благоуханные рощи Каморина, и в них веселые птицы насвистывают приятные мелодии. На зеленых и усыпанных цветами горах Катурии возвышаются замки из розового мрамора, богато украшенные барельефами и изображениями триумфов, а в их внутренних дворах прохладные серебряные фонтаны очаровательно мелодично разбрызгивают ароматную воду из рождаемой в пещерах реки Нарг. Города Катурии окружены золотыми стенами, и мостовые их также из золота. В садах этих городов растут удивительные орхидеи и благоухают озера, дно которых усыпано кораллом и янтарем. По ночам на улицах и в садах зажигают фонари, выполненные из трехцветного панциря черепахи, и звучат голоса певцов и звуки лютни. Все дома в Катурии — воистину дворцы, каждый из них выстроен над источающим аромат каналом, в котором течет вода священной реки Нарг. Эти дома выстроены из мрамора и порфира и покрыты сверкающим золотом, которое отражает лучи солнца и усиливает блеск городов в глазах блаженных богов, глядящих на них с отдаленных пиков. Но пре-

краснее всех строений дворец великого монарха Дориеба, которого одни считают полубогом, а другие богом. Дворец Дориеба высок, многочисленные мраморные башни возвышаются над его стенами. В его просторных залах происходят многолюдные собрания, а на стенах в них развешаны трофеи за многие века. Кровлю дворца, из чистого золота, подпирают высокие столпы из рубина и лазурита, украшенные резными изображениями богов и героев, исполненными так искусно, что при виде их кажется, что это живые обитатели Олимпа. Пол во дворце стеклянный, под ним текут искусно подсвеченные воды реки Нарг, и в них плавают рыбки дивной окраски, которых не встретишь за пределами прелестной Катурии».

Так беседовал я сам с собой о Катурии, несмотря на то, что бородатый человек предостерегал меня и уговаривал вернуться к счастливым берегам страны Сона-Нил, ибо Сона-Нил известна людям, тогда как Катурию не доводилось видеть никому.

И на тридцать первый день нашего странствия вслед за птицей мы увидели базальтовые столпы Запада. Они были окутаны туманом, так что нельзя было ни увидеть того, что за ними, ни разглядеть их вершины, которые, говорят,

достают до небес. И бородатый человек снова уговаривал меня повернуть назад, но я не внял его увещеваниям, ибо из-за столпов до моего слуха доносились голоса певцов и звуки лютни, более сладостные, чем самые сладкие песни Сона-Нил, восхваляющие меня самого — смельчака, отправившегося при полной луне вдаль и долго прожившего в Стране Фантазий. Так что Белый Корабль поплыл на звуки песни в туман между базальтовыми столпами Запада. Когда же музыка стихла и туман рассеялся, мы увидели не землю Катурии, а стремительно несущиеся морские воды, которые неодолимо увлекали наше беспомощное судно неведомо куда. Скоро до нашего слуха донесся отдаленный грохот падающей воды, и нашему взору открылось титаническое облако брызг чудовищного водопада впереди, далеко на горизонте, в котором океаны мира низвергались в бездну небытия. И тогда бородатый человек сказал мне сквозь слезы, сбегающие по его щекам: «Мы отказались от прекрасной страны Сона-Нил и теперь никогда туда не вернемся. Боги могущественнее людей, и они победили». В ожидании грядущей катастрофы я закрыл глаза и перестал видеть небесную птицу, которая трепетала призрачными голубыми крыльями над

самым краем стремительно обрушивающегося потока.

Сразу после крушения наступила полная темнота, сквозь которую доносились пронзительные крики людей и нечеловеческие стоны неживых предметов. Ураганный ветер с востока пробрал меня холодом, когда я приник к мокрой каменной плите, оказавшейся у меня под ногами. Затем я снова услышал грохот, открыл глаза и увидел, что нахожусь на площадке маяка, откуда отправился в путь многие тысячелетия назад. В темноте передо мной смутно вырисовывались расплывчатые очертания судна, налетевшего на безжалостные скалы, а когда я посмотрел вверх, то увидел, что маяк погружен во тьму — впервые с тех пор, как мой дед принял на себя заботу о нем.

Не дожидаясь рассвета, я вошел внутрь башни и увидел на стене календарь. На нем значился тот самый день, когда я отплыл отсюда. На рассвете я спустился из башни, чтобы осмотреть обломки кораблекрушения, но нашел на скалах только мертвую птицу с оперением цвета небесной лазури и одну-единственную расщепленную рею, оказавшуюся белее гребешка волны или снега на горной вершине.

После этого океан не раскрывал мне свои сек-

реты, и хотя много раз в небе бывала полная луна, Белый Корабль с юга не приходил больше никогда.

Кошки Ултара

Рассказывают, что в городке Ултар, лежащем за рекой Скай, запрещено убивать кошек. И, глядя на кота, который мурлыча греется у камелька, я думаю, что это мудрое решение. Ведь кот — загадочнейшее существо, он посвящен в сокрытые от человека тайны. Он — душа Древнего Египта и единственный свидетель существования давно забытых городов: Мероя и Офира. Он — родственник властелина джунглей и посвящен в тайны древней и загадочной Африки. Сфинкс — его кузен, они говорят на одном языке, но все же кот старше сфинкса и помнит такое, о чем тот давно позабыл.

В Ултаре еще до выхода указа, запрещающего убивать кошек, жил старик крестьянин с женой, и ничто им не было так любо, как изловить и погубить соседскую кошку. Трудно сказать, зачем они это делали, разве что были из тех, кто не выносит кошачьи вопли по ночам, кого передергивает при мысли, что кошки крадучись бродят в полночь по дворам и садам. Так или иначе, старики с удовольствием заманивали в

западню и убивали каждую кошку, имевшую несчастье приблизиться к их жилищу, а по разносившимся ночью воплям соседи догадывались, что конец животных был ужасен. И все же никто не заговаривал об этом со стариками — слишком уж невозмутимое выражение хранили они на своих лицах, да и жили на отшибе, в маленькой хибарке под развесистыми дубами. А если уж говорить начистоту, то хотя кошачьи хозяева и ненавидели эту парочку, но еще больше боялись и, вместо того чтобы как следует проучить жестоких убийц, старались следить, чтобы их любимцы не бродили поблизости от уединенной хижины под густыми деревьями и не ловили там мышек. Когда все же случалось непоправимое и кошка пропадала, владелец, слыша после наступления темноты вопли несчастной твари, бессильно плакал или же возносил хвалу Богу за то, что такая судьба не постигла его ребенка. Ведь жители Ултара были простыми людьми и не знали всю славную родословную кошек.

И вот однажды диковинный караван с юга вступил на узкие, мощенные булыжником улицы Ултара. Темнокожие путешественники отличались от обычного бродячего люда, что проходил через деревню дважды в год. На рынке они пред-

сказывали за деньги судьбу и покупали яркие бусы. Никто не знал, откуда родом эти странники, но молились они как-то чудно, да и повозки их украшали странные фигуры с человеческим торсом и с головами кошек, соколов, баранов и львов. А голову предводителя каравана венчал двурогий убор с загадочным диском посередине.

Ехал с этим удивительным караваном маленький мальчик; не было у него ни отца, ни матери, а был только крошечный черный котенок, которого он очень любил. Жестокая судьба подарила мальчику это маленькое пушистое существо, дабы смягчить боль всех утрат: когда ты юн, взирать на резвые шалости своего черного дружка — большая утеха. И поэтому мальчик, которого темнокожие люди называли Менесом, играя с грациозным котенком в углу диковинно разукрашенной повозки, смеялся чаще, чем плакал.

На третье утро пребывания каравана в Ултаре котенок исчез. Менес горько рыдал, и тут кто-то из жителей рассказал ему о старике и его жене и о том, что сегодня ночью из их хижины опять доносились страшные звуки. Услышав это, мальчик перестал рыдать и призадумался, а потом стал молиться. Он простер руки к солнцу со словами молитвы на незнакомом языке. Впрочем, жители

городка и не пытались разобрать слова молитвы, их взоры устремились к облакам, которые стали принимать удивительные очертания. Странно, но с каждым словом мальчика на небе возникали неясные, призрачные фигуры экзотических существ, увенчанных коронами с двумя рогами и диском посередине. Природа часто дарит людям с воображением удивительные картины.

Той же ночью странники покинули Ултар, и никто их больше не видел. Одновременно в городке исчезли все кошки, что привело в отчаяние их хозяев. Никто больше не мурлыкал у камелька — пропали большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. Старый бургомистр Кренон был уверен, что это темнолицые люди увели с собой кошек, чтобы отомстить за котенка Менеса, и громко проклинал и караван, и самого мальчика. Но по мнению тощего нотариуса Нита, здесь скорее замешаны старый крестьянин и его жена: их ненависть к кошкам с течением времени, казалось, лишь возрастала. И все же никто не осмелился открыто расспросить о случившемся зловещую чету, хотя маленький Атал, сын хозяина гостиницы, клялся, что видел собственными глазами, как в сумерках все кошки Ултара, медленно и торжественно выступая по

двое, словно совершая неведомый ритуал, постепенно окружили проклятый дом под деревьями. Жители сомневались, можно ли верить такому малышу, и хотя подозревали, что старые злыдни замучили животных до смерти, все же предпочли не связываться с ними, пока не встретят старика где-нибудь подальше от его чертова подворья.

Наконец весь Ултар, мучась от бессильной злобы, забылся тяжелым сном, а утром, когда проснулись, — ба! — все кошки снова грелись у печурок. Все были на своих местах — большие и маленькие, черные, серые, полосатые, рыжие и белые. Они вернулись домой, отяжелевшие и лоснящиеся, и громко мурлыкали от удовольствия. Удивленные горожане, толкуя о случившемся, не знали, что и думать. Старый Кренон твердил свое: это-де темнолицые увели животных, от старика и его жены кошки живыми бы не вернулись. Но удивительнее всего, по общему мнению, было то, что блюдца с молоком и кусочки мяса стояли нетронутыми. Кошки Ултара не притрагивались к пище целых два дня, а только дремали у печки или грелись на солнышке.

Лишь неделю спустя горожане заметили, что по вечерам в окнах дома под дубами не загорается свет. И тогда тощий Нит напомнил им, что с того

дня, как пропали кошки, никто не видел старых злыдней. Еще через неделю бургомистр переборол страх и постучал в дверь жилища, исполняя свою обязанность служителя власти, но из дома не донеслось ни звука. Впрочем, бургомистр не забыл захватить с собой кузнеца Шенга и резчика по камню Тула. Когда же они, взломав ветхую дверь, проникли внутрь, то увидели только два дочиста объеденных скелета да ползающих в темных углах тараканов.

Среди жителей Ултара было много всяких толков. Следователь Зат обсудил происшествие во всех подробностях с тощим нотариусом Нитом, а потом засыпал расспросами Кремона, Шенга и Тула. Затем все вместе еще раз с пристрастием допросили маленького Атала, сына хозяина гостиницы, дав ему в награду леденец. А после этого долго судили да рядили о старике крестьянине и его жене.

И в конце концов бургомистр издал памятный указ, о котором рассказывают торговцы в Хатеге и путешественники в Нире, а именно: «Никто в Ултаре не смеет убить кошку».

Селефаис

В видениях Куранес видел город в долине, морской берег вдали, снежную вершину горы над морем и галеры ярких расцветок, отчалившие из гавани и плывущие в дальние края, где море смыкается с небом. Именно в видениях его звали Куранес; в обычной жизни его звали иначе. Вероятно, другое имя он придумал себе не случайно, ибо был последним в роду и остро чувствовал свое одиночество в многомиллионном равнодушном Лондоне. Не так уж много людей общались с ним, напоминая тем самым, кем он был. Его деньги и земли — все это ушло в прошлое, ему было безразлично, что о нем думают люди, он предпочитал грезить и писать о своих грезах. Те, кому он показывал первые пробы пера, высмеяли его; тогда он стал писать для себя, а затем и вовсе забросил это занятие. И чем больше он удалялся от обыденного мира, тем изумительнее становились его видения и тем более беспомощными оказывались попытки описать их. Куранес был человеком консервативного воспитания и мыслил не так, как модные писатели. Они пытались

сорвать с жизни ее сотканные из мифов покровы и показать неприкрытое безобразие отвратительной реальности, Куранес же искал саму красоту. Знания и обретенный опыт не смогли раскрыть ее, и тогда он обратился к фантазии и иллюзии и нашел красоту совсем рядом — в туманных воспоминаниях о детстве и детских мечтах.

Немногие сознают, какие неведомые дали раскрываются в историях и мечтах их юности; ибо дети, слушая и мечтая, не пытаются вгонять мысли в какие-то рамки, а когда мы пытаемся вспомнить уже будучи взрослыми, то воспоминания получаются скучными и унылыми, отравленными ядом жизни. И все же некоторые из нас просыпаются среди ночи, увидев диковинные фантазии: зачарованные горы и сады, поющие под солнцем фонтаны, золотые пики гор, вздымающиеся возле ласковых морей, долины, простирающиеся вокруг спящих городов из камня и бронзы, удалых воинов, разъезжающих по опушкам густых лесов на белых лошадях, покрытых попонами; и тогда мы догадываемся, что заглянули через ворота из слоновой кости в мир, открытый для нас прежде, когда мы еще не были так мудры и несчастны.

Куранес внезапно смог вернуться в прежний

мир своего детства. Ему снился дом, где он родился, большой, увитый плющом, в котором прожили тринадцать поколений его предков и где он надеялся умереть и сам. Летней лунной ночью он тайком выбрался в сады, спустился вниз, по террасам, мимо парка со старыми дубами и вышел на длинную белую дорогу, ведущую к деревне. Деревня казалась очень старой на вид, с покосившимися, будто начинающая убывать луна, домами на околице, и Куранес невольно задумался: что же таится в домах с островерхими крышами: сон или смерть? Посреди улицы росла высокая трава, а дома смотрели на него взглядом непроницаемо грязных стекол либо пустыми глазницами. Куранес шел не останавливаясь, будто куда-то конкретно. Он не пытался проявлять своеволия, опасаясь, что все окажется иллюзией, как мечты и устремления повседневной жизни, никогда ни к чему не приводящие. Потом он свернул из деревни к обрыву — и внезапно оказался на краю света, у бездны, возле которой стояла деревня; весь мир заканчивался, и взору открывалась бесконечная пустота, не содержащая ничего, и небо над ней было пустое, не освещалось даже ущербной луной или мерцанием звезд. Глубокая внутренняя убежденность сподвигла Куранеса

сделать шаг вперед, и он медленно полетел вниз, плыл все ниже и ниже, миновал темные, бесформенные, неприснившиеся сны, слабо светящиеся сферы частично приснившихся сновидений и смеющихся крылатых эльфов, которые, казалось, высмеивали всех мечтателей мира. Потом тьма перед ним расступилась, и Куранес увидел ущелье и город в долине, сверкающий вдали на фоне неба, моря и снежной вершины горы, вздымающейся возле моря.

Куранес проснулся в тот же миг, как увидел город, но этого мига ему хватило — он сразу узнал Селефаис, город в долине Оот-Наргаи за Танарианскими холмами, где его дух обитал целую вечность в тот час давнего летнего полдня, когда он убежал от няньки и, наблюдая за плывущими облаками, заснул возле деревни, убаюканный теплым морским бризом. Он был крайне недоволен, когда его нашли и разбудили, потому что во сне собирался отплыть на золотой галере в чудесные края, где море смыкается с небом. Вот и на этот раз Куранес, проснувшись, почувствовал досаду, потому что нашел свой сказочный город после сорока тоскливых лет.

Но через три ночи Куранес снова вернулся в Селефаис. Как и в прошлый раз, сначала ему

приснилась деревушка, сонная или вымершая, и бездна, через которую он должен был безмолвно перелететь; затем снова перед ним оказалось ущелье, и он увидел сверкающие минареты города, изящные галеры, стоявшие на приколе в голубой гавани, и китайские деревья гинкго на горе Аран, колышущиеся от морского бриза. Но на сей раз никто не выхватил его из мира грез, и он, как крылатое существо, опустился на поросшую травой полянку на склоне горы, и ноги его мягко коснулись травы. Наконец ему удалось вернуться в долину Оот-Наргаи к замечательному городу Селефаис.

Спускаясь с горы, Куранес наслаждался ароматом трав и любовался красочными цветами; он перешел бурную журчащую речку Нараксу по деревянному мостику, на котором много лет назад вырезал свое имя, миновал рощицу и подошел к большому каменному мосту у городских ворот. Здесь ничто не изменилось: не потемнели мраморные стены, не покрылись патиной украшавшие их бронзовые скульптуры. И Куранес понял: ему не надо опасаться, что все здесь стало совсем другим. Даже часовые на крепостном валу были те же самые и такие же молодые, какими он их запомнил. Тогда Куранес вступил в город

через бронзовые ворота и прошел по ониксовым мостовым, а купцы и погонщики верблюдов приветствовали его, как будто он никуда надолго не уходил, и то же самое повторилось в бирюзовом храме Нат-Нортат, где жрецы в венках из орхидей объяснили ему, что в Оот-Наргаи время не движется и здесь всегда вечная юность. Затем Куранес прошел по Столбовой улице к той части крепостного вала, что граничила с гаванью, где толпились купцы и моряки, а также чужестранцы из тех краев, где море смыкается с небом. Куранес долго стоял на крепостном валу, глядя на ярко освещенную гавань, на морскую рябь, сверкавшую под непривычным солнцем, на галеры, скользившие по воде. Трудно было оторвать взгляд от горы Аран, царственно возвышавшейся над морем, нижняя часть склонов которой была зелена от растительности, а снежный пик упирался в небо.

Куранесу безумно хотелось отплыть на галере в те удивительные края, о которых слышал так много чудесного, и он отправился на поиски капитана, когда-то давно согласившегося взять его с собой в плавание. Он разыскал этого человека, Атхиба, сидящим на том же самом сундуке с пряностями и, казалось, даже не заметившим,

сколько времени прошло. Затем они вдвоем подплыли к галере, стоявшей на якоре, капитан отдал приказ гребцам, и галера вышла в бурное Серенарианское море, которое где-то вдали сливается с небом. Несколько дней галера неслась по волнам, и наконец путники приблизились к горизонту, туда, где море смыкается с небом. Галера, не замедляя хода, вплыла в голубизну неба и двинулась меж пушистых облачков, слегка розоватых от света солнца. А далеко внизу, под килем, Куранес видел незнакомые земли, реки и города неслыханной красоты, неожившиеся в лучах солнца, которое здесь никогда не заходило. Наконец Атхиб сказал, что путешествие подходит к концу: они приближаются к гавани Серанниана, облачного города, построенного из розового мрамора на эфирном берегу, где западный ветер начинает дуть в небо. Но когда на горизонте стали видны самые высокие из башен этого города, Куранес услышал звук, от которого проснулся в своей лондонской мансарде.

После этого он многие месяцы тщетно искал чудесный город Селефаис и галеры, уплывающие к небу, и хотя посетил в грезах много чудных, невиданных мест, никто из встреченных им не помог ему отыскать Оот-Наргаи, лежащий за

Танарианскими холмами. В одну из ночей он пролетал над темными горами, где на большом расстоянии друг от друга горели едва различимые костры, — там паслись стада диковинных косматых животных, и на шее у вожаков висели колокольчики, позвякивающие при ходьбе, — и в самой глухой части этой затерянной в горах страны, куда редко проникали путешественники, он приметил очень древнюю стену, изгибами проходящую через горы и долины, настолько громадное сооружение, что не верилось, что это дело рук человеческих: и в ту, и в другую сторону стена уходила куда-то вдаль. За этой стеной в предрассветных сумерках он увидел странные сады с вишневыми деревьями, а когда взошло солнце, пред ним предстал прекрасный мир белых и красных цветов, сочной зеленой листвы, белых дорожек, сверкающих ручейков и голубых маленьких озер, резных мостиков и пагод с красными крышами — настолько прекрасный, что Куранес в восхищении на миг забыл про Селефаис. Но, направившись к пагоде, он вспомнил про чудесный город — и спросил бы местных людей про него, но обнаружил, что здесь обитают только птицы, пчелы и бабочки. В другую ночь Куранес поднимался по бесконечной винтовой лестнице

из мокрого камня и наконец увидел в лунном свете из окна башни долину и реку; на противоположном берегу реки лежал спящий город, и Куранесу показалось, что он узнает знакомые места. Он собирался уже спуститься и спросить, как добраться до Оот-Наргаи, но вдруг из-за горизонта выплыла яркая звезда, и Куранес понял, что перед ним руины города и не река, а болото, поросшее камышом, а на всем вокруг лежит печать смерти — с тех пор как король Кинаратолис вернулся из завоевательного похода и узрел месть богов.

Вот так Куранес тщетно искал сказочный город Селефаис с его галерами, плавающими в небесный град Серанниан, а попутно видел много чудес и однажды едва спасся от верховного жреца, о котором лучше умолчать, но скажу лишь, что тот скрывал лицо желтой шелковой маской и жил в полном одиночестве в очень древнем каменном монастыре, стоявшем на холодном пустынном плато Ленг. Со временем Куранесу стали настолько постылы бесцветные дни, разделяющие ночи, что он, желая продлить ночные грезы, стал пользоваться наркотиками. Полезным в этом отношении оказался гашиш, и с его помощью Куранес совершил путешествие в удивительное пространство, где отсутствует форма, а светя-

щиеся газы изучают тайны жизни. Фиолетовый газ рассказал Куранесу, что это пространство находится за пределами того, что он назвал бы бесконечностью. Этот газ никогда раньше не слышал о планетах и живых организмах, но смог определить, что Куранес явился из той бесконечности, где существуют материя, энергия и сила притяжения. Куранес безумно жаждал вернуться в Селефаис с его дивными минаретами и потому стал принимать более сильные дозы наркотиков. Но в один прекрасный летний день все деньги у него закончились, и покупать наркотики было не на что; его выселили из мансарды, и он, бесцельно бродя по улицам и перейдя по очередному мосту, оказался в глухой оконечности города, где дома попадались все реже и реже. Но внезапно здесь его ожидания сбылись: Куранес повстречал кортеж рыцарей из Селефаиса, прибывший, чтобы забрать его с собою навсегда.

Они были прекрасны, эти рыцари на чалых лошадях, в сверкающих доспехах и расшитых золотом плащах с гербами. И так многочисленны, что поначалу Куранес по ошибке принял кортеж за войско; но их прислали, чтобы оказать ему особую честь: ведь Куранес создал Оот-Наргаи своими мечтаниями, и потому теперь его навеч-

но назначили верховным богом города. Рыцари усадили Куранеса на коня, и он поскакал в голове кавалькады. Величественная конница выехала на равнины Суррея и вскоре миновала родовой замок Куранеса, где жили когда-то его предки. Но вот что удивительно: скача вперед, всадники совершали обратное путешествие во времени. Так, проезжая в сумерках деревню, Куранес видел дома и людей такими, как видел их Чосер или его предшественники, и порой им попадались рыцари верхом в сопровождении своей прислуги. Когда стемнело, лошади побежали резвее, а в ночи и вовсе полетели, будто по воздуху. В предрассветных сумерках они приблизились к деревне, которую Куранес видел обитаемой в детстве, а потом, в другом сне, спящей или вымершей. Сейчас она была обитаема, и деревенские жители, поднявшиеся рано утром, кланялись проезжавшим всадникам, сворачивавшим на улицу, которая во сне обрывалась пропастью. Прежде Куранес бывал у пропасти только ночью, теперь он жаждал увидеть бездну при свете дня и нетерпеливо подгонял своего коня. Едва все они приблизились к краю пропасти, с запада разлился золотой свет и закрыл все вокруг лучезарной завесой. Пропасть казалась бурлящим

хаосом розового и небесно-голубого цветов, и невидимые голоса запели ликующий гимн, когда всадники ринулись вниз и поплыли среди сверкающих облаков в серебристом сиянии. Казалось, бесконечно долго падают вниз всадники, а кони их ступают по золотым облакам, как по золотому песку в пустыне, но наконец лазурная завеса распахнулась, открывая подлинное великолепие, — изумительную красоту Селефаиса на берегу моря и горного снежного пика над ним. Галеры ярких расцветок плыли из гавани в далекие края, где море смыкается с небом.

И Куранес стал верховным правителем Оот-Наргаи, города своей мечты, и его окрестностей, а двор его располагался попеременно в Селефаисе и городе в облаках Серанниане. Он и сейчас там правит и будет править вечно, несмотря на то что возле утесов Инсмута волны насмешливо поигрывали телом бродяги, забредшего на рассвете в полупустую деревню, потаскали его вдоль берега и выбросили возле Тревор-Тауэрс, где преуспевающий пивовар, ставший миллионером, наслаждался атмосферой приобретенного не так давно старинного родового имения деградирующей аристократии.

Серебряный ключ

Когда Рэндольфу Картеру исполнилось тридцать, он потерял ключ, открывавший врата в страну его сновидений. До того времени он смирялся с прозой жизни, поскольку ночами странствовал по странным и древним городам, расположенным где-то очень далеко, за призрачными морями; но с наступлением среднего возраста фантазии становились все слабее, и наконец сказочный мир оказался отрезан. Его галеры больше не плыли по реке Украпос мимо золотых шпилей Франа, а караваны слонов не пробирались через благовонные джунгли Клида, среди которых стояли заброшенные дворцы с колоннами из слоновой кости, погруженные в вечную дрему под лунным светом.

Он прочел немало книг о реальности как она есть и наслушался советов множества опытных людей. Философы из лучших побуждений поучали, что следует искать логические связи между разными явлениями и анализировать, что именно вызвало мысли и фантазии. Он уже не удивлялся и словно бы забыл, что вся жизнь

представляет собой лишь череду мысленных образов и представлений, а впечатления реального мира неотделимы от плодов игры воображения и противопоставлять их не имеет смысла. Обычаи нашептывали ему уважительно относиться ко всему существующему и осязаемому, и он постепенно начал стыдиться своих прежних фантазий. Мудрецы неустанно напоминали Картеру, что его видения были глупыми, ребяческими, несомненно абсурдными, потому что их действующие лица считали события вокруг них полными тайного значения, а между тем бессмысленный мир по-прежнему скрипуче вращается вокруг своей оси, то превращая ничто в нечто, то низводя нечто до ничто, не обращая внимания на помыслы и само существование сознаний, вспыхивающих на миг обманчивыми огоньками и гаснущих во мраке.

Эти мудрецы хотели приковать его к реальному миру, из которого изгнаны тайны, и подробно рассказывали, каким образом все происходит. Но Картер запротестовал, сбежал от их мира, их законов и попытался скрыться в сумеречных царствах, где, повинуясь волшебству, прежние видения и милые ему ассоциации соединялись, открывая перед ним новые горизонты, и дух перехватывало от напряженного ожидания и

безмерного восхищения; однако наставники старались обратить его от этого к чудесам науки, предлагая видеть удивительное и красоту в вихревом движении атомов или в небесных межпланетных просторах. А когда ему не удалось найти этого в подобных вещах, во всем том, что хорошо известно и описано, ему заявили, что у него недостаток воображения и отставание в развитии, поскольку он предпочитает иллюзии снов иллюзиям нашего физического мира.

Но наконец Картер смирился и попробовал поступать как все, приучая себя к мысли, что повседневные события и эмоции простых смертных важнее фантазий редких и утонченных душ. Он не протестовал, когда ему говорили, что любая грубая, животная боль, будь то страдания голодного крестьянина или даже муки свиньи на бойне, значат для жизни больше несравненной красоты Нарата с его сотнями узорных ворот и куполами из халцедона, которые он смутно помнил по прежним видениям, и в соответствии с увещеваниями постарался ощутить тревоги других и понять, что такое боль сострадания и трагизм ситуации.

Однако он слишком ясно видел, сколь ничтожны, переменчивы и бессмысленны все

человеческие надежды и сколь незначительны и пусты порождающие их импульсы, — и все это несовместимо с высокими идеалами, о которых так любят рассуждать философы. Он стал искать спасения в иронии и с усмешкой воспринимал сумасбродные фантазии, сознавая, что в обыденной жизни таких сумасбродств и нелепостей ничуть не меньше, однако они напрочь лишены красоты, а в веренице происходящих событий нет ни цели, ни смысла. Он сделался кем-то вроде адепта юмора, ибо еще не осознал, что даже юмор не нужен бестолковой Вселенной, не признающей логики, но и не имеющей ей достойной замены.

Приняв такие узы, в первые дни он обратился к вере отцов и решил вернуться в лоно церкви — ему казалось, что там он отыщет сокровенные мистические пути, способные увести от обыденной жизни. Но при внимательном рассмотрении он заметил все ту же скудость воображения, поблекшую, болезненную красу, уныние, банальность и напыщенную серьезность, возомнившую себя истиной в последней инстанции; проповедники старались поддерживать страх своих прихожан перед неведомым, и вскоре Картер убедился, что их попытки были весьма неуклюжи. Он с горечью узнал, что эти напыщенные люди

для оправдания реальной жизни используют старинные предания, которые их же хваленая наука опровергает на каждом шагу. Эта необоснованная серьезность окончательно охладила его пыл. Картер полагал, что любовь к былым верованиям можно сохранить лишь если они остаются красивыми обрядами или неясными фантазиями, обращенными не к уму, а к чувствам.

Однако когда он обратился к тем, кто отвергал древние мифы, те оказались еще хуже верующих и внушили ему подлинное отвращение. Им не приходило в голову, что красота неотделима от гармонии и достижима лишь в идеале или в видениях, а не в бессмысленном пространстве; не думали они и о том, что без сновидений и воспоминаний человечество не смогло бы противостоять окружающему хаосу. Они оказались неспособными видеть, что добро и зло, красота и уродство есть узоры бесконечного орнамента и приобретают смысл лишь в связи с ним, и связь эта испокон веков обеспечивала нормальную жизнь и давала нашим предкам возможность думать и чувствовать; каждый народ и каждая цивилизация вплетали свои узоры в гигантский гобелен мирового порядка. Эти отвергатели не желали слушать об извечных ценностях и сводили

бытие к грубым и примитивным инстинктам, а сами влачили убогое, никчемное существование, но при этом гордились своим здравомыслием, полагая, что избежали каких-то смутных соблазнов. Это была жалкая иллюзия, ибо соблазны никуда не исчезли и всего лишь на месте старых идолов появились новые; страх сменился своеволием, а слепое навязанное благочестие — анархией.

Их разновидность свободомыслия не понравилась Картеру; он видел, что большинство из них, уподобившись отвергнутому лжесвященству, не могли вырваться из заблуждения, что жизнь имеет еще какой-то смысл, помимо того, который вкладывают в нее люди; что они запутались в собственных противоречиях и при всем радикализме суждений не в силах обойтись без идолов в виде строгой морали и долга, а их вера в свободу исключает красоту; что, с искаженным восприятием и фанатично приверженные иллюзиям правосудия, личной свободы и общего единообразия, они отбросили старые знания вместе со старыми верованиями, не сумев уяснить, что эти извечные ценности — единственные мерила добра и зла и маяки надежды в бессмысленном космосе, хотя об этом вопила вся открытая и познанная ими Природа. Без них жизнь посте-

пенно лишалась для отвергателей какого-либо интереса и цели; стремясь побороть овладевшую ими скуку, они обратились к суетному, их наигранная деловитость перемежалась столь же искусственным возбуждением, пристрастием к варварским зрелищам и буйным, грубым забавам. Однако разочарование наступало слишком быстро и доходило до отвращения; их отрадой стали желчные насмешки над миром и придирки к общественному строю. Отвергатели никак не могли понять, что их убогие принципы столь же противоречивы, как и боги их предков, а минутное наслаждение сулит скорую гибель. Спокойная, вечная красота достижима лишь в снах, но мир лишил себя этого утешения вместе с отринутыми тайнами детства и невинности.

Картер продолжал жить в окружении этой чуждой ему хаотичной, суетной реальности, не обольщаясь иллюзиями и следуя добрым традициям. Его видения таяли и с каждым днем становились все бесплотнее, но любовь к гармонии удерживала его и не давала свернуть с пути, определяемого его происхождением. Он праздно путешествовал по различным городам и при этом часто печально вздыхал, поскольку открывавшиеся виды не казались ему полностью

реальными, а любой отблеск солнечных лучей от высокой кровли или парапета на закате напоминал ему о тех видениях, что прежде у него бывали, и вызывал тоску по этим бесплотным землям, оказавшимся теперь недоступными. Первая мировая война немного взбодрила его, и он записался во французский Иностранный легион. Здесь у него появились новые друзья, однако он быстро пресытился обществом обыкновенных людей с неразвитым воображением и грубыми чувствами. Все его родственники находились за океаном, и это его даже радовало, ведь никто из них не понял бы, что творилось в его душе. Никто, кроме его родного деда и двоюродного деда Кристофера, но они оба давно умерли.

После войны он снова обратился к литературе и дописал несколько книг, которые совсем было забросил, перестав видеть сновидения. Но он больше не испытывал ни удовлетворения от творчества, ни радости творения; вдохновение покинуло его, в сознании утвердилось земное начало, и он с трудом отрывался от реальности. Мир его сновидений отдалялся с каждым годом, уходя за туманный горизонт. Ирония разрушала выстроенные им призрачные минареты, а сам он, из боязни неправдоподобия, с корнем удалял

нежные и яркие цветы из волшебных садов. Картер по привычке относился к своим героям с симпатией, и от этого злодеи у него получались какими-то слащавыми, не способными ни испугать кого-либо, ни оттолкнуть. Он стал адептом реальности и заботился о точности мотивировок и жизненной убедительности событий, отчего в его романах преобладали плоские аллегории или дешевая социальная сатира. Его новые книги заполучили куда больший успех, чем прежние; он осознал, что это тревожный симптом: пустые произведения притягивают пустых читателей, так как потакают их вкусам, — и тогда сжег рукописи и отказался от литературного поприща. Он писал изысканные романы, в которых посмеивался над своими видениями, очерчивая их двумя-тремя легкими штрихами, однако видел, что в его утонченностях нет жизни.

После этого он стал холить и лелеять свои иллюзии и увлекся всем причудливым и эксцентричным. Картер надеялся избавиться таким образом от ненавистной ему банальности. Однако под внешне причудливой оболочкой скрывались обычно те же убожество и пустота; расхожие оккультные доктрины показались ему сухими и догматичными, он не обнаружил в них ни грана

истины, способной оправдать непререкаемый тон; ставшие очевидными глупость, фальшь и путаница не имели ничего общего с его видениями и только мешали его сознанию уйти от обыденности в иные, высшие сферы. Картер стал собирать библиотеку и приобретал странные, мистические книги; завязал переписку с не менее странными людьми фантастической эрудиции; ему сделались доступными тайные бездны человеческой души, древние легенды и события глубокой старины. Пристрастие к мистике сказалось и на его быте: он окружил себя уникальными вещами, обставил свой бостонский дом в соответствии с изменившимися вкусами и оформил комнаты в разных тонах, разместил подходящим образом книги и прочие предметы, позаботившись о нужном освещении, тепле и даже запахах.

Однажды он прослышал о человеке с юга Америки, которому доставляли из Индии и арабских стран древние фолианты и глиняные таблички, внушающие ужас и свидетельствующие о богохульстве минувших тысячелетий. Картер отправился к нему, и они семь лет прожили вместе, погрузившись в исследования. Но однажды ночью на старом заброшенном кладбище им довелось столкнуться с неведомым ужасом, и его

спутник бесследно исчез. Через некоторое время Картер вернулся на родину предков — в Аркхем, овеянный преданиями и зачарованный нечистой силой, — и продолжил свои штудии, приводил в порядок семейный архив, а по вечерам любовался серебристыми ивами, двускатными крышами и силуэтами колоколен. Но вот ему попался дневник одного из его предков, некоторые страницы которого содержали настолько страшные истории, что он никому не решился о них рассказать. Эти ужасы подтолкнули его к мрачному краю реальности, но путь в страну юношеских сновидений, как и прежде, оставался скрыт темной завесой; в пятьдесят лет Картер уже ощущал смертельную усталость и не ждал ни покоя, ни утешения от мира, слишком суетливого для красоты и слишком практичного для мечтаний.

Уверившись, что жизнь уже прожита и ему не найдется места в постылой реальности, Картер забросил занятия и целыми днями праздно бездействовал, пытаясь припомнить хотя бы обрывки своих сновидений. Он не видел смысла в продолжении жизни, и даже получил от знакомого из Латинской Америки весьма особый состав, позволяющий покинуть этот бренный мир без боли и страданий. Однако безволие и

сила привычки удержали его от самоубийства, а преодолев искушение небытием, он словно перенесся назад в свое детство; но современная обстановка разрушительно действовала на эту иллюзию, и потому он сделал в окнах цветные витражи, сменил мебель на викторианскую и тому подобное.

Шли годы, он утвердился в благостном мнении в отношении того, что все же не совершил решительного действия; окружающее его больше не мучило и не тревожило, повседневность отступила на задний план и сделалась малозаметной; он замкнулся в себе и не воспринимал почти ничего извне. В его снах понемногу начало обосновываться ожидание чуда, промелькивали яркие искры, и он все чаще видел себя играющим в дедовской усадьбе. Видения становились более продолжительными и превращались иногда в отчетливые картины прошлого. На протяжении двадцати лет ему, как и большинству людей, снились бледные отражения каждодневных событий, но вот пробудившаяся память вернула его к родному дому. Он часто, просыпаясь, обнаруживал, что зовет к себе мать или деда, которые уже четверть века покоились в могилах.

Однажды ночью дед напомнил ему о серебря-

ном ключе. Старый седой ученый, совсем как живой, долго рассказывал внуку об их древнем роде и о странных видениях, посещавших чутких и восприимчивых предков Картера. Он рассказал ему о крестоносце с горящими глазами, который попал в плен к сарацинам и узнал от них немало тайн, и о первом Рэндольфе Картере, который жил в эпоху королевы Елизаветы и увлекался магией. Дед поведал ему и об Эдмунде Картере, который чудом избежал виселицы в Салеме в пору охоты на ведьм и спрятал в старинной шкатулке большой серебряный ключ, доставшийся ему по наследству. Перед тем как Картер проснулся, старик объяснил, где можно найти эту дубовую шкатулку со страшными фигурками на крышке, и добавил, что ее не открывали уже два столетия.

Шкатулка отыскалась на пыльном чердаке, где лежала, затерянная на дне высокого комода. Она оказалась почти квадратной, со стороной примерно в фут, а готическая резьба на ней вызывала такой ужас, что вряд ли кто решился открыть ее со времен Эдмунда Картера. Он встряхнул ее, но изнутри не донеслось ни звука, зато появился аромат неведомых специй. Возможно, что ключ всего лишь легенда — ведь даже отец Рэндольфа

Картера не знал о существовании шкатулки, обитой железом и закрытой на сложный замок. Потом до него дошло, что серебряный ключ, если он действительно существует, поможет ему открыть ворота в страну сновидений, хотя дед и не сказал ему, как и где им нужно воспользоваться.

Старому слуге удалось отомкнуть замок, хотя он и вздрогнул от ужаса, завидев жуткие ухмыляющиеся физиономии на темной деревянной крышке. Внутри шкатулки оказался большой ключ из потускневшего серебра, украшенный загадочными арабесками, завернутый в выцветший пергаментный свиток; никаких других пояснений там не оказалось. Пергамент был исписан непонятными буквами. Картер вспомнил, что у его исчезнувшего на кладбище друга хранился очень похожий папирусный свиток и, перечитывая его, тот всякий раз вздрагивал от страха; сейчас Картер тоже вздрогнул.

Он протер ключ, вновь положил его в источающую ароматы шкатулку из древнего дуба и унес ее к себе в спальню. С того дня его сны становились все красочнее, и хотя он больше не странствовал по неведомым городам и не гулял в роскошных садах, общее значение воспринимаемого не вызывало у него сомнений. Сны звали его

назад, к родовому истоку. Он понял, что должен уйти в прошлое и раствориться в мире, полном тайн и старинных вещей. С каждым днем он все больше думал о магии северных гор, о застывшем Аркхеме и стремительном Мискатонике, о заброшенной сельской усадьбе и семейном кладбище.

Когда наступила осень и деревья окрасились золотом и багрянцем, Картер решил отправиться на машине по старой петляющей дороге, знакомой ему с детства, мимо горных кряжей и лугов за каменными оградами; он ехал через тихие долины и густые леса, любовался прозрачной гладью Мискатоника и деревянными или каменными мостами. Увидев на очередном повороте вязовую рощу, он вспомнил, что в ней полтора века назад без следа пропал один из его предков, и невольно вздрогнул, услышав шелест деревьев под порывом ветра. Затем промелькнул разрушенный дом сельской колдуньи Гуди Фаулер, с крохотными мрачными окошками и спускающейся чуть ли не до земли скособоченной крышей. Он промчался мимо на полной скорости и не снижал ее, пока не доехал до старого белого особняка у подножия крутого холма. Здесь родились его мать, дед и прадед. Дом по-прежнему гордо взирал через шоссе с горного склона на величественную пано-

раму зеленой долины. Вдали виднелись шпили и крыши Кингспорта, а еще дальше до горизонта простиралось склоняющее к мечтаниям древнее море.

Машина остановилась возле крутого склона, на котором располагалась усадьба Картеров, где он не был больше сорока лет. Он вышел и внимательно оглядел окрестности. Полдень давно миновал, и лучи клонящегося к западу солнца окрашивали ярким золотом все вокруг. Этот безмолвный и неземной пейзаж часто снился ему в последние дни — и вот чудесные, проникнутые ожиданием сны сбылись. Он разглядывал окрестности — искрящуюся на солнце бархатную зелень лугов, обветшавшие каменные стены усадьбы и стройные ряды густых деревьев, — тихие и пустынные, словно расположенные на иной, неведомой планете; затем посмотрел на алые горные отроги и лесистые долины, широкими ступенями спускавшиеся вниз, и лощины, где журчали ручьи, омывающие разбухшие, узловатые корни.

Он осознал вдруг, что автомобиль чужд всему окружающему, и, оставив его на краю леса, переложил серебряный ключ в карман пальто и стал подниматься в гору. Лес, хотя его здесь регу-

лярно прореживали, обступил его со всех сторон и скрыл стоявший выше особняк. Интересно, сохранилось ли в доме что-нибудь со времен его детства? После смерти двоюродного деда Кристофера здесь уже тридцать лет никто не жил, и все, наверное, успело обветшать. Мальчишкой Рэндольф часто гостил в этом доме и обожал чудесный лес, начинающийся за садом.

Вокруг сгустились тени, близилась ночь. Когда справа бывали просветы между деревьями, он видел вдали силуэт старой конгрегационной церкви, стоявшей на центральном холме Кингспорта; закат окрашивал ее в розовые тона, и остекление маленьких круглых окон сверкало, отражая багровые лучи. Затем, когда тени стали гуще, он понял, что эти отсветы пришли к нему из детских воспоминаний — ведь церковь давно снесли и выстроили на ее месте конгрегационную больницу. Когда-то он с интересом прочел в газете заметку о том, что на холме при этом строительстве обнаружили несколько странных и напоминавших большие норы подземных ходов, прорубленных через скалистое основание.

С удивлением услышав знакомый голос, он повернулся, не веря своим ушам. Старый Бениджа Кори, прислуживавший дяде Кристоферу, уже в

те далекие годы был весьма немолод. Сейчас ему явно должно было перевалить за сто, но Картер смог бы отличить этот звучный голос от тысячи других. Он не сразу разобрал слова, но моментально опознал интонацию. Подумать только, старый Бениджа еще жив!

— Мистер Рэнди! Мистер Рэнди! Иде вы? Читож вы, хотите вгнать в гуроб вашу тетушку Марти? Неушто забыли, что она запретила вам гулять в темноте и просила вернуться до вечера? Рэнди! Рэн-ди! Вот же несносный мальчишка, все норовит убежать и часами бродит, как лунатик, возле змеиного логова… Эй, эй, Рэн-ди!

Рэндольф Картер остановился в почти кромешной тьме и потер глаза, пытаясь скинуть оцепенение. Что-то странное. Похоже, он умудрился заблудиться и припоздниться. Интересно, который теперь час? Отсюда было не разглядеть время на часах башни Кингспорта, но маленькая подзорная труба в кармане могла помочь в этом. Картер осознал, что его блуждание допоздна связано с чем-то очень странным и необычным. Наконец он сунул руку в карман за подзорной трубой, но ее там не оказалось — а был лишь серебряный ключ, найденный в шкатулке. Дядя Крис однажды рассказал ему загадочную исто-

рию о старой запертой шкатулке, но тетя Марта оборвала его, заявив, что нечего забивать такими вещами голову мальчику, который и без того слишком много фантазирует. Рэндольф попытался вспомнить, где именно взял этот ключ, но в его сознании все перепуталось. Ему казалось, что шкатулка хранилась на чердаке его дома в Бостоне и он пообещал Парксу выплатить половину его недельного жалованья, если тот поможет ему открыть замок и будет держать язык за зубами; однако когда он вспоминал об этом, то увидел Паркса мысленным взором и был поражен, как годы сказались на прежде расторопном и бодром кокни.

— Рэн-ди! Рэн-ди!.. Эй, эй, Рэнди!

Из-за темного поворота появился раскачивающийся фонарь, и старый Бениджа бросился к молчаливому и растерянному путешественнику.

— Ага, мальчик, вот вы где! Я вас полчаса выкрикиваю, обыскался уже. Почему же молчите? Язык к горлу прилип? Тетя Марта вся извелась от беспокойства. Где вы пропадали? Вот расскажу все дяде Крису, он вас по головке не погладит! Вас не раз предупреждали, негодный мальчишка, что по лесу вечером гулять нельзя! В нем полно всякой нечисти. Мне об этом еще дед рассказы-

вал. Идемте скорее, мистер Рэнди, а то Ханна не даст вам ужин.

Рэндольф Картер продолжил идти по дороге; сквозь осенние ветки просвечивали звезды, вдали громко лаяли собаки, из окон дома лился ярко-желтый свет, и Плеяды тускло мерцали на западе за большой двускатной крышей. Тетя Марта ждала на пороге, но, вопреки ожиданиям, не набросилась на Рэнди с руганью, а лишь добродушно поворчала. Она слишком хорошо знала дядю Криса и понимала, что все Картеры с чудинкой — это у них в крови. Рэндольф не стал показывать свой ключ, молча поужинал и заупрямился, лишь когда его стали укладывать спать. Иногда он предпочитал грезить наяву, и ему хотелось поскорее воспользоваться ключом.

Он проснулся рано утром и уже собирался бежать в лес на горе, но дядя Крис перехватил его по дороге и усадил в кресло в столовой. Мальчик обвел тревожным взглядом комнату с низким потолком, лоскутные половики на полу, солнечные зайчики в углах и улыбнулся, когда ветки застучали в окна задней части дома. Деревья и холмы теперь были совсем рядом, они и образовывали ворота в ту вневременную реальность, что была его настоящей родиной.

Вырвавшись спустя некоторое время на свободу, Рэндольф пощупал ключ в кармане, приободрился и вприпрыжку пробежал по саду, затем стал взбираться к вершине горы. Под ногами у него стлался мох, покрытые лишайниками скалы смутно проступали сквозь утреннюю дымку, словно долмены друидов среди разбухших и покрывшихся стволов священной рощи. Он миновал быстрый ручей, вспененные воды которого пели рунические заклинания притаившимся за деревьями фавнам, эгипанам и дриадам.

Наконец он добрался до странной пещеры на лесистом склоне — того самого «змеиного логова», которого так боялись местные крестьяне, и старый Бениджа советовал обходить стороной. Пещера оказалась глубокой — гораздо глубже, чем предполагал Рэндольф, — и он нашел в ней в дальнем темном закутке разлом, ведущий к расположенному выше гроту, в котором мальчика впечатлили плоские гладкие гранитные стены, словно бы обработанные искусными мастерами, а не созданные природой. На этот раз он пробрался к нему как обычно — подсвечивая украденными в столовой спичками — с непонятной ему самому решимостью. Картер не знал, почему так уверенно идет к дальней

стене и почему инстинкт подсказывает ему держать серебряный ключ в вытянутой руке. Но цель оказалась достигнута, и когда вечером он, припрыгивая от радости, прибежал домой, то не стал объяснять, где и почему задержался, и даже не проявил необходимой осторожности, когда родные принялись допытываться, отчего он не явился к обеду.

Все оставшиеся сейчас дальние родственники Рэндольфа Картера уверены, что на десятом году жизни с ним что-то случилось, нечто, потрясшее его воображение. Его кузен, эсквайр из Чикаго Эрнст Б. Эспинуолл, на десять лет старше его, заметил, что с осени 1883 года мальчик изменился. Рэндольф разыгрывал фантастические сцены, на которые мало кто мог смотреть без содрогания, и у него обнаружились свойства, казавшиеся странными и неуместными в повседневной жизни. Он, похоже, обладал даром предвидения, и иногда необычно реагировал на вещи, которые впоследствии полностью оправдывали его реакцию. Спустя десятилетия родственники и знакомые Картера иногда с изумлением вспоминали, что когда-то, давным-давно, он небрежно обмолвился о сегодняшней сенсации. Самому ему тоже не было понятно значение сказанных

им слов, он не сознавал, почему чувствовал так, а не иначе, и лишь смутно подозревал, что виной тому какой-то полузабытый сон. В начале 1897 года, когда некий путешественник упомянул французский город Белуа-ан-Сантер, Рэндольф ни с того ни с сего страшно побледнел. Друзья Рэндольфа вспомнили этот эпизод в 1916 году, когда его, служившего во время Первой мировой войны в Иностранном легионе, чуть не убили в этом самом городе.

Многие такие истории о Картере стали известны уже после его таинственного исчезновения. Старый Паркс, слуга Рэндольфа, за долгие годы привыкший к причудам хозяина, в последний раз видел его утром, когда тот выехал из дома на своей машине, забрав с собой найденный серебряный ключ. Паркс сам помог ему достать этот ключ из старой шкатулки, и на него произвели странное впечатление вырезанные на ней гротескные фигуры и некоторые другие детали, о которых он не решился сообщить. Уезжая, Картер сказал, что собирается повидать старую родовую усадьбу неподалеку от Аркхема.

Его автомобиль нашли на полпути между шоссе и заброшенной усадьбой на горе Вязов, а в нем оказалась деревянная шкатулка, пугавшая всех

местных жителей, пытавшихся разглядывать ее. В шкатулке был только странный пергамент с текстом на неведомом языке, который не сумели расшифровать ни лингвисты, ни палеографы. Дождь старательно смыл любые возможные следы, но следователи из Бостона обратили внимание на беспорядочно поваленные молодые деревья на территории усадьбы Картеров. По их мнению, это свидетельствовало, что тут кто-то недавно падал. В лесу на вершине сыщики отыскали обычный белый носовой платок, однако доказать, что он принадлежал Картеру, не представлялось возможным.

Обсуждалось, что его имение следует разделить между наследниками, но я твердо встал против этого, так как не верю в его смерть. Существуют крутые изломы во времени и пространстве, в реальности и видениях, которыми могут воспользоваться лишь мечтатели; я неплохо знал Картера и полагал, что он нашел способ пробраться в эти лабиринты, хотя и не мог сказать, сможет ли он вернуться назад. Он хотел попасть в потерянную страну сновидений и тосковал по годам своего детства. Поскольку он отыскал ключ, я нисколько не сомневался, что он сумел им воспользоваться.

Я непременно спрошу его об этом, когда увижу снова, ибо рассчитываю в скором времени встретиться с ним в том городе сновидений, куда мы оба всю жизнь стремились. Ходят слухи, будто в Ультаре, что за рекой Скай, власть перешла к новому королю, восседающему на опаловом троне в Илек-Ваде, сказочном городе, где башни стоят на стеклянных утесах, нависающих над сумрачным морем, под которыми бородатые ласторукие гнорри прорыли свои удивительные лабиринты, и мне кажется, я знаю, что стоит за этими слухами. Мне очень хочется вглядеться в большой серебряный ключ — не сомневаюсь, что в его загадочных арабесках скрываются символы всех тайн безразличного к человеку космоса.

Иные боги

На высочайших среди вершин земных гор обитают боги земли, и они не потерпят того, что кто-либо из людей станет утверждать, что видел их. Прежде они обитали не на столь высоких вершинах, однако люди равнины всегда будут преодолевать скалы и снега, загоняя богов на все более и более высокие горы, пока наконец не останется всего одна, самая последняя. Рассказывают, что, покидая свои прежние, старинные вершины, они забирали с собой все признаки своего пребывания и только однажды оставили вырезанные в камне очертания на горе, которую называли именем Нгранек.

Но теперь они перенесли себя в неведомый Кадат, расположенный в холодной пустыне, в которой не ступала нога человека, и сделались суровыми, не имея более горной вершины, на которую можно бежать от людей. Они сделались жесткими, и если прежде позволяли людям вытеснять себя, то теперь запрещают людям приходить, а пришедшим — уходить. И хорошо для людей, что они не ведают о Кадате и окружающей

его холодной пустыне; иначе они по неблагоразумию своему попытались бы преодолеть ее.

Иногда, когда боги земли тоскуют по дому, посреди ночного покоя они посещают вершины, на которых некогда обитали, и тихонько плачут, пытаясь, как и прежде, играть на памятных склонах. Люди ощущали слезы богов на увенчанном белой шапкой Турае, хотя и думали, что идет дождь; а еще они слышали вздохи богов в жалобных ветрах над рассветными склонами Лериона. В облачных кораблях имеют обыкновение путешествовать боги, и мудрые крестьяне хранят легенды, которые запрещают им облачной ночью подниматься на иные вершины, ибо боги теперь не столь снисходительны, как в старину.

В Ултаре, что лежит за рекою Скай, некогда жил старик, с жадностью внимавший богам земли; человек, глубоко изучивший семь тайных книг земли и познавший Пнакотические манускрипты далекого мерзлого Ломара. Имя ему было Барзай Мудрый, и селяне рассказывают о том, как он поднялся на гору в ночь странного затмения.

Барзай знал о богах так много, что умел рассказывать об их деяниях и скитаниях; еще он разгадал столько их секретов, что люди считали его самого полубогом. Это он мудрым образом

посоветовал магистратам Ултара принять тот знаменитый закон, запрещающий убийство кошек, это он впервые рассказал юному жрецу Аталу о том, куда ходят черные кошки в полночь Иванова дня. Барзай был человеком, обученным науке земных богов, и в душе его зародилось желание заглянуть в их лица. Полагая, что великие тайные знания о богах защитят его от их гнева, он решил взойти на высокую и скалистую вершину Хатег-Кла той ночью, когда на ней, как он знал, будут находиться боги.

Гора Хатег-Кла находится в далекой каменной пустыне за Хатегом, от которого получила свое имя, и возвышается над ней, как каменная статуя над безмолвным храмом. Вокруг вершины ее всегда скорбно играют туманы, ибо в них заключена память богов, которые любили Хатег-Кла, когда жили на ней в стародавние времена. Часто боги земли посещают Хатег-Кла в своих сотканных из облаков кораблях, и, отбрасывая блеклые тени испарений на ее памятные им склоны, пляшут под ясной луной. Жители селения Хатег говорят, что подниматься на Хатег-Кла худо в любое время, но смертельно опасно подниматься на эту гору ночью, когда бледные туманы окутывают и луну, и вершину; однако Барзай и не думал

прислушиваться к их словам, когда явился из соседнего Ултара с юным жрецом Аталом, который был его учеником. Атал являлся единственным сыном содержателя постоялого двора, и потому иногда пугался; однако отец Барзая был ландграфом, обитавшим в старинном замке, поэтому суеверия простолюдинов не запали в его кровь, и он только смеялся, внимая трусливым селянам.

Вопреки мольбам крестьян Атал и Барзай вышли из Хатега в каменную пустыню, и возле ночных костров беседовали о старых богах. Много дней шли они и наконец издали узрели высокую Хатег-Кла в сиянии скорбного тумана. На тринадцатый день пути подошли они к подножию одинокой горы, и Атал признался в своих страхах. Но старый и опытный Барзай не испытывал страха, и потому первым отправился вверх по склону, по которому не ступали человеческие ноги со времени Сансу, о котором с таким страхом писано в заплесневелых Пнакотических манускриптах.

Путь их пролегал по голому камню, и пропасти, утесы и камнепады лишь добавляли ему опасности. Выше сделалось холодно и появился снег; так что Барзай и Атал часто оскальзывались и падали, опираясь на посохи и прорубая путь топорами. Наконец воздух сделался жидким, небо

переменило цвет и восходителям стало трудно дышать; однако они все продвигались вверх и вверх, дивясь непривычным окрестностям и восторгаясь мысленно тем, что случится на вершине, когда взойдет луна, сея вокруг бледные испарения. Три дня они поднимались все выше и выше, приближаясь к крыше мира, а затем стали лагерем, дожидаясь ночи, когда затмится луна.

Четыре ночи не было никаких облаков, и холодная луна сквозь тонкий утренний туман светила на безмолвный пик. Затем, на пятую ночь, бывшую ночью полнолуния, Барзай увидел на севере плотные облака и сел рядом с Аталом, чтобы понаблюдать за их приближением. Тяжелые и величественные, плыли они вперед медленно и целеустремленно; остановившись вокруг вершины высоко над наблюдателями и сокрыв от их взоров и луну, и вершину. Долгий час оба взирали по сторонам, а вокруг кружили туманы, и облачный покров делался все более и более беспокойным. Умудренный в науках земных богов Барзай старательно вслушивался, ожидая услышать определенные звуки, однако Атал ощущал хлад испарений и наполнявший ночь трепет, и потому много страшился. И когда Барзай продолжил подъем и начал манить его за

собой, не скоро последовал за ним Атал.

Так сгустились пары, что сделался трудным путь, и хотя Атал наконец тронулся с места, трудно было ему усмотреть серый силуэт Барзая на темном склоне под закрытой туманом луной. Барзай зашел далеко вперед, и, невзирая на возраст, поднимался быстрее Атала, не страшась крутизны, начинавшей делаться слишком большой для не слишком сильного и опасливого человека, и не замирая перед широкими черными трещинами, через которые едва мог перепрыгнуть Атал. Так вот шли они через скалы и пропасти, оскальзываясь и оступаясь, а иногда испытывая трепет перед простором и жутким безмолвием серых ледяных громад и немых гранитных круч.

И вдруг внезапно Барзай исчез с глаз Атала, поднявшись на жуткий утес, как бы выпиравший наружу и перекрывавший путь для того, кто не был вдохновлен земными богами. Атал находился далеко внизу, размышляя над тем, что будет делать, когда достигнет этого места, и тут он с любопытством отметил, что свет сделался ярче, словно бы безоблачная вершина и озаренное луной место сходок богов были уже совсем рядом. И, карабкаясь к выступающему утесу и озарившемуся небу, он ощущал страх, куда более жуткий,

чем известный ему прежде. А потом, с вышины, из тумана донесся голос Барзая, переполненный безумным восторгом:

— Я слышал богов. Я слышал, как земные боги поют, блаженствуя на Хатег-Кла! Ведомы голоса земных богов Барзаю-Пророку! Разредились туманы, ясна луна, и я узрю богов в бурной пляске, на любимой ими с юности Хатег-Кла. Мудрость Барзая сделала его более великим, чем боги земли, и нет преграды и заклинания, способных устоять против его воли; Барзай увидит богов, гордых богов, тайных богов, с пренебрежением отвергающих вид человека!

Атал не мог услышать голоса, которым внимал Барзай, но теперь он был уже у самого выступающего утеса и искал взглядом на нем опоры для ног и рук. И тут он услышал, что голос Барзая сделался пронзительнее и громче:

— Почти рассеялся туман, и луна бросает тени на склон; громки и бурны голоса богов земли, и страшатся они прихода Барзая Премудрого, который больше любого из них… Мерцает свет луны, значит, затмевают его силуэты пляшущих богов; и я увижу их, прыгающих и воющих в лунном свете… тускнеет он, и боги испуганы…

Пока Барзай выкрикивал все это, Атал ощутил

призрачную перемену в воздухе, словно бы законы земли склонились перед более великим законом; ибо хотя подъем становился круче, чем когда-либо прежде, уводившая наверх тропа сделалась пугающе легкой, и выпирающий утес оказался сущим пустяком под ногами, когда он добрался до него и скользнул вверх по его опасной выпуклой поверхности. Свет луны странным образом померк, и, рванувшись наверх в тумане, Атал услышал голос Барзая Премудрого, вопившего из теней:

— Луна темна, и боги пляшут в ночи; ужас воцарился в небе, ибо нашло на луну затмение, не предсказанное в книгах людей или земных богов… неведомая магия пришла на Хатег-Кла, ибо причитания испуганных богов превратились в смех, и ледяной склон бесконечно простирается в черное небо, в которое иду я… Хей! Хей! Наконец-то! В тусклом свете зрю я богов земли!

И тут Атал, скользивший как потерянный вверх по непостижимым ступеням, услышал доносящийся из тьмы омерзительный хохот, к которому примешивался крик, какого не услыхать человеку, кроме как во Флегетоне несказанных кошмаров; крик, в котором звучали ужас и боль прожитой в преследовании жизни, сжатой в

один страшный миг:

— Другие боги! Другие боги! Боги внешних преисподних, охраняющие слабых богов земли!.. Отвернись... Возвращайся... Не смотри! Не смотри! Отмщение бесконечных бездн... Эта осужденная, эта проклятая яма... Милостивые боги земли, я падаю в небо!

И когда Атал зажмурил глаза, заткнул уши и попытался соскочить вниз, вопреки жуткому тяготению неведомых высот, над Хатег-Кла прокатился страшный удар грома, пробудивший добрых крестьян равнин и честных магистратов Хатега, Нира и Ултара и заставивший их сквозь облачный полог зреть то странное затмение луны, которое не было предсказано ни в одной книге. А когда луна выглянула снова, Атал уже находился в безопасности у конца снежной шапки горы, вдали от богов — земных или других.

В тронутых тлением Пнакотических манускриптах рассказывается, что Сансу, поднявшийся на Хатег-Кла во дни юности мира, не обрел там ничего, кроме бессловесного льда и камня. И все же, когда люди Ултара, Нира и Хатега, преодолев страхи, днем одолели эту зачарованную кручу в поисках Барзая Премудрого, на голой вершине горы они обнаружили любопытный циклопиче-

ский символ шириной в пять десятков локтей, словно бы гигантской стамеской врезанный в камень. И знак этот был подобен тем, которые ученые люди различили на тех страшных листах Пнакотических манускриптов, которые были слишком древними для прочтения. Это выяснили они.

Барзая Премудрого так и не нашли, а святого жреца Атала ни разу не смогли уговорить помолиться об упокоении его души. Более того, люди Ултара, Нира и Хатега по сю пору боятся затмений и молятся по ночам — когда бледные туманы укутывают вершину горы и луну. А над туманами Хатег-Кла, подчас вспоминая, танцуют боги; ибо они уверены в своей безопасности и любят приплывать сюда из неведомого Кадата на облачных кораблях, и играют, как в прежние времена, как было, когда земля была совсем нова и люди еще не любили взбираться к недоступным вершинам.

Врата серебряного ключа

I

В просторной комнате, украшенной причудливыми гобеленами и превосходной работы старинными бухарскими коврами, четверо мужчин расположились вокруг стола, заваленного различными документами. В дальних углах дымились кадильницы на кованых треножниках; время от времени невероятно старый слуга-негр в темной ливрее пополнял их, и тогда дурманящий запах ароматических смол становился гуще; в глубокой стенной нише тикали странные часы в форме гроба, циферблат которых был размечен непонятными иероглифами, а движение четырех стрелок не соответствовало никакой системе исчисления времени из используемых на этой планете. Эта комната была необычной и вызывала беспокойство, но вполне подходила для того дела, ради которого здесь собрались. Сюда, в этот дом в Новом Орлеане, некогда принадлежавший человеку, посвященному в тайные знания, величайшему на американском континенте математику и востоковеду, съехались друзья и

родственники другого великого посвященного — писателя и визионера, лишь немногим уступавшего своему предшественнику, бесследно исчезнувшего четыре года назад, — чтобы решить, кому достанется его имение.

Рэндольф Картер, всю жизнь мечтавший о бегстве из скуки и ограниченности повседневности в манящие просторы видений и сказочные пространства иных измерений, исчез для всех людей седьмого октября 1928 года, в возрасте пятидесяти четырех лет. Вел он довольно странный и уединенный образ жизни, и некоторые полагали, что в основе удивительных историй, описанных в его романах, лежат реальные случаи из жизни автора, не вошедшие в официальную биографию. Также он был близким другом Харли Уоррена, тайноведа из Южной Каролины, увлекавшегося изучением книг на языке нааков — предначальном языке гималайских жрецов. Настолько близким, что именно он стал свидетелем того, как Уоррен одной промозглой ужасной ночью на древнем кладбище спустился в сырой смрадный склеп, чтобы никогда из него не подняться. Многие годы Картер прожил в Бостоне, но предки его были родом из дремучих лесистых холмов за Аркхемом, старинным городком, словно зачаро-

ванным нечистой силой. Именно там, среди этих древних, могильно угрюмых холмов он пропал.

Его старый слуга Паркс, умерший в начале 1930 года, рассказывал о найденной Картером на чердаке своего дома шкатулке, украшенной устрашающим орнаментом, источающей какой-то странный аромат, в которой лежали пергамент с непонятными письменами и серебряный ключ, покрытый загадочными символами. Сам Картер тоже упоминал о них в переписке. По словам Паркса, его хозяин полагал, что ключ достался ему по наследству и с его помощью он сможет открыть врата в страну своих детских грез и узреть таинственные миры, в которых бывал лишь в видениях. Так что однажды Картер взял шкатулку с ее содержимым, сел за руль своего автомобиля, и больше его никто не видел.

Спустя некоторое время автомобиль обнаружили на обочине старой, поросшей травой дороги в холмах за Аркхемом, неподалеку от родовой усадьбы Картеров — точнее, останков величественных построек, обвалившихся до самого погреба. Неподалеку располагалась роща вязов, где в 1781 году исчез другой представитель рода Картеров, а чуть в стороне сохранилась ветхая, скособоченная хижина, служившая напомина-

нием о Гуди Фаулер, ведьме, в еще более ранние времена варившей здесь свое адское зелье. Этот край стал пользоваться дурной славой с тех пор как в нем поселились беженцы из Салема, обвиненные в 1692 году в общении с нечистой силой, так что не стоит удивляться, что и поныне он кажется зловещим. Среди спасшихся от пенькового галстука был и Эдмунд Картер, о колдовстве которого ходило много историй. А теперь канул в неведомое его одинокий потомок, не иначе как чтобы присоединиться к нему!

В машине была найдена шкатулка из странного пахучего дерева, содержащая пергамент с письменами, которые никто не сумел прочесть. Серебряный ключ пропал — видимо, Картер забрал его с собой. Проще считать так, чем полагать, будто никакого ключа не было. Следователи из Бостона заметили, что отдельно лежащие бревна из разрушенной старой усадьбы недавно кто-то передвигал, а также был найден носовой платок на склоне поросшей лесом мрачной скалы, возле темнеющего входа в ужасную пещеру, прозванную в здешних краях Змеиным логовом.

И конечно, легенды о Змеином логове вновь возродились к жизни. Фермеры шепотом рассказывали старые предания об Эдмунде Картере,

творившем нечестивые обряды в дальнем гроте этой пещеры, присоединяя к ним недавнюю историю о втором исчезнувшем Картере, которого с самого раннего детства тянуло в Змеиное логово. Во времена его юности большой дом с двускатной крышей был в отличном состоянии, и заправлял в нем его двоюродный дед Кристофер. Маленький Рэндольф часто гостил здесь и рассказывал об этой пещере всякое загадочное. Особенно запомнился людям его рассказ об узкой расщелине, ведущей в таинственный внутренний грот, а когда в девять лет он провел в пещере целый день, то сам сильно переменился. Случилось то событие тоже в октябре, с того момента у мальчика открылись незаурядные способности — он стал предсказывать будущее.

В ночь после исчезновения Картера шел сильный дождь, смывший все следы на дороге рядом с машиной. В Змеиное логово тоже попала вода, и пол покрывала жидкая грязь. Глуповатые деревенские жители уверяли, будто видели следы под вязами на обочине дороги и на склоне холма, у Змеиного логова, там, где нашли носовой платок. Но кому из следователей пришло бы в голову прислушиваться к описаниям глубоких вмятин, напоминавших следы от башмаков с квадратны-

ми носами, таких, какие носил маленький Рэнди Картер? Также за бредни были приняты описания других отпечатков, напоминающих следы от особых сапог без каблуков старого Бениджи Кори, замеченных рядом с этими вмятинами. Старый Бениджа служил у Картеров во времена детства Рэндольфа и умер тридцать лет назад.

Однако эти описания, распространяемые слухами, да еще слова Картера, переданные Парксом, о серебряном ключе с причудливой арабеской, который поможет ему открыть врата в мир утраченного детства, сподвигли нескольких из посвященных в тайные знания заявить, что пропавший сумел преодолеть течение времени и вернулся на сорок пять лет назад, в октябрьский день 1883 года, когда он, будучи мальчишкой, пробыл целый день в Змеином логове. Когда он вечером вернулся в усадьбу, уверяли они, он уже совершил первое путешествие в будущее и побывал в 1928 году; иначе откуда бы ему знать о событиях, происходивших позднее, в отношении которых его предвидения полностью оправдались. И при всем при том он ни разу не упоминал о событиях, которые произойдут после 1928 года.

Один из этих посвященных — пожилой и весьма эксцентричный джентльмен, живший в

Провиденсе, штат Род-Айленд, и долгие годы переписывавшийся с Картером, — выдвинул более изощренную теорию: что Картер не только вернулся в детство, но и освободился от пут времени, отправившись в путешествие по призрачным просторам своих детских грез. У этого джентльмена было видение, после чего он опубликовал свою версию произошедшего, согласно которой исчезнувший восседает ныне на опаловом королевском троне в Илек-Ваде, сказочном городе, где башни стоят на стеклянных утесах, нависающих над сумрачным морем, под которыми бородатые ласторукие гнорри прорыли свои удивительные лабиринты.

Именно этот старик-посвященный, Уорд Филлипс, наиболее решительно возражал против раздела имения Картера между его наследниками — дальними родственниками — на том основании, что он жив, и хотя находится в другом измерении, но еще может вернуться. Главным его оппонентом был один из кузенов Картера, Эрнст К. Эспинуолл из Чикаго, имеющий некоторые познания в юриспруденции. Он был на десять лет старше самого Картера, но сохранил юношескую горячность в спорах. Четыре года продолжались их словесные баталии, но наконец настало время

для принятия окончательного решения, и эта просторная странная комната новоорлеанского дома превратилась в зал заседаний.

В этом доме проживал и присматривал за наследием Картера, а также приводил в порядок его литературное наследство креол Этьен-Лоран де Мариньи, изучающий тайные знания и восточные древности. Картер познакомился с ним во время войны, оба они служили во французском Иностранном легионе и подружились благодаря сходству взглядов и интересов. Когда по случаю удачной военной операции им обоим предоставили отпуск, креол пригласил бостонского мечтателя на юг Франции, в Байонну, и посвятил его в ужасающие тайны старинных и забытых склепов, вырытых под этим городом с тысячелетней историей, от чего их дружба стала еще крепче. Картер указал де Мариньи в качестве душеприказчика, и сейчас этому неутомимому исследователю приходилось заниматься вопросом о наследовании имения. Делал он это крайне неохотно, ибо, подобно старику-посвященному из Род-Айленда, не верил, что Картер мертв. Но что могут противопоставить видения мистиков суровой расчетливости практиков?

Вокруг стола в этой странной комнате дома,

расположенного в старом французском квартале, собрались люди, непосредственно заинтересованные в исходе дела. Как полагается в таких случаях, в газетах тех городов, где предположительно проживали родственники Картера, заблаговременно были даны объявления, приглашающие явиться в определенный день и час в этот дом, однако всего лишь четверо прибыли сюда и слушали сейчас безумное тиканье напоминающих гроб часов, отсчитывающих время не этого мира, и журчание воды в фонтане во внутреннем дворике, куда выходило окно с неплотно задернутыми шторами. Проходили часы, и лица четверых становились все менее различимы из-за дыма от треножников, уже не требовавших дополнительного внимания от безмолвно сновавшего между ними и явно нервничавшего старого негра.

Одним из присутствующих был сам Этьен-Лоран де Мариньи — стройный, смуглый, привлекательный, с густыми усами и еще вполне молодой. Интересы наследников представлял Эспинуолл — седой, тучный, с апоплексически красным лицом и короткими бакенбардами. Филлипс, посвященный из Провиденса, был худым, серокожим, длинноносым, гладко выбритым и

слегка сутулым. Возраст четвертого человека не поддавался точному определению — худой бородач со смуглым лицом, черты которого казались странно неподвижными, в тюрбане, свидетельствующем о принадлежности к высшей касте — браминам, а его сверкающие угольно-черные глаза смотрели словно из какой-то невероятной глубины. Про себя он сообщил, что его зовут свами Чандрапутра, он посвященный в сокровенные знания из Бенареса и у него есть важные относящиеся к делу сведения; де Мариньи и Филлипс уже несколько лет состояли с ним в переписке и согласились с его странной претензией на участие в этом заседании. Когда он говорил, то словно бы подчеркивал каждое слово, и голос звучал как-то глухо и механически, но в то же время фразы он выстраивал гладко и правильно, скорее так, как говорят коренные англосаксы. Одет он был в европейский костюм, сидевший на нем крайне плохо и как-то неестественно, а косматая черная борода, восточный тюрбан и большие белые рукавицы придавали его облику заморский, диковинный колорит.

Де Мариньи, уперев палец в пергамент, найденный в машине Картера, говорил собравшимся:

— Мне не удалось ничего разобрать на этом

пергаменте. И присутствующему здесь мистеру Филлипсу тоже. Полковник Черчуорд утверждает, что это не язык нааков и совершенно не похоже на письмена острова Пасхи. Хотя резьба на шкатулке очень напоминает фигуры с острова Пасхи. Сам я прежде всего обратил внимание, что надписи выглядят так, будто буквы нанизаны на невидимую горизонтальную ось и висят на ней — подобное я уже видел в одной книге, принадлежавшей несчастному Харли Уоррену. Ее прислали из Индии как раз в то время, в 1919 году, когда мы с Картером гостили у него, и он никак ее не прокомментировал, сказал лишь, что лучше нам о ней не знать, и намекнул, что книга написана в каком-то ином месте, вовсе не на Земле. Эту книгу он взял с собой в декабре, отправившись на старое кладбище, где спустился с ней в склеп, и больше ни его, ни книгу никто не видел. Некоторое время назад я отправил нашему другу, присутствующему здесь свами Чандрапутре, воспроизведенные по памяти некоторые буквы из книги и фотокопию пергамента Картера. Он полагает, что есть надежда после дополнительных консультаций и изысканий пролить свет на их значение.

Но что касается ключа… Картер присылал

мне его фотографию. Эти загадочные арабески — не письмена, но, похоже, относятся к той же культурной традиции, что и пергамент. Картер всякий раз говорил, что почти разгадал тайну, но никогда не делился подробностями. Хотя однажды по сему поводу на него нашло поэтическое вдохновение. Этот старинный серебряный ключ, сказал он, откроет нужные двери, преграждающие доступ в коридоры пространства и времени, тянущиеся до самой Границы, которую не переступал ни один человек с тех пор, как страшный гений Шаддад воздвиг и спрятал в аравийской Петре величественные купола и бесчисленные минареты тысячеколонного Ирема. Как писал Картер в одном из своих рассказов, полуголодные дервиши и обезумевшие от жажды кочевники возвратились, желая рассказать о монументальном портале с гигантской рукой, высеченной над замковым камнем, но ни один человек не смог пройти через него и оставить в качестве свидетельства следы своих ног на темно-красном от зноя песке по ту сторону. Ключ, по мнению Картера, был именно тем, чего пока напрасно ждала эта гигантская рука.

Нам неизвестно, почему Картер не забрал пергамент вместе с ключом. Возможно, он забыл о

нем, но может быть, не захотел брать его с собой, помня об участи другого человека, спустившегося в склеп вместе с книгой и не вернувшегося оттуда. Или, возможно, он просто не нуждался в нем.

Де Мариньи сделал паузу, и заговорил мистер Филлипс — резким, пронзительным голосом:

— О странствиях Рэндольфа Картера мы можем знать только из наших собственных видений. Странствуя во снах, я посетил много удивительных мест и услышал немало странного и весьма значительного в Ултаре, что за рекой Скай. Пергамент был ему без надобности, ведь Картер вернулся в мир своих мальчишеских грез, и теперь он король в Илек-Ваде.

Мистер Эспинуолл, выглядевший так, будто его вот-вот хватит апоплексический удар, сердито пробурчал:

— Не заткнете ли рот старому дураку? Достаточно уже подобного бреда. Мы собрались, чтобы разделить наследство, и пора бы уже заняться делом.

Тут впервые заговорил своим глухим неестественным голосом свами Чандрапутра:

— Господа, все гораздо сложнее, чем вы думаете. Мистер Эспинуолл поступает нехорошо, пытаясь высмеивать наши видения. Мистер

Филлипс же получил отнюдь не полную картину — возможно, из-за того, что уделял видениям недостаточно времени. Сам я посвятил им очень много времени. Мы в Индии относимся к видениям очень серьезно, как, похоже, поступали и все Картеры. К вам, мистер Эспинуолл, это не относится, поскольку вы приходитесь Рэндольфу двоюродным братом по материнской линии. Мои видения и другие источники информации открыли мне многое из того, что для вас оставалось покрытым мраком. К примеру: Рэндольф Картер забыл пергамент, который не сумел расшифровать, — однако лучше бы он не допускал такой оплошности. Видите ли, я смог немало узнать о том, что происходило с ним с того момента, как он вечером седьмого октября, то есть четыре года назад, покинул свою машину с серебряным ключом в руке.

Эспинуолл недоверчиво хмыкнул, но остальные с интересом посмотрели на индуса. Дым из треножников сгустился, а безумное тиканье часов стало казаться последовательностью точек и тире телеграфной передачи каких-то чужаков из иного мира. Индус откинулся на спинку стула, полуприкрыл глаза и продолжил свою странно звучащую, но формально очень правильную

речь, а перед слушателями возникали в дыму картины того, что происходило когда-то с Рэндольфом Картером.

II

Холмистая местность за Аркхемом пропитана всяческой магией — возможно, той самой, которую старый маг Эдмунд Картер призвал со звезд и выманил из подземных миров после бегства сюда из Салема в 1692 году. Едва лишь Рэндольф Картер вернулся снова в родные края, он осознал, что оказался возле одних из тех врат, через которые лишь немногие отчаянные смельчаки, отверженные и отрешившиеся, способны пробиться через прочнейшие стены, отделяющие наш мир от непознаваемой запредельности. Он почувствовал, что именно здесь, в этом месте и в этот самый день, может с успехом применить расшифровку надписей, с которой справился несколькими месяцами раньше, — он разгадал смысл арабесок на потускневшем и невероятно древнем серебряном ключе. Теперь он знал, как его поворачивать и как располагать в солнечном свете, какие сочетания звуков следует произнести нараспев при девятом, последнем повороте. В месте, столь близком к полюсу мрака и на-

столько пропитанном ощущением врат, будет трудно ошибиться в использовании их основных функций. Сегодня ночью он несомненно попадет наконец в мир своего детства, о потере которого не переставал скорбеть.

Он вышел из машины с ключом в кармане и забирался все выше и выше в холмистую местность по извилистой дороге, забираясь все глубже и глубже в эту дикую местность; он миновал увитую лозой каменную стену, чернолесье, согнутые и искривившиеся деревья в старом саду, заброшенный дом с пустыми оконными глазницами и какие-то неопознаваемые руины. В час заката, когда далекие шпили Кингспорта окрасились в алый цвет, он достал из кармана ключ и начал поворачивать его и произносить заклинание. Лишь позднее он осознал, насколько быстро сработал ритуал.

В сгущающихся сумерках до него донесся голос из прошлого — голос старика Бениджи Кори, наемного слуги его двоюродного деда. Но разве старик Бениджа не умер тридцать лет назад? Назад по отношению к чему-то. Но что такое время? И где он сейчас? Почему ему показалось странным, что старик Бениджа окликает его 7 октября 1883 года? Разве он не нарушил обещание, данное

тете Марте? И что за странный ключ лежит в кармане его куртки вместе с маленькой подзорной трубой, подаренной отцом на девятый день рождения — два месяца назад… или когда это было? Кажется, он нашел его дома, на чердаке? Можно ли с его помощью открыть загражденный каменной плитой таинственный проход в глубине грота, в который можно попасть через Змеиное логово? Это место в представлении местных жителей было связано с колдуном Эдмундом Картером. Люди никогда не спускались в пещеру, и никто кроме него не знал об узкой расщелине, ведущей в просторный черный грот с каменной плитой. Кем высечены контуры прохода в гранитной скале? Самим старым колдуном Эдмундом Картером?.. Или другими, кого он заворожил и кем повелевал?

Этим вечером маленький Рэнди ужинал вместе с дядей Крисом и тетей Мартой в старом деревенском доме с двускатной крышей.

На следующее утро он проснулся спозаранку и побежал через яблоневый сад, где деревья росли так часто, что густо сплетались ветвями, к роще на склоне холма, в которой среди огромных дубов темнел запретный вход в Змеиное логово. Он думал лишь о том, чтобы скорее спуститься

в пещеру, и не заметил, что выронил носовой платок, когда совал руку в карман куртки, — убедиться, что взявшийся неизвестно откуда серебряный ключ на месте. Потом долго пробирался по узкой темной расщелине, нисколько не сомневаясь, что достигнет цели, и зажигая время от времени спички, украденные из гостиной. И вот он добрался до конца расщелины и очутился в просторном гроте, о котором никто не знал и на одной из стен которого была высечена ровная плита с арочным закруглением наверху. Он в молчании, с благоговейным страхом стоял возле этой плиты и запаливал спички одну за другой, присматриваясь. Эта каменная глыба над замковым камнем воображаемого прохода похожа на высеченную руку? Наконец Картер достал серебряный ключ и начал поворачивать его и нараспев произносить непонятные слова, мучительно пытаясь вспомнить, откуда те ему известны. Не забыл ли он еще чего-то? Он знал только одно — ему необходимо преодолеть барьер, отделяющий его от бескрайних просторов своих грез и тех водоворотов пространств, где все мыслимые измерения растворяются в абсолюте.

III

То, что происходило с ним после этого, вряд ли возможно описать словами. Такому изобилию парадоксов, противоречий и аномалий нет места в нашей повседневной жизни, хотя они переполняют фантастические сновидения и воспринимаются как само собой разумеющееся вплоть до того самого момента, когда мы возвращаемся в наш скованный тесными рамками объективный мир, ограниченный причинно-следственными связями и логикой трехмерного пространства. Индус продолжал свой рассказ, но излагаемое им вполне могло показаться вольным полетом фантазии — оно было даже более экстравагантным, чем описанное возвращение взрослого мужчины в собственное детство. Мистер Эспинуолл с отвращением хмыкнул и всем своим видом стал показывать, что не слушает его.

— Ритуальные действия с серебряным ключом, проделанные Рэндольфом Картером в темном потаенном гроте пещеры, не оказались безрезультатными. Едва он повернул его в первый раз и произнес первые слова заклинания, как его окружила странная, пронизанная тревогой аура; он ощутил, что все привычные координаты вре-

мени и пространства смешались, так что понятия «движение» и «продолжительность» утратили былое значение, а понятия «возраст» и «месторасположение» вообще перестали существовать. Днем раньше Рэндольф Картер чудесным образом перескочил через бездну лет. Теперь же все различия между мальчиком и немолодым мужчиной исчезли. Был один-единственный Рэндольф Картер и множество его подобий, потерявших связь с земными событиями и обстоятельствами, при которых они произошли. Лишь мгновение назад он находился в гроте, где в темноте с трудом угадывалась чудовищная арка и гигантская, высеченная из камня рука. Теперь же пещеры не было, как не было и ее отсутствия, и не было ни стены, ни отсутствия стены. Был лишь поток впечатлений, но не зримых, а воспринимаемых рассудком, посреди которого пребывало нечто, полагающее себя Рэндольфом Картером, пытающееся вникнуть в их суть или просто фиксирующее образы, сохраняя цельность собственного «я», но не понимая до конца, откуда эти образы приходят.

Когда ритуал завершился, Картер понял, что место, в которое он попал, не обозначено ни на одной карте мира, а время не датируется никакой историей; однако суть пережитого им превраще-

ния не была ему совершенно неведома. Намеки на это попадались в загадочных фрагментах манускриптов из библиотеки Пнакотуса, и целая глава из запрещенного «Некрономикона» безумного араба Абдула Альхазреда стала понятна ему, когда он разгадал смысл загадочных арабесок на серебряном ключе. Врата отворились — но, конечно, это были не Предельные Врата, а лишь одни из ведущих с Земли и от земного времени в дополнение Земли, лежащее вне времени, откуда можно попасть к Последней Пустоте за пределами всех обитаемых планет, вселенных и вообще материи.

Здесь у него должен быть Проводник — и довольно страшный по сути; Проводник, обитавший на Земле миллионы лет назад, задолго до появления первых людей, когда по влажной, окутанной паром горячей поверхности бродили смутные, уже забытые тени, воздвигнувшие удивительные города, по руинам которых впоследствии ползали первые млекопитающие. Картер помнил, что в ужасном «Некрономиконе» имелись смутные предостережения насчет этого Проводника. «Те, кто отважился заглянуть за Завесу, — писал безумный араб, — и выбрать Его в провожатые, пусть крайне осторожно ведут

дела с Ним; ибо сказано в Книге Тота о страшной цене, которую придется заплатить за один лишь Его взгляд. Последовавшие за Ним не имеют шансов на возвращение, ибо бескрайность за пределами нашего мира населена призраками тьмы, порабощающими дух. Связаться с Ним — само по себе величайшая опасность, даже Знак Древних не может служить защитой при этом; та орда злобных тварей, что стерегут тайные врата у всех погребальниц и питаются тем, что исходит оттуда, — вся она ничто в сравнении с Ним, охраняющим Путь: Он способен провести безрассудного за пределы всех миров, в Бездну, где господствуют безымянные силы. Ибо он Умр ат-Тавил, Древнейший, а имя его расшифровывают также как Продлитель Жизни».

Память и воображение формировали смутные образы с зыбкими контурами посреди бурлящего хаоса, но Картер знал, что это всего лишь производные его памяти и воображения. В то же время он чувствовал, что появление этих образов определялось не случайностью — их вызывала иная реальность, беспредельная, невыразимая и безмерная, окружающая его и проявляющая себя посредством тех символов, которые был способен усвоить его разум. Ибо земному сознанию

недоступно охватить все многообразие форм, существующих вне времени и известных нам измерений.

Перед взором Картера как в тумане проплывали картины, имеющие какое-то отношение к далекому прошлому Земли, многие миллионы лет назад. Чудовищные твари передвигались на фоне фантастических строений, какие нормальный человек не увидит даже во сне; в окружающем ландшафте все — и растительность, и скалы, и горы, и здания — выглядело непривычно для человека. Он видел подводные города и их странных обитателей; башни среди бескрайних пустынь, возле которых исчезали и появлялись, словно выныривая из глубины пространства, шары, цилиндры и неведомые крылатые существа. Картер старался поточнее запомнить все увиденное, хотя эти зримые им образы не имели отношения ни к нему, ни друг к другу. Да и сам он теперь не имел какого-либо постоянного облика и местоположения, только ошеломленный видениями разум подсказывал ему, какими его облик и местоположение могут быть.

Прежде он мечтал отыскать чудесную страну своих детских грез, где галеры взбирались по реке Укранос мимо золотых шпилей Франа, а ка-

раваны слонов пробирались через пропитанные ароматами джунгли Кледа, где луна высвечивала погруженные в вечную дрему заброшенные светлые дворцы. Но теперь, опьяненный красочными видениями, Картер не сознавал, к какой цели должен стремиться. Его обуревали дерзкие, кощунственные мысли, и он знал, что сможет без страха обратиться к жуткому Проводнику, потребовав от него чудовищного и ужасного.

Наконец мельтешение зыбких образов сменилось чем-то более стабильным. Он увидел громадные каменные пьедесталы, украшенные чуждыми и невразумительными резными узорами и расставленные непонятным образом, вопреки законам геометрии. С неба, для описания цвета которого у него не нашлось бы слов, струились потоки света под невообразимыми углами, скользя по изогнутой шеренге пьедесталов, покрытых резными иероглифами; ему показалось, что по форме пьедесталы близки к шестиугольникам и на них восседают фигуры в плотных одеяниях.

Еще одна фигура находилась не на пьедестале, а парила над смутно различимой поверхностью возле его подножия. В непрерывно изменяющихся очертаниях угадывалось отдаленное сходство

с формами, то ли предшествовавшими человеческим, то ли просто подобными им, но при этом фигура была чуть ли не вдвое выше ростом обычного человека. Как и фигуры на пьедесталах, парившая была укутана в одеяние нейтральных тонов; но Картер не заметил никаких прорезей для глаз. Хотя, возможно, им просто не требовалось смотреть, а окружающее они воспринимали каким-то иным способом, основанным не на физических чувствах.

В следующий момент Картер убедился в правильности такой догадки, ибо парящее очертание обратилось к его разуму, без звуков и вообще каких-либо слов. И хотя одно только имя представившегося могло внушать страх и ужас, Рэндольф Картер не испугался.

Вместо этого от ответил аналогичным, без слов, способом и держался в высшей степени почтительно, как предписано в мерзейшем «Некрономиконе». Ибо пред ним был тот, кого весь мир страшился еще с тех пор, когда Ломар поднялся из пучины морской, а Дети Огненного Тумана явились на Землю, чтобы научить людей Древнейшему Знанию. Это и в самом деле был жуткий Проводник и Страж Ворот Умр ат-Тавил, именуемый также Продлителем Жизни.

Проводник знал (как знал и обо всем на свете), зачем явился Картер, а также о том, что этот искатель грез и тайн не боится его. От Проводника не исходили ни злоба, ни коварство, и на мгновение Картер подумал, что безумный араб извергал на него хулу из зависти или из желания самому совершить то, что сейчас предстояло сделать ему. А может быть, Проводник приберегал злобу и коварство для тех, кого пугала встреча с ним. Тем временем их общение продолжалось, и Картер пытался облекать в словесную форму направленный на него поток мыслей.

— Я действительно Древнейший из всех, о ком тебе ведомо, — сказал Проводник. — Мы уже давно ждем тебя — другие Древние и я. Мы рады тебя видеть, хотя ты слишком задержался. У тебя есть ключ, и ты отворил Первые Врата. Теперь тебе предстоит испытание у Предельных Врат. Если в тебе есть страх, то лучше не пытайся. Ты все еще способен вернуться в мир, из которого явился. Но если ты намерен идти до конца…

Пауза могла показаться зловещей, хотя Проводник по-прежнему не излучал никакой злобы. Картер ни минуты не колебался, сгорая от нетерпения двигаться дальше.

— Я пойду вперед, — мысленно ответил он, — и

признаю за тобой право быть моим Проводником.

После этого его заявления Проводник, похоже, сделал какой-то знак — его покров всколыхнулся, возможно, он поднял руку или сделал что-то подобное. Затем он сделал еще какой-то знак, и обладающий многими знаниями Картер понял, что уже почти приблизился к Предельным Вратам. Струящийся свет принял другой оттенок, также совершенно неописуемый, и очертания на псевдошестиугольных пьедесталах стали более четкими. Теперь они как будто встали более прямо и напоминали людей, хотя Картер знал, что это точно не люди. На их покрытых капюшонами головах засверкали тиары невиданных расцветок, отчего они напомнили ему фигуры, высеченные неизвестным скульптором в высоких запретных горах Тартарии; из складок их одежд выглядывали длинные скипетры с резными навершиями, в которых угадывалась причудливая и древняя тайна.

Картер понял, кто они такие, откуда пришли и Кому служат, а также какова должна быть плата за подобную службу. Однако он по-прежнему был полон решимости идти до конца и пережить все. Он не страшился штампа «проклятие», которым

слепцы клеймили всех, кто способен видеть хотя бы одним глазом. Ему казалось забавным непомерное самомнение болтающих о зловещих и коварных властителях-Древних, якобы готовых прервать свой вековечный сон ради того, чтобы обрушить свой гнев на человечество. Это примерно как мамонту обратить свои силы на месть червяку. Все сидевшие на шестиугольных пьедесталах взмахнули резными скипетрами, приветствуя его, и излучили ему мысленное послание:

— Мы приветствуем тебя, Древнейший, и тебя, Рэндольф Картер, претендующий на то, чтобы стать одним из нас.

Картер заметил, что один из пьедесталов пуст, и по жесту Древнейшего осознал, что тот оставлен специально для него. Он заметил также другой пьедестал, возвышавшийся над остальными, — все вместе они образовывали странно изогнутую линию, не полукруг и не овал, не гипербола и не парабола, — и догадался, что это трон самого Проводника. Не отдавая отчета в своих действиях, он направился к свободному пьедесталу и взобрался на него, а когда оглянулся, то увидел, что Проводник поступил таким же образом.

Постепенно и как бы сквозь туман он осознал,

что Древнейший держит что-то под своим покровом — нечто, что, похоже, собирается достать и показать, отвечая на безмолвный вопрос своих укутанных в плотные балахоны компаньонов. Это оказалась большая сфера — или то, что воспринималось Картером как сфера, — из тускло светящегося металла, и когда Проводник приподнял ее, возникло ощущение звука, который то становился громче, то стихал — с периодичностью, не похожей ни на какой ритм нашей Земли. Затем ему почудилось нечто, что его человеческое восприятие приняло за пение. Под воздействием этого квазисфера стала светиться более интенсивно, излучая холодный пульсирующий свет невиданных оттенков, мерцающий в унисон с подобием пения. Когда между ними установилась гармония, скипетроносцы на пьедесталах начали плавно раскачиваться в такт завораживающей музыке, а над их прикрытыми головами засверкали нимбы тех же небывалых оттенков.

Индус сделал перерыв в своем рассказе и внимательно уставился на высокие, похожие на гроб часы, безумное тиканье которых не соответствовало никаким земным ритмам.

— Мне незачем объяснять вам, господин де

Мариньи, — обратился он к ученому устроителю встречи, — каков был ритм неземного напева и почему под его воздействием стали раскачиваться все фигуры на шестиугольных пьедесталах. Вы единственный здесь, в Америке, имеете понятие о Внешнем Дополнении. Эти часы… полагаю, их прислал вам тот йог, о котором рассказывал несчастный Харли Уоррен, — провидец, который уверяет, что первым из всех людей посетил Йан-Хо, тайное хранилище наследия невероятно древнего Ленга, и смог вынести из этого жуткого и запретного города несколько диковин. Любопытно, много ли вам известно об их странных свойствах? Если верить моим видениям и некоторым письменным источникам, их создатели довольно много знали о Первых Вратах. Но позвольте мне продолжить свое повествование.

Наконец пульсации и беззвучное пение прекратились, и фигуры в плотных одеяниях перестали раскачиваться, сияние нимбов над их головами померкло, и сами они стояли на пьедесталах уже не так прямо. Квазисфера, однако, по-прежнему излучала удивительный пульсирующий свет. Картер почувствовал, что Древние вновь погрузились в сон, как до его появления, и задумался над тем, от каких космических видений отвлек

их своим приходом. Постепенно в его сознание проникло, что странный неторопливый распев был частью ритуального обряда, посредством которого Древнейший погрузил их в особую необычную разновидность сна, так что их сновидения откроют Предельные Врата, пропуском для которых послужит серебряный ключ. Так что теперь Картер знал, что они созерцают бездны беспредельного внешнего пространства, готовясь завершить то, что потребовалось ввиду его присутствия.

Проводник же не присоединился к ним в этом сне и, похоже, усилием мысли управлял этим процессом. Очевидно, он пытался управлять теми образами, которые видят спящие. Картер понял, что каждый из Древних должен сформировать во сне какую-то определенную мысль, композиция которых вызовет проявление, доступное даже его земному восприятию. Когда видения спящих достигнут полного согласования, он сам все увидит и тогда сможет усилием воли материализовать все, что ни вообразит. Нечто подобное ему доводилось наблюдать на Земле, в Индии, когда проекция совместной воли посвященных преобразовывала воображаемое в осязаемую реальность, а в древности этим славился Атлаанат,

о котором до сих пор боятся упоминать вслух.

О том, что представляют собой Предельные Врата и как через них проходить, Картер имел довольно смутное представление, но был охвачен напряженным ожиданием. Он сознавал, что сохранил прежнюю телесную оболочку и сжимает в руке роковой серебряный ключ. Путь ему преграждала каменная глыба, гладкая как стена, и он не мог оторвать взгляд от ее центра. А затем вдруг ощутил, что Древнейший больше не общается с ним потоком мыслей.

Картер впервые по-настоящему осознал, какой устрашающей может быть полная тишина, воцарившаяся как на физическом, так и на ментальном плане. Прежде в этом своем странствии он постоянно ощущал некий ритм, возможно, просто пульсацию дополнительных измерений нашего мира, но теперь вокруг установилась абсолютная тишина бездны. Хотя он ощущал свое тело, но не слышал собственного дыхания, а квазисфера Умр ат-Тавила светилась ровно, без пульсаций. Более яркий, чем у прочих, нимб над прикрытой головой Проводника сиял холодным, будто бы замороженным светом.

У Картера закружилась голова, и ощущение потери ориентации выросло тысячекратно.

Странное свечение нимбов лишь подчеркивало кромешность тьмы, окружающей спящих Древних, а вблизи их псевдошестиугольных пьедесталов воздух был пронизан ощущением ошеломительной удаленности. Затем он почувствовал, как какая-то сила подхватила его и бросила в теплые пахучие волны над бездонной пучиной. Он словно бы плыл по знойному, пахнущему розами морю, волны которого разбивались о берега из пылающей бронзы. Великий ужас пронзил Картера, когда он окинул взглядом морскую ширь, отделяющую его от далекого берега. Но в следующий момент тишина была сломлена, и волны заговорили с ним на языке, не использующем никаких слов, да и вообще звуков.

— Служитель Истины стоит по ту сторону добра и зла, — возвестил голос, не обладающий звучанием. — Служитель Истины постигает Все-в-Одном. Служитель Истины знает, что Иллюзия — это Единственная Реальность, а Плоть — это Великий Обманщик.

На поверхности гладкой каменной стены, от центра которой он был не в силах оторвать взгляд, проступили очертания огромной арки, сходной с той, которую он давным-давно видел в темном гроте на далекой Земле с ее тремя измерениями.

Он осознал вдруг, что производит манипуляции с серебряным ключом и произносит нараспев заклинание, инстинктивно совершая ритуал вроде того, с помощью которого открыл Внутренние Врата. Ему стало ясно, что розово-пьянящее море, волны которого обдавали теплом его щеки, на самом деле было массивом каменного монолита, сквозь который он проникал под воздействием произносимого им заклинания, усиленного потоками мыслей спящих Древних. По-прежнему полный решимости и не ведающий сомнений, Картер отважно устремился вперед — и через Предельные Врата.

IV

Проникновение Рэндольфа Картера через циклопическую каменную глыбу напоминало головокружительное падение в межзвездные бездны. Как бы с безмерной удаленности он ощущал собственное ликование и божественно-сладостную атмосферу смертельной опасности, но в следующий миг ему почудились трепет гигантских крыльев и звуки движения каких-то тварей, неведомых ни на Земле, ни в Солнечной системе. Оглянувшись, он увидел не одни врата, а целое множество, и в некоторых из них он

заметил очертания существ, о которых хотел бы забыть навсегда.

Еще через мгновение он вдруг испытал величайший ужас, какой не смогли бы внушить никакие очертания неведомых тварей, — ужас, сбежать от которого было непросто, ибо это было связано с его собственной телесной сущностью. Еще при прохождении Первых Врат облик Картера лишился неизменности, очертания его тела и взаимоотношения с окружавшими туманными формами стали отчасти неопределенными, но он по-прежнему ощущал свою целостность. Он все еще был Рэндольфом Картером, находящимся в каком-то конкретном месте многомерного пространства. Теперь, оказавшись за Предельными Вратами, он на мгновение испытал гнетущий страх, ибо перестал быть одним существом и воплотился во множество.

Он пребывал во многих местах одновременно. На земле 7 октября 1883 года мальчик по имени Рэндольф Картер покинул Змеиное логово, спустился в сумерках с холма и через сад с искривленными деревьями направился к дому дяди Кристофера в холмистой местности за Аркхемом; но в то же самое время и Рэндольф Картер 1928 года, как расплывчатое очертание, пребывал на

пьедестале среди Древних в дополнительных измерениях Земли. Был и третий Рэндольф Картер — в неведомой и бесформенной космической бездне за Предельными Вратами. А кроме того, повсюду, в хаотическом и беспредельном многообразии сцен, клубящихся в его сознании, от разнородности которых он едва не сходил с ума, присутствовало бесконечное множество существ, которые были проявлениями Рэндольфа Картера в неменьшей степени, чем данное, пребывающее за Предельными Вратами.

Эти Картеры распределились по всем известным и неизвестным периодам истории Земли, включая наиболее удаленные, выходящие за рамки знаний и представлений ученых; были среди них Картеры в людском обличье и Картеры не-люди, животные и растения, позвоночные и беспозвоночные, обладающие сознанием и лишенные его. Были также и Картеры, не имевшие никакого отношения к земной жизни, разбросанные по многим мирам, звездным системам, галактикам и безбрежности космоса; споры вечной жизни, дрейфующие от мира к миру, от вселенной к вселенной — все они тоже были Картерами. Некоторые из видений напоминали ему сны — как блеклые, так и красочно яркие, как

промелькнувшие лишь раз, так и присутствующие почти постоянно в его видениях; некоторые обладали навязчивой, беспокоящей или даже вызывающей страх узнаваемостью, совершенно необъяснимой земной логикой.

По мере того как Рэндольф Картер осознавал это, его беспокойство перерастало в наивысший ужас — такой ужас, какого он не испытывал с той незабываемой ночи, когда двое отправились на старое заброшенное кладбище, освещенное тусклым полумесяцем, а вернулся домой он один. Ни смерть, ни удары судьбы, ни душевные муки не способны вызвать такое отчаяние, как утрата собственного «я». Слияние с несуществованием дарует покой забвенья, но осознание, что ты существуешь, но больше не обладаешь индивидуальностью, не являешься чем-то отличным от других — вызывает не имеющее названия состояние наивысшего ужаса.

Он знал, что некогда в Бостоне жил некий Рэндольф Картер, однако не был уверен, сохранилось ли тождество между ним — фрагментом или представителем множественной сущности, оказавшейся за Предельными Вратами, — и тем Картером. Его «я» исчезло, но в то же время он — если только понятие «он» применимо к

множественному существованию, — сознавал, что вмещает в себя целое сонмище различных «я». Как будто его тело сделалось телом одного из тех божеств со множеством рук и голов, что украшают индийские храмы. Он в растерянности смотрел на своих бесчисленных двойников, пытаясь отличить копии от оригинала, и уже не мог утверждать, что оригинал действительно существовал (воистину чудовищная мысль!), а не был лишь одним из множества воплощений.

Метания его мыслей были прерваны тем, что некая сила забросила объятого ужасом Картера — тот его фрагмент, что пребывал за вратами, — на пик еще более высокого ужаса. Источник его находился как в нем самом, так и преимущественно вовне, а сила эта одновременно и противостояла ему, и поддерживала его, присутствовала во всех его воплощениях, словно была частью его самого, сосуществовала с ним во всех временах и пространствах. Не имея зримого образа, она тем не менее обладала объективным существованием, и всепоглощающая мощь ее вызывала трепет и сознание своего ничтожества у каждого из бесчисленных двойников Картера.

Вознесенный на волну нового страха, квази-Картер забыл о только что пережитом ужасе

от распада собственного «я». Он осознал силу Всего-в-Одном и Одного-во-Всем в безграничности бытия и существования, заключающего в себе не только время и пространство, но и все мироздание с безмерностью его характеристик, превосходящей любые фантазии и модели математиков и астрономов. Возможно, именно это в древности жрецы тайных культов называли Йог-Сототом и передавали это имя шепотом из уст в уста; ракообразные обитатели Юггота почитали как Запредельное Существо, а призрачный разум спиралевидных туманностей обозначал непереводимым знаком, — но множественный Картер понимал, сколь относительны и неточны все эти определения.

И вот Сущее обратилось к множественному Картеру, направляя ему мыслеволны, пышущие ярким пламенем и гремящие раскатами грома, — сгустки энергии, едва не разрушившие его своей неистовой силой, но при этом в них прослеживался тот же неземной ритм, в такт которому раскачивались Древние и мерцали их нимбы в том загадочном месте после Первых Врат. Словно бы множество солнц, миров и вселенных сосредоточились на одной точке, чтобы уничтожить ее в порыве гнева. Однако этот величайший

страх полностью затмил предыдущие его страхи, его обжигающие волны изолировали Картера Завратного от его двойников и отчасти вернули ему ощущение собственного «я». Довольно скоро он смог прислушаться к накатывающим на него волнам и транслировать их в понятные ему речевые формы, и тогда ужас и отчаяние понемногу начали опадать. Страх уступил место благоговению, а то, что недавно казалось кощунственным извращением, на поверку оказалось невыразимо величественным.

— Рэндольф Картер, — словно бы говорилось ему, — мои представители на твоей планете, Древние, прислали тебя сюда, хотя тебе предстояло вернуться в излюбленные уголки своих утраченных грез, ибо ты, обладая неведомой многим людям свободой, возвысился до более великих и благородных желаний и поисков. Ты жаждал плыть по златоструйной реке Украно, отыскивать заброшенные города в орхидейных дебрях Кледа и взойти на опаловый трон Илек-Вада с его бесчисленными куполами и сказочными башнями, грандиозно вздымающимися к единственной алой звезде на небосводе, чуждом твоей Земле и вообще твоему миру. Сейчас, преодолев двое Врат, ты наверняка мечтаешь о нечто еще

более грандиозном. Ты явно не сбежишь, как ребенок, если увиденное не совпадет с твоими любимыми снами, а найдешь в себе мужество принять сокровенные тайны, лежащие в основе этих видений и снов.

Мне по душе твои устремления, и я готов даровать тебе то, что даровал одиннадцати существам с твоей планеты, из которых только пять можно назвать людьми или подобными человеку. Я также готов открыть тебе Предельную Тайну, знакомство с которой губительно для слабых духом. Однако прежде чем ты познаешь эту последнюю — и самую первую — из тайн, подумай и сделай свой выбор. Ты пока что способен вернуться назад, не сняв пелену, закрывающую глаза.

V

Мыслеволны внезапно стихли, оставив Картера в одиночестве и внушающей ужас тишине, полной ледяного безмолвия. Можно было подумать, что во все стороны от него простирается лишь пустота, но неутомимый искатель знал, что Сущее по-прежнему здесь. Спустя мгновение он нашел слова для послания, которое мысленно отправил в бездну:

— Я принимаю это. Я не отступлю.

Мыслеволны вновь стали накатывать на него, и Картер понял, что Сущее услышало его. Безграничный разум сразу же направил ему целый поток информации и пояснений, распахнувший перед ним новые горизонты, позволяющий охватить мысленным взором недоступные раньше сферы космоса. Он узнал, насколько наивны и ограниченны его представления о трехмерном мире и что существует великое множество иных направлений помимо известных всем «вверх-вниз», «вперед-назад», «направо-налево». Ему была наглядно продемонстрирована мелкость и ничтожность земных богов с их жалкими человеческими пристрастиями — ненавистью, гневом, любовью и тщеславием, жаждой поклонения и жертвоприношений — с их претензиями на слепую веру почитателей вопреки рассудку и природе.

Хотя бóльшая часть впечатлений транслировалась Картеру в словесной форме, были среди них и такие, которые он воспринимал непосредственно через чувства. То ли зрение, то ли воображение помогали ему проникать в измерения, недоступные человеческому зрению и разуму. Теперь, созерцая бездонную тень, прежде казавшуюся ему сферой вихря хаотических сил или областью

полной пустоты, он ощущал в ней небывалую мощь, способную потрясти самые сокровенные чувства. Картер словно находился в какой-то особой точке обзора и смотрел оттуда на гигантские формы, затмевающие любой фантастический вымысел и непостижимые земным рассудком. Всю свою жизнь он посвятил исследованию тайн, но был бессилен понять природу этих явлений. Сквозь пелену прежних представлений постепенно он начал понимать, каким образом маленький Рэндольф Картер, оставшийся в 1883 году в усадьбе близ Аркхема, мог одновременно являться призрачным очертанием на псевдошестиугольном пьедестале за Первыми Вратами, и Картером, пребывающим пред лицом Сущего в безмерной бездне, и всеми прочими Картерами, доступными его мысленному восприятию.

Затем потоки мыслеволн стали более интенсивными, само понимание его усилилось, и вдруг он понял суть всего многообразия своих сущностей и обличий, лишь малой частицей которого было его данное воплощение. Ему было объяснено, что любая форма в пространстве образуется сечением какой-то фигуры с большим количеством измерений. Квадрат — это результат сечения куба, а круг — сечения сферы. Трехмерный куб и сфера обра-

зуются сечением четырехмерных фигур, о чем люди до сих пор лишь догадывались и случайно прозревали. Четырехмерные фигуры создаются посредством сечения пятимерных и так далее, вплоть до головокружительной безмерности прообразов. Мир людей и людских богов лишь малая грань ничтожно малого явления — трехмерное сечение того, что расположено за Первыми Вратами, где Умр ат-Тавил навевает сны Древним. Люди называют это жалкое сечение реальностью, отвергая многомерный подлинник как бредовый вымысел, хотя все обстоит прямо противоположным образом. То, что они считают сущностью и реальностью, на самом деле есть иллюзия и призрак, а то, что на Земле называют иллюзией и призраком, — и есть сущность и реальность.

Время не движется, а стоит на месте и не имеет ни начала, ни конца. Нам только кажется, что его движение приводит к переменам. Это земное заблуждение. Да и само время всего лишь иллюзия, ибо зажатые в трехмерности мира люди полагают, будто прошлое сменяется настоящим, а настоящее будущим. Людям кажется, что время идет, поскольку они наблюдают изменения, но это тоже иллюзия. Все, что было, есть и будет, существует одновременно.

Эти откровения провозглашались Картеру с божественной величественностью, не давая ему возможности усомниться. Даже если ему не удавалось до конца уразуметь суть какого-то откровения, он ощущал непреложную правоту крайней реальности космоса и знал, что она способна опровергнуть все прежние узкие взгляды и косные представления. Да разве сам он не чувствовал неподлинность земных понятий и не стремился вырваться из их плена?

Выдержав долгую паузу, мыслеволны продолжили питать его знаниями, сообщая, что перемены, которым обитатели трехмерных миров придают столь большое значение, — всего лишь функция их сознания, которое воспринимает явления под разными космическими углами. Подобно тому как результат сечения конуса — получится ли круг, эллипс, парабола или гипербола — зависит от угла сечения, реальность кажется изменившейся от малейшего сдвига космического угла. Сознание обитателей миров с малым числом измерений оказывается сильно ограниченным, ибо они не способны управлять углом зрения. Только очень немногие, овладевшие тайными знаниями, понимают, как контролировать угол восприятия, и потому спо-

собны вырваться из власти времени и перемен. Но силы и сущности за Вратами способны менять угол зрения по своему желанию и видеть космос как фрагментарно, раздробленным на частицы, которые вы зовете событиями, так и неизменным и целостным.

Наступила следующая пауза, и Картер начал осознавать, что приблизился к пониманию столь напугавшей его утраты цельности своего «я». Интуитивно соединяя разрозненные фрагменты открывшейся истины, он становился все ближе и ближе к разгадке. Картер понял, что смог бы узнать о мириадах своих воплощений еще за Первыми Вратами, но чары Умр ат-Тавила уберегли его от этого потрясения, чтобы страх не помешал ему открыть серебряным ключом Предельные Врата. Желая лучше разобраться, что связывает столь различные его воплощения — находящегося сейчас за Предельными Вратами призрака на шестиугольном пьедестале, мальчика из 1883 года, немолодого мужчину из 1928 года, далеких пращуров, безымянных существ из иных эпох и иных миров, — он обратился к бездне с мысленными вопросами. Сущее ответило ему новым потоком мыслеволн и постаралось разъяснить природу этой связи, едва ли постижимой зем-

ному уму.

Все поколения существ в пространствах трех измерений и все стадии роста одной-единственной личности, понял он, — не более чем воплощения извечного прообраза, находящегося в безмерном пространстве. Каждый представитель уходящего в глубь веков рода — сын, отец, дед и так далее — и каждый возрастной период человека — младенец, ребенок, подросток, мужчина — лишь одна из фаз этого надстоящего вечного существа, зависящая от смены угла сознания и плана восприятия. Рэндольф Картер в любой год своей жизни, Рэндольф Картер и его предки, люди и их предтечи, земляне и жители иных планет — всего лишь разные фазы абсолютного, вечного «Картера» вне времени и пространства, призрачные проекции, различие между которыми определяется сменой угла восприятия и рассечения прообраза планом сознания.

Крохотное изменение угла способно превратить сегодняшнего великого посвященного в ребенка, каким он был много лет назад, превратить Рэндольфа Картера в колдуна Эдмунда Картера, бежавшего в 1692 году из Салема в холмистую местность за Аркхемом, или в Пикмена Картера, который в 2169 году сыграет важную

роль в отражении натиска монгольских орд, собирающихся завоевать Австралию; превратить Картера-человека в обитавшего в Гиперборее и поклоняющегося черному идолу Тзатоггуа инопланетянина, прибывшего с Китамила, двойной планеты, некогда вращавшейся вокруг Арктура; превратить Картера-землянина в еще более далекого предка, обитателя самого Китамила или внегалактической планеты Стронти, или в четырехмерный летучий разум в более древнем пространственно-временном континууме, или в растительный мозг будущего с черной радиоактивной кометы, несущейся по немыслимой орбите, и так далее в бесконечность космического цикла.

Прообраз, гулко вещали мыслеволны, это типичный представитель обитателей Предельной Бездны — они не имеют формы и не поддаются описанию, и лишь редкие провидцы из миров с малым числом измерений способны догадаться об их существовании. Самое главное среди них — само Сущее… которое и является прообразом Картера. Вот причина того, почему Картеры испокон веков стремились раскрыть запретные тайны космоса. Все великие колдуны, великие мыслители и великие художники — воплощения

этого прообраза.

Потрясенный этим откровением, Картер ощущал какой-то пугающий восторг и был готов преклониться перед трансцендентной сущностью, от которой он сам происходил. Мыслеволны опять стихли, и наступившее безмолвие заставило его задуматься о странных дарах, еще более странных вопросах и уж совсем странных ответах. Ему не удавалось сосредоточиться, чтобы оценить величие открывшихся ему новых перспектив. Если все поведанное ему Сущим правда, то, изменив угол сознания, он может во плоти побывать в далеких эпохах и областях Вселенной, которые прежде видел лишь во сне, но для этого надо овладеть искусством изменения угла. Поможет ли ему в этом серебряный ключ? Он ведь уже смог превратить его из мужчины, живущего в 1928 году, в мальчика из 1883 года, а потом помог выйти за пределы времени. Как ни странно, но, утратив телесную оболочку, Картер все же знал, что ключ находится у него.

Поскольку безмолвие все еще продолжалось, Рэндольф Картер обратился со своими тревогами к Сущему. Картер знал, что здесь, в предельной бездне, он в равной степени удален от любых граней своего прообраза — и с лицом человека, и

неведомой твари, земнородного или родившегося на иной планете. Его снедало любопытство, и он хотел узнать о разных своих фазах, в особенности об отстоящих от 1928 года далеко во времени и пространстве, а также о тех, которые видел в сновидениях. Он не сомневался, что великий и извечный прообраз способен перенести его во плоти в любую из этих фаз, путем изменения плана его сознания, он страстно мечтал о новом чуде, и ему не терпелось побывать в загадочных и необычных уголках Вселенной, которые прежде он видел лишь фрагментарно.

Для начала он попросил Сущее помочь ему попасть в призрачный фантастический мир с пятью разноцветными солнцами, незнакомыми созвездиями и головокружительными черными скалами, в мир, где обитают похожие на тапиров существа с клешнями, высятся причудливые башни, где прорыты ведущие неизвестно куда туннели, а сверху парят цилиндры. У него было смутное ощущение, что эта планета лучше всего подойдет для переходов в другие миры, а кроме того, обосновавшись на ней, он сможет совершить путешествия на планеты, с которыми издавна торговали клешнерукие. Страха у него не было ни малейшего. Как и во всех прочих

сложных ситуациях в его жизни, любопытство и в этот момент возобладало у Картера над остальными чувствами.

Его снова коснулись мыслеволны, и Картер понял, что на его просьбу ответили согласием. Сущее поведало ему о черных безднах, которые ему предстояло одолеть, о странной группе из пяти звезд, вокруг которой обращается эта планета, расположенной в другой галактике, об обитающих в норах извечных врагов клешнеруких — громадных ползающих тварях. Картеру было объяснено, как нужно повернуть план сознания, чтобы совместиться с временно-пространственными измерениями мира этой планеты, и как изменить угол, чтобы принять облик своего тамошнего клешнерукого воплощения; также важно не забывать свои символы — иначе он не сможет вернуться назад.

Картер отправил в ответ ликующе-радостный поток мыслей — его устраивало все описанное. Он догадывался, что упомянутые символы — это знаки на серебряном ключе. Однажды он уже использовал ключ для совмещения плана своего сознания с планом мира, и тот перебросил его в 1883 год. Теперь он со своими арабесками поможет ему перенестись на другую планету.

Сущее уловило беспокойство его ожидания и подтвердило, что готово помочь отправиться в путь. Мыслеволны полностью стихли, и наступившее безмолвие показалось ему невыносимым.

Затем вдруг он услышал рокот, очень быстро перешедший в оглушительный грохот. Неистовая сила вновь сфокусировалась на Картере, била и кружила его в ритме неземного пространства. Он не мог сказать, похоже ли это на жар пылающей звезды или на леденящую стужу предельной бездны. Перед ним плясали, переплетались и скрещивались лучи невероятных цветов, не встречающихся ни в одном спектре Вселенной, и от стремительности перемещения у него сперло дыхание. Но тем не менее он успел на мгновение увидеть фигуру на шестиугольном пьедестале…

VI

Сделав паузу в своем повествовании, индус заметил, что де Мариньи и Филлипс слушают его, не скрывая интереса. Эспинуолл делал вид, будто ему безразличны странствия Картера, а гораздо более интересуют лежащие на столе документы. Напоминающие гроб часы отсчитывали неземное время. Тиканье их стало казаться зловещим. Дым из кадильниц, которые больше

никто не наполнял, густыми клубами поднимался к потолку, что в сочетании с гротесковыми фигурами на колеблющихся гобеленах вызывало тревожащее ощущение. Старик негр, присматривавший за треножниками, исчез, возможно, он не выдержал напряжения, нараставшего здесь с каждым часом. Рассказчик, словно преодолев неуверенность, почти виновато произнес своим странным, неестественным голосом:

— Полагаю, трудно поверить в то, что я рассказывал о бездне, но я собираюсь поведать о вещах еще более странных, хотя и вполне осязаемых. Так уж устроен наш разум. Привыкшим к трехмерному миру чудеса в стране сновидений представляются совершенно непостижимыми. Не стану утомлять вас долгими описаниями — это будет иная и совсем другая история. Поведаю только то, что вам необходимо знать.

После того как на Картера обрушился яростный ураган чуждого многокрасочного ритма, он решил, что снова видит старый, часто повторявшийся сон. Он уже не раз ночами двигался вместе с когтистыми пыхтящими тварями по лабиринтам загадочных улиц со стенами из неведомого металла, озаряемых лучами разноцветных солнц; а бросив взгляд на свое тело, он

убедился, что оно такое же, как у местных жителей — сочлененное как у гигантского насекомого, сморщенное и покрытое жесткой чешуей, — но в то же время в нем сохранилось карикатурное сходство с человеческой фигурой. Серебряный ключ по-прежнему был при нем, зажатый в длинной загнутой клешне.

В следующую минуту ощущение, будто он во сне, пропало, и он, напротив, почувствовал себя очнувшимся от сна. Предельная бездна, Сущее, некое существо абсурдной странной расы не родившегося еще мира, именуемое Рэндольфом Картером, — эти видения часто снились магу Зкауба с планеты Йаддит. Иногда они беспокоили его даже днем, ослабляя чары и мешая проводить магические обряды, удерживающие зловещих дхолов в их норах, и сливались порой с его реальными воспоминаниями о мириадах миров, которые он посетил в двигающихся на световых лучах капсулах. Но никогда они еще не выглядели такими реальными. Тяжелый серебряный ключ, который он держал сейчас в своей правой верхней клешне, был в точности таким, какой он видел во снах, и это не сулило ничего хорошего. Ему необходимо отдохнуть и поразмыслить, обратиться к священным таблицам Нхинг, чтобы

получить от них совет. Вскарабкавшись по металлической стене тихой улочки, он оказался у себя дома и направился к полке с табличками.

Семь дней провел после этого Зкауба, перечитывая письмена, но радость и преклонение перед тайной мудростью боролись в нем с отчаянием, ибо он открыл правду и был не в силах отделаться от мучительных воспоминаний. Он навсегда лишился покоя и цельности собственного «я». Теперь двое пребывали в одном теле одновременно: Зкауба, маг с Йаддита, с отвращением думавший о земном млекопитающем Рэндольфе Картере, в которого ему опять предстоит воплотиться, и Рэндольф Картер, боящийся существа с клешнями, которым он когда-то был и вновь сделался, попав на эту планету.

Его пребывание на Йаддите само по себе заслуживает долгого и подробного рассказа, — проговорил свами; в его неестественном голосе появились хрипы, свидетельствующие об усталости. — Он много путешествовал, посетил планеты Стронти, Мтура и Кат, другие миры в двадцати восьми галактиках. Картер облетел эти галактики в двигающейся на световом луче капсуле, какими пользовались обитатели Йаддита. С помощью серебряного ключа и сим-

волов, известных магам Йаддита, он совершал путешествия на эоны в прошлое и проникал в будущее. Ему приходилось вести тяжелую борьбу с мерзостными белесыми дхолами в древних туннелях, избороздивших Йаддит. Немало дней он провел в библиотеках, изучая мудрые откровения десяти тысяч существующих и угасших миров, беседовал с лучшими умами Йаддита, в том числе и с архидревним Буо. Зкауба никому не рассказывал, что произошло с его «я», но когда на первый план выступала частица Рэндольфа Картера, она думала только о возвращении на Землю и неустанно искала способы воплощения в прежний, человеческий облик, вспоминала забытые слова человеческой речи и старалась произносить их вслух, хотя гортань клешнерукого существа для этого годилась плохо.

Частица Картера вскоре с ужасом установила, что серебряный ключ не в состоянии вернуть ей человеческое обличье. Слишком поздно догадалась она, соединив обрывки видений и сведения из манускриптов мудрецов Йаддита, что ключ, изготовленный на Земле, в Гиперборее, мог изменять лишь угол наклона плана человеческого сознания. Однако это позволяло использующему ключ лишь путешествовать во времени, не

меняя своей телесной оболочки. Существовали дополнительные заклинания, значительно расширявшие возможности серебряного ключа, но об этом когда-то, в давние эры, знали на Земле, а магам с Йаддита они были неведомы. Все необходимые подсказки содержались в нерасшифрованном пергаменте, лежавшем в резной шкатулке вместе с серебряным ключом, и Картер теперь горько сетовал, что не захватил его с собой. Недостижимое теперь Сущее предупреждало о том, что ему следует хорошо помнить свои символы, полагая, что он успел их изучить.

Довольно продолжительное время он без устали старался использовать все чудовищное величие премудрости Йаддита для возвращения к бездне и всемогущему Сущему. С обретенными теперь знаниями он почти наверняка мог бы расшифровать письмена загадочного пергамента, но такие способности без самого пергамента казались горькой насмешкой. Однако порой частица Зкаубы оттесняла его из сознания, Картер забывал о Земле и успокаивался.

Проходили долгие века и тысячелетия — настолько продолжительные временные периоды не в силах осознать человеческий разум, но обитатели Йаддита по нашим меркам считались бы

сверхдолгожителями. После многих революций, бунтов одной личности и подавлений их другой частица Картера в целом возобладала над частицей Зкаубы, и Картер вплотную засел за расчеты расстояния, отделяющего Йаддит от Земли, и времени, которое должно занять его возвращение. Цифры оказались поистине колоссальными — эоны световых лет! — но усвоенная Картером премудрость йаддитов дала ему возможность рассчитать все довольно точно. Кроме того, он много спускался на Землю в своих видениях и узнал о нашей планете много нового и доселе неизвестного. Однако увидеть записанное на пергаменте таким способом ему так и не удалось.

Наконец у него созрел план отчаянного побега с Йаддита, что случилось после того как он нашел зелье, способное усыплять частицу Зкаубы, не затрагивая при этом ни его воспоминаний, ни познаний. Он задумал отправиться в путешествие в двигающейся на световом луче капсуле, на какое не отважился бы ни один из обитателей Йаддита, — телесно переместиться через бесчисленные эоны и необозримые просторы Вселенной к Солнечной системе и Земле.

Оказавшись на Земле, пусть даже в обличье инопланетянина с клешнями, он будет иметь

возможность отыскать лист пергамента, оставленный им в машине неподалеку от Аркхема; заполучив же его, он сможет с помощью серебряного ключа вернуть себе человеческий облик.

Не забывал он и об опасностях такого дерзания. Картер знал, что, когда он совместит планетарный угол наклона с нужной эпохой (он не мог сделать это, совершая космический полет), жизнь на Йаддите подойдет к концу, на планете станут господствовать победившие дхолы и само его бегство в двигающейся на световом луче капсуле станет весьма рискованным предприятием. Кроме того, ему предстояло отключить на время долгого путешествия свое собственное существование, поскольку только так, с остановленной жизнедеятельностью, он мог выдержать бесчисленные века полета через немыслимые бездны. Он знал также, что если путешествие пройдет удачно, ему придется выработать иммунитет против земных бактерий, смертоносных для выходца с Йаддита. А на Земле ему нужно будет надежно замаскироваться под человека, пока не удастся найти пергамент и вернуть себе прежнее обличье. В противном случае он вызовет у людей ненависть и страх, и его будут пытаться уничтожить. И следовало позаботиться о запасе

золота — которое, к счастью, имелось на Йаддите в изобилии, — чтобы облегчить период этих поисков.

Он без спешки готовился к осуществлению своего плана. Подготовил для путешествия особо прочную капсулу, способную выдержать невероятное перемещение во времени и пространстве. Проверил свои расчеты и неоднократно посещал в видениях Землю, намереваясь как можно точнее попасть в 1928 год. Нашел решение труднейшей задачи по отключению в себе жизнедеятельности. Открыл те бактериальные средства, которые потребуются для адаптации на Земле, и натренировал тело, чтобы оно могло переносить высокие перегрузки. Смастерил отличную восковую маску и мешковатый костюм, в которых выглядел похожим на человека, и разузнал, какими чарами можно защититься от дхолов при отлете с мертвого, угрюмого Йаддита далекого будущего. Сделал основательный запас снадобья, воспроизвести которое на Земле невозможно, погружающего частицу Зкаубы в транс и позволяющего ему пользоваться телом, и не забыл про несколько золотых слитков, чтобы на Земле не оказаться в нужде.

В день побега он все еще не был уверен, что все

пройдет удачно. Но вот наконец он поднялся по ступенькам в капсулу, предупредив инопланетян, что отправляется в путешествие на тройную звезду Нитон, и забрался в узкий футляр из сверкающего металла. Места здесь едва хватало на проведение ритуала с серебряным ключом, и, уже начав его, Картер активировал левитацию капсулы. Как только он это сделал, все вокруг потемнело, и его пронзила сильнейшая боль. Показалось, будто космос закружился в хороводе и созвездия заплясали на черном небе.

Через какое-то время его чувства наконец пришли в норму. Холод межзвездных бездн царил по ту сторону тонкой стенки корабля, и Картер видел, что парит в свободном пространстве, а металлическая конструкция, по которой он поднялся в корабль, уже давно полностью проржавела. Поверхность Йаддита внизу кишела гигантскими дхолами, и когда он взглянул вниз, одно из чудищ приподнялось на семьсот футов и попыталось дотянуться до него своей белесой липкой конечностью. Но заготовленное им заклинание сработало эффективно, и в следующий момент он уже мчался, целый и невредимый, прочь с умирающего Йаддита.

VII

В странной комнате новоорлеанского дома, куда старик негр больше не возвращался, свами Чандрапутра продолжал свой рассказ, по мере чего его странный голос становился все более глухим и сиплым.

— Господа, я не требую от вас поверить мне на слово, поскольку готов представить доказательство. Пока же вы, несомненно, воспринимали все это как миф — рассказ о тысячах световых лет — многих тысячах лет во времени и бессчетных биллионах миль в пространстве, которые преодолел Рэндольф Картер в облике инопланетянина, чуждого нашему миру, в тонкостенной капсуле из электроактивного металла. Он довольно точно рассчитал, когда ему следует пробудиться, планируя сделать это за несколько лет до посадки на Земле, которая по нашему исчислению должна была случиться примерно в 1928 году.

Своего пробуждения он не забудет никогда. Припомните, господа, что до погружения в многовековой сон он в полном сознании прожил несколько земных тысячелетий в чуждом и пугающе удивительном мире планеты Йаддит. Пробудившись, сначала он ощутил зловещую

стужу, развеявшую его полные мрачных видений сны, затем посмотрел через прозрачную пластину корпуса корабля. Расположение звезд, скоплений и туманностей на небе было в точности таким, какое он помнил по тем временам, когда разглядывал звездное небо Земли.

Надеюсь, когда-нибудь будет возможность рассказать о его путешествии по Солнечной системе со всеми подробностями. Он видел самые дальние планеты Кинат и Юггот, пронесся рядом с Нептуном, успев заметить на нем грибовидные белесые образования, познал непередаваемые на словах тайны, скрывающиеся под облаками Юпитера, и ужасы одной из его лун, а потом успел разглядеть развалины циклопических строений на красноватом диске Марса. Приближающаяся Земля, увеличиваясь, стала похожей на тонкий полумесяц. Он снизил скорость, хотя волнение от предстоящей встречи с родными краями делало мучительной каждую минуту приближения. Мне трудно передать все его чувства при этом, — которые он описал мне.

Картер неторопливо летел в верхнем слое земной атмосферы, дожидаясь, когда над Западным полушарием взойдет солнце. Он хотел приземлиться точно в том же месте, откуда покинул

Землю — рядом со Змеиным логовом, в холмистой местности за Аркхемом. Если кому-то из вас доводилось надолго покидать свой дом, — а я знаю, что по меньшей мере одному из вас доводилось, — вы поймете, как растрогали Картера пейзажи Новой Англии с плавными очертаниями холмов, огромными вязами, запущенными садами и старыми каменными стенами.

На рассвете он совершил посадку на лужайке старой усадьбы Картеров и с благодарностью окунулся в тишину и одиночество. Как и тогда, когда он покинул Землю, стояла осень, его любимое время года, и запахи опавшей листвы на холмах пробуждали чувства в его душе. Он переместил корабль-капсулу вверх по склону холма, затащил его в Змеиное логово, но не смог протиснуть корабль в дальний грот через узкую расщелину. Затем он переоделся и скрыл лицо восковой маской. После того капсула хранилась в пещере более года, пока обстоятельства не заставили Картера перепрятать ее понадежнее.

Он пешком добрался до Аркхема, стараясь держаться прямо и двигаться наподобие человека в условиях повышенной, земной, гравитации, там он в банке обменял золото на деньги и задал несколько вопросов, выдавая себя за иностранца,

плохо владеющего английским языком, и таким образом выяснил, что попал в 1930 год, то есть на два года позднее, чем рассчитывал.

Конечно же, ситуация оказалась ужасной. Он не мог открыться, кто он такой, был вынужден всегда пребывать в настороженности, приходилось питаться непривычной местной пищей, требовалось рационально использовать запас снадобья, усыпляющего частицу Зкаубы, и ко всему этому необходимо было действовать без промедления. Он отправился в Бостон и снял квартиру в одном из бедных кварталов, где и жил затем очень скромно и уединенно, но наконец до него начали доходить слухи о предстоящем разделе наследства Рэндольфа Картера. Он стал наводить справки и узнал о стремлении мистера Эспинуолла как можно быстрее осуществить раздел наследства между родственниками и о благородстве мистера де Мариньи и мистера Филлипса, противостоящих этому.

Индус сделал в их стороны легкие поклоны, но выражение его смуглого, обрамленного густой бородой лица по-прежнему оставалось непроницаемым.

— Окольными путями Картеру удалось раздобыть копию потерянного пергамента, — продол-

жал свами, — и он занялся его расшифровкой. Рад отметить, что в этом отношении я сумел оказать ему помощь. Едва приступив к расшифровке, он обратился ко мне и познакомился через меня с другими посвященными в тайные знания, живущими в разных концах света. Я перебрался в Бостон и поселился вместе с ним в трущобах на Чемберс-стрит. Что же касается пергамента, позвольте я сейчас разъясню ряд деталей, ставивших в тупик мистера де Мариньи. Прежде всего надо заметить, — обратился к нему индус, — что иероглифы эти не нааков, а обитателей Р'лайха, этот язык попал на Землю неимоверно давно с отродьями Ктулху, спустившимися со звезд. Конечно, это перевод, а гиперборейский оригинал появился на миллионы лет раньше и был написан на древнем языке тсат-йо.

Расшифровка оказалась намного более сложным делом, чем предполагал Картер, однако он не терял надежды. В начале этого года мы сумели заметно продвинуться благодаря одной книге, присланной из Непала. Несомненно, скоро он одолеет все трудности и завершит работу. К сожалению, в последнее время ему мешает еще одно обстоятельство — зелье, усыпляющее частицу Зкаубы, закончилось. Впрочем, опасность эта не

столь велика, как могло бы показаться. Картер все еще обладает большей властью над телом, чем Зкауба, и если тот даже возобладает, то лишь на короткий срок, с каждым разом эти периоды будут уменьшаться, и к тому же он слишком одурманен, чтобы совсем уж испортить все дела Картера. Однажды он попробовал вмешаться всерьез и пытался добраться до металлической капсулы, чтобы вернуться в ней на Йаддит. После этой его попытки Картер перепрятал корабль в новый тайник, когда частица Зкаубы опять погрузилась в сон. Эта попытка, по сути, никому не причинила вреда, только напугала и наверняка навеяла кошмарные сны живущим в Вест-Энде полякам и литовцам, среди которых поползли слухи о чудовищах. Несколько раз частица Зкаубы срывала и выбрасывала маску, но мы находили ее и подправляли. Я видел это существо без маски — воистину ужасное зрелище.

Месяц назад Картер прочел в газете объявление об этой встрече и понял, что необходимо срочно спасать его имение. Он не мог ждать, пока расшифрует пергамент и примет человеческий облик. Ввиду этого он поручил мне явиться сюда и представлять его интересы.

Господа, уверяю вас, что Рэндольф Картер не

умер; он временно находится в аномальном состоянии, но через два или три месяца будет способен предстать пред нами и потребует обратно свое имение. Я готов представить вам доказательства, если это необходимо. Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, прошу вас отложить это заседание на неопределенный срок.

VIII

Де Мариньи и Филлипс смотрели на индуса как загипнотизированные, тогда как Эспинуолл издал серию хмыканий и прочих невнятных звуков. Неприязнь пожилого юриста к собравшимся посвященным переросла в открытое негодование. Перестав сдерживаться, он стукнул по столу кулаком с апоплексически вздувшимися венами и заговорил отрывистым, похожим на злобный лай голосом:

— Как долго вы будете пытаться меня дурачить? Вот уже целый час я слушаю этого безумца — этого жулика, — после чего у него хватает наглости заявить, что Рэндольф Картер жив, и потребовать без каких-либо оснований отложить нашу встречу! Де Мариньи, почему бы вам не выгнать этого негодяя? Вы же не хотите, чтобы

мы стали жертвами шарлатана или чокнутого?

Де Мариньи успокаивающим жестом поднял руку и негромко ответил:

— Давайте обсуждать спокойно и без спешки. Это очень необычная история, но я, как человек, достаточно сведущий в мистицизме, не считаю все это невозможным. Скажу даже более — с 1930 года я регулярно получал от свами письма, и в них уже было изложено все, что он здесь рассказал.

Он сделал паузу, и мистер Филлипс поспешил вставить слово:

— Свами Чандрапутра упомянул о доказательствах. Мне в этой истории тоже многое показалось немаловажным, и добавлю, что в последние два года, подобно мистеру де Мариньи, я состоял со свами в переписке и уже знаком в общих чертах с тем, о чем он сейчас рассказывал, хотя некоторые его заявления кажутся мне чересчур смелыми. Не будет ли с моей стороны слишком наглым попросить представить то наглядное доказательство, о котором было упомянуто?

Свами с тем же невозмутимым видом начал неторопливо извлекать что-то из кармана своего просторного пиджака и пояснял при этом:

— Хотя никто из вас не видел серебряный ключ своими глазами, мистеру де Мариньи и мистеру

Филлипсу он известен по фотографиям. Кажется ли вам вот это знакомым?

Он неуклюже протянул руку в большой белой рукавице и положил на стол тяжелый ключ из потускневшего серебра, длиной около пяти дюймов, выполненный в странном, крайне экзотическом стиле и весь испещренный непонятными знаками. Де Мариньи и Филлипс уставились на него затаив дыхание.

— Это он! — воскликнул де Мариньи. — В точности такой, как на фотографии. Трудно ошибиться!

Эспинуолл без промедления возразил:

— Дураки! Разве же это доказательство? Если этот ключ действительно принадлежал моему кузену, то пусть этот иностранец — этот чертов негр — объяснит, как он его заполучил! Рэндольф Картер исчез вместе с ключом четыре года назад. Нам неизвестно, может, его ограбили и убили? Он сам был почти безумным и общался со всякими психами. Послушай, черномазый, где ты взял этот ключ? Ты убил Рэндольфа Картера?

На лице свами, по-прежнему безмятежном, не дрогнул ни один мускул, но черные глаза без радужной оболочки недобро сверкнули. Он, похоже, сделал над собой усилие, чтобы заговорить.

— Пожалуйста, держите себя в руках, мистер Эспинуолл. Я могу доказать, что он действует, как и описывалось, но, боюсь, это скажется на всех присутствующих. Давайте будем разумными. Вот записи, сделанные Рэндольфом Картером после возвращения в 1930 году, — вы можете признать это по весьма характерным особенностям.

Он извлек из внутреннего кармана своего костюма длинный конверт и передал его разгневанному адвокату; де Мариньи и Филлипс взирали на это с растерянностью и восторгом, как наблюдают за сверхъестественным чудом.

— Конечно, сам почерк нелегко разобрать, но следует помнить, что сейчас руки у Рэндольфа Картера плохо приспособлены для письма на манер людей.

Эспинуолл торопливо пролистал бумаги и заметно смутился, но его решительный настрой не пропал. Напряженность в комнате словно бы усилилась, а неземной ритм напоминающих гроб часов стал казаться де Мариньи и Филлипсу демоническим, тогда как адвокат, похоже, не обращал на него внимания.

— Это выглядит как искусная подделка, — заявил он. — Если же они подлинные, то возможно, что Рэндольфа Картера похитили и он в полной

власти каких-то злоумышленников. В обоих случаях нам следует немедленно арестовать этого шарлатана. Вы позвоните в полицию, де Мариньи?

— Давайте обсуждать спокойно и без спешки, — повторил смотритель дома. — Не думаю, что есть реальный повод для обращения в полицию. У меня есть другая идея. Мистер Эспинуолл, этот джентльмен имеет репутацию посвященного в тайные знания. По его словам, он доверенное лицо Рэндольфа Картера. Удовлетворит ли вас, если он ответит на несколько вопросов, имеющих отношение к событиям, неизвестным посторонним? Я хорошо знал Картера и смогу задать такие вопросы. Сейчас я схожу за одной книгой, которая как раз подходит для такой проверки.

Он направился к двери библиотеки, а Филлипс, ошеломленный, не вполне сознающий свои действия, последовал за ним. Эспинуолл остался на месте и продолжал рассматривать индуса, лицо которого оставалось по-прежнему невозмутимым. Когда Чандрапутра бестактно засунул серебряный ключ обратно себе в карман, юрист внезапно воскликнул:

— Боже мой, я наконец-то понял! Этот мерзавец наряжен так, чтобы его не узнали. Думаю даже,

что он вовсе и не индус. Это лицо… это не лицо, а маска! Он сам же, своей историей, подсказал мне эту мысль. Лицо у него всегда неподвижно, а борода и тюрбан закрывают его края. Этот тип — обычный мошенник. И вовсе никакой он не иностранец — судя по тому, как правильно он говорит. Какой-нибудь янки, не иначе. А эти рукавицы — он просто старается не оставить отпечатков пальцев. Черт побери, я сорву с него эту…

— Стойте! — Хриплый, необычно чужеродный голос свами мог бы сейчас вызвать испуг. — Я говорил вам, что у меня есть другое доказательство, которым я могу воспользоваться в случае необходимости, и предупреждал, чтобы меня не провоцировали. Этот сутяга с покрасневшим лицом прав: я на самом деле не индус. Это маска, и скрывает она не человеческое лицо. Другие присутствующие уже догадались об этом — несколько минут назад я почувствовал, что они все поняли. Вам очень не понравится то, что вы увидите, если снять ее, — так что лучше ее не трогать. Эрнст, могу признаться тебе: я — Рэндольф Картер.

Все замерли. Де Мариньи и Филлипс, застывшие у двери, наблюдали за выражением побаг-

ровевшего лица Эспинуолла, тогда как фигура в тюрбане была видна им со спины. Безумное тиканье часов сделалось невыносимым, а клубы дыма от треножников и раскачивающиеся гобелены закружились в смертельном танце. Эспинуолл, у которого едва не сперло дыхание, прервал молчание:

— Нет, ловкач, меня не проведешь! У тебя есть какие-то причины не снимать маску. Возможно, мы тебя сразу узнаем. Так давайте же…

Когда он протянул руку, свами перехватил ее своей конечностью в белой рукавице, вызвав вскрик от боли и удивления. Де Мариньи бросился было к ним, но замер, когда протестующий выкрик лжеиндуса сменился необъяснимым рокотом. Багровое лицо Эспинуолла исказила ярость, и он свободной рукой вцепился противнику в бороду. На сей раз его попытка оказалась более успешной, и после безумного рывка восковая маска выбилась из-под тюрбана и оказалась зажата в кулаке юриста.

Эспинуолл издал крик, перешедший в какое-то бульканье, и Филлипс с де Мариньи увидели, что его лицо затряслось в конвульсиях и исказилось выражением такой паники, с какой они никогда прежде не встречались. Лжесвами тем временем

отпустил его руку и стоял словно ошеломленный, продолжая странно гудеть. Затем фигура в тюрбане сменила позу, почти утратив человеческие очертания, и стала неуклюже передвигаться к напоминающим гроб часам, привычно отмеряющим странный ритм космического времени. Ее лицо, не скрытое теперь маской, было повернуто так, что де Мариньи и Филлипс не могли увидеть, что же повергло юриста в такой ужас. Когда они обратили взгляды на Эспинуолла, тот тяжело опускался на пол. Это заставило их вырваться из оцепенения, но когда они подбежали к старику, тот был уже мертв.

Повернувшись затем к спине неуклюже удаляющегося свами, де Мариньи заметил, что одна из белых рукавиц почти сползла с его руки. Все, что удалось ему разглядеть через густые клубы дыма, это что-то вытянутое и черное на месте открывшейся кисти. Креол хотел было броситься к странному пришельцу, но мистер Филлипс остановил его, схватив за плечо.

— Не делайте этого, — прошептал он. — Неизвестно, к чему это приведет. Вспомните о его другой частице, о маге Зкауба с Йаддита…

Фигура в тюрбане добралась до стенной ниши с часами, и они различили сквозь пелену дыма,

как черные клешни неловко ощупывают высокую дверцу, расписанную иероглифами. Затем до них донесся резкий щелчок. Фигура вошла в напоминающий гроб корпус часов и захлопнула его за собой.

Теперь де Мариньи больше никто не сдерживал, но когда он подбежал к часам и открыл их, там никого не было. Странное тиканье продолжалось, отбивая мрачный космический ритм, который сопровождает любое мистическое открытие врат. На полу комнаты валялась большая белая рукавица, а мертвец рядом со столом сжимал в руке маску с фальшивой бородой, — никаких других следов не осталось.

Прошел год, но по-прежнему никто ничего не слышал о Рэндольфе Картере. Вопрос о его наследстве так и остался нерешенным. По тому бостонскому адресу, который значился на конвертах старых писем, отправленных свами Чандрапутрой разным посвященным в тайные знания, соседи по дому подтвердили, что в 1930–1932 годах здесь действительно проживал странный индус, но после поездки в Новый Орлеан он не возвращался, и больше его никто не видел. По словам соседей, он был смуглым, с неподвижным, словно бы застывшим лицом и

носил бороду, и когда домовладельцу показали оставшуюся маску, он признал ее похожей на лицо этого индуса. Последнего, впрочем, никогда не подозревали в связи с привидениями, о которых ходили слухи среди проживавших в этом районе славян. Несколько экспедиций отправлялись в холмистую местность за Аркхемом на поиски «металлической капсулы», но ничего похожего найти не удалось. А вот служащий Первого Национального банка в Аркхеме хорошо запомнил чудаковатого человека в тюрбане, обменявшего в октябре 1930 года золотой слиток на наличные.

Де Мариньи и Филлипс не знали, что делать, и пребывали в растерянности. В конце концов, какие у них были реальные доказательства?

Они выслушали рассказ. Они видели ключ, но его мог сделать кто-нибудь по одной из фотографий, разосланных Картером в 1928 году. Документы не вызывали доверия. Они видели незнакомца в маске, но никто из оставшихся в живых не видел, что же скрывалось за маской. После долгой беседы и в клубах дыма от благовоний им обоим могло померещиться, будто человек исчез в корпусе часов, — они могли стать жертвой двойной галлюцинации. Индусы ведь известные мастера гипноза. Логика подсказывала: свами —

преступник, который хотел завладеть имением Рэндольфа Картера. Однако вскрытие показало, что Эспинуолл умер в результате нервного потрясения. Было ли оно вызвано только вспышкой гнева? Да и прочие подробности этой истории…

Сиживая в просторной комнате, украшенной причудливыми гобеленами и пропитанной запахом ароматических смол, Этьен-Лоран де Мариньи часто с волнением вслушивается в безумный ритм тиканья расписанных иероглифами часов, напоминающих гроб.

Взыскание Иранона

Имя мне Иранон, и я пришел из Айры, далекого города, града воздушного, который я помню смутно, однако стремлюсь обрести снова. Я — певец и пою песни, которым научился в сем далеком граде, и призвание мое — делать красивыми вещи своими воспоминаниями, вынесенными из детства. Состояние мое заключается в горстке воспоминаний и снов, и в надежде на то, что я еще спою в садах под ласковой луной и западный ветерок будет шевелить цветы лотоса.

Когда о сем проведали люди Телота, они стали перешептываться между собой; ибо хотя в гранитном городе не звучит смех и не слышна песня, в весенние дни суровые мужи иногда обращают свой взор к Картианским холмам и погружаются в мысли о лютнях далекого Оная, о котором слышали от путешественников. И, занятые сими мыслями, они предложили чужеземцу остаться и спеть на площади перед Башней Млина, пусть им и не нравился цвет его рваных одежд, и мирра на волосах его, и венок из листьев винограда, и юность золотого голоса. Вечером Иранон пел, и

пока он пел, старец молился, а слепец молвил, что видел нимб над головой певца. Однако люди Телота в большинстве своем зевали, некоторые смеялись, а другие уснули; ибо Иранон не молвил ничего полезного и в песне его звучали только воспоминания, мечты и надежды.

— Помню сумерки, луну, негромкую песню, и окошко, возле которого качали меня. А за окном была улица, и из него лился золотой свет, и тени плясали на мраморных стенах домов. Помню площадь, залитую лунным светом, не похожим ни на какой другой свет, и видения, танцевавшие в лучах луны, когда мать моя пела мне. А еще помню солнечное утро над пестрыми летними холмами, и сладкие цветочные ароматы, несомые южным ветром, от прикосновения которого пели деревья.

О, Айра, город из мрамора и берилла, сколь множественны твои красоты! Как любил я теплые и благоуханные рощи на том берегу кристально чистой Нитры, и водопады на крошечной Кра, протекавшей по цветущей долине! В этих рощах и долине дети плели друг другу венки, а в сумерках меня посещали странные сновидения под покровом горных деревьев-ят, когда я видел под собой городские огни, а извилистая Нитра

превращалась в полную звезд ленту.

А в городе были дворцы из цветного с прожилками мрамора с золочеными куполами и расписными стенами, и зеленые сады с лазурными прудами и кристальными фонтанами. Часто играл я в садах и спускался в пруды, а потом лежал и грезил среди нежных цветов под деревьями. А иногда на закате восходил я по длинной и крутой улочке к цитадели и открытому пространству перед ней и смотрел вниз на Айру, волшебный, воздушный город из мрамора и берилла, великолепный в одеждах пламенной золотой вечерней зари.

Давно скучал я по тебе, Айра, ибо был еще молод, когда ушли мы в изгнание; но отец мой был твоим королем, и я снова вернусь к тебе, ибо так назначено Судьбой. По всем семи землям я искал тебя, и однажды буду править твоими рощами и садами, твоими улицами и дворцами, и буду петь людям, знающим, о чем я пою, и не отворачивающимся прочь, и не осмеивающим меня. Ибо аз есмь Иранон, который был принцем в Айре.

В ту ночь люди Телота положили незнакомца почивать на конюшне, а утром к нему явился архонт и потребовал, чтобы пришелец отправился в лавку Атока-сапожника и поступил к нему

в ученики.

— Но я Иранон-певец, и мое дело — песня, — молвил тот, — и нет во мне желания заниматься делом сапожника.

— Все в Телоте должны трудиться, — ответил архонт, — ибо таков закон.

Так тогда рек Иранон:

— Для чего трудитесь вы, как не для того, чтобы жить и быть счастливыми? А если вы трудитесь только для того, чтобы трудиться больше, может ли осенить вас счастье? Вы трудитесь для того, чтобы жить, но не соткана ли жизнь из красоты и песен? И если вы не способны потерпеть певца между собой, где обрящете тогда плод ваших трудов? Труд без песни подобен не имеющему конца утомительному путешествию. Разве смерть не более приятна тогда?

Однако архонт остался угрюм, не поняв незнакомца, и принялся укорять его:

— Ты странный юноша, и твое лицо, как и голос, не нравятся мне. И богохульны речи твои, ибо боги Телота нарекли труд благом. Боги наши обещали нам полную света гавань по смерти, где будет отдых без конца и края и кристальная прохлада, посреди которой никто не станет утомлять свой разум мыслями, а глаза красотой. Ступай

же к Атоку-сапожнику, или до заката уходи из нашего города. Служить обязаны все, а песня — глупая прихоть.

Так Иранон вышел из конюшни и пошел по узким каменным улицам между мрачными квадратными, сложенными из гранита домами, разыскивая хотя бы зеленый клочок, ибо все было сложено из камня. Лица мужчин был хмуры, однако на каменной насыпи возле ленивой реки Зуро сидел мальчик, обратив печальные очи к воде, дабы узреть в ней зеленые ветки с бутонами, принесенные свежим потоком с холмов. И так сказал ему мальчик:

— Не ты ли истинно тот, о ком рассказывают архонты… тот, кто ищет далекий город в прекрасной земле? Я — Ромнод, рожденный от крови Телота, но не успел еще состариться в путях гранитного города, и потому стремлюсь каждый день к теплым рощам и далеким землям, полным красы и песни. Там, за картианскими холмами, лежит Оонай, город лютней и пляски, о котором шепчутся люди, говоря, что красив он и жуток одновременно. Туда лег бы мой путь, будь я достаточно взрослым, чтобы найти дорогу, туда надлежит тебе идти, и там петь, дабы слушали тебя люди. Так давай же оставим город Телот

и отправимся вместе по весенним холмам. Ты обучишь меня путям и дорогам, и я буду слушать твои песни по вечерам, когда звезды на небе одна за другой рождают грезы в головах мечтателей. И может случиться так, что город Оонай, где звучат лютни и пляшут, окажется той прекрасной Айрой, которую ты взыскуешь, ибо сказано, что не был ты в Айре с прежних дней, а и времена нередко меняются. Так пойдем же в Оонай, о Иранон златовласый, где люди будут знать наши стремления и поприветствуют нас как братьев, и не будут хмуриться нашим речам и смеяться над ними.

Так отвечал Иранон:

— Да будет так, малыш; тот, кто в этом каменном граде стремится к красоте, должен искать ее в горах и за ними, и я не оставлю тебя вздыхать возле ленивой Зуро. Только не надо думать, что восторг и понимание обитают за Картианскими холмами или в любом краю, отстоящем отсюда на день, год или целых пять лет пути. Знай, что когда мне было примерно столько лет, сколько тебе сейчас, я обитал в долине Нартоса возле холодной Ксари, где никто не хотел внимать моим грезам; и сказал себе тогда, что, когда буду постарше, переберусь в Синару на южном склоне, чтобы

петь улыбающимся погонщикам верблюдов на базаре. Но, оказавшись в Синаре, я понял, что все погонщики дромадеров просто пьяные сквернословы, и песни их не похожи на мои, и потому спустился в город ониксовых стен Джарен. Но солдаты в Джарене осмеяли меня и выгнали вон, после чего я скитался по городам. Я видел Стефелос, что лежит у подножия великого водопада, я взирал на болото, раскинувшееся на месте Сарната. Я побывал в Траа, Иларнеке и Кадафероне на извилистой реке Ай, и подолгу жил в Олатое, что находится в земле Ломарской. Однако хотя у меня иногда находились слушатели, их всегда было немного, и я знаю, что добрый прием ждет меня только в Айре, городе из мрамора и берилла, где прежде правил как король мой отец. Посему Айру будем искать мы, хотя и неплохо посетить далекий и благословенный звоном лютни Оонай, что лежит за Картианскими горами и на самом деле действительно может оказаться Айрой, хотя я сомневаюсь в этом. Красота Айры выше любого воображения, и никто не может рассказывать об этом городе без восторга, в то время как об Оонае погонщики бактрианов рассказывают с насмешкой.

Так на закате Иранон и маленький Ромнод

вышли вон из Телота и долго скитались по зеленым холмам и прохладным лесам. Тяжелым и непрямым был путь, и так и не приблизились они к Оонаю, городу лютней и танцев; однако в сумерках, когда высыпали звезды, пел Иранон об Айре и красотах его и внимал ему Ромнод, так что были в известной мере счастливы оба. Ели они в обилии плоды и красную клюкву и не замечали течения лет, шедших мимо один за одним. Маленький Ромнод стал уже вовсе не мал, и голос его сделался басовитым, а не пронзительным, только Иранон оставался прежним и украшал свои золотые власы лианами и благоуханными смолами, найденными в лесах. Так случилось, что Ромнод начал казаться старше, чем Иранон, пусть и был он весьма невелик, когда Иранон нашел его наблюдающим за расцветающими зелеными ветвями в Телоте возле ленивой, закованной в камень Зуро.

И вот однажды, в полнолуние, ночью путники вышли на горный гребень и узрели внизу под собой мириады огней Ооная. Селяне подтвердили, что город сей недалек, и Иранон понял, что это не родной его Айра. Ибо огни Ооная были не такими, как в Айре — резкими и слепящими казались они, в то время как огни Айры светили столь же

мягким и волшебным огнем, как тот лунный свет, что ложился на пол от окошка, возле которого матерь Иранона убаюкивала его песней. И все же Оонай был городом лютней и плясок, и посему Иранон и Ромнод отправились вниз по крутому склону, чтобы найти людей, которым приносят удовольствие песни и грезы. А войдя в город, они увидели увенчанных венками гуляк, бродивших из дома в дом, высовывавшихся из окон, и глядевших с балконов, и внимавших песням Иранона, и бросавших ему цветы, и аплодировавших после каждой песни. Тут на мгновение поверил Иранон, что нашел тех людей, которые думают и чувствуют так, как и он сам, хотя город их и на сотую долю не был так же прекрасен, как Айра.

А когда пришла заря, Иранон с разочарованием огляделся по сторонам, ибо купола Ооная не золотились под солнцем, но казались серыми и зловещими. И люди Ооная были бледны от пьянства, и тупы от выпитого вина, и ничуть не похожи на светлых людей Айры. Однако люди эти бросали ему цветы и восхищались его песнями, и потому Иранон остался в городе, а с ним и Ромнод, которому так понравился местный разгул, что он украсил свои темные волосы розами и миртом.

Часто по ночам пел Иранон гулякам, однако

всегда, как и прежде, оставался он увенчанным только горной лозой, памятуя о мраморных улицах Айры и прозрачной как слеза Нитре. В расписанных фресками залах монарха пел он на приподнятом над зеркальным полом хрустальном подножии, и песни его рождали картины в сердцах слушателей, так что начинало казаться, будто пол отражает старинные, прекрасные и полузабытые вещи, а не побагровевших от выпитого вина гуляк, осыпавших его розами. И король уговорил его снять оборванный пурпур, и облачил его в атлас и золотую парчу, пожаловав кольца из зеленого нефрита и браслеты из раскрашенной слоновой кости, и поселил его в раззолоченной и украшенной гобеленами палате с ложем из теплого резного дерева, пологами и покрывалами из расшитого цветами шелка. Так жил Иранон в Оонае, городе лютней и плясок.

Неведомо, сколько времени провел Иранон в Оонае, однако пришел день, когда король привел во дворец диких и буйных кружащихся танцоров из Лирианской пустыни и смуглокожих флейтистов из восточного Дринена, и после этого гуляки стали бросать свои розы не столько Иранону, как плясунам и флейтистам. И изо дня в день Ромнод, бывший совсем мальчишкой в гранитном

Телоте, становился все грубее и багровее от вина, и теперь он грезил все меньше и меньше и с меньшим восторгом внимал песням Иранона. Но хотя печалился Иранон, петь он не перестал и все рассказывал по вечерам о своих видениях Айры, города из мрамора и берилла. И вот однажды ночью багровый от вина и раздобревший Ромнод тяжко захрипел посреди украшенных маками шелков банкетной кушетки и умер в корчах, пока бледный и худой Иранон напевал самому себе в дальнем углу. А когда оплакал Иранон Ромнода на могиле его и усыпал ее зелеными ветвями, которые любил Ромнод, снял с себя все шелка и вуали и забытым ушел из Ооная, города лютней и плясок, облаченный лишь в тот рваный пурпур, в котором пришел, увенчав себя свежими горными лозами.

Прямо на закат ушел Иранон, как и прежде разыскивая свою родину и людей, которые понимают его песни и грезы. Во всех городах Кидатрии и землях за пустыней Бнази веселые дети смеялись над его старинными песнями и поношенным пурпурным одеянием; но сам Иранон оставался всегда молодым и, покрывая свою золотую голову венком, пел об Айре, прошлом восторге и надежде на будущее.

Так пришел он однажды ночью к хижине древнего пастуха, грязного и согбенного, пасшего свое стадо на каменистом склоне над болотами и плывунами.

Как и ко многим прочим, обратился к нему Иранон такими словами:

— Не скажешь ли ты мне, где я могу отыскать Айру, город из мрамора и берилла, где течет кристально чистая Нитра и где водопады на крошечной Кра поют зеленым долинам и холмам, поросшим деревом ят?

Услышав сии слова, пастух посмотрел на Иранона долгим и странным взором, словно бы вспоминая нечто очень далеко отстоящее во времени, разглядев каждую морщинку на лице его, и золотые волосы, и корону из виноградных листьев.

Но стар он был и, тряся ветхой головой, ответил:

— О незнакомец, воистину слышал я прозвание Айра и прочие вместе с ним, названные тобой, однако пришли они ко мне издалека, из-за преграды долгих лет. В юности я слышал их из уст товарища по детским играм, сына нищего, знавшего странные грезы и слагавшего долгие повести о луне, и цветах, и западном ветре. Обычно

мы смеялись над ним, ибо знали его от рождения, хоть и называл он себя королевским сыном. Был он пригож, как и ты, но полон всяких странных чудачеств; еще совсем ребенком он убежал из дома, чтобы найти тех, кто будет радостно внимать его песням и грезам. Как часто пел он мне о землях несуществовавших и о вещах, никогда не бывших! Много он говорил об Айре; о городе Айре и реке Нитре и водопадах на крошечной Кра. Там, говорил он, некогда жил он принцем, хотя мы знали его от рождения. Не было никогда мраморного города Айры, как и тех, кто мог восхититься его странными песнями, кроме как в грезах дружка моего Иранона ушедшего.

И в сумерках, пока на небо одна за одной высыпали звезды и луна бросала на болото свой свет, подобный тому, который видит ребенок трепещущим на полу, когда укачивают его на ночь, вступил на тот плывун другой старец в заношенном пурпуре, увенчанный пожухшими виноградными листьями и смотревший перед собой — словно бы на золотые купола прекрасного города, в котором понимают грезы. И некая доля юности и красоты скончалась в ту ночь в постаревшем мире.

Рок, постигший Сарнат

В земле Мнара есть большое тихое озеро, в которое не впадают и из которого не вытекают ни реки, ни ручьи. Десять тысяч лет тому возле него стоял могущественный город, называвшийся Сарнат; но сейчас там и следов этого города не найти.

Говорят, что в незапамятные времена, когда мир был молод и племя, от которого произошли обитатели Сарната, не было известно в землях Мнара, возле озера стоял другой город; называвшийся Иб, с домами из серого камня, он был древним, как само озеро, и населен очень странными существами. Они были странные и уродливые на вид, что, впрочем, вполне характерно для существ, обитавших во времена зарождения мира. Некоторые из надписей на каменных цилиндрах Кадаферона свидетельствуют, что населявшие город Иб существа были зеленоватого цвета, примерно как вода в озере и стоявший над ним туман, имели сильно выпуклые глаза, толстые отвислые губы, уши необычной формы и были безголосыми. Как гласят эти надписи,

однажды ночью эти странные существа спустились с луны в сгустившийся над Мнаром туман, а вместе с ними опустилось на землю большое тихое озеро и серокаменный город Иб. Известно также, что обитатели серого города поклонялись каменному идолу цвета зеленой озерной воды, который видом несколько напоминал Бокруга, Великую Водяную Ящерицу; перед этим идолом они устраивали по ночам свои жуткие пляски, когда приближалось полнолуние. В папирусах Иларнека есть рассказ о том, как однажды они научились добывать огонь, и с тех пор по любому случаю зажигали его на всяческих церемониях. Но об этих существах известно сейчас очень мало, поскольку жили они очень давно, а род человеческий слишком молод, чтобы помнить о такой древности.

Спустя многие тысячелетия на землю Мнара явились люди, темнокожие кочевники со стадами тонкорунных овец; они построили города Траа, Иларнек и Кадаферон на реке Ай, оплетавшей Мнар своими изгибами. Самые крепкие духом из них обосновались на берегу озера и в том месте, где встречались благородные металлы, основали Сарнат.

Кочевники заложили первые камни Сарна-

та неподалеку от серого города Иб, и вид его обитателей вызвал у них изумление. Но к изумлению этому примешивалась ненависть, ибо они считали, что существа со столь омерзительной внешностью не должны обитать в мире, населенном людьми. Не понравились им и странные скульптуры, украшавшие серые монолиты Иба, ибо слишком уж с давних времен стояли они на земле, им следовало исчезнуть задолго до прихода людей на тихую землю Мнар.

Чем чаще жители Сарната обращали свои враждебные взоры на обитателей Иба, тем сильнее ненавидели их; те казались им слабыми и немощными, а их студнеобразные тела выглядели превосходными мишенями для камней и стрел. И вот однажды молодые воины — лучники, копьеносцы и камнеметатели — напали на Иб и истребили всех его обитателей, а затем столкнули трупы в озеро длинными копьями, ибо не желали прикасаться руками к их омерзительным телам. Серые монолиты, украшенные скульптурами, тоже были преданы озеру; волоча их к воде, они изумлялись тому огромному труду, который когда-то затратили на то, чтобы доставить сюда из неведомого далека такие каменные громады, ибо подобного камня не было ни в земле Мнара,

ни в соседних землях.

Вот так не осталось от древнего города Иба ничего, кроме каменного идола цвета зеленой озерной воды, который видом напоминал Бокруга, водяную ящерицу. Этого идола молодые завоеватели взяли с собой как символ победы над старыми богами и над жителями Иба, а также как знак своего господства на земле Мнара. Но в ту же ночь, когда они установили его в своем храме, случилось нечто очень страшное, ибо над озером видели тогда таинственные огни, а наутро люди обнаружили, что идол исчез, а верховный жрец Таран-Иш лежит в храме мертвый, с гримасой невообразимого ужаса на лице. Умирая, Таран-Иш из последних сил изобразил на хризолитовом алтаре Знак Рока.

Много верховных жрецов было в Сарнате после Таран-Иша, но зеленый, цвета озерной воды, каменный идол так и не был найден. Спустя многие века после того страшного и загадочного события Сарнат вырос и укрепился, в нем установилось благоденствие, и только жрецы и старухи помнили о знаке, начертанном Таран-Ишем на хризолитовом алтаре. Между Сарнатом и Иларнеком пролегал теперь караванный путь, и благородные металлы обменивались на дорогие

одежды, драгоценности, книги, инструменты для искусных ремесленников и прочие предметы роскоши, известные людям, населявшим берега реки Ай и окрестности. Так Сарнат стал вместилищем мощи, красоты и культуры; его армии завоевывали соседние города, и со временем правители Сарната стали повелителями не только всего Мнара, но и многих окрестных земель.

Прекрасный город Сарнат у всего мира вызывал восхищение и гордость. Стена, окружавшая его, сложенная из отполированного мрамора, достигала трехсот локтей в высоту и семидесяти пяти локтей в ширину, и наверху могли свободно разминуться две колесницы. Длина стены составляла добрых пятьсот стадий, и оба конца ее упирались в озеро, на берегу которого высокая дамба из зеленого камня сдерживала воды, которые один раз в год, во время празднования даты разрушения Иба, странным образом вздымались на удивительную высоту. В самом Сарнате пятьдесят улиц проходили от берега озера до ворот, от которых начинались караванные пути, и улицы эти пересекались пятьюдесятью другими. Мостовая почти везде была выложена ониксом, и только там, где проводили слонов, лошадей и верблюдов, было вымощено грани-

том. Все пятьдесят ворот Сарната были отлиты из бронзы и украшены фигурами львов и слонов, вырезанными из камня, который ныне совсем не встречается. Дома в Сарнате были выстроены из глазурованного кирпича и халцедона, и возле каждого располагался огражденный сад и бассейн из горного хрусталя. Здания отличались особой архитектурой, ни в одном другом городе не было подобных, и путешественники в Сарнат из Траа, Иларнека и Кадаферона восторженно любовались украшавшими их сияющими куполами.

Но самыми величественными в Сарнате были дворцы, храмы и сады, заложенные и устроенные в древности царем Зоккаром. Этих дворцов было много, и самый скромный из них превосходил по величию любой из дворцов соседних Траа, Иларнека и Кадаферона. Дворцы Сарната были так высоки, что, оказавшись внутри, можно было подумать, что находишься под открытым небом, а в свете факелов, пропитанных маслом из Дофера, на их стенах можно было увидеть огромных размеров росписи, изображавшие царей и ведомые ими войска, ошеломляющие своей красотой и вызывавшие у зрителя чувство божественного восторга. В этих дворцах было великое множе-

ство колонн, высеченных из цветного мрамора и украшенных прекрасными резными фигурами. В большинстве дворцов пол представлял собой мозаику из берилла, лазурита, сардоникса и других ценных камней, так что казалось, что идешь по девственному лугу, на котором растут самые красивые и редкие цветы. И еще во дворцах были изумительные фонтаны, испускавшие ароматизированную воду струями самых причудливых форм. Самым же прекрасным из дворцов был тот, где обитал царь Мнара и прилегавших к Мнару земель. Царский трон опирался на загривки двух золотых львов, припавших к земле перед прыжком, и много ступеней следовало преодолеть, чтобы подняться к нему от сверкающего пола. Трон был резным, из цельного куска слоновой кости, хотя, пожалуй, никому из ныне живущих не удастся объяснить происхождение столь огромного куска. В этом дворце было великое множество галерей и много амфитеатров, на арене для развлечения царей устраивались битвы воинов со львами и слонами. Иногда арены амфитеатров заполнялись водой из озера через мощные акведуки, и тогда в них устраивались различные водные состязания или бои между пловцами и разными смертоносными морскими

тварями.

Высокими и величественными были семнадцать храмов Сарната, напоминавшие огромные башни, — сложенные из яркого многоцветного камня, нигде более не встречающегося. Самый большой из них вздымался на добрую тысячу локтей, и верховные жрецы в нем пребывали среди невообразимой роскоши, едва ли уступавшей царской. Когда в него входишь, то попадаешь в залы, такие же просторные и великолепные, как и залы во дворцах; жители Сарната приходили сюда поклоняться Зо-Калару, Тамашу и Лобону, своим главным богам, чьи окуриваемые фимиамом священные изображения присутствовали на тронах монархов. Не в пример другим богам, лики Зо-Калара, Тамиша и Лобона были переданы настолько живо, словно это сами милостивые боги восседали на тронах из слоновой кости. Нескончаемая лестница со ступенями из циркона вела в башню с покоями, из которых верховные жрецы взирали днем на город, долину и озеро, а ночью молча смотрели на таинственную луну, наполненные глубоким смыслом звезды и планеты и их отражение в озере. В этом храме исполнялся древний тайный обряд выражения величайшего отвращения к Бокругу, водяной

ящерице, и здесь же стоял хризолитовый алтарь со Знаком Рока, начертанным Таран-Ишем.

Прекраснейшими были и сады, основанные древним царем Зоккаром. Они располагались в центре Сарната, занимая довольно обширное пространство, и были окружены высокой стеной. Сады накрывал огромный стеклянный купол, сквозь который в ясную погоду проходили лучи солнца, звезд и планет; а когда небо было затянуто тучами, в садах светились их подобия, свисающие внутри купола. Летом сады овевал ароматный свежий бриз, создававшийся хитроумным воздуходувным устройством, а зимой они отапливались скрытыми от глаз очагами, и потому в них царствовала вечная весна. Небольшие ручейки сбегали по блестящим камушкам среди зеленых лужаек, и через них было переброшено множество мостиков. Эти ручьи образовывали живописные водопады, а иногда расширялись в пруды. По ручьям и прудам плавали белоснежные лебеди, и пение экзотических птиц разливалось над волшебными садами чудесным журчанием. Зеленеющий берег поднимался от воды правильными террасами, поросшими плющом и обсаженными ярким цветами, и можно было бесконечно любоваться этим великолепи-

ем, присев на одну из многочисленных скамеек из мрамора и порфира. Во многих местах стояли маленькие храмы и алтари, у которых можно было отдохнуть и воздать почести малым богам.

Ежегодно в Сарнате праздновали дату уничтожения Иба, и в такие дни все пили вино, пели песни, танцевали и всячески веселились. Теням тех, кто уничтожил странных древних существ, воздавались почести, а память о жертвах жестокого набега и их более древних богах подвергалась насмешкам: увенчанные розами из садов Зоккара танцоры и одержимые изображали в непристойных плясках погибших жителей и богов Иба. А цари Мнара в это время обращали взгляд на озеро и посылали проклятия костям лежавших на его дне мертвецов.

Поначалу верховные жрецы не любили эти празднества, ибо хорошо знали зловещее предание о таинственном исчезновении зеленого идола и странной смерти Таран-Иша, который начертал Знак Рока на хризолитовом алтаре. С их высокой башни, говорили они, под водами озера иногда видны блуждающие огни. Но по прошествии многих лет, поскольку ничего ужасного не случалось, даже жрецы стали без страха участвовать в этих безумных оргиях. Да почему бы и нет,

ведь разве не они исполняли древний тайный обряд выражения величайшего отвращения к Бокругу, водяной ящерице? Так происходило в Сарнате, чуде из чудес, всю тысячу лет радости и изобилия.

Празднование тысячелетия разрушения Иба было роскошным сверх всякой меры. В землях Мнара начали говорить о грядущем событии еще за десять лет до его наступления, и накануне торжества в Сарнат съехались многие тысячи жителей Траа, Иларнека и Кадаферона, а также многие тысячи жителей других городов Мнара и земель вокруг. В предпраздничную ночь под мраморными стенами Сарната были возведены шатры князей и палатки обычных путешественников. В пиршественном зале в окружении веселящейся знати и услужливых рабов восседал царь Наргис-Хей, опьяненный старым вином из запасников завоеванного Пнофа. На столах было изобилие странных деликатесов: здесь были запеченные павлины с дальних холмов Лимплана, пятки молодых верблюдов из пустыни Бназик, орехи и пряности из рощ Сидатриана и жемчужины из омываемого волнами Мталя, растворенные в винном уксусе из Траа. Также было невообразимое количество соусов и при-

прав, приготовленных искуснейшими поварами со всего Мнара. Но наиболее изысканным угощением должны были стать выловленные из озера рыбины, каждая огромного размера, подававшиеся на украшенных алмазами и рубинами золотых подносах.

Царь и его свита пировали во дворце, с предвкушением поглядывая на ожидавшие их золотые подносы с необыкновенно вкусной рыбой, и не только они веселились в тот час — пир шел повсеместно, славную дату отмечали все жители и гости Сарната. В великой башне храма высших жрецов тоже началась пирушка, и князья соседних земель предавались возлияниям в раскинутых под стенами Сарната шатрах. Именно верховный жрец Гнай-Ках первым заметил, что от мрачных теней, отбрасываемых в свете почти полной луны великими дворцами и храмами на зеркальную гладь озера, навстречу луне поднимается зловещая зеленая дымка и окутывает зеленым саваном башни и купола рокового города. Затем и другие, наблюдающие из башен, стали замечать, что на поверхности воды появились какие-то странные огни, а серая скала Акурион, прежде возвышавшаяся над гладью озера неподалеку от берега, почти скрылась под водой. В

душах людей возник смутный страх, и князья Иларнека и далекого Рокола первыми свернули свои шатры и, не вполне понимая причину своего беспокойства, спешно удалились из Сарната.

Затем, ближе к полуночи, все бронзовые ворота Сарната внезапно распахнулись, и из них потекли толпы обезумевших людей, при виде которых стоявшие под стенами города князья и простолюдины в испуге бросились прочь. Ибо лица этих людей были отмечены печатью безумия, порожденного невообразимым ужасом, а слова, мимоходом слетавшие с их уст, передавали такой страх, что каждый услышавший тоже обращался в бегство. По раздающимся в ночной мгле воплям можно было понять, что в зале, где пировал царь со своей свитой, случилось нечто ужасное. Очертания Наргис-Хея и окружавших его знати и рабов, которые были четко видны в окнах дворца, вдруг стали выглядеть скопищем омерзительных безмолвных существ с зеленой кожей, выпуклыми глазами, толстыми отвислыми губами и ушами безобразной формы; некоторые из этих тварей кружились по залу в жутком танце, держа в лапах золотые подносы, украшенные алмазами и рубинами, и на каждом подносе горел язык пламени. И когда князья и обычные

путешественники, в панике покидавшие Сарнат верхом на слонах, лошадях и верблюдах, снова посмотрели на окутанное дьявольской дымкой озеро, они увидели, что серая скала Акурион совсем скрылась под водой. По всему Мнару и соседним землям поползли слухи о чудовищной катастрофе, постигшей Сарнат; караваны не отправлялись более к обреченному городу и его благородным металлам. Много времени прошло, прежде чем путешественники отважились снова отправиться туда, где стоял Сарнат, и были они из храброго и отчаянного молодого племени, золотоволосые и голубоглазые, не родственного тем племенам, что населяли Мнар. Эти люди достигли самого берега озера, желая посмотреть на Сарнат, но их глазам предстало большое тихое озеро и серая скала Акурион, возвышавшаяся над гладью озера неподалеку от берега, а чуда из чудес и гордости всего человечества они не увидели. Там, где прежде возвышалась стена в триста локтей, за которой стояли еще более высокие башни, простиралась однообразная болотная топь, кишащая отвратительными водяными ящерицами — вот что нашли путники на месте города, в котором обитало когда-то пятьдесят миллионов жителей. Шахты, в которых добыва-

ли благородные металлы, тоже исчезли. Роковая участь постигла Сарнат.

Но на месте исчезнувшего Сарната оказалось не только кишащее ящерицами болото. На берегу обнаружился странный каменный идол, видом напоминавший Бокруга, водяную ящерицу. Этого идола доставили в Иларнек и поместили там в одном из храмов, где жители со всего Мнара, когда приближалось полнолуние, воздавали ему великие почести.